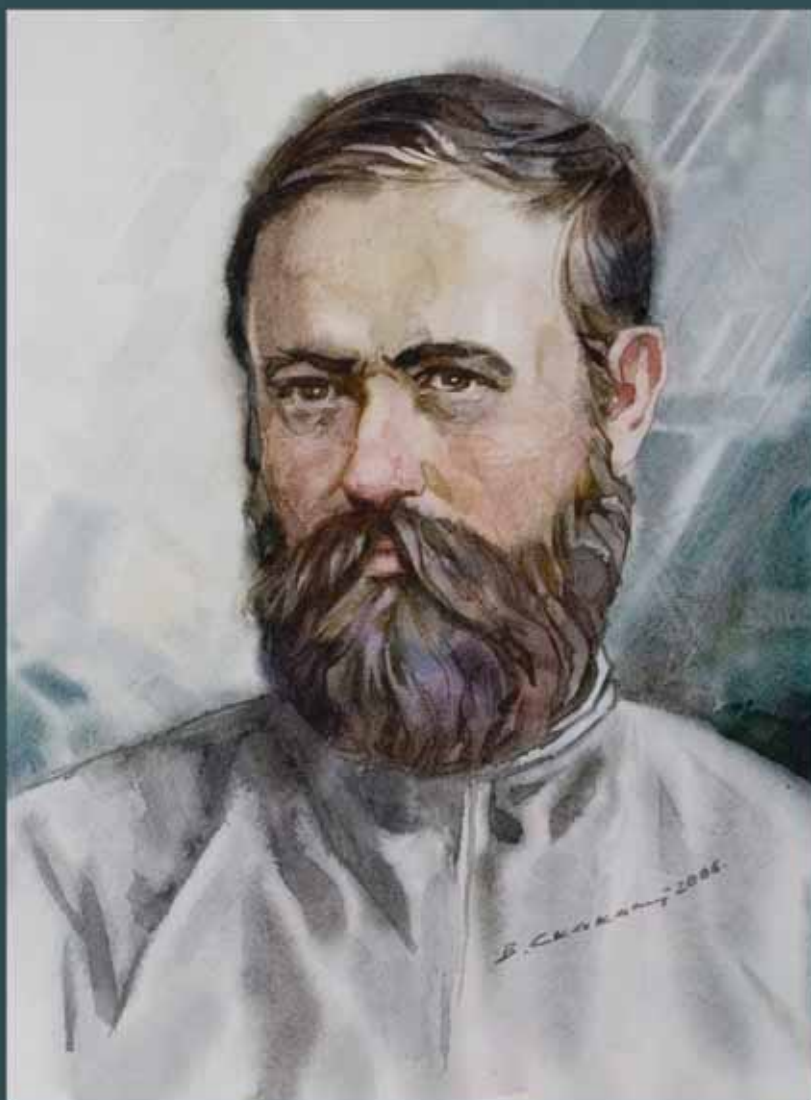

Анатолій Кралицький

ТВОРЫ

РУСИНСЬКА КЛАСИКА
СЕРІЯ

Анатолій Кралицький

Toto vydanie uzrelo svet na hranici rokov 2019 a 2020 na výročie
dvoch významných jubileí
slávneho zakladateľa karpatorusínskej prózy –
Anatolija Kralického –
125. výročie od dátumu úmrtia
a 185. výročie od dňa,
kedy spisovateľ prišiel na tento svet.

Сесе видання увиділо світ на межі 2019 и 2020 років на память
двох важных юбілеїв
познатого зачинателя карпаторусинської прозы
Анатолія Кралицького –
125-ой рочниці од дня смерти
и 185-ой рочниці од дня,
коли писатель прийшов на сесь світ.

Анатолій Кралицький безмірно надав ся, обы досягнути предначертану ціль. Ніт алманаха, ніт місяцослова, майже и єдного числа новинки – ани єдного видання у нас, де бы сьме ся не стрітили из имням отця Анатолія Кралицького... Кобы нам веще сяких Анатоліїв Кралицьких, угроруська література стояла бы не там, де вна днесь ся находит.

Євгеній Фенцик, 1893

Lze s plným právem říci, že Anatolij Kralickij je typ národního buditele. V dějinách podkarpatoruské kultury literární patří mu místo hned vedle Aleksandra Duchnoviče a Aleksandra Pavloviče.

František Tichý, 1936

Цалком справедливо буде повісти, же Анатолій Кралицький є то тип національного будителя. В історії підкарпатурської літературной культуры він ся заслужив стояти обок Александра Духновича и Александра Павловича.

Франтішек Тіхі, 1936

12.02.1835—11.02.1894

Анатолій Кравушкін

Анатолій Кралицький

ТВОРЫ

Вшорителі:

Валерій Падяк

Міхал Павліч

Пряшів

Видавательство Пряшівського універзитета

2019

Анатолій Кралицький (1835–1894) – писатель, публіциста, історик, етнограф, монах греко-католицького Чина св. Василя Великого, игумен Мукачевського монастиря. Лишив по собі поверх 400 творів. Своєв безмірнов енергієв творця, талантом писателя-романтика, усиловностєв літописця ся здвиг до ліпших достойників карпаторусинської літератури doby будительства.

Книга выбратых творів на днесь є майповнішим зобраням ёго творчого наслідства – главно, умелецькой прозы, але тыж перекладів, мемоарів, публіцистики и етнографічных изглядовань.

Рецензенты:

Доц. **Володимир Фенич**, CSc. (Ужгородський університет)

Мгр. **Зденка Цітрякова**, Пгд. (Пряшівський університет)

Вшорителі:

Мгр. **Валерій Падык**, CSc.

Мгр. **Міхал Павліч**, Пгд.

Спередслово, додаткы, текстові зазначкы
и языкова управа (транслітерація)

Мгр. **Валерій Падык**, CSc.

Realizované s finančnou podporou Fondu na podporu
kultúry národnostných menšín.

ISBN 978-80-555-2344-6

© Ідея серії "Русинська класика", В. Падык, 2019

© Вшореня текстів, В. Падык, М. Павліч, 2019

© Спередслово, В. Падык, 2019

© Додаткы, текстові зазначкы, В. Падык, 2019

АНАТОЛІЙ КРАЛИЦЬКИЙ: ЖИТЯ – ЛІТЕРАТУРА – НАРОД

Вступ

Stejně naléhavá jest potřeba vydati beletristické spisy Kralického v souboru, jakož i vydati výběr jeho historických a především národopisných.

František Tichý, 1936

Май неодкладнов є потреба опубліковати умелецькі твори Кралицького окремов книжков, а тыж опубліковати избєрку ёго історичных творів, у первім ряді – етнографічных.

Франтішек Тіхі, 1936

Тісно на межи 2019 и 2020 років на память двох важных юбілеїв познатого зачинателя карпаторусинської прозы Анатолія Кралицького (12.02.1835–11.02.1894) – 125-ой рочниці од дня смерти и 185-ой рочниці од дня ёго роження – у Пряшові за подпory Фонду про народностні меншины – Kultminor – увиділа світло світа сеся книга ёго умелецькой прозы, але тыж перекладів, мемоарів, публицистики, історичных и етнографічных изгядовань. «Твори» репрезентувут сочасному русинському читателю Анатолія Кралицького як унікатну особность русинської културы, літературы и історії doby будительства. Родак Лабірської долины, василіанський монах, овін своєв енергієв творця, а тыж талантом літератора-романтика и своєв безграничнов фантазієв принутив читателя увіровати у то, што меже монастырськыма мурами, а то у Краснобродському,

Маріяповчанському и Мукачевському на Чернечів горі монастирях, є то майліпшое и майблагословенное місто, де ся може провказовати и процвітати карпаторусинська література, де живі образы, припозерані у реалнім житю простого русина, акурат туй, у келії, яло бы, гы діамант, брусити, отточувучи характеры літературных тіпажів, и се акурат туй, під изводами ёго монашой келії, кипіли страсті, розбивали ся судьбы, выказовали ся любовні чувства, проливали ся слызы, звучав предсмертний гойк Лаборця и пораз весела, пораз смутна, тужлива новта сопілкы полонинського пастыря...

Иншак повісти, життя Кралицького перебігало у трёх монастирях; и туй, у монастирськів келії, ёго серце не стало холодным ид духовным потребам свого народа и вшиткі силы своєї душі він поклав на олтарь карпаторусинської духовности. Як пригадовав ищи за життя писателя ёго сподвижник підкарпатський писатель Євгеній Фенцик, «Анатолій Кралицький безмірно надав ся, обы досягнути предначертану ціль. Ніт алманаха, ніт місяцослова, майже и єдного числа новинки – ани єдного видання у нас, де бы сьме ся не стрітили из имням отця Анатолія Кралицького... Кобы нам веце сяких Анатоліїв Кралицьких, угроруська література стояла бы не там, де вна днесь ся находит»¹.

Бібліографія А. Кралицького, вшорена у 1994 році в Ужгороді, набуває скоро 400 ёго творів: повісті, оповідання, історичні начерки, етнографічні изглядованя, публицистичні статі, нравоучительні приповідкы, літургічні выясненя, церковні проповіді, статистичні изгорнення, иншакі публикації².

Межи тым, А. Кралицький обставав доста скромнов персонов – він ся не змагав позберати стовкы своїх журналных и газетных публикацій до даякой зберькы ци, яло бы повісти, – до дакілко таких книжок. Видав, одкладав то до майліпшых часів – коли веце буде мати вольного часу, а, главно, фінансовых можностей. Умер А. Кралицький односно молодым – ани ся не дожив свого 60-літя. По ёго смерти и до днесь было лем дакілко провб ци, ліпше повісти, попыток вшорити ёго творчість, але по тых зборниках так из обсягового бока, як из методичного и концептуального Кралицький

1 ФЕНЦИКЪ, Е. Очеркъ Угро-русской письменности. In: *Листокъ*. – Унгваръ, 1893, ч. 5, с. 55.

2 ПАДЯК, В., ІЛЬЧЕНКО, Л. о. Анатолій Кралицький: Бібліографічний покажчик. – Ужгород, 1994, 112 с.

обстав неизвістнов сочасному читателю літературнов и культурнов особностей своєї doby³.

Знаєме добрі, же пережі політичні режими на Підкарпатю никус ся не силовали ширити твори карпаторусинської літератури. Авадь тіражовали тоты твори у гет поукраиненому варіанті. Як то было у припадку А. Кралицького, тіражовали ся лем дакілко ёго майпознатых оповідань. Айбо далшых 90 % творів обставали некывані изглядователями XX и зачатку XXI столітій; то значит, послідный раз были напечатані за жита писателя – ищи до 1894 рока!

Днись нам дуже хиблят тоты публикації. Час иде – маєме добрі ся распорядити культурным наслідством свого талантованого предходника. И сесе стало алфов и омегов изглядовательського інтереса про вшорителів сёгорочного пряшівського книжного проекта выбратых творів А. Кралицького.

Довкола 12 фебруара 1835 рока

Чабины

...Округ Лаборский Пряшевской епархії – околиця, розложившаяся у самой подошвы Бескидов, місто моего рожденія, где первый раз я узріл світ Божий!

А. Кралицький, 1864

Нові архівні одкрытя мінявут нашу представу за жита и творчость А. Кралицького, ёго ідейні глядана, національні и языкові орієнтації. Шкода, але и автобіографію він не лишив по собі,

3 Главно иде за три публикації творчого наслідства А. Кралицького : 1) добір из 6 творів у зборнику під назвов «Хрестоматія нової закарпатської української літератури» (Bratislava, 1964), яку вшорили Ю. Бача и О. Рудловчак; 2) «Анатолій Кралицький: Розвідка і вибрані твори» (Пряшів, 1984), котрі выдала Й. Голенда у Словакіи и 3) «Кому мила есть отчина» (Ужгород, 1998), котру вшорив В. Падык.

У році 1989 році В. Падык вшорив на тот час майповне видання творчости А. Кралицького; тотя книжка під назвов «Князь Лаборець» уж ся ладила у печатъ в ужгородськiм видавательствi «Карпати». Айбо політичні трансформації, як то пад Советського Союза и далшой фiнансовою истрахованя штатного видавательства «Карпати», стали причиною тому, же тот книжный проект выбратых творів А. Кралицького уж нигда ся не изреализовав.

а метрика ся не всокотила. Зато днесь изглядователі творчости А. Кралицького фокусувуть увагу на многі незнамі міста у ёго житю: коли ся родив, де ходив до закладной школы, ци скончив даяку гімназію, де скончив духовну семінарію, што майвеце повплывало на ёго національні і языкові орієнтації? А то – десятки вопросів, на котрі изглядователі не мавут ясный отвіт!

Зато у нашів статі убернеме ся тыж на темні міста дїтвацтва и юности Кралицького: коли и де ся родив А. Кралицький, коли го покрестили, ко были ёго отець и мати, кїлько дїтей вони мали, де ся учив А. Кралицький – и аж до вопросів: яку здобыв освіту, коли и де став ся монахом? Иде за роки од 1835-го и до 1858-го. Иншак повісти, были то роки становеня ёго характера, інтелектуального роста особности, формованя інтересів, а тыж національных и языковых орієнтацій.

Перву біографію А. Кралицького, и то доста курту, подав Євгеній Фенцик у 1893 році у свому великому історично-літературнім изглядованю «Очерк Угро-русской письменности»⁴. Подав ї ищи за житя писателя Кралицького (котрого він добрі знав) – фактично за 11 місяців до ёго необчекованой смерти. Туй, ниже, подаєме без даяких покуртань тоты пар шориків Фенцикового текста, обы зримо мож было видіти, што цілою житя А. Кралицького умістилося у даякі 8-9 шориків журнальной статі:

«Отець Анатолій родился въ Чебинномъ въ Земплинскомъ комитатѣ 12-го февраля 1835 года, рукоположенъ въ іеромонахи 1858-го года 25-го марта епископомъ Іосифомъ Гаганцемъ въ Пряшевѣ, черезъ полгода опредѣленъ въ Марія Повчанскій монастырь, гдѣ состоялъ профессоромъ церк. исторіи и каноническаго права. 1863-го года избранъ модераторомъ новичковъ, а 1869-го года игуменомъ Мукачевскаго монастыря, въ которой должности и днесъ труждается для блага нашей церкви, монашества и нашего народа»⁵.

Як мож видіти из текста первого біографа мукачевського монаха, Є. Фенцик (котрый набізувно напряду ся убертав до А. Кралицького, коли складав ёго біографію) ясно и недвозначно зафіксовав

4 Сесь очерк автор Євгеній Фенцик публиковав на продовженя в ужгородськїм часописі «Листокъ» у 1892–1894 и 1896 роках.

5 ФЕНЦИКЪ, Е. Очеркъ Угро-русской письменности. In: *Листокъ*. – Унгваръ, 1893, ч. 5, с. 55.

родный день и рік писателя – 12 фебруара 1835 рока. Межи тым, за діточі и юнацькі роки біографія не уміщує докус ниякой інформації. Межи роками 1835 (коли ся родив) и 1858 (коли у віці 23-ти років став ся ієромонахом, то значит монахом, котрый тыж мав право вести службу божу) біографія не пригадує ани єден факт из житя А. Кралицького.

У сёму контексті изглядователям літературного процеса у русинів вартує мати веце правдивых інформацій за дїтство и юність, роки ошколованя А. Кралицького, котрі мавут нехотьякой значеня.

Ищи за житя А. Кралицького там-сям проскочило дакілко неправдивых інформацій за рік, коли ся А. Кралицький народив. Видав, первым, хто ся пустив хыбы (там ся пише за 1834-й рік!), був Шематизм на 1873 рік, хотяй иде туй лем за печатну хыбу⁶.

Годно быти, же акурат из того шематизма на зачатку 1890-х років начеряв біографічні відомости молодой професор Ужгородської гімназії Євменій Сабов (1859–1934), коли писав літературно-історичне изглядованя «Очеркъ литературной дѣятельности и образования карпатороссовъ». Сесю публикацію як своєродне позадслово Є. Сабов дав до свого важного научного труда – первой у русинів хрестоматії карпаторусинської літературы; и туй ся акурат пише, же «А. Кралицкій родился въ 1834 году...»⁷.

Славист и історик из Росії Євгеній Перфецький у статі «Обзор Угродорусской исторіографіи», котру він написав ищи як аспірант у 1913 році у Відню, тыж ся додержовав 1834-го року роженя; и то зато, бо, як він пише, «Эти біографическія данные о Кралицкомъ любезно мнѣ были сообщены его племянникомъ – Мефодіемъ Кралицкимъ, игуменомъ Мстичевского монастыря»⁸.

Як видиме, ани научники, ани пятдесятрочный братанич (братняк) А. Кралицького отець Мефодій⁹ не мали метрики Кралицького.

6 Шематизм русскаго иночествующаго духовенства въ Угрии на 1873 годъ. – Унгварь, Типографія вдовы Карла Іегера, 1872, с. 5.

7 САБОВЪ, Е. Очеркъ литературной дѣятельности и образования карпатороссовъ. In: *Хрестоматія церковно-славянскихъ и угро-руссскихъ литературныхъ памятниковъ* / Сост. Е. Сабовъ. – Унгварь, 1893, с. 204.

8 ПЕРФЕЦКІЙ, Е. Ю. Обзоръ Угродорусской исторіографіи. In: *Извѣстія отдѣленія русскаго языка и словесности императорской Академіи наукъ*. – Т. XIX, Книга 1-я. – Сп-б, 1914, с. 313.

9 о. Мефодій Кралицький (1863–1945), братанич А. Кралицького, тыж став монахом; умер и похороненый на цвынтарю Мукачевського монастыря на Чернечій горі.

Неправдива інформація за день и рік роження А. Кралицького, намішана правдивов, од зачатку ХХ століття скоро ся поширила по многих домашніх и заграничных виданях – так русофілських и украинофілських, як русинофілських. Напримір, В. Бірчак у 1921¹⁰ и П. Федор у 1929¹¹ році, а анонімный публікатор [Августин Волошин] оповідання Кралицького «Князь Лаборець» у 1925¹² році приставали на то, же прозаїк ся родив у 1934 році (день и місяць вни не вточняли). На другім боці, чеський літературознаватель Фр. Тіхі писав, же монах Кралицький ся родив 13.02.1835 рока¹³. А историк літератури Є. Недзельський у 1932 році¹⁴ и автор анонімной сінтезы «Исторія подкарпаторуськой литературы» (угадує ся, же був то Степан Добош) у 1942 році¹⁵ придержовали ся 1935-го рока роження (день и місяць вни тыж не вточняли).

По Другій світовій війні нич ся не поміняло – изглядователі творчости А. Кралицького приставали (и то до днесь!) на єдну авадь другу дату, авадь уточняли, же суть дві дати роження писателя. Што свыше, не знали, де був покрещеный, ци направду був крещеный як Александер, бо Анатолій – то монашой ёго имня, котрое носив лем по року 1858!

Гляданыя отвїта на тоты вопросы привело нас до Мадярщины – у 2006 році мали сьме серенчу однайти копію того крестного свідѣтельства. Однайшли і там, де и мала бы быти, – в архіві Земплинської жупы у вароші Шаторальяуйгей (днесь жупанія Боршод-Абауй-Земплин у Мадярщині). Земплинський архів (Zemplén Levéltára) має копії метрик и иншакі адміністративні документи XVIII–XIX столітій цілою Земплинської жупы, котра днесь є частёв Словакії, хотяй

10 БИРЧАК, В. Литературнѣ стремлѣня Подкарпатскоѣ Руси. – Ужгород, 1921, с. 75.

11 ФЕДОР, П. Очерки Карпаторусской литературы со второй половины XIX столѣтія. – Ужгородъ, 1929, с. 66.

12 Анатолій Кралицкій. In: *Князь Лаборець*: Исторична повѣсть из IX вѣка Анатолія Кралицкого / Выдавництво Товариства «Просвѣта» в Ужгородѣ. – Ужгород, 1925, с.4.

13 TICHÝ, Fr. Anatolij Kralickij (Přspěvky k studiu jeho života i díla). In: *Carpatika: Sbor pro výzkum Slovenska a Podkarpatské Rusi při Slovanském Ústavu v Praze* / řídí K. Chotek. – Praha, 1936, s. 355.

14 НЕДЗЬЛЬСКІЙ, Е. Очеркъ карпаторусской литературы. – Ужгородъ, 1932, с. 198.

15 Исторія подкарпаторуськой литературы. – Унгвар, 1942, с. 46.

варош Шаторальяуйгей (южна часть той жупы) по Первій світовій війні обстав у складі Мадярщини.

У так называній «Книзі архівних копій конфесійних записів Земплинського комітатиза 1821–1895 роки» є тиж розділ інформації Чабинської парохії. Помеже метричні записи Чабинської парохії акурат за 1835 рік находиме відомости за крещеня у церкви с. Чабины А. Кралицького¹⁶: 13 фебруара 1835 рока у церкви с. Чабины (**Csebiny**) чабинський парох Михаил Якович покрестив дїтвака на имня Александер (**Alexander**) од родителів: кантора чабинської церкви Федора Кралицького (**Theod. Kralicky, kantor Csebenie**) и Анни Конч (**Anna Koncs**). Тримали дїтвака у церкви нанашко – містний житель Иван Маркович и нанашка – Анна Якович, дочка чабинського пароха.

Архівна інформація Земплинського архіва потвержує відомости первого біографа Є. Фенцика и не лишає ани цятки про даякой сомніваня – Александер Кралицький ся родив 12 фебруара 1835 рока, а на другий день був покрещений! Сесю правдиву інформацію током далших років мы активно поширївали, публікувучи статі за житя и творчость Кралицького; сочасні научники, котрі ся заоберавут творчостїв А. Кралицького, у сїму вопросі усе ся можут удкликати на наші публікації¹⁷.

16 *Zemplén Levéltára: Zemplén vármegyei felekezeti anyakönyvi másodpéldányok levéltári gyűjteménye. 1821–1895.* – Fond 4, 1420, old. 73.

17 *Позирай хоть бы:* ПАДЯК, В. Нижній Земплин – русинська terra incognita-2: Міжнародна наукова конференція пам'яті письменника та історика, ігумена мукачівського монастиря А. Кралицького завершилась... сенсацією. In: *Старий Замок Паланок*, 6-12 квітня, 2006, с. 12; ПАДЯК, В. Анатолий Кралицкий и русская литература. In: *Русская культура Закарпатья : альманах 2006* / сост. : А. Е. Луговой, Л. П. Бородин. – Ужгород, 2006, с. 144-147; ПАДЯК, В. Солодкий спомин: Марія-Повч (в Угорщині відкрито меморіальну дошку русинському письменникові Анатолію Кралицькому). In: *Старий Замок Паланок*. – 2006. – 16-22 лют., с. 13; ПАДЯК, В. Анатолий Кралицький – писатель познатый и неизвѣстный. In: *Русин*. – 2019. – Число 2, с. 1-3.

Позирай тыж монографічні изгядованя: ПАДЯК, В. Нарис історії карпаторусинської літератури XVI–XXI століть. – Ужгород, 2010, с. 77-82; ПАДЯК, В. Нарис історії карпаторусинської літератури XVI. – XXI. стороча. – Пряшів, 2012, с. 61-65; ПАДЯК, В. Нарис історії карпаторусинської літератури. – Торонто, 2016, с. 77-82; PADIAK, W. Historia literatury karpackorusińskiej / przekład : K. Jopek. – Krosno, 2017, s. 127-134.

Кралицькі

Чабины

...когда мы писали: anno Domini 1850., пишущий эти строки был 15-ти летним юношей и напишет все с памяти.

А. Кралицький, 1888

О, є девять – вельке число
В худобной родині
Ой, вера, нас только было
В нашей фамелії.

А. Кралицький

Копія родного листа (крестного свідительства), котра ся однайшла в Земплинському архіві («Книга архівных копій конфесійных записів Земплинського комітатa за 1821–1895 роки») уміщує далші важні відомости, якто: имня новокрещеного (Alexander), містобываня родини Кралицьких (офіційна назва села: Csebeny), соціальний статус вітця (kantor Csebenie, то значит кантор, авадь дяк чабинської грекокатолицької церкви).

Далші відомости за родину Кралицьких доста курті и майже нияк ся не потвержувут архівными документами. Начеряли їх научники назад из пригадовань отця Мефодія, братанича А. Кралицького, котрый повідав історику Євгенію Перфецькому за родичів А. Кралицького та перві роки житя їх сына Александра. Чеський изгладователь Франтішек Тіхі, котрый ищи на зачатку 1930-х років зачав выучовати літературне наслідство А. Кралицького, убернув увагу на тоты слова о. Мефодія (він поважає їх за правдиві): «Podle sdělení pocházeli předkové z Haliče, z okolí Strije; Anatolij nabył prý vzdělání v Haliči. Avšak zdá se, že záhy vstoupil do kláštera v Krásném Brodě v svém rodném kraji»¹⁸ («Подля приказованя, предкове походили из Галичины, од Стрия; Анатолий здобыв освіту у Галичині.

¹⁸ TICHÝ, Fr. Anatolij Kralickij (Příspěvky k studiu jeho života i díla). In: *Carpatika: Sbor pro výzkum Slovenska a Podkarpatské Rusi při Slovanském Ústavu v Praze* / řídí K. Chotek. – Praha, 1936, s. 355.

Єднак недовга, як випозірує, він вступив до монастиря у Красному Броді у рідному регіоні»).

Коли кажут за галицьке (то значит, бойковське) коріня, видав, иде лем за предків по вітцівській лінії. Бо мати А. Кралицького (у дівоцтві Анна Конч) походит из ближнёго до Чабин села Світлиці, авадь, подля старой назвы – Вілагы (тыж округ Міджілабірці). Годно быти, же Федор Кралицький усе ищи мав (близьку ци далеку) родину помеже бойків, але тяжко віровати, жебы чабинський дяк, отець 11-членной родини, мав можность дати своему старшому сыну ошколованя десь инде – не на селі, айбо аж у Галичині. Межи тым, отець як церковный дяк міг мотивовати сына ити ся ошколовати до сосідного села Красный Брод, де при монастырю была добра школа.

Набізувно, любов до просвіты малому Александру прискіпив отець. Быв то вошколований чоловік. Видав, дома у Чабинах, при вітцёви сын Александер (и далші діти) научали ся читати и писати. Была то многодітна фамилія, у котрів ся вихововало аж девять діточок: Юля, Терка, Александер, Антон, Маня, Мішко, Зузка, Стефан, Анна. Александер родив ся як третій дїтвак у родині и був то старшый сын.

Тоты відомости изгядователі начеряли из рукописного исшитка, котрый даколи належав родині Кралицьких, але котрый пак одідичив професор Пряшівської грекокатолицькой учительської семінарії Михаїл Кізак, коли, писав, як про сесе пригадовав Ф. Тіхі¹⁹, дісертаційну роботу и ладив у печать даяке монографічне изгядованя за жита и творчость А. Кралицького²⁰.

Франтішек Тіхі подав у своїв статі даякі курті фрагменты из того рукописного исшитка. Выдтак, дякувучи чеському изгядователю, днесь маєме хотьяку представу за діточі и юнацькі роки А. Кралицького. Рукописный исшиток подля обсяга є співаником, він числит три нумеровані и 35 нумерованых листин. Нумеровані сторонкы уміщувут 44 співанкы.

Домінантов того исшитка про изгядователів суть нумеровані

19 TICHÝ, Fr. Anatolij Kralickij (Přispěvky k studiu jeho života i díla). In: *Carpatika...*, s. 369-371.

20 Ци дописав М. Кізак свою монографію и ци была вна опублікована – за сесе ниякой інформації однайти ся не подарило. Тыж не маєме інформацій, ци ся всокотив рукописный співаник А. Кралицького.

сторонки. На третьому такому листі (што обстав без пагінації) руков 16-рочного Александра Кралицького написаный атсякий текст²¹:

Глава Б(о)гѹ единому вѣ Тро(и)цѣ с(вя)той славимому.
Бію книжицѹ, рекомѹю Пѣснѣ, яко ничтоже в себѣ вѣрѣ с(вя)той
каѳолической противное имѹщѹ, но паче кѣ благо-чтѣшительному
пѣснопѣнію, благихъ нравовъ дѹши полезное, списанны сѹть
Александромъ Кралицкимъ во веси Чабинахъ, при храмѣ святаго Отца
нашего Николая, мѹрѣ ликийскихъ чѹдотворца.
Зкончася м(ѣ)с(я)ца мая 23-го года АОНА 1851.

Дахто из научників, як то, приміром, Ф. Тіхі, котрый тримав за вшорителя того співаника, не самого Александра, але вітця ёго Федора, дяка чабинської церкви, надіяв ся, же новой изглядованя проф. М. Кізака докаже правильность ёго предположеня. Подля чеського кралицькознателя самый Александр у сесь час не міг быти на селі, бо «...byl v té době zajištěn již z domu na studiích. Jsem přesvědčen, že matrikovú a jiný materiál, který má kol. Kizak po ruce, toto mé mínění jen potvrdí»²² («... він, ясною діло, пішов уж из дома на студії. Я пересвідчений, же робота из метриками и другі матеріали, котрі має під руков колега Кізак, потвердят тоту мою гадку»).

Але, на другім боці, кидь знати, же уж од року 1850 и у далшім 1851році кореспонденції до віденського часописа «Вѣстникъ для Русиновъ Австрійской державы» заганяв кріптонім «А. К.», котрый, правдоподобно, належав А. Кралицькому, мож легко пристати на гадку, же акурат чабинський вундеркінд, котрый, як на свої роки, мав добру освіту и не лем же вшорив чабинський співаник, але тыж активно застачав Відень кореспонденціями од Чабин авадь од Краснобродського монастыря («от Русиновъ береги и рѣку Лаборскую обитающихъ») ²³.

Тым другим текстом у чабинськім исшитку, котрый выкликуе майвеце вопросів, є стих під назвов «На памятку», написаный на другому листі (што тыж обстав без пагінації). Текст подля содержания є

21 Сесь текст подаєме го подля vydania: TICHÝ, Fr. Anatolij Kralickij (Přspěvky k studiu jeho života i díla). In: *Carpatika...*, s. 370.

22 TICHÝ, Fr. Anatolij Kralickij (Přspěvky k studiu jeho života i díla). In: *Carpatika...*, s. 370.

23 А. К. Поздравленіе «Вѣстника» отъ Русиновъ береги и рѣку Лаборскую обитающихъ. In: *Вѣстник... для Русиновъ Австрійской державы*. – Вена, 1850, № 24, С. 44; А. К. Отъ рѣки а береговъ Лаборскихъ. In: *Вѣстник... для Русиновъ Австрійской державы*. – Вена, 1851, № 37, С. 147.

автобіографієв и несе інформації за дитство Александра – угадує ся, же Александра Кралицького.

Стих не має скоро ниякой умілецькой годноты – иде лем за даякий рітмізований текст. Тот стих тыж не містить датованя. Ниже подаєме сесь текст:

На памятку

Мой отецъ рускій дякъ
и матиръ мнї мили
Въ Вишнихъ Чабинахъ
Хрестити велѣли.

Там бо суть ті чесни люде
Рускы-українци,
Котри въ той чесности мене
На дальше учили.

Достав мено Александеръ
Третій емъ бывъ въ рядѣ.
Не забуду ани теперъ
Шість дѣвчат, три хлапци.

Перша Юля, друга Терка
Третій емъ бывъ я самъ,
Антін, Маня, Мишо, Зюзка
Стефанъ аѣ Анна.

О, е девять – вельке число
Въ худобной родинѣ
Ой, вера, насъ только было
Въ нашей фамеліи.

Дахто из научників означує сесь текст як «автобіографічний стих», написаний (церузов) руков А. Кралицького (Ф. Тіхі: «*tužkou papsánu*»²⁴). Межи тым, миче ся в очи єдна важна одлика авторської каліграфії – текст «На памятку» іскладений печатныма буквами, айбо неопытнов авадь слабов руков (писав дітвак? малограмотный чоловік? авадь паралізований?). Приміром, туй не всягде по тексті чіткой написаня літеры «И», котра, приміром, у слові «хрестити»

24 TICHÝ, Fr. Anatolij Kralickij (Příspěvky k studiu jeho života i díla). In: *Carpatika...*, s. 370.

пригадує літеру «Н». Туй мож говорити и за літеру «Ъ», котру автор не поклав у слові «Антін». А тьж – за написаня у слові «Александръ» (за старов правописнов нормов) старославянської літери «кси» (К), котру автор поклав нарубы, гейбы не знавучи, як треба ї писати.

Ци мож пристати на вто, што сесь рїтмізований стих був написаний руков юного Александра, котрый на тот момент стояв ищи лем при зачатках процеса ошколованя? Оtvіт на сесь вопрос ясно ся провказує из самого текста – ніт, не міг! Бо автор автобіографії (у часовому изміряню) доста оддалено одстоїт од свого дїтвацтва и пише из позиції набытого опыта, де опорнов точков є (зримо ци незримо!) глагол «быти»: «Не забуду ани теперь...», «...насъ только было», «Котри въ той честности мене / На дальше учили».

Што свыше, хоснованя у сёму стиху такого маркера національной ідентичности як «Рускы-українцы» годно израдити вік автора. Вно было характерной про самого А. Кралицького лем од зачатку 1860-х років, коли він пристане на русофілство и чітко ся оприділит из парадїгмов «язык – діалект – говор», де український язык буде мати (односно «руського» языка) статус «діалекта», а русинська бесіда – статус «говора» односно українського «діалекта». Як писав А. Кралицький, «нет народа без особаго языка, но есть народы, не имеющіе истории, или народы неисторическіе». Выдтак, юго-западна часть ареала ширеня «руського» языка – се «малорусскій діалект» и «к последнему принадлежим и мы, Угро-россы»²⁵.

Ціле, 25-рочный А. Кралицький (по вшитких своїх «універзітетах», уж як пішов у широкий світ) у націоналнім контексті міг ся ідентіфікувати трояко: як «руський» (широкий контекст), «руський-украинець» (середній контекст) и «русин» (локальний контекст). Але 15-рочный юначиско, дописувучи из свого лабірського округа до віденського «Вѣстника...», позиціоновав себе лем як русин («отъ Русиновъ»). Бо так то было заведеной по селах Лабірської долины – и за житя Кралицького, и в далшу добу. Франтішку Тіхі, у своїх намагах розкрити значеня народностного ідентифікатора «Рускы-українцы», мусай было признати: «У ріднім краю автора тримали ся и до днесь ся тримавут народного имня «Русины»²⁶.

То ци міг А. Кралицький быти автором того стиха, кидь пристаєме

25 И. В. Языкъ и словесность. In: *Листокъ*. – Унгваръ, 1888, № 19, с. 289-292.

26 TICHÝ, Fr. Anatolij Kralickij (Přspěvky k studiu jeho života i díla). In: *Carpatika...*, s. 371.

на вто, што текст бѣв писаный не ёго руков? Подля стилістичных знаків, автором сёго текста є, акурат, А. Кралицький. Але хто списав ёго текст до чабинського исшитка из народныма співанками – на сесь вопрос отвѣта на днись не є!

Сякі стихи, писані «на память», «на вічну памятку» А. Кралицький знав писати, из того што знаєме, у 1860-і roky. Приміром, коли у 1869 році у селі Липча (днись Закарпатська область, Украина) поставили нову деревляну церкву, А. Кралицький не лем же на свою *camera obscura* (прототіп фотографічної камеры) исфототкав містного майстра-самоука Василя Мелцера у день піднимання креста на турню новой церкви, але тыж написав рітмізований текст «Памятное»²⁷:

Всімъ по насъ живущимъ
на вічну памятку
Мелцеръ Василія
приношу на гадку.

.....
Рожден въ Мармароши
у Липши гласящей
а при Надъ Акъ рѣки
недалеко сущей.

.....
Сія тоже вежа
Руковъ его дѣло
На нь же токмо зрѣти
Всѣмъ Русинамъ мило.

Се здѣ зрѣмый образъ
Фотографомъ знятый,
Его же достойно
Въ памяти держати.

27 Повный текст того стиха, а тыж научне изглядованя за А. Кралицького як первого фотографа-аматера на Підкарпатю и тыж рукопис ёго фотографічного poradnika під назвов «Фотографія» *позирай*: ПАДЯК, В. Невідомий фотограф Анатолій Кралицький. In: *Науковий збірник Музею української культури у Свиднику*. Т. 18 / упоряд. М. Сополига. – Братіслава; Пряшів : Словац. пед. вид-во в Братіславі, Від. укр. літ. в Пряшеві, 1992, с. 199-206; ПАДЯК, В. Фотографував... Анатолій Кралицький. In: *Закарпат. правда*. – 1986. – 22 берез., с. 4; ПАДЯК, В. Невідомий фотограф Анатолій Кралицький. In: *Світло й тінь : український. фотомистецький журнал*. – 1993. – № 2, с. 2-3.

На вічну памятку на свого честованого краяна о. Анатолія (Александра) Кралицького у Чабинах стоїт скромный памятник. Як писала 20.05.1994 р. новинка «Нове життя», 12 мая 1994 рока туй у селі з нагоды 160-річного юбілея А. Кралицького одбыли ся славы и ся-точной одкрыта обновеного памятника. (Автором обновеной верзії є академічний скульптор из Высокой школы умілства у Братіславі Юрій Гавула). На памятнику під реліфным зображенём А. Кралицького майстер вирізьбив грекокатолицький крест и текст в украинськім языку:

о. АНАТОЛІЙ КРАЛИЦЬКИЙ
БУДИТЕЛЬ РУСИНІВ-УКРАЇНЦІВ
ЧАБИНИ 1834 — 1894 МУКАЧЕВО

ЧСВВ
Вічная память

Школованя

Чабины – Красный Брод

Округ Лаборский, прозававшийся тако од зді начинающейся ріки того же имени, числит в собі 32 сел, 22 церквей, 1 монастырь, 15 мирских священников, 4 монахов и 9370 душ русского народа.

А. Кралицький, 1865

Од года 1850 только стали заводитися здісь порядочный сельский школы: пред сим учились сім-там од дяка читати из букваря и псалтыри и немного церковного пінія.

А. Кралицький, 1865

Родина Кралицьких, як за вто пригадовав сам писатель, усе была «худобнов». Правдоподобно, же не мала можность дати своїм дітём добру свіцьку освіту. Межи тым, А. Кралицький помежи свої

сочасники мав репутацію інтелігента-інтелектуала. Важним позитивним обстоєм туй стали два факторы. Первый – отець був за дяка чабинської церкви. Другый – близкость Краснобродського монастиря.

Примарной ошколованя А. Кралицького поязаною из Чаби-нами. Сам Кралицький у мемоарах підчеркнув, што до 1850 року «порядочныи сельскіи школы» у лабірських русинів не егістовали. Він писав:

«Од года 1850 только стали заводитися здісь порядочный сельскіи школы: пред сим учились сім-там од дяка читати из буквара и псалтыри и немного церковного пінія. Теперь есть почти в каждом селі своя школа, но жаль, что про скудость одповідных учебников елементарное обучение не может успівати так, як бы того пожадати можно. Учащейся молодежи обоєго пола на Лаборці считается всего около 800 душ. Большой села иміют для сей цілі особые дома; но в меньших учатся діти в собственном домі дяка. Но учение, по большей части, бывает только в зимное время, зачім тітом діти помогают родичам в господарстві и пасут скотину»²⁸.

И кидь до 1850-х років не было школ, а був на селі дяк, то и Александр Кралицький міг ся ошколовати лем так, як за вто писав-пригадовав у свому етнографічно-історичному изгядованю «Русины Лаборскіи въ Угорщинѣ» – «сімъ-тамъ отъ дяка читати изъ буквара и псалтыри и немного церковного пѣнія».

И кидь отець му був чабинський дяк, то и життя селського дяка-учителя А. Кралицький видів на свої очі, знав добрі за повинности и обязаня свого вітця. Зато, коли він пише за соціалный и матеріалный став дяка на лабірському селі, він тоты відомости черяє из памняти; и пише:

«Стан учителя споен вмісті з званієм дяка, за что побирает он од народа приходского певное количество збожа, гді-там гроши, владієт ґрунтом и получает за служение при строєніи обрядов соотвітную надгороду, так званную «штолу». Крім сего, за учение получает особную надгороду в грошах – на больших міс-тах только по 40 крайцаров од головы и топливо достатком»²⁹.

28 КРАЛИЦКІЙ, А. Русины Лаборскіи въ Угорщинѣ. In: *Науковий сборникъ / издаваемый литературнымъ обществомъ Галицко-русской Матицы*. Выпуск II. – Львовъ, 1865, с. 106-107.

29 Там же, с. 107.

У поблизкому од Чабин селі Красный Брод из давніх давен був монастырь. Краснобродський монастырь – єден из майстаршых русинських духовных центрів; при монастырю была и школа. Як писав А. Кралицький,

«Монастырь сей, стоя на одособенном, возвышенном міс-ті близь села Красноброда, есть по нікоей части центром и огнищем всего Лаборского округа. Он заступає місто про-вінціального города, якого тут ніт, ибо Гуменно лежит в од-даленії четырех миль, а то между Сотакми. За тыждень пред Сошествієм св. Духа держится под монастырем на луках торг, так на скотину, як и прочіи предметы; тут также и из Галиції много народа собирается. В недавное время посіщали торг сей соплеменные наши родимці из Баната од Дуная и даже Мадяре из Гевешу и Боршода, особливо для покупки галицких сви-ней.

Живое релігійное чувство здішніх жителей имієт благонос-ное вліяніє и на жизнь нравственную, так что рідко встрічаєм здісь большиі пороки: о убійстві, поджигательстві вовсе не чу-вати, если же что пригодится, то тоє не инно есть, як дробный воровства и общий недуг русского селянства – наклонность к горілці, но се при взмагающемся образованію посредством заводимых школ помалу искореняется. Даже и сей послідный недостаток по нікоей части дасть оправдаться тым, коли роз-важим, якими лестными махінаціями уміют сынове Израїля за-маняти наш сельский народ в свої сіті. Где пять-шесть Русинов поселится, там, конечно, семей должен быти жид»³⁰.

За Краснобродський монастырь як єден из центрів духовности карпатських русинів пригадує и лемківська белетрістика – писатель Алексій Торонський у повісті «Ганця» (1862) описує монастырь пе-ред святом Сошествія св. Духа – у пятницю, коли на отпуск приходит много людей:

«...от горстка Лемков, кусник дальше Словаки и Спѣшаки, ту сновь Мазуры, дальше Марморошане, Лишаки, сновь Галиції Бойки, а там сновь якісь люди с волами, мабуть то гдєсь з по-лонин, и сновь такіи, що то и мужчины косы плетут. <...>

От середи уже есть там много народа русского з различных сторон Галиції и Угорщины, и остаєся аж до самого Сошествія.

30 Там же, с. 105-106.

<...> На горбку, которого хорошій стелится вид на ниже лежа-
чое село, на рѣку, горы и лѣсы, стоит монастырская церковь
с обителію черноризцов наших, наоколо обведена муром.
Красно она стоит и величаво, а вколо ней внутрь и внѣ мур
на далеко залегли численнии толпы людей розличного вѣка
и состоянія в найрозличнѣйших видах и одежах. Крик, шум и
гул всюда. А в церкви – то так много народа, що не пропхаешся
туда, хоть бы и не знати що; а стояло бы ти, брате, заглянути
там – узрѣл бысь, як красно церковь устноюена, як красно пра-
вится там, а все ведля греко-русского обряда. А чернци-то всѣ с
бородами. Тому то там много народа под стѣнами церкви, то
молятся, то крестом лежат, то сповѣдаются, то милостыню роз-
дают каликам, що посѣдали рядом по-под мур...»³¹

Изглядователі приставут на вто, что по Чабинах далшов шко-
лов, де ся учив А. Кралицький, была школа при Краснобродськѣм
монастырю³². Ищи даяка часть научників за сю промежку у ёго біо-
графії волівут не писати нич, бо не суть архівні документи, на котрі
мож бы ся было супокійно одкликати³³.

Угадує ся, же у році 1850 (ци тісно при тій даті) А. Кралицький
полишив домашній гніздо у Чабинах, обы потримати далшой нав-
чання у Мукачеві.

31 ТОРОНЬСКИЙ, А. Ганця: Повѣсть зъ житія Подбескидского народа (Лем-
ковъ). In: *Галичанинъ: Литературный сборникъ* / издаваемый Я. Ф. Головац-
кимъ и Б. А. Дѣдицкимъ. Книга I. Выпуск I. – Львовъ: Типомъ Института
Савропигійского, 1862, с. 62-63.

32 *Позирай*: ПЕКАР, А. Анатолій Кралицький, ЧСВВ, як історик. In: *Analecta OSBM. Sectio II. Vol. IX (XV)*. – Rim, 1974, s. 276-277; ШЛЕПЕЦЬКИЙ, А. Наші
будителі О. Павлович, Ю. Ставровський, А. Кралицький. II часть. – Пряшів:
ЦК КСУТ, 1968, с. 40-41; ГОЛЕНДА, Й. Анатолій Кралицький: Розвідка і
вибрані твори. – Пряшів, 1984, с. 13.

33 *Позирай хоть бы*: МИКИТАСЬ, В. Анатолій Федорович Кралицький (1835–
1894). In: *Хрестоматія нової закарпатської української літератури (Друга
половина XIX століття)* / упорядк. Ю. А. Бача, О. М. Рудловчак. – Bratislava: Slo-
venské pedagogické nakladateľstvo, 1964, с. 99; БАБОТА, Л. Закарпатоукраїнська
проза другої половини XIX століття. – Братислава – Пряшів: Словацьке
педагогічне видавництво в Братиславі; Відділ української літератури в Пряшеві,
1994, с. 102.

Філософія

Мукачево – Кошице

Пишущий эти строки учился в 50-х годах в Кошицкой гимназии; тогда было Русских 70 чел. и они пели хором в Русской церкви.

А. Кралицький, 1875

Обы наступити на богословські студії в Ужгороді, мусай раз скончити десь «філософію». Сесь період житєписа А. Кралицького про изглядователів докус незнатый. Спробуєме туй хоть штось прояснити. По року 1858 изглядователі легко ся орієнтуют у біографії А. Кралицького – є доста фактів, котрі позволяють пописати єго життя, и то у деталях: у 1858–1863 рр. служив у Маріяповчанськیم монастирю; од рока 1863 перебував у Мукачевськیم монастирю – раз як «модератор новіціатів» (наставник кандидатів у монахи), «ігуменський тайник» (секретарь ігумена), а из рока 1869 (до смерти) як ігумен атсєго монастиря.

Але до 1858 року у єго житєпису доста темных міст. П. Феєрчак, наприклад, твердив, же А. Кралицький був «самоук»³⁴; Ф. Тіхі – же ся учив у Галичині³⁵. Автор першого монографічного изглядованя за А. Кралицького Ёлана Голенда пише, же він ся учив у Пряшові (!?) и в Ужгородськїв духовнів семінарії³⁶. Як писав о. Атанасій Пекарь – авторітетный історик ЧСВВ на Підкарпатю, Кралицький наступив на богословські студії Ужгородської єпархіалной семінарії, котру успішно скончив³⁷. А скоро по ужгородських студіях призначили го до Краснобродського монастиря учителєм катехизма про тамошні вошколаші.

34 ФЕЕРЧАК, П. Очеркъ литературнаго движенія Угорскихъ Русскихъ. Одесса, 1888, 42 с.

35 TICHÝ, Fr. Anatolij Kralickij (Přspěvky k studiu jeho života i díla). In: *Carpatika: Sbor pro výzkum Slovenska a Podkarpatské Rusi při Slovanském Ústavu v Praze* / řídí K. Chotek. – Praha, 1936, s. 360.

36 ГОЛЕНДА, Й. Анатолій Кралицький: Розвідка і вибрані твори. – Пряшів, 1984, с. 13.

37 о. ПЕКАР А., КАВ Ілен. Духнович і Висиліяни. In: *Олександр Духнович і наша сучасність: Міжнародна наук. конф., присвячена 200-літтю від дня народження О. Духновича, 20-21 черв. 2003 р.: Тези доповідей / Упоряд. М. Мушинка.* – Пряшів: Додаток до газ. «Нове життя», 2003, с.13.

Межи тым, утверження научників нияк ся не потвержувут архівныма документами. Єдиный документ на котрый, правдоподобно, мож ся одкликати, то шематизм монахів Чина св. Василя Великого (ЧСВВ). «Шематизм русскаго иночествующаго духовенства въ Угріи на 1873 годъ» вказує на дві дати у житю А. Кралицького: «Годъ облечения: 1852» и «Годъ професіи: 1856»³⁸. Иншак уповісти, в Ужгородськів духовнів семінарії А. Кралицький перебував у 1852–1856 роках.

Але де перебував А. Кралицький ищи до того, як переступив поріг Ужгородської семінарії? Сам він у єднів своїх публікації писав, же ся учив у Кошицькій гімназії. До днесь ниhto из научників-істориків не убернув увагу на сесь факт! Иде за статю «Словаки и Русские в статистике Венгрии», котру він загнав до С.-Петербурґа и котра там была опублікована у 1875 році під псевдонімом «NN». У примітках опротив статістичных відомостей, што подавут число ошколашів Кошицькой гімназії у 1860-х роках (главно – ошколашів мадярської народности), из котрых дає ся видіти, же у Кошицях не є ани єдного ошколаша-русина, він додав сяке:

«Пишущій эти строки учился въ 50-хъ годахъ въ Кошицкой гимназії; тогда было Русскихъ 70 чел. и они пѣли хоромъ въ Русской церкви»³⁹.

Тоту статю тяжко мож было атрібутовати як публікацію А. Кралицького, и то из двох причин: 1) до днесь кріптонім «NN» (про статі А. Кралицького и И. Сильвая, написані у соавторстві) обстає нероскрытый; 2) статя написана акурат про російське книжне видання; вона выйшла у Петербурґу, была малодоступнов про літературознателів; домашні читателі и изглядователі ї не знали, зато вона выпала из поля їх інтереса. Штоправда, уже у XX столітю російські карпатознателі русофільської орієнтації провбовали уганути, хто ся скрыв під кріптонімом «NN». Євґеній Недзельський категорично

38 Шематизм русскаго иночествующаго духовенства въ Угріи на 1873 годъ. – Унгварь, Типографія вдовы Карла Іегера, 1872, с. 5.

39 NN. Словаки и Русские в статистике Венгрии. In: *Славянской сборникъ*. Том первый. – С.-Петербургъ: Издание Петербурскаго отдѣла Славянскаго комитета, 1875, с. 625.

твердив, же иде за Ивана Сільвай⁴⁰. Федор Арістов твердив, же був то А. Кралицький⁴¹. Чеський літературознаватель Франтішек Тіхі тыж ся хылив ид тому, же «NN» – то кріптонім А. Кралицького⁴².

Отвіт на сесь вопрос – хто ся скрыв під кріптонімом «NN» – дадут письма А. Кралицького до Ніколая Страхова, котрі нам ся подарило однайти у Києві.

Ніколай Страхов (1828–1896) – російський публіциста, літературный критик, філософ. Скончив Главный педагогічний інститут у С.-Петербургу (1851), по тому даякый час робив учителём 2-ой гімназії в Одесі и др. містах, дале – у С.-Петербургу. Од рока 1873 – бібліотекар юридичного одділа Публічної бібліотеки у С.-Петербургу. Од рока 1889 – член-кореспондент Петербургської академії наук.

Письмо Кралицького датованой 19 фебруаря 1874 рока. Адресант одправив го из Мукачева. Він пише:

Ваше Превосходительство, Милостивый Государь!⁴³

Вследствие приглашения проф. Антона Будиловича⁴⁴, чтоб взять посильное участие в издаться имеющем через С. Петербургское отделение славянского благотворительного Комитета

40 НЕДЗЕЛЬСКИЙ, Е. Иван Антонович Сильвай (Уриил Метеор). In: *И. А. Сильвай (Уриил Метеор): Избранные произведения*. – Slovenské vydavateľstvo krásnej literatúry, 1957. с. 44.

41 АРИСТОВЪ, Ф. Ф. Хронологическій перечень печатныхъ сочинений А. Ф. Кралицького. 1850–1893. In: *Карпаторусскій сборник*. – Ужгород, 1930, с. 75.

42 TICHÝ, Fr. Anatolij Kralickij (Přspěvky k studiu jeho života i díla). In: *Carpatika: Sbor pro výzkum Slovenska a Podkarpatské Rusi při Slovanském Ústavu v Praze* / řídí K. Chotek. – Praha, 1936, s. 360.

43 Не є стопроцентной увірености, же Кралицький того письмо написав акурат М. Страхову. Копертка ся не всокотила, иншакых формалных доказів тыж не є. Пристаєме на то, же иде за Страхова, лем зато, бо: а) письмо однайшли сьме помежи папіря М. Страхова в одділі рукописів Національной бібліотеки В. Вернадського НАН України у Києві; б) в інвентарнів книзі одділа рукописів тыж є позначка, же адресат письма М. Страхов. Позирай: Інвентарна книга III (№№ 11130—28202); № 17378.

44 Будилович Антон Семенович (1846–1908) – російський філолог, славіст, публіцист славянофілського направеня. Од рока 1870 був преподавателём Петербургського історично-філологічного інститута. Од рока 1881 – професор и ректор (1890–1892) Варшавського університета. Од рока 1892 – ректор Юрьевського університета (днесь – Тартуський університет, Естонія). Активный член петербургського одділа Славянських комітетів у Росії. Зять Адолфа Добрянського.

«Славянском сборнике»⁴⁵, мы вместе с Ив. Сильваем составили для этого Сл.[авянского] сборника статью под загл.[авием] «О нынешнем положении русских в Венгрии»⁴⁶ и тут же с концем января послали в С. Петербург на Ваше имя.

Ныне я написал другую статейку для того же сборника «О мадьярской литературе» и тоже на Ваше имя посылаю ее⁴⁷. В России мало едеведаето мадьярской словесности, за изъятием книги, переведенной из немецкого, Нила А.[лександровича] Попова: «Владислав Салай и история Венгрии»⁴⁸. Если статья моя удостоится принятия и гонорара, то прошу прислать мне этот прямо по почте в австрийских банкнотах.

При сем остаюсь с глубочайшим почитанием Вашего Превосходительства

покорным слугой

Анатолий Кралицкий,
Игумен.

Письмо доказує, же про петербургський «Славянський збірник» Сільвай і Кралицький написали дакілко статей у соавторстві під кріптонімом «NN». До кінця, у сьому збірнику (іде за перший том) дві їх общі статі були напечатані. Іде за «О современномъ положеніи Русскихъ въ Угріи» (с. 44-54) и «Словаки и Русскіе въ статистикѣ Венгріи» (с. 621-625); а тыж у зборнику появила статя И. Сілвая – «Положеніе Угорскихъ под управленіемъ С. Панковича».

Хотяй статя «Словаки и Русскіе въ статистикѣ Венгріи» написана была в соавторстві, зазначка за кошицьку гімназію, набізувно,

45 Иде за выдання: Славянскій зборникъ. Том первый. – С.-Петербург: Издание Петербургскаго отдѣла Славянскаго комитета, 1875.

46 Статя была напечатана у первому томі выдання «Славянскій зборникъ» під назвов: «О современномъ положеніи Русскихъ въ Угріи» (с. 44-54) и підписана кріптонімом «NN».

47 Публикація «О мадьярской литературе» из даякой причины у «Славянскій збрникъ» не потрафила. За далшу долю той статі А. Кралицького нич не знати (зазначка вишорителя – В. П.).

48 Иде за выдання: Мадьярскій историкъ Владиславъ Салай и исторія Венгріи: отъ Арпада до Прагматической санкціи. Составиль Ниль Поповъ (Санкт-Петербург, 1868). Ніл Попов вчинив переклад «Історії Мадярщини» Салаї (Szalay László. «Magyarország története») не из мадьярського оригінала, а хоснувучи її німецький переклад: Szalay Ladislaus. Geschichte Ungarns. Deutsch von H. Wögerer (Pest, 1866) (зазначка вишорителя – В. П.).

належит А. Кралицькому (а не И. Сілвау). Священник Иван Сілвай (1838–1904) виходив гімназію в Ужгороді и Сату Маре (Сатмар, 1854–1856)⁴⁹, далі скончив Централну духовну семінарію при Будапештським університеті (1856–1860). Стілістичні знаки текста зазначки тиж потвержуют руку Кралицького. Фраза «Пишущій эти строки учился...» найде ся у других ёго творах, приміром у таків подобі: «...пишущій эти строки был 15-ти летним юношей...» («Воспоминание», 1888).

Автор зазначки припомнянув число студентів, котрі на зачатку 1850-х років вихожовали гімназіалный курс на Кошицькій гімназії – 70 ошколашів. Видав, иде за філософський курс. Ищи до Кралицького, з того што знаєме, філософію у Кошицях студіювали многі познаті особности русинського світа. Приміром, А. Духнович вихожовав туй два роки філософію (1821–1823), а пак ся учив в Ужгородській богословській семінарії (1824–1827). Андрей Дешко (1821–1874), емігрант до Росії, автор первой у Росії граматикы мадярського языка, тиж два роки вихожовав філософію у Кошицях, зачим богословську семінарію в Ужгороді (скончив у р. 1841).

Видав, А. Кралицький прийшов до Кошиць уж по реорганізації університета. Кошицька королівська академія (*Academia regia Cassoviensis*), котра ищи у 1777 році ся зорганізовала из двох факултетів – права и філософії – од 1850 року стала уж лем Академієв права (*Caesareo-regia iuris academia*). Выдтак, у 1850/51 школським році предмети філософського факультета посунули на Кошицьку гімназію.

Необав до Кошиць прийшов А. Кралицький. Годно быти, же прийшов из Мукачева. Словацький изгядователь Ёзафат В. Тімкович, ЧСВВ на закладі архівных матеріалів, котрі му позволили пописати літопис Красnobродського монастыря, уточнив даякі факты

49 У своїй автобіографії И. Сілвай так выяснив читателям тот факт, же ся учив у двох гімназіях. Він пише: «Тогда ещё не было осьмоклассной гимназии в Унгваре, потому окончившие шестой класс ученики для продолжения курса принуждены были отправиться далее в один из следующих городов: Кошицы, Сатмар, Ягер, Великий Варад или другие дальшие города. Мой отец избрал Сатмар; там воспитались прежде мои сестры. <...> Его заботливость увенчалась желанным успехом, я на самом деле был принят в Сатмарскую семинарию, и там в течение 1854/5 и 1855/6 окончивши седьмой и восьмой класс, сложил и испыт зрелости, который ещё тогда не был обязателен для желавших посвятить себя духовному званию». (И. А. Сильвай. *Избранные произведения, Ужгород, 2014, с. 107*).

из життя А. Кралицького. Подля изгорнень Ё. Тімковича, у 1851 році А. Кралицький деякий час ся находив помежи новіціат⁵⁰ при Мукачевськiм монастирю на Чернечiв горi. А у 1856 році як абсолвент Ужгородської духовної семінарії дочасно був направлений до Краснобродського монастиря⁵¹. Выдтак, промежка межи 1851 и 1856 роками у ёго житю была выповнена смыслом покореня iнтелектуальных высот.

Чорні ризи романтичної літератури

Красный Брод – Марія Повч

...Стался в Марія-Повчи (теперішном Василианском храмі) овый чудовный случай, что р. 1715. дня 1. 2. и 5. августа икона Пр. Богородицы слезы изливала... Бизанцій еще того же року, оставши епископом, стал в Марія-Повчи для той же иконы великую церковь будовати, которая аж наслідниками его докончена была.

А. Кралицький, 1863

А древность наша – то світ богатый; изобилует она то приятными, то сумными событиями – а всегда важною есть и любопытною для каждого народолюбца. Древность враз учит и грозит...

А. Кралицький, 1860

Скончивши у 1856 році Ужгородську духовну семінарію, А. Кралицький мав одійти до Краснобродського монастиря. Дочасно ёму належало саме туй (скончити новіціат?) и приправити ся до

⁵⁰ Новіціат – пробний срок про кандидатів у монахи.

⁵¹ TIMKOVIČ, J. Letopis Krásnobrodského monastiera, alebo kúsok zo slávnych dejín grékokatolíkov na Slovensku.– Presov, 1995, s. 121.

будущого служіння. Годно бути, же на зачатку 1858 рока Кралицький усе ищи перебував у Красному Броді, айбо на ярь 1858 рока (25 марта) Кралицький пострыг ся у монахи ЧСВВ и взяв собі монашое имя Анатолий. Обряд пострыження провів у Пряшові пряшівський єпископ Ёсиф Гаганець. О тім ся постарав наставник Кралицького А. Духнович як довірений помічник и секретарь єпископа. У тім самім році (на осінь 1858 р.) молодый монах дістає призначення до Маріяповчанського монастиря, де стає учителём (професором) церковной історії и канонічного права.

Писательські наклонности у Кралицького ся провказали доста скоро. Десь при кінци 1840-х років овін ся познакомив из каноником пряшевським, визначным писателём А. Духновичем, котрый часто навщивляв Краснобродський монастырь и котрый, правдоподобно, вплинув на ёго далшый путь – вступити до Чину св. Василия Великого (ЧСВВ). Выдтак, Духнович проявив самое діятельное участіє у долі молодого кандідата у василіаны, а через роки, у 1858 році, він же ся постарав, жебы А. Кралицького высвятив акурат єпископ Ёсиф Гаганець.

У научнів літературі тыж ціркулувут тверження изгядователів, же Духнович угледів в ученикови талант до краснописаня, посиловав го взятися за перо и дав у 1847 році ци не перву його повістину – «Образ жизни» – до читанкы «Книжиця читальная для начинающих»⁵². Мож ся до того тверження однести кус скептично... Але кидь то на правду так (хотяй прямых доказів раз ніт!), такый скорый зачаток творчеськой карьеры – у 12 років – факт феноменальный!

Межи тым, набізувно знаєме за унікатні способности чабинсько-го вундеркінда – як пятнадцятьрічний він заганяв курті статі до віденської новинкы «Вѣстникъ для Русиновъ Австрійской державы», а у віці 16-ти років вшорив зберьку народных співанок Лабірського округа.

Кидь за того не знати, могла бы ся искласти ложна представа за Кралицького як за ищи ся несформовавшу творчу особу. Межи тым, як то знаєме, уже за два роки, у 1860 році, А. Кралицький доста успішно дебютовав у красному письменстві из романтичным оповіданям «Пастырь в полонинах», котре загнав до Львова из Марія Повчи и в

52 о. ПЕКАР, А., КАВ, Глен. Духнович і Висиліяни. In: *Олександр Духнович і наша сучасність: Міжнародна наук. конф., присяч. 200-літтю від дня народж. О. Духновича* / 20-21 черв. 2003 р.: Тези доповідей/ Упоряд. М. Мушинка. – Пряшів: Додаток до газ. «Нове життя», 2003, с.13.

котрому задекларовав інтерес познавати сиву історію карпатських русинів:

«Зблизьтесь, сыны славной Руси, и станьте вокруг мене! Я рад бы зняти густую заслону, мов хмару, из небосклона древности, рад бы очам вашим представить любезных предков наших, которых возродили плодоносныи степы Подолья, погребла земля Угрии! <....>

В давное щастливое время Угрии, коли под Людовиком Великим предѣлы царства того опирались о береги Балтійского, Адриатского и Чорного моря, одбылось найзнакомитшее, враз и последнее переселение Русинов в Угрію. Новое население росстелилось по широким полям под-Карпата и змішалось з родимцями, который уже з первыми Уграми, послі и под царями Арпадского племени, сюда вселились и засіли восточный предѣлы нового царства.

Гей! Русин был тогда еще Русином в полном смысле имени того; он горделиво знал почитати народность свою, был вірный любитель святого своего обряда!».

А. Кралицький дебютовав из оповіданням «Пастырь в полонинах» у львівському альманаху «Зоря Галицкая яко Альбумъ на годъ 1860.»⁵³. Туй яло бы зазначити, же тот альманах не був даяким рядным виданням. Быв то первый знак народного избужения у галицких русинів-руських. И се тыж явный знак изближения вшитких русинів – галицких, підкарпатських, лемківських, – обы совокупити силу и енергію про общой національной двигания. Як лем 23 марта 1860 р. на митрополита Галицкого быв утверженный Григорій Яхимович, за котрого А. Духнович в оді на ёго честь у сесь час уповів, же є то «в Галичині первеньствующій Русин» и «Русской жизни защитник и хранитель»⁵⁴, такой нараз из той нагоды редактор Богдан Дідицький у Львові выдав альманах «Зоря Галицкая яко Альбумъ на годъ 1860.». На 560 сторонах альманаха уміщені статі, поезія и проза од многих (52-ох!) авторів из Галичины, Лемковины и Підкарпатской Руси. Суть то творы галицких авторів, як то Ніколая Устияновича, Богдана Дідицького, Іоана Гушалевица, Ивана Наумовича, Іоана

53 Зоря галицкая яко альбумъ на годъ 1860. / Выдав Б. А. Дідицький. – Львов: Типом Института Ставропигійського, 1860, 560 с.; Твір А. Кралицького напечатанный на стор. 528-540.

54 ДУХНОВИЧ, О. Твори. В 4-х тт. Т.1 / Упоряд. О. Рудловчак, В. Микитасъ. – Словацке пед. вид-во в Братіславі; Відділ укр. літ. в Пряшеві, 1968, с. 701.

Озаркевича (вітця), Іоана Озаркевича (сына), Володимира Шашкевича, Іоана Глібовицького, Емиліана Огоновського, Якова Головацького, Івана Головацького, Павла Леонтовича и др. Суть то тыж творы лемківських авторів, як то Алексія Торонського («Русины-Лемки») и Клавдії Алексович («Пѣсня Ольдины», під псевдо «К. Алексевичевна»), але тыж туй представлена творчость підкарпатських русинів – А. Духновича, А. Павловича, Андрея В. Поповича («Сила служебнаго языка») и, наконець, єдною оповідання А. Кралицького.

Репрезентувучи в алманаху «Зоря Галицкая яко Альбумъ на годъ 1860.» творчость підкарпатських русинів ведно из майзнамов у славянським світі підкарпатськов будительськов елітов первой генерації, 25-літній А. Кралицький потвердив, же готовым писателѣм підкарпатським єсть. Редактор львівського «альбума» Б. Дідицький такой нараз (письмо од 3.7.1860 р.) пристав на далшой сотрудничтво; він писав: «Из слога повѣстки «Братоубійца» яко и Вашего многоцѣннаго письма вижу, что владѣете пером, як рѣдко кто из под-карпатской братіи. Ваш слог легко читается и галицкою публикою... Вы один из тѣх благонамѣренных Мужей-Русинов, до которых по дѣлу, к Руси относящемуся, можно смѣло и без многоглаголанія говорить»⁵⁵.

Далша переписка из редактором Богданом Дідицьким⁵⁶ стала інспірацієв єго літературной активности у Галичині – він дослова засыпав галицьку редакцію своєв малов прозов и публицистиков, статями за історію монастирів и етнографічныма изглядованями – написав «библійну повістку» «Братоубійца» (1860), романтичне, из елементами містики оповідання «Не ходи, Грицію, на вечерниці!» (1861), повість из часів вызвольной боротьбы у Греції «Свято-Юрскій монастирь в Лівадіи» (1862), історичне оповідання «Князь Лаборець» (1863) и др. Межи тым, у львівському «Слові», яке зачало виходити у 1860 році (редактор тыж Б. Дідицький), у роках 1861–1862 вказало ся (під криптонімом «А. К.») скоро два десятки кореспонденцій Кралицького на актуалні політичні и культурно-національні темы.

55 КИНАХ, Г. Матеріялы до історіѣ зносин Подкарпат. Руси з Галичиною в XIX вѣцѣ. Кореспонденція Анатоля Кралицького з Богданом Дѣдицим. Из архива Мукачевского монастыря: Листы Богдана Дѣдицкого до Анатоля Кралицького из р. 1860–1867. In: *Науковий зборник Товариства «Просвѣта» в Ужгородѣ за 1925 рок.* Рочник IV – Ужгород, 1925, с. 195–196.

56 КИНАХ, Г. Матеріялы до історіѣ зносин Подкарпат. Руси з Галичиною в XIX вѣцѣ. Кореспонденція Анатоля Кралицького з Богданом Дѣдицим... – с. 195–199.

Четыри из половков роки житя у Маріяповчанськiм монастирю пролетіли доста скоро. Занурений у секреты літературной творчості, інтегрований у культурно-національні процеси доби будителства, А. Кралицький зажив туй много щасливих творчих днів. Туй ся цібрила ёго майстерность, дозрівав талант літератора и туй він написав скоро вшиткі свої ліпші твори, позначені авров романтизма, інспірованого русинським ренесансом и... молодостёв автора. Иде за твори «Пастырь в полонинах» (опубл. у році 1860), «Братоубійца» (сесь твір ся стратив у редакції «Галичанина», до днесь ся не однайшов), «Федор Петрюк» (опубл. у р. 1862), «Не ходи, Грицю, на вечерниці!» (быв опублікований аж у р. 1865), «Князь Лаборец» (опубл. у р. 1863), «Казнь неба» (опубл. у році 1863), «Свято-Юрскій монастирь в Лівадіи» (опубл. у р. 1865), «Мойсей» (обстала у рукописі, опублікована аж у 1998 р.) и др. Прощаня из Марія Повчов стало про А. Кралицького тыж прощаням из романтизмом:

«Уже погас жар пекучого літа, утихли и громы чорных облак з своїми тучами; не колышется больше золотоцвітный колос на широком поли, ни благовонный цвіток на зеленой рощи. Все-все чудно змінилось, бо спекла украшеніє плінительной природы пламенна луч, зварила и иссушила все на жалобну суху стернь. Пернатый півцы – одни скрылись под теплую стріху селянина, а другий полетіли воздушным путем в чужину... И прекрасная природа вздремалась глубоким сном в скучную дождевую осень, и начала цівками ліяти горенький слезы...»

(«Не ходи, Грицю, на вечерниці!»)

У 2006 році активісты русинського двиганя під веденём Тібора Поповича из Будапешта на будову василіанського монастиря у Марія Повчи поклали двоязычну (в русинськiм и мадярськiм языках) памятну таблу:

У ШКОЛИ СЁГО МОНАСТЫРЯ УЧИВ
ОД 1858 ДО 1863 РОКА
ПОЗНАТЫЙ РУСИНСЬКИЙ НАЦІОНАЛЬНЫЙ БУДИТЕЛЬ
ПИСАТЕЛЬ, ПУБЛИЦИСТ, ИСТОРИК, ЕТНОГРАФ
АНАТОЛИЙ (АЛЕКСАНДЕР) КРАЛИЦЬКИЙ
(1835–1894)
ВАСИЛИАНСЬКИЙ МОНАХ

Посліднє пристанище

Мукачево

Мукачевскій монастирь... дал нам отца Анатолия Кралицкаго; дал нам мужа, сердце котораго и в монастырской келии не сделалось холодным к нуждам Угро-русского народа, который все силы души своей посвятил тому, чтобы поднять уровень просвещения того народа, из котораго он произошел, чтобы убогачати литературу того языка, звуки котораго первый раз являлися в его младенческих устах.

С. Фенцик, 1893

У 1863 році Анатолія Кралицького оприділили служити до Мукачевського монастиря, из котрым буде поязаной ушиткой ёго далшой житя. За круг своїх монашых повинностей сам Кралицький у сесь час пише атсяк: «ч.[ина] с.[вятого] Василия протоигуменски тайникъ, наставникъ первоначальныхъ и совѣтникъ», што значит: секретарь протоигумена и модератор (наставник-учитель) новіціата, авадь кандідатів у монахи. Од року 1869 (и до самой смерти) А. Кралицький служит у монастирі игуменом. Протоигуменство він не прийняв. И на тото была причина.

У 1885 році, коли львівська новинка «Слово» сятковала свое 25-літя и притівнагоді подяковала своім довгорічним підкарпатським кореспондентам, угорська влада рішила вшитких їх застрашити и обвинила у нелояльности до законів Угорського корольства. А. Кралицькому, И. Раковському, И. Сілваю, А. Митраку и Є. Фенцику влада вчинила публічну осуду за сполупрацу из галицьков русофілськов (невітанов в Угорщині) пресов. Выдтак, коли у тім самім році монахи ЧСВВ рішили vybrати Кралицького протоигуменом (высшый управительський сан про монахів ЧСВВ), він свою кандідатуру изняв – обы не наражати ЧСВВ на угорську владу. Так и обстав игуменом. У 1888 році выберковый Собор ЧСВВ, котрый ся изыйшов у Маріяповчанському монастирі, назад потвердив повноваження Кралицького як игумена Мукачевського монастиря – до далшого Собора.

Коли у 1863 році А. Кралицькому призначили новою місто служення – Мукачевський монастир на Чернечій горі – співдружство із Б. Дідицьким ся не спомало, хоча характер публікацій ся перемінив – загаяв до Львова історичні, етнографічні, статистичні, палеографічні і познавальні матеріали. Перестав писати умельську прозу. Він написав етнографічне изгядованя «Русины Лаборскіи в Угорщинѣ» (1864), «Дата к історії Угорских Русинов (По жерелам Базиловича и Балудянского)» (1863), біографічний начерк «Воспоминанія о покойном епископѣ Мукачевском В. Поповичѣ» (1865), «Список монастырей чина Святого Василия Великого, существовавших иногда в Марамороши (в Угорщинѣ) и стертых императором Иосифом II. 1788 г.» (1865), «Свадебныи обряды у Лаборских Русинов» (1865), «Сѣверо-восточная Угорщина: топографическо-географическое описание» (1866), «Арсеній Коцак: Доктор святого Богословія » (1866), «О древних Евангеліях» (1866), «Сербія: Очерк етнографическій» (1866) и другі. Сяку активність автор потримав аж до одкрытя в Ужгороді у році 1867 новинки «Свѣтъ».

Доколи на Підкарпатській Руси усе лежало ищи лем у зародку, писатель А. Кралицький, про котрого были одкрыті двері многих редакцій, спровбовав из Марія Повчи, а дале – из Мукачева одновити співдружство из віденськов пресов – новинков «Вѣстникъ для Русиновъ Австрійской державы», літературным додатком до той новинки – «Отечественный сборникъ», необавом – из новинков «Страхопудъ» и її літературнов прилогов «Золотая грамота: Иллюстрированное письмо для поученія и забавы».

«Вѣстникъ...» опубліковав дакілко кореспонденцій из актуальной народностной тематики, котрі Кралицький усе підписовав кріптонімом «А. К.». Коли ж він загнав до Відня повість «Федор Петрюк» (оригінальні умельські твори свої любив підписовати повним имням – «А. Кралицькій», «Анатолій Кралицькій») редакція «Сборника» из даякой причини опубліковала сесь матеріал зась під кріптонімом «А. К.». – и сесе выкликало негатиwну реакцію писателя. У научнів бібліотеці Ужгородського універзитета, де по войні нова влада передала даяку часть Мукачевской монастирської бібліотеки, и днись ся сохранияє шиток чисел «Сборника» за 1862 рік. «Федор Петрюк» туй був опублікований на продовження у 7-10 числах. Коли редакція скончила печатати повість, на послідній сторонці текста А. Кралицький изробив зазначку:

«Редакторъ Вѣстника Юлій Выслободскій издатель Сборника сего при Вѣстнику искажилъ съ всѣмъ мою правопись на ладъ Галицко-польскій, и отобралъ даже и имя, удовольвши меня буквами А. К. и прото я принуденъ не узнаватися Автором повѣстки сей. – Анатолий».⁵⁷

Межи тым, А. Кралицькый надале заганяв редактору Юлію Выслободскому (псевдо: Василь Зборовський) свої матеріали и «Отечественный сборникъ» надале публіковав їх під псевдонімом «Лаборчанъ»: повість «Дяк» (1866), начерк «Абеляр и Гелоиса» (1866), біографії славных русинів – Дмитрія Раца (1866), Петра Лодія (1866), Юрія Венеліна-Гуцы (1866) и другі твори.

За даякый час А. Кралицькый ся познакомив из редактором «Золотой грамоты» Ёсифом Ливчаком (1839–1914) и загнав му обширну біографію свого учителя, писателя А. Духновича. Статя «Александръ Духновичъ, крылошанинъ Пряшевскій» ся вказала у ч. 7 часописа «Золотая грамота» (1865) и была подписана криптонімом «К. і Л.», што ся прочитує як «Кралицькый и Ливчакъ». Криптонім вказує на соавторство тых двох особ. Фактично, иде за оригінальний текст Кралицького, до котрого Ё. Ливчак додав даякі зазначкы. Односно той статі, у XX століттю научники, што не мали на руках сесь оригінальний текст, тримали го за некролог А. Духновича⁵⁸. Межи тым, у статі соавторы писали:

«... 1843 г. же именован был Духновичъ Крылошанином собора Пряшевского, в котором то именно чинѣ он и понынѣ в Пряшевѣ с неутомимым трудолюбіем для блага церкви и народа, яко свѣтлый референт консисторскій и знаменитый литерат трудится. Но увы! теперь прикован он тяжким недугом к одру, з которого уже пол года, як не не встает. Мы просим Всемогущего, чтоб нам удержал еще при здорověю того Батька нашего – чтоб сохранил нам тое чрезвычайно милое и пріятное лице, на котром отбиваеь откровенность, кротость, спокойность и щирость благородной души русской».⁵⁹

57 *Позирай*: Научна бібліотека Ужгородського національного університета, відділ рукописів, стародруків та рідкісних книг, № 14867.

58 Сяку хыбу стрічаєме у Ф. Арістова – тримав ту публикацію за посмертне видання. *Позирай сго книгу*: Карпато-русскіє писатели», Т. 1, Москва, 1916, с. 60-61. У наш час тота хыба перейшла у майповну бібліографію Александра Духновича. *Позирай*: О. Духнович (1803-1865): Бібліографічний покажчик, Ужгород, 1995, с. 69.

59 К и Л. Александръ Духновичъ: крылошанинъ Пряшевскій. In: *Золотая грамота*. – 1865, № 7, с. 56.

Коли А. Духнович умер, Кралицький ся постарав за посмертний очерк ёго житя и творчости. У той час він искладав из Віктором Ки-маком „Мѣсяцословъ на годъ 1866 для Русскихъ Угорския краины”. Акурат у сѣму календарю была опублікована обширна біографія будителя під назвов «Александр Васильевич Духнович, крылошанин Пряшевскій» од А. Кралицького⁶⁰. Фактично, иде за перероблену статью из новинкы «Золотая грамота». Лем же Кралицький поміняв конець той публикації:

«1843. года же именован был Духновичъ Крылошанином собора Пряшевского, в котором то именно чинъ он с неутомимым трудолюбіем в пользу церкви и народа, яко свѣтлый референт консисторскій и литерат, даже до смерти трудился. Но увы! мы его потеряли... Взмагающийся водный недуг более полу-года держал его прикованного к одру, пока наконец, снабжен предсмертными тайнами из рук самого же Архіерея Іосифа Ганганца, передал дух свой в руки Господа дня 18 (30) Марта 1865 года».⁶¹

На сторонках віденського часописа «Золотая грамота» Анатолій Кралицький дебютовав як перекладач. Він потовмачив повість мадярського прозаїка Мора Ёкаї, котру опубліковав під назвов «Пугачёв». У тексті сѣй публикації ани товмач (А. Кралицький), ани редактор «Страхопуда» и «Золотой грамоты» (Ёсиф Ливчак) не лишили інформації за мадярського автора оповіданя. Выдтак, у далшу епоху изглядователі не знали, як дати собі раду из тым текстом. Історик літературы русофільської орієнтації Є. Недзельський приставав на то, же А. Кралицький потовмачив и переробив «пугачовські» тексты А. Пушкіна – повість «Капитанская дочка» и «История пугачёвского бунта»⁶². Веце півстолітя другі научники тыж ся соглашали из тов верзіёв.

Нам ся подарило вирішити тоту загадку и доказати, же оповіданя «Пугачов» є перекладом из мадярської літературы. Иде за

60 Мѣсяцослов на год 1866 для Русских Угорскія краины / Издали А. Кралицкий и В. Кимак. – Ужгород, 1865, с. 47-50.

61 Туй цігуєме за выданям: Духнович О. Твори. В 4-х тт. Т.3 / Упоряд. О. Рудловчак. – Братіслава – Пряшів: Словацьке пед. вид-во в Братіславі; Відділ укр. літ. в Пряшеві, 1989, с. 522.

62 НЕДЗЬЛЬСКИЙ, Е. Очеркъ карпаторусской литературы. – Ужгородъ, 1932, с. 201.

товмачення повісті «A vakmerő» («Дерзостный») Мора Ёкаї⁶³. Оригінал той повісті зачала публікувати на продовження столична пештянська новинка «Vasárnapí Ujság» («Неділні новини») 11 серпня 1864 року. Анатолій Кралицький, котрий усе читав багато свіжої мадярської преси, у бібліотеці котрого було багато мадярських книжок и котрий слідив за новинками мадярської літератури и політики, правдоподобно, виписовав собі новинку «Vasárnapí Ujság», а російська історична тематика у творчості мадярського прозаика заінтересовала го як перекладача.

Порівняння оригінала и переклада дає можливість робити деякі изгорнення односно концепції Кралицького-перекладача. Кралицький знав не лем покуртати твір, полишавучи деякі другорядні образы ци епізоды, што веце раз робило авторський сюжет майдінамічним. Овін знав кус переробити роз'язку твору ци й цалком поміняти фінал оповідання.

А. Кралицький перекладав из многих языків; він ся змагав потовмачити русинському читателю умелецькі твори из мадярської, російської, словацької, чеської, швайцарсько-німецької и других літератур. Туй яло бы говорити за товмачення оповідання російського писателя Владіміра Даля «Осколок льда» («Козачка», 1867); оповідання «Выстрел Петра Сенте» (1884) неозначеного мадярського писателя; оповідання «Словенская сирота» (1893) словацького писателя Антона Бьелека. Мемоарна література туй репрезентована перекладами двох выривків из «Cestopis-a» (1873, 1883) словацького поета Яна Колара, а тыж выривками из днівника соратника Ференца II Ракоці – Адама Сатмарі «Отрывок из описания путешествия мадьяра Адама Сатмари в 1711 году: От Мукачева через Львов до Варшавы» (1893).

Окремов файтов перекладацьких симпатій А. Кралицького стоят твори швайцарських німецькоязычных писателів Ієремї Готтгельфа (Gotthelf, 1797–1854) и Генріха Цшокке (Zschokke, 1771–1848). Їх твори «из народной жизни» – то образчики просвітеньської літературы первой половкы XIX столітя; про них доста характерні суть ідеї утопічных соціальных ілузій. У 1868 році А. Кралицький

63 *Позирай*: ШТЕРНБЕРГ, Я., ПАДЯК, В., Пушкін або Йокаї? (з приводу «Пугачова» А. Кралицького). In: *Дукля*. – 1985, № 5, с. 53-56; VÁRADI-STERNBERG, J., PADJÁK, V. Egy ismeretlen 162. fordítás margójára. In: *Kárpáti Igaz Szó*. – 1985, Febr. 19.

опубліковав під псевдонімом «Аскольд» повість «Сельский учитель» Г. Цшокке. У 1869 році під своїм прозвищем він двичи (в ужгородській новинці «Свѣтъ» и окремов книжков – у серії «Народное чтение») опубліковав повість «Иван» І. Готтгельфа («Uli der Knecht», «Улі-желярь»). У 1873 році під псевдонімом «Фома Фомыч» А. Кралицький в ужгородській новинці «Карпатъ» опубліковав повість «Железной воли человекъ» Г. Цшокке. Вшиткі тоты творы швайцарської утопічної літературы перекладач ся змагав адаптовати – приспособити під містный колорит. Герої повістин І. Готтгельфа и Г. Цшокке бывавут на Угорські Руси, ходят на собрания Ужгородського общества св. Василя Великого, тримаवут Різдво по Юліанському календарю, співавут колядку «Божий Сын днесь народился» єпископа В. Поповича...

Друга половка 1860-х років была доста продуктивнов про підкарпатську інтелігенцію. 1 октября 1866 рока в Ужгороді zaloжили Общество св. Василия Великого. Помежи далші особы, котрых выбрали до правління, был тыж А. Кралицький – «письмоводитель общества». Необав нова організація зачала выдавати новинку «Свѣтъ» (выходила у роках 1867–1871). И хотяй у 1869 році выборковый Собор ЧСВВ, котрый ся изыйшов у Краснобродськیم монастырю, выбрав о. А. Кралицького за игумена Мукачевського монастыря на Чернецій горі, він (котрый перебрав на себе веденя монастыря!) надале обставав активным членом Общества Василия Великого и дописователём ужгородської новинки «Свѣтъ». (Він тыж был членом Літературного общества Галицко-русской Матиці у Львові).

Из діректором Общества св. Василия Великого Кирилом Сабовым (редактором «Свѣта») заложив книжну серію «Народное чтение». Выйшли два выпуски (обадва у 1869 році), ищи єден обстав у рукопису. Сама назва той серії вказує, же вшорителі мали дяку поширєвати освіту помежи народ. Білшу часть матеріалів про «Народное чтение» застачив сам А. Кралицький – про первый выпуск написав и опубліковав (під псевдонімом «Аскольд») повість «Піявица», а про другой – повість І. Готтгельфа «Иван». Туй ниже подаме письмо К. Сабова до А. Кралицького од 8.04.1869 р. як свідительство той doby и работы над серієв «Народное чтение». Переписка К. Сабова (підпис: «Кириловъ») дає розумєня того, накілко незаміннов у культурному житю края была постава А. Кралицького:

Ужгородъ дня 8/4 1869

Любимый другъ мой.

Посылаю вамъ три № нашихъ листовъ съ прошеніемъ, чтобы вы статью, въ фелетонѣ ихъ находящуюся, перевели для Свѣта – думаю это не будетъ неинтересантно. А далѣе, прошу васъ что если когда либо, то особенно теперь не забывайте о мнѣ и о Свѣтѣ, даже если лишь возможно, пишите и разные извѣстія – причина этому прошенію моему та, что я, получивъ позволеніе дѣлать опыты, теперь занятъ составленіемъ домашнихъ письменныхъ задачъ и надо читать мнѣ и наустный испытъ, и такъ въ противномъ случаѣ можно и принужденъ буду отказаться отъ редакціи⁶⁴.

Первый выпускъ Народнаго чтенія получите послѣ пару дней, а съ 13-ымъ числомъ начнется Иван⁶⁵. Цѣну постановилъ в Пявици и Иванова жука⁶⁶ на 15 хр. ⁶⁷ – что скажете на то?

Пращайте и не забывайте вашего

Кирилова.

Каждорочні календарі тыж ся не обходили без публикацій А. Кралицького, даколи у річнику было три-четыре ёго тексты из многих тем – оригінальні творы, товмаченя из славянських літератур, компілативні статі, біографії славных русинів, статі за історію монашого чина св. Василия Великого и др.

Коли общество ся на зачатку 1870-х років, фактично, распало, А. Кралицький глядав можности заганяти свої творы до иных новинок и часописів – ужгородських новинок «Новый Свѣтъ» (1871–1872), «Карпаты» (1873–1886), часописа «Листокъ» (1885–1903). Выдтак, своїма творами, што їх печатали часописы Відня, Львова, Ужгорода, С.-Петербурґа, своєв участѣв у сяких проектах, підпорів

64 «Отказаться отъ редакціи...» – иде за удказ од редагованя серіі «Народное чтеніе» и, издав, новинки «Свѣтъ».

65 «Съ 13-ымъ числомъ начнется Иван...» – повість А. Кралицького «Иванъ» новинка «Свѣтъ» мала зачати печатати на продовженя нараз по 13 числі. *Позирай*: КРАЛИЦКІЙ А. Иванъ. Повѣсть изъ народной жизни. In: Свѣтъ. – 1869, № 14, 16-17, 20, 22, 27-30, 32, 34-37, 39, 43, 45-50, додаток до ч. 50.

66 Народное чтеніе. Выпускъ I: А) Пявица. Б) Ивановъ жукъ. Повѣсти изъ народной жизни / Издатель Кирилъ Ант. Сабовъ, редакторъ «Свѣта». – Ужгородъ, 1869.

67 Хр. – грайцарь.

ідейних концепцій редакцій сяких новинок, до кінця языком своїх творів А. Кралицький декларовав політичні ідеї будительства, національні орієнтації русинської інтелігенції русофілського напрямку і нахыленость майскорі до російського языка у процесі вытвореня єдиного про восточных славян «руського» языка.

Двыч мукачевський монах мав інтерес заложити свою новинку. У 1873 році было то ведно из священником и писателём Иваном Сілваєм. Коли перестали выходити у 1871 році «Свѣтъ» и «Сова» (1871), а дале и «Новый Свѣтъ» (1871–1872), игумен А. Кралицький наплановав підпорити нову новинку (тыж під назвов «Свѣтъ») и перебрати на себе її редагованя. Зачим, редакция мала б ся посунути до Мукачевського монастыря. У сесь час Ніколай Гомічков дав знати, што в Ужгороді зачне выходити новинка «Карпатъ»; и так ідея страшила свою актуальность⁶⁸.

У 1880 році А. Кралицький спровбовав закласти у Мукачеві «литературну и общественну» новинку під назвов «Словесность»⁶⁹. Се мало быти уміреной, політично не заангажованой періодичной виданя. Редактор анонсованого проекта А. Кралицький писав, што новинка не буде «впускаться в политику, не будет дразнить никого, но и не будет льстить никому, она избрала чести путь и лишь тем путем хочет достигнуть цели, зная что лицемеріе, что потворство, что раболепство – средства низкие и гнусные...»⁷⁰.

Але и на сесь раз він був неуспішний – мукачевській редакції не подарило ся позганяти потребной число предплатників. Анонімный дописовач до львовського «Слова» выдтак из досадов писав: «Но где эта образованная публика, на которую рассчитывает о. Анатолий? Авось те штатские русские чиновники, профессора и другие, происшедшие из русского народа, образованные люди, которые боятся на улице заговорить по русски, не то, чтоб давали посылать себе

68 Изъ Угорской Руси. (Воззвание ко всѣмъ любителямъ русско-народного дѣла по случаю издаватись намѣреваемой в Мукачевѣ газеты «Свѣтъ»). In: *Слово* (Львов), 1873, № 18, с. 2; Изъ Угорской Руси. (Угро-русскіи дѣла. Новая часопись). In: *Слово* (Львов), 1873, № 61, с. 2.

69 *Позирай публикації односно той темы*: Изъ Мукачева: О новой еженедельной, с 1-м числомъ м. сентября явиться имѣющей угро-русской газетѣ. In: *Слово* (Львов), 1880, № 95, с. 2; Изъ Мукачева: О новой еженедельной, с 1-м числомъ м. сентября явиться имѣющей угро-русской газетѣ. (Перенимаемъ съ «Слова»). In: *Карпатъ* (Унгваръ), 1880, № 37.

70 *Позирай: Карпатъ* (Унгваръ), 1880, № 38.

русские газеты путем почты, где всякого чиновника, выписующего немадярские газеты, берут ad notam»⁷¹.

А. Кралицький мав репутацію строгого игумена, котрый в ушиткому ся додержовав монашых правил; и то самое чекав од других монахів. Дав до порядку монаштырську бібліотеку. Дав знати научникам за старі рукописы, зачим ся заязала переписка из заінтересованыма изглядователями. Помежи ёго адресаты было доста много авторітетных особ. По крыхтах вызберав из старых рукописных документів інформації за історію Чина св. Василя Великого, за історію монаштырів и біографії славных монахів-василіан. Межи тым, літературні и націонално-культурні діла усе были під боком. Было то осмысленой рішення. У своїх мемоарах (1889) він пак выяснив свою позицію: «...у нас церковь и народность тесно связаны. Не будь «Господи помилуй», не было бы и нас», **а на другому місті, де високо оцінив діятельство галицького літератора, редактора львівської новинки «Слово» Б. Дідицького, додав таке: «В «Слове», наперекор вялому, бездарному венскому «Вѣстнику», начали разбираться домашнія, народныя, школьскія дела, а позже и церковныя, так как церковь и народность у нас, Русских, по ту и по сю сторону Карпат тесно связаны с собою. Не будь церкви, пропала бы и народность...»**⁷².

Игумен ЧСВВ А. Кралицький сягнув высот майплодного русинського писателя-будителя, історика ЧСВВ, етнографа, публіциста. Усе націлений на роботу, А. Кралицький устигнув изробити гет много хосенного про русинське культурно-національне двиганя.

До днись не стратили свою актуальность ёго статі за історію монаштырів ЧСВВ історичной Мукачеськой єпархії, приміром: «Марія Повч» (1862), «Дата к історії Угорских Русинов (По жерелам Базиловича и Балудянского)» (1863), «З Марія-Повч» (1863), «О второй чудотворной иконѣ Пресвятой Богородицы Марія-Повчанской» (1863), «Короткій опис монаштыря Марія-Повчанского чина св. Василя Вел. в Угрії» (1863), «О чинѣ св. Василя вообще» (1864), «Историческое описаніе монаштырей Чина св. Василя Великого в Угорщинѣ: Марія-Повчанскій и Краснобродскій монаштырі» (1864), «Историческое описаніе монаштырей Чина св. Василя Великого в Угорщинѣ: Монаштырь Мукачевскій на горѣ Чернецкой (1865), «Список монаштырей чина

71 «Словесность». In: *Карпатъ* (Унгварь), 1880, № 39; Изъ Угорской Руси. (Наше нынешнѣе положеніе). In: *Слово* (Львов), 1880, № 97.

72 И. Васильевичъ. Воспоминаніе. In: *Листокъ*. – Унгварь, 1889, ч. 21, с. 245.

св. Василя Великого, существовавших иногда в Мараморошѣ (в Угорщинѣ) и стертых императором Иосифом II. 1788 г.» (1865), «Монастырь Марія-Повчанскій» (1866), «Описание чудотворной иконы Пресвятой Дѣвы Марія-Повчанской» (1866), «Из Мстичева» (1867), «Состояніе монастырей Боронявского и Кричовского в 1756 году» (1869), «Взгляд на прошедшее церковной уніи» (1870), Русские монастыри на Угорской Руси: «Монастырь св. Николая на горѣ Чернецкой близ Мукачева» (1871), «Монастырь св. Архистратига Михаила в Марія-Повчѣ» (1871), «Монастырь св. Арх. Михаила в Мстичевѣ» (1871), «Монастырь св. Николая Мало-Березницкій» (1871), «Монастырь Благовѣщенія Пресвятой Богородицы в Боронявѣ» (1871), «Монастырь Сошествія св. Духа Краснобродскій» (1871), «Монастырь Воздвиженія Честного креста на горѣ Буковской» (1871), «Монастырь сс. Петра и Павла Биксадскій» (1871); «Нѣчто о старинной архимандріи Бохорской чина св. Василя Великого в горах Щитницких в Угріи» (1872) и др.

Окрем історії монастирів ЧСВВ, А. Кралицький лишив по собі історії життя визначних постав русинської грекокатолицької церкви, як то єпископ Їсиф Декамеліс («Іосиф де Камелис, єпископ Мукачевскій», 1890), єпископ Василій Попович («Память покойного епископа Мукачевского Василя Поповича», 1868), протоигумен Іоанникій Базілович («Іоанникий Базілович, протоигумен», 1890), протоигумен Матфей Микита («Матфей Микита, угро-русскій протоигумен Чина св. Василя В. (1802–1885)», а тиж лишив серію публікацій за пам'ятки церковнослов'янської і русинської писемної культури, як то «О древних Евангелиях» (1866), «Письмо протоигумена Макарія Шугайды к земледѣльцам угорским» (1870), «Акт основанія бібліотеки Краснобродско-монастырской бл. п. Александром Духновичем, им самим 1859 г. писан и берегаемый в архивѣ монастыря Горы Чернецкія» (1870), айбо майзнамым стало одкриття у монастирських бібліотеці псалтирі XV столітя («Харатейная псалтырь XV. вѣка», 1876).

Сочасна етнографія і фолклорістика усе ся можуть одкликати на етнографічні, топографо-етнографічні і фолклорні изглядованя А. Кралицького, котрого поважувут закладателєм карпаторусинської етнографії і фолклорістики. Туй яло бы означити хоть лем главні ёго научні статі: «Русины Лаборскіи в Угорщинѣ» (1865), «Свадебныі обряды у Лаборских Русинов» (1865), «Сіверо-восточная

Угорщина (топографическо-географическое описание)» (1866), «Дѣло русского мужика зимой» (1867), «Угорскіи Шокацы» (1867), «Свадебныі звычаі у Шаришских Словаков», «Этнографическыи мелочи из быта Угорских Словаков» (1871), «Народная этнографія» (1888), «Народные пѣсни из околицы Имстичевской в Угріи» (1866), «Из Угорских народніх пѣсней» (1871), «Об народных сказках» (1876), «Бобовищанская колядка в праздник Рождества Христова («Орал плужок по-под садочок...») (1883), «Происхождение Карпатов» (1892) и др.

Конец 1880-х років у творчості А. Кралицького був позначений наверненням до красного писемства. Од того часу, як він полишив келію у Маріяповчанськiм монастирю и перейшов служити до Мукачевського, ёго житя – житя предстоятеля монастиря – скоро четвертину столітя было наповненой многыма-премногыма уязанямы. Вни не полишали му ани крыхты часу на умелецьку творчость. Геройскі поставы національной історії не інспіровали го – романтизм давно уж згас у серцю. Гризли му мозог многі нерішені проблеми національной и культурной оброды, а дале – соціална несправедливість, бідність верховинського люду, еміграція майбідных за океан, навала галицьких євреїв – вшиткі тоты важні знакы соціалных трансформацій и панованя капіталізма в Австро-Мадярськiв імперії.

Спробовав ся навернути у красне писемство через соціалну тематику – ищи при кінци 1860-х років. Зачав товмачити швайцарськых писателів Ієремію Готтгельфа и Генріха Цшокке. Вшиткі літературні тіпажі швайцарськых «народників» перевблікав у лахы русина, як то даколи изробив ёго духовный наставник-батечко Александр Духнович, котрый переробив из німецького языка и приспособив до наших потреб песу «Добродѣтель превышает богатство». Герої-русины (подля німецького рецепта) доста скоро у Кралицького обріли щастя... Вни мали спомагающі общества, кооперативы, а гроші на процентах тримали у банках. Надіявся, што література споможе ширити просвітительство и так одтягне сельського челядника од жидівської корчмы, поведе го до школы, до бібліотеки, изробит ёго житя осмысленов екзистенцієв щасливого чоловіка, выліпшит му економічні пудмінкы житя. Серія книжок «Народное чтение», котру наплановали собі в Обществі св. Василия Великого він и К. Сабов, мала бы тому быти на помочи.

У літературі йшло то путём. Але життя... Література ставала соціалнов утопієв.

Спробовав гет заострити соціалну проблематику у творах. Написав саркастичну «народну» повість «Піявица»⁷³ (1869) – за жида-корчмаря як пряму причину збіднення підкарпатського люду. Перше речення прийшло му на память из минувшости; колись так зачиналось ёго ци не послідне романтичне оповіданя «Мойсей»: *«Сонце клонилось к западу...»*:

«Солнце клонится уже к западу и чуть-чуть за горы не скрылося. На Маковицькой околицѣ, между высокими горами, стоит небольшое село Русло, считающее едва двадцат хижин, выглядывающих крайне убого и ряндаво. В этой деревнѣ нѣтъ ни храму Божьяго, ни школы – ни священника, ни пѣвцеучителя! А есть (Господи прости прегрѣшенія наши) жидок-корчмарь с рудою бородой и длинными пейсиками, распространяя по своим еврейским приемам кабачную цивилизацію, на счет здоровья и имущества русскаго мужичка.

У него есть численная семья. Он называется Сруль, а достойная супруга его – Хая. Наш мужичек, знавший нашего Сруля по его минувшости, и не подумал бы, что когдашній «волоцюга» так слишком разбогатѣлся, а на чем? Ему и в голову не приходит, что на той вонючей жидкости, убивающей душу и тѣло, которую он ему за послѣднія деньги продает. От того Сруль толстѣет, обогащается, а ты, бѣдак, страдаешь!»

У повісті «Піявица» конфлікт ся розрішив оптимістично – злодія Менделя (сына Сруля) розкрито и суд засудив го на смертну кару. Селська община під веденєм священника о. Корнилія зачала процвітати.

У літературі йшло то путём. Але життя...

По «Піявиці» А. Кралицький скоро двадцять років обходив боком красне письменство – штось кус товмачив из малярської літературы («Выстрел Петра Сенте», 1884), штось из словацькой (Словенская сирота» А. Бьелека, 1893), штось популарізовав из російської («Султанский суд», 1889).

У 1892 році львівський часопис «Бѣседа» опубліковав ёго нове оповіданя «Экзекутор». Основов сужета став реальный факт занесеня

73 Аскольдъ. Піявица: Повѣсть из Угорско-русской народной жизни. In: *Свѣтъ*. – 1869, № 1-4; 6-7.

из Америки в Европу філоксеры – хвороты, што кітила грозно. Через неї выгбло доста плантацій, а винничарі стали докус худобні. Оповідання «Экзекутор» – йсе оповідь судового исполнителя, котрый прийшов егзеквувати россуд у гет худобное русинської поселення Иршавка. Літературный герой – майменшый за рангом судовый урядник – хоче ся дознати правду за життя людей, у котрых має забрати послідні їх прижиткы. На свої очи він видит біду из грозном, што го понищила філоксера. Але причина бідованя людей ся крыє у незбайливости власти, у жадных чиновниках, котрі так, ги й переже, наремно збирали из збіднілого селського челядника дань («порцію») и вшелиякі податі.

Автор подойнявся до правдивого одбитя реалій; ёго герої живут у світі антагонізма. Цалком правдиво, по новому автор осмыслив проблему взаимин простых людей и влады; ёго изгорнення цалком реалістичні. Автор – на боці простых людей, він из сімпатієв рисує образы убогих, але достойных героїв.

Правдоподобно, же писатель А. Кралицький у новых соціально-економічних реаліях однайшов про себе новый умелецький стил и новых літературных героїв. Далші ёго оповідання потвержувут сесе. У 1893 році овтор опубліковав ищи три оповідання, што реально пописувут життя простых людей. Се був цікл из трёх зарисовок під общов назвов «Житейские дразги» (1893).

Але немилосердна доля не дала му шанс розвити свій талант писателя-реаліста. Умер у монастирі 11 фебруара (30 януара подля старого календаря) 1894 рока. На третій день поховали го у крипті монастирської церкви. Доступа до могили славного монаха и писателя, як тыж до могил далшых достойників церкви, што туй поховані, ніт. Вступ до крипты замуrowали десь при кінци ХІХ столітя (на вымогу архітектурной комісії), обы исперти иссуваня ся церковной будовы из горба.

Ниякой памятной табы на стіні монастирської церкви у Мукачеві нигда не было и не є днись.

Валерій Падяк,
кандідат наук

ТВОРЫ

ПРОЗОВІ ТВОРИ

1860-х років

СБОРНИКЪ.

Число 7.

Р. 1862.

Рочникъ IX.

Федоръ Петрюкъ.

— Повѣсть изъ Мармарошскихъ горъ. —

Тамъ, къ роскошный рай, — къ веселымъ горы
рѣскои Гелвѣцѣ; — гдѣ пѣдъ вѣчнозеленымъ карпа-
томъ розстелаетса милый пріютъ широ сѣрдного плѣ-
мени, — прекрасный веселый Мармарошь! — — Гдѣ
чѣдѣсна природа на оуказъ всей тварѣ, богато розло-
жила свои рѣдкости; — гдѣ мохомъ оустилени оу-
тесы, вышклыми оуцѣлаѣ, — прямо выносятъ свои
лыси верхи къ далекѣ высотѣ, къ синѣ облаки.
Оу низѣ которыхъ дыматса дѣмѣшчѣи лѣсы, гѣстѣи
кѣры, — вывѣхавтъ стѣдѣный поточокъ, — горитъ
кѣчерками пастырскѣи огонь на овчарскихъ кошарахъ, —
а голосъ горской трѣвы отъ далека оуже гомонитъ
въ оухѣ.!

Янѣ, къ Мармарошь, — веселый, забавный Мар-
марошь!!!

I.

На початкѣ минѣвшаго столѣтѣи, къ годѣ 1717,
кладѣлъ оугорскимъ тронѣмъ Карлъ III. Годъ сей
есть кровавыми вѣкѣями записанъ на скрижаляхъ оу-
горскѣи історѣи.

ПАСТЫРЬ В ПОЛОНИНАХ

Повістка из сторон под-Карпатских

Зближитесь, сыны славной Руси, и станьте вокруг мене! Я рад бы знять густую заслону, мов хмару, из небосклона древности, рад бы очам вашим представить любезных предков наших, которых возродили плодоносный степы Подолья, погребла земля Угрії! Величественное явление открывается очам туземца, когда, святым обнят восторгом, внурит очи свой в темное нідро минувшости, в древность своего рода.

А древность наша – то світ богатый; изобилует она то приятными, то сумными событиями – а всегда важною есть и любопытною для каждого народолубця. Древность враз учит и грозит...

В давнее щастливое время Угрії, коли под Людовиком Великим предѣлы царства того опирались о береги Балтійского, Адриатского и Чорного моря, одбылось найзнакомитшее, враз и последнее переселение Русинов в Угрію. Новое население росстелилось по широким полям под-Карпата и змішалось з родимцами, который уже з первыми Уграми, послі и под царями Арпадского племени, сюда вселились и засіли восточный предѣлы нового царства.

Гей! Русин был тогда еще Русином в полном смысле имени того; он горделиво знал почитати народность свою, был вірный любитель святого своего обряда! Древній благіи часы промчались...

Дієписанія утверждают, что все перемінное есть под солнцем.

I

Чорный сумрак поздней осени застеляет видокруг; уже и вечер зближился, бо солнце западает за лысыі горы; часом и зимный вітерок подувает от сівера; густо валится жолтое листья дерев на землю, и соучастно укрываются ним корчі столітнего дуба.

Но тихо! – ото голос чути: ачей то пісня лебеда? или прелестный голос горских чудовищ у бездонной пропасти? Не лебедь то, ни горская дівка, но пастырь з полонин играет на сопілці. Он як природный игрок искусно вылудит ти найчувствительнѣйшу нуту од сухого дерева.

Зближімся к нему. На мохнатом камени сидит молодой верховинець;

вышесяговая постава показываєст в нем силу медвідя; высокоє чело, долгиі чорныі волосы еше лучше одбивают черты его лица. Так он, сидя каждого вечера на том же камени, выгравает собі на сопілці.

Вниз под горою з разсілин скалы вырывается кристально чистый источник и течет кривулями вздолж подгорья, будто серебряна поволока, а над водою стоїт руска красавица з двома збанками в руках и пламенными очима поглядаєст на юношу.

Пастырь однял од уст сопілку.

– Подобаєст ли ся тобі пісня, моя любезна Єлено?

– Ах, и дуже, а только теперь она кажесть быти якоесь тоскливійшою, як перед часом, сумнійшою, яку ты ніколи еше не игрывал. Да по чому тая тужба, солодкий Владимир¹?

– Га! Ты дивуєшся? Сопілка пастыря и нехотячи вылієст внутренній чувства, выведет думку, а сын природы, коли весною луги зазеленіються, сперва любит з соловієм весело играти, а як наступят дни пекущего літа, сопілка его розрывній, тупій голоса розносит. Дивно ли, если о поздней осени затоскуєст над матерью-природою? Приближается и моя осень, ба ачей и зима!

– Наступит вновь другая весна, – отвічала Єлена.

– Дай Боже! Только мені, як показуєсть, не принесет больше моего соловія.

– Ты весьма занят печалію, тобі чогось тоскно стало; я тебе ніколи не видала так сумным! Вчера мати пытала: почему Владимир так рідко до нас ходит? Я не знала отвічати, як и теперь не єсьм в стані поняти причину твоєї туги.

– Не останавлийся, любезна, над моєю невдякою, – одразил уже якоесь лагоднійше Владимир, – жителя дебр находят розныі хвилі духа... но сего вечера у вас буду.

– Тяжко дойдеш тамо! – зашептал якийсь глухий голос в поблизькому корчі так тихенько, что Владимир мыслил, будто слышит шум вітерка вечірного.

– Прийди, любый, прийди, мы раді тобі, – запросила з усмішком

1 У першопечатному тексті (1860 р.) и далшых переведанях сього оповідання, не знати чом, автор хоснує неєднакой написаня чоловічих имен, друга часть котрых має у собі корінь «міръ». Мож порівнати: «Владиміръ», але «Тихомиръ». Годно быти, же иде за стилістичну штуку. Подля тогочасной нормы російської орфографії слово «міръ» (як виняток из правилла) усе ся мало писати через букву «і». То значит, «міръ» – правильної написаня слова (Владиміръ – позитивній герой), а «миръ» – неправильної написаня (Тихомиръ – фалшивий чоловік) (*значка вшорителя* – В. П.).

внутреннього удовольствия Єлена и, начеривши збанки водою, поспішила скорым кроком через луг зелений к хаті.

Цариця небес високо плавала в товаристві ярих зізд на синім поднебєсью, коли Владимир похватился з задумчивости, стис сопілку под паху и пустился узкою стежкою по-под гай зелений. Думки его были тяженькіі, розум боролся з сердцем, любовніі чувства влекли его до вірной, постоянной Єлены, а розум, як холодный мыслитель, проводил ему на память лукавое корыстолюбіє старого Романа, в которого власти была прекрасная Єлена. Чувства тіі и мысли произвели в души Владимира болізенный росстрой и роздирали рану сердца, котору любов ему задала. З таким печальным настроєнієм духа зближался он к хаті, в которой находился предмет тужливых его думок, но враз и усміхающейсѣ ему надіі.

В боку у хаты, серединою прилежащего огорода, протікал горський глубокий поток, через который вела до хаты узкая кладка. Владимир сміло ступил на кладку и з одвагою проходил вздолж ней; но коли дойшол середины, кладка проломилась – и он той же хвилі нурялся в волнах глубокого потока. Говорят, что утопающій и острой бритвы хватается – з пастыря пловецъ стался. Владимир сильно робил руками и щастливо доплил до берега. При березі човно было прип Yates, а на човні пильник и невеликая торбинка.

Пастырь скрыл найденыі речі под сірак и, выдряпавшись з потока, начал выкручовати наводненную одеж. Собака голосно защекала с-под засипа хаты.

Хата показовала вкус тогдашних времен: росширное будовиско, низкій вигляды з шістьугольными стеклами, якіі показывают еще где-куда святійі храмы верховины. Из окон одбивался слабый блиск каганця.

Дубовыі тяжкіі двері заскрипіли, Владимир рішительно вкочил высоким порогом.

– Помагай Бог вам! – заголосил он громко.

– Дай боже здоровья, – одповіла звенящим голосом Єлена. Зачім старый Роман поднял очи, змірял ними од пят до головы прибывшого гостя, Єлена уже посадила Владимира на широкую лавку.

– Вітай, Владимире! – озвался Роман по хвилі и продолжал бесіду з прежнім хладнокровієм.

Вбок него сиділ мужчина, числячий літ около тридесѣт и пять, помраченій очи его сверкали угасающим огнем уживших грішных пристрастій и потупно носились по стороні, где Владимир усіл з любезною своєю.

Старый беспрерывно провадил бесіду свою, он росказовал Тихомирові – бо так назывался незнакомецъ наш – о походах воінских в Неаполь,

о храбрости полка свого, в котором перед осми літами служил; прославлял Людовика и проклинал Іоанну Неаполитанску, из которой согласія коварным способом замордован был Андрей, муж її, родный брат Людовика. Все то было для гостя весьма занимательно. И Тихомир слухал, а старый провадил своє.

Но Владимир наш цілком одлучился од них; он забавлялся з Єленою. Разговор старого Романа нічим его не занимал; он по чувствах груди своєї забавлялся; аж коли уже обачил, что ноч позна, когут пієт, стиснул за руку Єлену и, попрощавшись наперед з старою Макриною, попрощал всіх словами «Добра ноч!».

Острыї стрілы з очей Тихомира провадили его. Но он внутренні успокоєн одойшол.

II

Урвім нитку повісті, лишім на час скромных верховинців наших.

1378 літа, трема годами вперед приключенія того, блідый лучі ночного світила одбивалися од вигляда одного дома в Букарешті. Город Валахії покойно дрімав под чорным покрывалом ночі, и гробную тишину шумных днем улиць лиш часом возмуцав клопотный ступай ночного сторожа. В спальні помянутого дома молода женщина лежала на одрі и боролась з смертію... Ангел смерті прервал ей страданія – она скончалась... А в прибочной комнаті жартовный усмішки давалися чути.

Молодый боярин пристрасно стискал сніжно-білую руку красной ромунки и сладосно предкладал ей взаимную щастливость, наступающее блаженство.

– Благодарю, Флора! Ты мене позбавила тяжкого бремени, под которым я за три літа так тяжко угнітался. О, ты освободила мене от моей неволі! Як щастлив буду я в твоїх объятіях!

– Ха-ха-ха! – засміялась сміхом відьми лесная ромунка, – ты щастливым хочеш быти, Думитріу? Будеш щастлив, только щастя твоє не буде ли возмуцаємо поминанієм грішной минувшости?

– Перестань, любезна! О, ты так плоха, любиш зо мною задиратися! Что мені до минувшости? Я наслаждаюся настоящим, уживати хочу роскош будучности, а минувшость най пропадет в бездну вічности.

– Но нещадная совість, діти ада, замедлят ли должность свою?

– Что мені? Мене ничто не тронет, я спокойно пити буду любов из чаші уст твоїх.

– Не будет ли в чаші той топсана, Думитріу? Топсана, яку испила пред годиною молода жена твоя, а перед тыжднем родное дитя твоє?..

– О, ты страшенна! Ты творишся невинною, не твоя ли рука донесла смертоносной топсаны? Ты помоч подала погубити моїх; я только для любви твоеї стался убийцею и послал жену и дитя на другий світ!

– Ты – жестокосердний, Думитріу! Прирекаєш мені непрерыванну вічну любов; можеш ли ты вірно любити мене, коли ты так бесчеловічно убил своїх? То правда: я помагала тобі, но помагала про то, абы искусила, будеш ли в стані одважитися и на найгоршое про любов для мене; а что ты человек без сердца, свідчат діла твої. О, ты дуже, дуже прегрішил, Думитріу! Ты подобный к оному ловцю, о котором я тобі истинно случившуюся сказку розкажу. Слухай!

«Там, где вічная зелень по-над лысую голову престарілої Магуры росстелила свой синій плащ, стоїт еще и по днешній день на берегу чистого потока малый домик; єсть то місто чародійного положенья. Господарь дома того єсть – казати хочу «был» – званієм рыбарь, он постарілся при неприязненном ремеслі, ловил рыбки и так пропитовал своїх. Женка померла в цвіті молодости и лишила убогому рыбарю полвторалітнюю доньку. Марія росла, будь тополя посереді гущі ліса, невинно, мов біла лелія в цвітнику. Людей изблизі никого не знала, бо рідко кто навіщал старого рыбаря. О, як щастлива, як задоволенна была тогда еще Марія! А як красна была она – образець найвысших красот, в якії лиш рідко избилует мати-природа! То утверждал цілый Букарешт, в который она єженедільно заміняти дробный рыбки на потреби до поварні приходити обвыкла была.

Одного пекущего пополудня, коли од чорных хмар заблысла молнія, небо загреміло, густый дождь ліяти почал, вкročил до хаты рыбаря молодой ловець з стрільбою на плечах, прося на час притулку. Сердечно прияли его домашніи и почестовали по обычаю хлібом и печеною рыбою. Ловець одойшол и приобіщялся на другий день.

Марія, дотеперь так веселая, задумалася, почала тужити. Ловець прийшол знова и стался каждодневным гостем. Солодкий слова промовлял он до Марії, Марія радо его слухала; межи ними тіснійший союз почался... Ах, и Марія дуже щастлива была тогда! Ловець обіщял єй в жену пояти – Марія росла од радости. Но з одного часа ловець рідко приходити почал, аж послі цілком забыл за Марію – Марія сталася матерью... Старый отець, занедужавши, помер; кажут, что од жалю... Ловця нигде видати не мож было. Марія осталася сама на себе... Бідная! Не єдна слеза полялась вниз білого лица, но уже поздно оплакивати вдовство...».

Думитріу потрясся по всем тілі. Флора продолжала:

«Марія лишила домик, в котором народилась, чтоб несчастною стала. Пойшла в город, сама сирота опущенная, блукалась по улицах,

звідывала за ловця, но, по имени не знавши его, вопрошала надармо. Аж одного вечера обачила его выходящего з одного дома, спросила людей, кто то? Єй одповіли: „Богатый боярин Думитріу, а в домі сем жиет его обручница“. „Обручница?“ – промовила до себе Марія и удалася к оному же дому. В світлиці, украшенной богатыми снарядами, сиділа молодая обручница; Марія упала до ног и ціловала руку єй, показывала малое дитя, которое так солодко почивало на лоні – но выслышанна не была...

Одного утра послі приключенія того світлая толпа бояр удавалась к святому храму, а Марія тряслась з дітиною от зимы. Лукавый ловець женился. Марія пребігла свадебных и прилякла перед ловцем. Он копнул в ню ногою – Марія упала... Долго лежала она без чувств и занедужала тяжко. Дітина померла. Марія пустилась в світ... Долго она блукалась, но теперь –двойко одмстилась! Познаєш ли мене, Думитріу?! Я – Марія!»

– Ах, что слышу? Ты – Марія?

– Марія, а не Флора! А ты, лукавый ловець, ты уловил душу, совість и покой мой, верзи на мя камень! Ты мене несчастною зділал, я одмстилась над женою твоєю за то, бо коли я просила, абы тебе мені одпустила, она мене изгнала... Подай руки, Думитріу, я свяжу их и оддам тя суду!

Думитріу вызирал, будто бесчувственный истукан; глубоко впял он очи в землю и молчал – молчал, не оправдвался, не противился: суровый боярин под хвилькою агнцем стался! Зложил руки, а Флора – или, праведнійше, Марія – зорвала з груди драгоцінный ланцух золотый, у которого висіл маленький крестик, звязала ним руки боярина и вела его за собою долу ступаями.

Надворі была темная ноч. Марія на саму площадь города спровадила боярина, там оддала его до рук сторожей, исповіла вину его и пропала.

Думитріу в сырой темниці очутился.

III

О, веселая верховино, ты высокий Олімп Руси! Ты исключительный предмет радостей и забав Русина. Он літом, безодлучный житель твой, лазит по скалам полонин твоїх, пасет скотину или обділывает землю. А зимою на верховині ачей скучно? Русин, и коли спит природа, має средства, єсть способен забавно провести долги зимовы вечера. Может быти, что пышного гражданина, привыкшого к искусственным зрілищам, роскошным, вынужденным забавам, убила бы в горах скука, уныніє, но и не тронется селянина. Селянин ледва дождається вечера, чтоб пойти на вечерниці, на прядки, где так солодкії пісні, чувствительній сказки, приповідки и веселыї жарты можно чути!... О веселая верховино!

Такої забавної вечериці бывали и у богатого Романа. У него была обширная світлиця, а Єлена иміла много подружок. Весело промчалась Фелиповка, наступили свята, приближились и так давно ожидавший мясниці. У мясниці Русин плывет в радостях, в роскошах: он лиш в мясниці любить свадьбовати, тогда танцюет, веселится до пересыту.

Ктось затовкал в двері низкой хаты старого Игната.

– Вольно, – скричал он изнутри. И войшол Владимир.

А Игнат был то муж, як рідко кто в околиці: любимый и почитаемый од родимцев своїх, который его заедно лиш «Батьком» звали. Батько бо был он цілому селу, частью про свою глубокую старость, про літа, частью же про оный союз, который межи ним а селянством существовал, по которому он каждого сельского торжества первый и неминаемый заводчик был и руководитель; без него не одбылися крестины, не вязалися и не кончалися слюбы. Его неизчерпаемое краснорічіє упросило діву; он услуги своей и умершим не одказал, бо его ділом было Псалтырю над умершим тілом читати. Не женился николи, молодость в полонинах стравил, был долго гробарем, послі – звонником. А иміл он и тот похвальный обычай, что завсе одну сиротку воспитывал, котора у него, доколь замуж не пуйшла, должность господині кончити обykle. Дом его был убіжищем, притулком для всіх странных – и теперь зимовалась у него єдна убога женщина, котора неизвѣстно з яких сторон прибукалась и, занедужавши, чоловіколюбным Игнатом в дом прията была. Она, казалось, походила из Валахії и научилась дачто уже и по руськи.

В мясниці молодці найчастіше посіщали батька Игната, предлагали ему замыслы свої и наміренія свої, просили о пораді и, что было найважнійшое, даколи просили и о послугу.

Свої наміренія иміл также и Владимир, вступивший перед хвилею в Игнатову хату. Он глубоко уклонился; Батько приял его ласкаво и посадил близь себе. Владимир россмѣлился и начал предлагати ціль своего прибытія, котора в том состояла, что он рад был женитися з Єленою и просит умильно о посредничестве Батька.

Батько потерся по голові и промовил до молодця охрыплым голосом:

– Добрі, сыне! Лиш, як чувати, Єлена уже иному пообіщанна.

– А кому, Батеньку?

– Знаєш богатого Тихомира?

– Тихомирові? А то неправда, Батьку; Єлена не станется віроломною.

– Гм, Єлена добра, только Роман мені не подобається; он чоловік користололюбний. О, ежели бы лиш только добра Макрина не была померла и доньку свою Єлену не лишила на так подлїї руки...

– Роман не єсть родный отець Єлены, а Єлена єсть в своем праві свободна.

– Гаразд, сине, еще днесь вечер покусимося о щастье! Но изготовил ли ты який подарок для твоей Єлены?

– Тут єсть, Батьку! – скричал так громогласно увеселеный жених, что и недужная жебрачка пробудилась из просоня; зачим вынял с-под сїрака малую торбинку, розв'язал, и вот золотый ланцух зазвеніл на столі.

– Красный подарок, о, дуже красный! – промовлял Батько.

Жебрачка очи, як п'ясти, выкотила и вновь затворила.

– Слышали вы, Батьку, о моей пригоді минувшой осені, коли я в поток упал и мало что не потонул? – поднял слово Владимир и продолжал, – Я кладкою больше раз перейшол, но нигда не уломилась подо мною. Гей, Батьку, кладка из споду подрізана была, лиш к верху мало держалась, а кто подрізал, тот лишил мені в нагороду невольного купаня пильник и торбинку з ланцухом сим.

– Враг той, як видится, был богатый!

– Богатый он и нині, Батьку, и не что иное, только богатство его сушит мою голову.

– Кого розумієш, Владимире?

– Кого бы иного, як не лукавого Тихомира.

З тым приближился вечер, смерклося; Игнат встал, покрутил сребряно-білий усы и, взявши в руки палицю, промовил:

– Ходім, сине; Боже, помагай!

Владимир дрожал, сердце сильно билось в груди, так яко тому воїну, который на перву идет битву.

IV

Хата Романа стояла на малом холмику, з которого свободный прогляд был на всі стороны околиць. Єлена задумчиво стояла на порозі сінных дверей и позирала вниз росстеляющуюся замрачену долину, по которой поодинокі домики, будьто гнізда муравлей, рострясено чорнілись. Скоро обачила Єлена зближающихся мужей и вбігла в хату. Она добрі познала приходящих, як и відала про їх наміреніє.

Старый Роман, опершись на локоть, сиділ собі за столом и проспівовал тихонько «Ангелский собор удивися», бо – то ему признати должно – что он, при всіх своїх, як казати звывкли, недостатках любил пісні святого обряда.

Двері скрипом ростворились, и Игнат, закашлявшись, як то старий, вступил з Владиміром у світлицю и солодко поздоровил домашніх.

Єлена скочила и, постиравши припаскою столець, просила сісти. Но Батько, собравши в морщини подолгую старую тварь, котора тим поважнійшою видалася, ударил палицею о землю и начал повольным голосом: «В густом лісику, на зеленом яворі дві горлиці гуркали...»

Єлена чим скорше закрыла очи припаскою, як то звикли ділати наші верховинскіі красавиці, коли из пословичной бесіди не иное что порозуміют, як что їх замуж просят. И Роман догадався – колько часов было...

Батько продолжал: «Горлички взаимно любилися и предприняли собі, забезпечивши неизвістну будучность, гніздочко уплести, чтобы як себе, так и маленьких иміти где скрыти од бурі и всяких непогод. И уже предложенное діло начати хотіли – нараз пропала самичка и больше не показовалася. Самчик тужливо щебетал по гаю зеленом, глядал улюбленницю, доколь ей не найшол под вітками старого дерева; просил дерево: «Оддай мені, дубе сильный, оддай мою супружку! Мы получимся, гніздо уплетем и жити собі будем в любви». Так и вас, любый господарю, сердечно просит вот юноша сесь, чтобы есте изволили сердечну вашу Єлену ему дати в супругу, чтобы жили, як Творець приказал праотцям нашим!»

Батько, исповівши своє, занял місто.

– Брате Игнате! – озвался наскоро Роман. – Єлена еще и недоросла, она еще слаба, замуж сего літа не пойдет, ми свадьбовати и не мыслимо еще. – И з тым страшенній очи верг на Єлену.

Єлена сумно внурила свої в землю.

– Батьку Романе, я люблю Єлену, она мене; мы уже давно пообіщались одно другому; будьте ласкавы, благословіте союз наш, – просил умильно Владимір.

– Ніт..., сего літа ніт.

– Ба ачей и николи?!

Роман молчал.

– Стрюю! Я Владимірові пообіщалася, я его супруга буду, или ничия; я Тихомира выстати не могу, он человек суровый, я щастлива з ним не буду – и радше смерти, нежели ему обручуся, – просила з плачем Єлена.

И Игнат вмішался, всі просили, но даремно: Роман остал непоколебимым.

– Так, сыне, одходім! Оставайтесь з Богом!

– Ніт, Батьку! – закричал з немалым огорченієм Владимір. – Єлена есть моя обручница, она казала: умрет, а не будет иного, як моя; и зачим только огидна мамона препятствует нашей ціли? И если мы не в

стані dospіти оной на сей земли, будемо свої на другом світі – там, где нїт позору на марное богатство, только на чистое сердце. Про то, любезная, я прощаюсь з тобою навсегда. Нашу колыбель нещастная рука судьбы колысала; ты, я знаю, не станешя віроломною. Пращай и приймай в залог моеї вірної любви памятник сей! – сказав и повісив золотий ланцух на шию Єлены, котора слезами обливалась. – Аж тепер ідім, Батьку! – воскликнул еще Владимир, и оба одойшли.

Дарьмо покушав бы ся кто изобразити жалъ сердца бідной Єлены. Аж тепер почались страданія їй, її одчаєніє... Потерянна надія..., сумний голос сопілки..., присутствіє и подлестный слова Тихомира..., суровыі укоры Романа – все то явилось тепер їй тривожному воображенію, поразило невинну дівочую душу, ударило в грудь... – и из той груди, з самой глубины добылись горенькїі слезы, потекли рясною струєю по лицю и измыли свіжую рожу из чудно-прекрасной твари. И рожка начала увядати...

Настала весна, приятныйі голосы сопілки розходились по дубровах, горы и лісы оджили свіжою зеленію, роскошною вонію. Все повеселіло, а только Єлена была смутна...

Одного приятного вечера, коли она, сидячи на приспї у хаты, оплакивала свою печальную долю и послї горьких слез наконецъ твердо заснула, явилась вблизи одна женщина в обдертой одежи, з побуреным долгим волосом, тулялася за углом хаты и, обачивши Єлену спящу, прикралась до ней тихонько – и в миг пропала...

Пробудившись по хвильці, Єлена желала по обычаю поціловати крестик, но ланцух пропав уже из шеї...

V

Весна в полноті росцвілась. Настав прекрасный місяц май. Землиця Божа приоділась світлым зеленым одінєм, вся нарядилась цвітами. Куда глянеш оком, всюда прекрасно, приятно, весело! На небі, в воздуху, по горам, по долинам – всюда завладіла чудная княжна-весна.

Всі наслаждались нею... а только одно сердце было, для которого весна казалась зимою; то было сердце Єлены...

Одного дня приятным поранком, коли пламенныйі лучи сонця, поднесшись из-за гор, позолотили остроконечныйі верхи Карпата, удавалась веселая толпа свадебных людей к святому храму. Издалека, од высоких полонин, разносился тоскливый голос сопілки... Толпа войшла в церковь. Думитріу женился з Єленою.

Сиво-бородатый священник спросил Єлену, вольно ли она присягаст? Єлена, подтронута иззаду рукою Романа, отвітила тихим голосом: «вольно».

– Не пообіщалась ли дакому уже?

Отвіта не было. Священник повторил вопрос. Єлена не отвічала. Казалось, будто она недужна. Священник одпретил благословенія своего и весельный сватове уныло розойшлись.

Но ввечер созвал Роман всіх гостей на малую закуску и просил всіх поєдиноко, чтобы наклонили Єлену до исполнения волі его.

Єлена лежала на ложі недужа.

Дом дрожал од звука музики и веселых співок, всі забавлялись по вкусу своєму: молодці плясали, старый сиділи вкруг стола и гостились.

Звук утихнул – что-то дивного сталося. Одна ряндава женщина быстротою молній вбігла в хату з блистящимся золотым ланцухом в руках и, остановившись пред Тихомиром, закричала из всей силы:

– Зложи руки еще раз, Думитріу!

– Ах, мати моя! Ты несчастного сына породила! – заревіл з плачем Тихомир. – Маріє, Маріє, ты жено ада, отруйнице жизни моей!

– Ха-ха-ха! – засміялась голосом зьумасшедших Марія. – Подай руки, ты, як вижу, познаєш ланцух сей?

– Пропадь, исчезни! Люди, спасайте мене!

– Думитріу, или по-твоєму, Тихомире! О, як тішусь, что ты познал и по так многих літах несчастную Марію, безумную Марію, як люди кажут... Тобі пощастилось избігнути из темницы и подержати ланцух сей для своей конечной пагубы – подай-но руки!

Всі гості, мов бесчутвенный истуканы, призирались дивному зрілищу. Лже-Тихомир скочил и, ухвативши ланцух, будто испуженый лев, пробился через задивлену толпу – и исчез...

Жолтое листье дерев уже валиться почало на землю. Марія давно уже лежала в гробі. Она не могла одмститись на лукавом боярині.

Голос сопілки жалостный тону розносил по верхам полонин – аж одного часа нараз умолкнул...

На общем кладбищи одна могила зеленым мохом окладена стояла. Под могилою спочивала Єлена в объятіях смертного сна.

Один муж сиділ над могилою и з дитинячим удовольствием бавился якимсь-то ланцухом... Был то Тихомир.

ФЕДОР ПЕТРЮК

Повість из Мармарошских гор

Там, в роскошный рай, в веселыя горы русской Гелвеції¹, где під вічнозеленым Карпатом росстеляється милый приют щиросердного племени – прекрасный веселый Мармарош!² Где чудесна природа на указ всей твари богато розложила свої рідкості, где мохом устелены утесы, выпуклыя ущелья прямо выносят свої лисыя верхи в далеку высоту, в синіе облака, у низу которых дымятся дремучія лісы, густыя боры, выбухает студеныя поточок, горит вечерками пастырский огонь на овчарских кошарах, а голос горской трубы оддалека уже гомонит в ухо!

Ану, в Мармарош – веселый, забавный Мармарош!

I

На початку минушого століття, в году 1717, владіл угорским троном Карл III³. Год сей есть кровавыми буквами записан на скрижалях угорской історії.

Єдва привелися в дійство точки Сатмарского примиренія, по которому междусобным сварням и кровопролитіям вже раз конец урвался и пораженное войско мятежного Раковця принуждено было склонити буйныя головы пред законным скиптром Карла, а нужденное жительство краю єдва покушало солодкого покою, вскорі тронула его страшенная вість, общий пострах, так як по ясном дню напрасно восстанет гибельная туча. На полуднево-восходной части краю вість росходилася, що Азіатская дич – соединенныя войска Турко-татаров – стягаются до табору під стіны

- 1 **Гелвеція** (лат. Helvetia) – Швайц, Швайцарія (зазначка вишорителя – В. П.).
- 2 **Мармарош** (авадь Мараморош) (лат. Comitatus Maramarosiensis, маляр. Máramaros vármegye) – історичный регіон, комітат Угорського королівства на сіверо-востоку державы; днесь – восточная часть Закарпатської області України и повіт Марамуреш у Румунії (зазначка вишорителя – В. П.).
- 3 **Карл III** – вєще познатыя в історії як Карл VI Ёсиф Франц (1685–1740). Року 1703. Карл III став королєм Еспанії. По смерти свого брата Ёсифа одідиичив австрійські землі. Отець славнозвістной імператриці Марії Терезії. Боївав из Османськов імперієв у рр. 1716–1718 и 1737–1739 роках (зазначка вишорителя – В. П.).

Белграда и что оттуду хан Задар огромным полком вдарил на сосідный Семиград⁴.

Где-будь дошла сумна вість, всяды ялся испужаный народ бігства и одступал в горы, шукаючи спасенія од грозной смерти.

Неодолга по тому дикарі, спустошивши плодоносный Семиград, явилися, мов чорная хмара, на угорских границях. Царь Карл, абы отоманским вѣйнам уже раз конца доїхати, всю силу воинску обернул пѣд Белград, там бо незваного Задара на границі не было витати кому. Бідный народ пѣд непрестанными непокоями изнемог, да и царска скарбница в непорядном ставі находилася.

Поступ безчеловічной орды был досить прудкий – пограничія Мармарошской и Сотмарской столиці⁵ уже исстреблялись огнем, дич беспощадно палила и грабила всѣ, жены и дѣвы язала в рабску ціп и выслала до стамбульских гаремов. На то обывателіе тых сторон, привыкше уже од давен-давных к подобным играм, скоро ялися на оборону; всякий, кто лиш был у ставі взятись за оружие, брал его и ставился до табору – и по кѣлько днях численна толпа охотников зближалась к границі на привіт незваных гостей – пѣд начальством Василия Багоша⁶.

Меже тым, коли то діялося, проживал в гущи дремучих лісѣв Мармарошских оден мужчина свою смирену жизнь; он был еше молодой и в полной силі верховинця, а яко житель лісѣв был досить пасмурного нрава; прохоживаючися по-под зеленѣй вѣтвы ялиць, роздумовал он про минувшее бурливое житья свое. Сли пробудились в души его памятки пережих⁷ времен, сли впала єму на мысль давна его легкомысленность, тогда остыгал пламенный дух его и горкое воспоминаніе болестно роздирало внутренность его: «Чому збираются сірыі облаки по-над зеленѣй вершины древес, коли не сыплот огнистых перунов на мене и подобных мені?! Для чого не отворят громом своїм сырое нідро сухої земли, аби пожерла мя, убийцю, навѣки!».

4 **Семиград** (лат. Transsilvania, нім. Siebenbürgen, мадяр. Erdély, рум. Transilvania) – Трансільванія, історичний регіон Угорського королівства; днесь – регіон на сіверо-западі Румунії (зазначка вишорителя – В. П.).

5 **Сотмар** (авадь Сатмар, Сатмарський комітат; мадяр. Szatmár vármegye, рум. comitatul Sătmăr, лат. comitatus Szatmariensis) – історичний регіон Угорського королівства на сході держави; на сівері граничив из комітатом Марморош (зазначка вишорителя – В. П.).

6 **Василь Багош** (Ласло Багоші) – реална історична особа. Позбрав войско из 300 вояків, котрі нападали на татарське войско. Жерело: Душанек І. Хуст в Мармарошѣ, Хуст, 1938, с. 114 (зазначка вишорителя – В. П.).

7 В оригіналі было напечатаной так: «преднихъ». Видав, туй проскочила хыба, котру сьме выправили (зазначка вишорителя – В. П.).

В подібній настроєній духа был юноша сей одного утра, так въздыхал и тужил, аж нараз одважно упрявил унивающу голову и дико поніс очима по гущи. Тут казалось, будто одна страшенна мысль запалила ему голову. Стал рішительно и, знявши з головы повішений на ней топорець, закинул ним на лівое рамя – и вмиг исчез.

Необав по густом лісі крик и шум роздався. Скиталець приложил слухи и стягся під корчи. Были то путешествующіи, а, як показовала їх одеж и бесіда, были мармарошскіи Русины. Толпа была досить велика, в которой находилися и кѣлька давних товаришѣв и знакомців молодого скитальця; он распѣзнал сих на первый взгляд, свистнул голосно и скочил до застановившойся толпы.

– Го-го, – скричали всі, изумившіся, – то Сава, відь его нам теперь потреба, и так не маєм вождя. Пристанеш ли, братцю?

– А чому ніт, тѣлько хочу знати цѣль вашу.

– Цѣль нашу? Гм, ачей ты не чул про Татарина?

– Ага, аж теперь знаю – так вы пустилися на поганина дерти ему, собаці, ремені из плечей! Не дивітеся на мене, я бо скиталець, необзнакомлен з ділами вашей доли, но однакож тішит мене підприємтіе ваше – о, так и я радо иду з вами.

И толпа голосно загреміла:

– Най жиет Сава, ватажко наш!

* * *

Повернім троха до минувшости, ступім дванадцять літ назад.

Приятный липцевый вечер был, од юга подувал лагодный вітрик и свистал милыми тонами vzdолж пестрых лугов, росстеляючихся по-пѣд старинну гору Діла. З горы валилася тучна череда рогатой скотины, гомон звонѣв широко розносился по околиці. А горскою дорогою, як зганути можно было из острого скрипа немащених колес, качался некованный воз з дровами, а газда вытинал собі на все горло улюблену пісню, котора, хоть по просту выдавалася, но таки изражала всі мечты селянина.

Пѣд час співу его в потоці болестный стон выносился горі к небу.

– О, дітя моє! Пригорнись ближе до сердця мого, дай губку, най усолодится остатным поцілуєм умирающей мамки, бо зближається пора, од которой наступлят терпінія твої, искусиш не одно горе в студеной чужині, бо мамки тогда вже не буде!

Тут дітина заплакала голосно и верглась на недужну грудь.

– Так, дітя моє, я умру! – продолжала недужна женщина и огнем горячки прижала плачущую дівчинку к искренным персам. – Я умру, бо

вижу спорую⁸ кончину пред собою, а так ты мене вже ббльше видіти не будеш, бо я умр...

Разрывающаяся болём грудь на хвильку звязала язык и недужная знову прийшла до себе:

– Понимаєш ли ты, дітя моє, что то значит умерти?! Я тобі скажу: коли будеш видіти мамку нерухомо лежати, коли очи и уста запрет, станет зимною и блідою, ты будеш ю сіпати за руку, но она не подастся, не двигнется и голоса твоего не почує, тогда знай – она вже умерла!

– А может быть, мамка спати будет тогда твердо? – тішилось неопытное в житю дітя.

– Спати будет мамка, так есть, дітино моя, но спати будет дуже долго, будеш видіти, як прийдут добрый люде, возьмут мамку и занесут ю в глубокий ров, бо знай: ей тогда не мож держати наверху, она буде смердіти, и по ней будут лазити червоний хробаки, который будут ю кусати, но она чути того не буде!.. А так ты будь добра, ніжна, бо я, хоть як бы не розлучили нас, таки тебе заєдно видіти буду и з тобою буду, душа бо моя, котору землєв присыпати не мож, там буде, в небі...

Тут газда спустился узкою дорогою в поток и, скричавши на своего быка «го!», застановил вѳз з дровами и принялся розгамовати колесо. Среди тишины вечерного мрака болестный стон вырвался из дольной поляны и ударил ему о слухи.

– Кто там, одозвися! – скричал сильно, что аж дрѳбный листки поблизкой березы стряслись, и прудко схватил за своѳ тяжкий топор.

– Ах, воды, про Бога, воды, лиш одну глотку!

Селянин розбігся и в минуту стал задышанный над печальным явлением. На мураві текущего ручая лежала одна женщина, а на персах ей спочивало сплячое дитя и обключило обома руками шею єї. Місяць праві тогда выкотился с-под густого облака и освітил черты женщины; они показывали свою колись-то чудесну красу, чародійну привлекательность, котора была не раз в стані помішати жаркими головами юности, но теперь были они прорізаны глубокими яругами, блідою барвою, як живыми свидітелями терпінья; очи же єї померкнувшим світлом носились по задумавшомся селянині и пожалования умоляли.

– Воды, ах воды!

Селянин, мов другий самаританин, борзо кинулся к ручаю и, начерпнувши широку крисаню кристальной воды, стал наповати умирающую, но чоловіколюбному усилю его препятствовало на груди хворой лежа-

⁸ В орігіналі было напечатаной так: «порную». Видав, туй проскочила хыба, котору сьме выправили (зазначка вишорителя – В. П.).

щое дітя, которе, сильно обключивши шею, заперало и так уже тяжкий оддых недужной. Одорвал его и коснулся оживляющими каплями засохлой губы.

«Что нині будем ділати, – сказал про себе щедротливый русин. – Село далеко, а она умирає. Хоть як, а довезу ю в мою скромну хижину!».

З тым повернул к возу, зметал з него дрова и, настеливши спід его галузьем, а зверху мягким мохом, вернул опять до недужной и, взявши ю на рамена, занес на вѳз а так, высадивши горі малую дівчинку, скричал на своего быка: «Гей сивый, гей!».

Вѳз сувался дорогою дост спішно, а по-над него заскреготала часом перелітавшая ночная птиця. Уже близь пѳлнѳч была, коли наконець застановился вѳз на подвѳрю селянина, приступил он до недужной и хотіл ю зняти и занести в хату, но скоро застановился и возгласил соболізнующим голосом: «Відь она застигла!»

Правду сказал селянин: она умерла. Кто была, якого сословія, як ю звано? На все то лиш отвітует: убога и странна была.

На третій день сумно звучали звоны деревяной церковці села Білово-ли и созывали селянство на похорон незнакомой чужениці; среди числен-ной толпы, супровождающей труну, ступала и крайні осиротіла дівчинка и несла пѳд пахою єдинственное наслідіє – старенький молитвенник; она не слезила, бо и не дуже знала, що дієся.

Незнакомую женщину пригорнули перстію, а сирота позирала на усыпану могилу дітинячим легкомыслієм. Тогда оден сідоглавый старик з срібряно-сивыми усами приступил к ней, взял на руки сироту и, полюб-завши ю, сказал ніжно:

– Як ти имя, доню моя?

– Ирина, – одповіла дівчинка.

– Пѳйди зо мною, Иринко моя, ты одтеперь будеш моя донька, я тобі куплю красній шатки и будем жити вьєдно.

Старик сей звался Богомир.

II

Дванадцять літ минуло од того часу и помянута сирота выросла уже дівою, доспіла того мечтательного віку, который человеку заєдно єще, вмісто тернія, цвіты стелит на пути живота. Жил єще и батько Богомир, но глубока старость вєже наскучила єму, предця же он все єще забавный, веселый был; тѳлько часом всклон жизни его возмущало новое нещастяя отчины: напад и грабеж татарѳв.

Старческий зхолоднілий вік старця дуже умно знала усолоджати воспитаниця его Ирина; и хотя в домі тѳлько двое жили, то прото хорошо

уміли они прогоняти скуку: днем занятії були обоє своїми ділами; Ирина остроумна была в веденії малого господарства, рядила ним благоразумно, а коли батько, огорнувшись копами книг, сидів над ними и читал весь день, тогда она наблюдала по домовству⁹, доглядала дворну скотину, пекла старику вкусный хліб – и так нужду лише по имени знали. Надходив вечер, коли природа захотіла спочити; тогда усівал старик з Ириною на подворью під розложистую липу заживати здорового літнього воздуха, а красавиця почала розказувати старику веселії, но умный повістки и басни из русского житья, иногда співала єму горскую пастырскую пісню, пока батько красененько не вздрімався – и приспівшой ноши темной одходили в хату и передавалися покойному сну.

Татарска орда неспинаємо просувалась дальше в край и лишала по собі сліди опустошенія и общего горя. При конці серпня всі рускії добровольники збіглися під прапор Василя Багоша, и в околиці В-Бани¹⁰ сильно вдарили на поганів, которыі и не пригадали собі про напад збіднілих жителів, они бо мыслили, что уже опасатися на бідной Угрії и не дуже єсть кого, тому ж они в непорядном пороскиданію по полю лежали собі під выгодными шатрами и гостились вкусным рижом та улюбленим молоком; аж одразу в несподіваний час вдарили на них добровольники Марморощкий – січ была кровава, каждый замах меча роздавал неминаєму смерть; роспужаныі арабскіі коні вырывались вздолж и попереk и бродили по трупах всадників своїх, и табор під хвилию стал порожным. Татарва, розбігшись помежи горы, скрывалась в ліс и густыи хваст; слідом же їх гнали вдованныі пощастившимся витязством востанці.

Скорая мысль спасенія цалком¹¹ инну дорогу указала бігству їх: они принужденными виділи себе удатися на Угочанскіі¹² рѣвнины и там заждати сприяючої їм хвилі и помочи од Задара-хана, который вернулся

9 В первопечатному тексті было так: «наблюдала домовству». Видав иде за печатну хыбу. Має быти так: «наблюдала домовство» ававдь «наблюдала по домовству» (зазначка вишорителя – В. П.).

10 **Велика Бая** (мадяр. Nagybánya) – варош у комітаті Мармарош; днесь варош Бая Маре (рум. Baia Mare) у повіті Марамуреш в Румунії (зазначка вишорителя – В. П.).

11 В первопечатному тексті было так: «съ всемъ». Заміняли сьме того слово у нашому виданю на семантично близькой слово «цалком», котре є відповідником російського слова «совсем» (зазначка вишорителя – В. П.).

12 **Угочанский**, од слова Уточа; Угочанський комітат (мадяр. Ugocsa vármegye) – історичний регіон Угорського королівства на сіверо-востоку держави. На востоку Угочанський комітат граничив из комітатом Мармарош, на югу – из комітатом Сатмар (зазначка вишорителя – В. П.).

из Семиграда назад до Белградских стін и поставил вождем місто себе Кублая-агу¹³.

Тогда зась угочанскій обывателіє, а особливо оставшиїся дома старці и жены, принуждені были покидати свої стріхи и убігати в горы; так и село Біловоля, лежачое в околиці сей на рѣвнині, в пару дней остало порожным. Каждый, где мѡгл и знал, тамо и спасался: одже, таковый жребій упал и на старого Богомира, треба было и єму конечно где спасатися, но як и куда? Сам был, як палець на широком світі, тож и трудно было єму нагадатися, где бы утікати: наконецъ роспамятался на давного друга Никиту Коструба, проживавшого гдесь там, в горах Мармарошских, но которого он бѡльше уже як двадцять літ не виділ и не чул о нем ни слова: жиет ли єще? Памятал лиш тѡлько, что село, в которѡм жил, називается Ульмиця. Итак, роздумоватися надолго не было часу, зобрал все, что было дорогое, як гроши и иныі удобоносимыі речи, склал в торбину и, сівши з Ириною на пару буланых, погнали в горы.

Приступім тепер к герою повістки нашої.

Под Ульмицкими пространными садами на пѡдвышшенѡм холмику, одділеном сухим потоком, стоял єден досить обширный, но не так опрятный дѡм славутного дворянина Федора Петрюка.

Петрюк был мужчина среднего віку и росту, подолгавой блідой твари и жолто-червоных волосов. Уже из твари его промовлял чорный его характер, заставляющий всякого на первый погляд черт его удалатися – проглядало бо из очіей его чтось нестерпимо сурового, вид надутой простоты. Тако он, сидя на крыльці дому своего, ожидал гостей.

В пекарни Петрюка одна худошава женщина варила вечерю, а своїм немило врескливым голосом давала взнаки служанкам, что она тут госпожа. Была ли она супруга Петрюка или и сама лиш служанка? Намекнути трудно было; Петрюк звычайно звал ю «душко Франю».

Змерклось, и чорна нѡч розляглась по-над село. Петрюк, выбивши попіл из люльки, вступил у избу. Аж тут нараз розлягся на подвѡрью бреньк звѡнкѡв и обвістил прибытіє гостей. Франциска робко скочила в свою комнатку и, запаливши лампу, стала пред зеркалом направляти свої намащенный рудыі кучери, натирати смуглую довговатую тварь, чтоб постаріліі черты молодым румянцем сверкали, но годі при всей суетной праці преобразити бридь на красу.

– Спаси Бог, друзья! Витайте у мене. Ану, Филипе, где ты дідько носит, помагай-но паробкам коні намістити, – роспустил свѡй громкий голос Петрюк.

13 **Ára** (турецьк.) – в Османськїв імперії титул полководця, воєводи, везиря (зазначка вшорителя – В. П.).

– Не дождав бись бѣльше, обманываючи угощати, собачий сыну! – промовил старый Филипп про себе.

– Чорт най мене возьме, Федоре! Не гадалисьмо ты днесь видѣти; огидна темнота, а в потоцѣ мы ся перевернули; пригадай-но собѣ, что сказал на тоѣ Никита. Казал, что не буде щастя... Видѣ пек бы му, где ж найде лучшего щастя, если не пѣд твоєю стрѣхою?! – сказал оден из прибывших гостей.

– Встыдайся, старый побратиме, твоѣх бабских норев; ану, злѣзай, друже, скоро. Видай, ще ты не обдер татарин, же тобѣ нещастье снится, – додал Петрюк з смѣхом.

Гостѣ прибыли на двох возах, и было ѣх чѣтыре – всѣ давнѣѣ побратимы Петрюка. Чим Никита злѣз з воза, Петрюк тайком прикрался до озвавшогося насамперед гостя Митра Гусака и попросил тихонько:

– Маѣ ли гроши?

– Маѣ, лише будь мудрый и оборотный.

– А много?

– Много, дуже много, Федоре, сами чистѣѣ таляри.

Скоро на то весь двѣр освѣтился. Франя явилася на порозѣ з лампою и вымушенным усмѣшком витала гостей.

– Ну же, друзья, здорови были, вступаѣте в дом. А як ся маѣют жѣнки-молодицѣ? – витался Петрюк з побратимами и стискал ѣх за руки.

– Та горазд, Богу дяковати, – озвались гостѣ; тѣлько оден из них, Гриць Хомин, жартобливый витязь, позволил собѣ троха жартику, хотя мало доткливого; он вырвался:

– Оѣ, не естѣ горазд, бо хотѣли жѣнки бити и не дуже радо пускали з грѣшми, а моя просто з моста выповѣла, что бы м рано и не показовался без грошей, бо кипятком опарит.

Петрюк и Франя мусѣли то прожерти.

В обширной комнатѣ стоял уже стѣл, накрытый бѣленьким обрусом и заставлен крашеными тареликами, а на нем стояла купа пѣлведровых збанкѣв з шумным середнянским нектаром. Позасѣдавши, товарищество начало бесѣду про всяку всячину, про дом и господарство, а особливо про нападенѣе Монголов. По хвильцѣ двѣрѣ одчинились и ними вкročил Филипп, несучи великанскую миску з бараниною, и поставил на стѣл. Гостѣ, обключивши стѣл, стали вечеряти. Горѣшное мѣстце засѣла Франя и, посмѣвуючися до гостей солоденько, посилоквала ѣх неустанно, похваляючи заєдно вкусное яденѣе.

Смачна баранина, мов огнем истреблена, скоро зникла и гостѣ забралися до полных збанкѣв, обертаючи часто широкиѣ ѣх дна до неба. Филипп

наполнил повторно збанки – спожилось и то; знов наполнил, но нашим гостям начались уже очи искрити, а уста шумный звук выдавати: «Коцки давай, Федоре, коцки!» (Кôстки).

И Федор тріснул коцками на стôл, всі принялися до игры на коцки. Никита не одтягався, высыпал свої таляри на стол и пустился до игры, лише якось уныло, безмолвно. Прочим же побратимам не много было что высыпати, давно бо уже выпорожнил¹⁴ їх кишени Петрюк – верг кождый посліднёго таляра и пустился в Божий час. Игра, не спріяючи ни одному, занадто текла ровносторонне. Первый раз выиграл Митро, по другой раз – Никита, по сему – Гриць и т. д.

Уже зближалась и пôлноч, а гості все-таки не переставали забавлятися, но игра взяла вже инакший оборот: оден вынимал остатного сребренника и клал его в добру надію, другой розвязовал набиту сего вечера мошонку, а третій наполнял уже и шапку, бо до мошонки не вмiщалося. И Никитові таляри значно уже порозбігалися, аж тогда надумався Петрюк, что час бы вже воспользоватися рідким своїм искусством; встал и веліл Филипу наляти збанки. Франя весь той час неусыпно пасла оченьками по ясной монеті.

На дворі озвался голос кур и щеканіє собак, мрак нощи росступатися почал, бо часом-часом выкотил свою сребряно-білу тварь из-поза ряндавого облаку полный місячок.

На столі значна сума лежала; Петрюк верг коцками и необав побідотноно скричал:

– Моє!

– Так есть! – потвердил Митро, хоть сам уже и не довиділ.

Друга купа ссыпалась, и коцки розметались. Петрюк скричал:

– Моє! – и згорнул купу.

– Кладу дôм мôй! – заревал громко Никита.

– Он уже не твоѣй, – одповіл Митро.

– Кладу все, что имію: ролі, гумна и полонину!

– И то вже не твоє, га-га-га! – засміявся Петрюк.

– А як то не моє? Скажи мені!

– Та так, что то уже давно моє, а не твоє, бо ты проиграл все, что маєш.

– Неправда!

– Бо правда!

14 В оригіналі было напечатаной так: «выпороль». Видав, туй проскочила хыба, котру сѣме выправили (*зазначка вшорителя* – В. П.).

– Правда, брате солодкий, – одповіли всі три лесто-браты, – ты вже не маєш нич, бо съ програл.

– Програл-програл, а коли? Скажит мені, бо гнеть ми кінець.

– В вечер св. Маккавієв, коли съ пьяный был; роспамятайся, друже!

– Коли м пьяный был?

Вскочил на простыи ноги и сильно вдарил пъястукон о стол:

– Кто свидок тому?

– Твое власноручное письмо, под которым власный твой подпис а и нашии имена, бо свидками были.

– Люде, рятуите, видь я жену имію!

Нич не помогло; зорвался из містця Никита и пропал в темной ночи. Рано, коли рыбарі завергли свої сіти в волны Тисы, якогось трупа вытягли на берег и затащили его в побликий домик. Молода женщина познала в трупі мужа своего – несчастного Никиту.

В второй день по похороні Никиты надъишел стародавний друг его Богомир з Ириною, и не застал уже Никиты.

III

Вступім тепер у табор бісурманов.

Посеред богатых нив на широкой Угочанской рівнині стоял табор Кублая-аги.

– Ла иллага ил Аллаг, ал гак ал мобин! (Ніт инного Бога, як Бог, явна истина!) – кричал муеддин из верху одного шатра, которе среди прочих значно выносилося своєю вгору стырчащою віхою. В шатрі спочивал славный ага, он занимал немалую часть в середині и прибирал якуюто властиву дикоту; у первой заслоні шатра висіл – в знак достоинства аги – великий кѳнский хвост, которого долгими волосами повівал теперь лагодный вітрик сіверный, но тым бѳльше убране было шатро внутр. Тут, особливо в третом одділеніі, где ага в крест розложеными ногами сиділ на коврі и выпускал густыи туманы из магагонского чибука, сверкали восточный блескотки осліплющою красотою, дорогими заслонами, мягкими софами и всіми выгодами аристократного музулмана.

Но немалое противоположеніе видно было на прочих шатрах: все составляла одна груба плахта, которой четыре конці клюками припяті были до земли, а из внутр выглядала лиш чорна тварь татарина з оголеною головою и мілкими яскравыми очима.

Вечер был оден из найкрасших.

Ага затряскал в долони; и скорі один албанчик од прибочной стражи представился ему.

– Я слышу хорошу музику плінних гіаурів¹⁵, – сказав ага слугі, – приведи мені, Селим, пару из них, най розженут сумнії думки мої.

– Не варта, великий пане, невірним собакам ясного твого лица видіти! То не райскіі гуры, но злочестивое смітя – грают, співають, плачут всегда лише о своєї вірі, о богини якоїсь Марії, так что аж в уха колет правовірного музулмана.

– Молчи и приведи! – одповіл ага.

И Селим необав явился з одним великанского росту мараморошским плінником, звязаным на руці и нозі ременем грубой кожи буволовой.

– Заграй мені що из найкрасших нот, но не из тых зловірних, якими мечтаєте кожного часу, заграй мені багдадску очаровательну пісню.

– Годі, великий пане, звязанному про волю свою играти, – одповіл руский півець.

– Селим, розв'яжи єму пута!

Півець-христіанин, увільнений од незноснои связи, як лев из желізної клітки, потряс долгими кучерями, як лев богатою гривою, упрямылся вгору и тяженько возтхнул. Вынял потому коротку фуярку из-за пояса и зачал вытинати на ней онї тужливыі сердцекраючіі думы верховинскіі, на которїи и теперь послухаючий впадаєт в росчувствительное мечтательное расположение.

Ага запал в полное очарование: слухал, слухал и дивился над способностью русского раї.

– Як ты зовешся?

– Сава.

– Твое имя буде однині Али. Я хочу тебе видіти щасливим, богатым музулманом, а не поверженным раєм; так ты од сей хвилі вільный и друг мой; пристанеш ли на тоє?

Новый Али задумался и не знал, что одвітовати; борзо потому зашибла єму одна гадка в голові и мнимою урадованностью сказал Кублаю:

– Хочу и пристану быти музулманом.

Ага подал руку єму.

– Видиш, друг мѡй, и не сердись прото на мене, что я тебе плінником зділал, я славлю за то аллага и великого пророка, что такого искусника, якого и в Стамбулі ніт, подали мені небеса¹⁶. Видиш, на мене сердится Задар и великий султан за тоє, что мені не пощастилось всеконечно

15 **Гіаур** (*гяур; дяур*) – у музулман особа иншої віры, иновірник (*зазначка вишорителя* – В. П.).

16 В оригіналі было напечатаной так: «искусника... подали менѣ неба». Видав, туй проскочила хыба, котру сьме виправили (*зазначка вишорителя* – В. П.).

покорити вас. Прото мене зовут домѡв на одповідь; может быти, что уже и изготовили для мене шолковый мотузок. И так намірен я тобою ублагати гнів султана, что подарю єму тебе, яко неоцінений дар, и пару сот ваших хороших дівиць.

Между сим вступил Селим – ознаямил прибутіє извістного гіаура из околиці.

– Най вступит, – сказал ага, – но прежде я хочу, абы перевлекся друг мѡй Али в пристойнішее єму одіянье честного музулмана.

Сава повиновался и натяг широкий штаны, жолтїй кривоносый черевик, зеленый дольманик и наділ на голову турбан.

Заслона одсунулась и вступил в шатор Федор Петрюк з одною молодою женщиною, но потрясся, як споглянул на лже-музулмана.

– Не бѡйся, невѣрка собако, то друг мѡй Али. Чему же ты прийшов к мені?

– Славный ага! Соглядатаї твої загостили до мене и в имени твоєм попросили мя, аби м постарался за добру нагороду доставити тобї найкрасшу из женщин Мармароша; вот тут єсть – и з тым представил ближе женщину и знял густый шал из твари єй.

Женщина, споглянувши на тварь нового музулмана, мало что не омліла, но Сава дал знак перстом, чтоб воздержовалась познавати его.

– Что же хочеш за красавицю сїю?

– Сто цехинов, славный аго!

– Досить будет двадцать.

– То мало, за толико не могу дати.

– Селим, возьми-но лопатку и дай єму на пяти, собацї, триста ударѡв.

Петрюк почорніл и вергся до нѡг аги, умоляя его, что даст уже и за двадцать.

– Так возми, друг мѡй Али, женщину сїю и одведи ю до среднѣго одділа шатра, сам же, докля я тут меже чetyрми очима поговорю з раєм сим, за хвильку забавляй ю, да не сумует.

Сава удалился з женщиною.

– Ах небо, дякую ти, яко сподобила м ся видіти тя єще раз, может быти, напоследок, любезный мѡй обручнику!

– Нїт, Пелагіє! Не послїдний раз, но як ты ся достала до рук Петрюка и як он тя сюды привел?

– Скажу ти всѣ, слухай: коли ты про оскорбительное поступованіє сестры твоей и жены Петрюка в запыльчивости твоей так ударил его, что он упал в обморок, и ты, мысля, що сь его убил, устранился одмстительной правды и стал єсь ся скиталцем, сестра твоя, добра Марїя, необав

похорілась и, не mogши уже терпіти огорчительства мужа свого Петрюка, которого сердце бѣльше еще одвращала од неї бесправна любимиця Франка, же она выбралась одной ночи из дому з малолітною Иринкою и пропала гдєсь в широком світі. До сей поры жадной вістки о ней нїт, и я в том предубіжденїи єсьм, что она из жалю сердца скончалась, як и дітя єй, може, где из голоду.

Много літ ждала я и на тебе, но ты не являлся, и хотя переказовал єсь мені, абы м вінчалася з другим, но я вірна хотіла позѣстати обіту моему: поставила єм собі до смерти дівою и твоею обручницею позѣстати. Прото не обвиняй мене, жениху мѣй, что я не додержала наміренія мого, знаєш-бо, я в всем и всегда повиновалась воли родительской, и сталоє, что я силов-моцев мусіла пѣйти за старого Никиту, но я єго наперекор всего нияк любити не могла, зато он передался распустному житью, зачал посіщати что день Петрюка, который од него обманством весь маєток выграл и зділал то, что Никита в одчаянїи утопился в волнах Тисы.

За тыждень стал Петрюк жадати од мене весь маєток, но я на совіт прибывшого до нас давного друга Никиты – Богомира и новой подружки моеї Ирины, воспитанницї сего, поставилась и загрозила єму судом. Он, хотівши позбытися мене, вот видиш, что зділал – вступил в союз з поганином и, коли я одного вечера приступилась к Тисі начерпати воды, напал на мене з своїми друзями и заніс мене насилу до свого дому, абы я, подписавшись, одреклася всего моего имінія єму, но я, рішившись и на найгѣршое, одказала єму то; за тоє привел он мене ночи сей до поганина на продаж, и так видиш мене тут, друже мѣй!

– Не бѣйся, обручнице моя, я тебе ночи сей спасу.

– Дай Бог, тѣлько я боює, что познал ты и дорадит, абы нас добре стерегли.

* * *

Вернімся теперь к двом подлецам – до аги и Петрюка.

Як скоро удалился Сава з Пелагієв, гнєть встал ага и одчислил Петрюку двадцять цехинов.

– Досить ли, раю?

– Досить, милостивїйший пане! – поблагодарил Петрюк, поціловавши край кафтана Кублаєвого.

– Тут маєш еще дваєсто, если схочєш послужити ми порадою и можным твоїм посредством про одну річ, – сказал дуже ласкаво ага, погласкаючи Петрюка по бороді.

– О, дуже охотно, великодушный пане!

– Видиш, солодкий, мені бы еще треба нісколько прелестных краси-виць для великого Султана, которого дни живота най умножит аллаг! Но як бы можно достати їх? Посовітуй мені, мудрый раю.

Петрюк стал кліпати очима и потрясовати головою.

– Еще сто цехинѡв! – скричал ага!

Тогда Петрюк упрямылся и веселым лицом почал совітовати азі ось се:

– На позавтра будет у нас, хрістіан, праздник, так званный «Воздви-женіе ч. креста», тогда всі красавиці зберутся в церкви еще пред досвітом на всенощное; добрі было бы напасти тогда на церковь нашу и похитити, сколь возможно, красных дів.

– Гурра! Дуже мудро! – скричал урадованый ага.

Петрюк по згоді сей з агом повернул еще пред досвітом домѡв, абы и наименшее подозрініе сообывателей од себе одклонити. Кублай же гото-вился слідующей ночи напасти на Ульмицку церковь.

Ранісенько крик и возмутительство давалось чути из шатра аги; ага, возлютившись над нечаянным событіем, торгал собі из гніву бороду, и четыре сторожи, на колы натягнутіи, выдавали послідное издыханіе житья. Той бо ночи новый музулман Али избіг з обручницею своєю Пелагією.

IV

Восток зарумяніл и небо свитати почало; вдруг по-над соломяный стріхи рознесся гомон первого звоненія на всенощное бдініе, по хвиль-ці народ толпами горнулся до дому Божого, посред которого и два незнакомый рыцарі з спущеным на тварь шишаком ступали и, вѣшовши в церковь, сіли собі до клироса. Начавшуся богослуженію надѣишол и старый Богомир яко добрый набожный Русин з Ириною, котора заняла місто свое зараз при вході; она, приклякши на коліна, горячий моленія воссылала к небу за спасеніе похищенной подруги Пелагії, но изумилась, як почула одного из рыцарей высоким гладким голосом воспіти «Крест начертав Мойсей», бо в співі тѡм пѡзнала голос Пелагії.

Уже отправка кѡнца доходила, аж тут нараз прошиб всіх гвалтовный зойк, крик и всеобщее замішательство вірникѡв, а серед шуму затріска-ло нараз стріляніе, а ктось-то выхопился на вежу и зачал ударяти в одну крысу звона.

– Татаре, татаре! – загучал народ одногласно и спішил скоро выбігти. Два рыцарі хотіли было теперь достатися к малой отрасли добровольникѡв, стоявшим од нісколько дней в Ульмицах на стражи а присуствовавшим ныні на бдініи и зачавшим щойно солити огнистыми кульками поганам

в очи, но испужаний народ, а барзій жены и дівы, ринули в святиню, заперли дверь, запрепятивши тако виход одважнішим мужам поспішати на помѣч боронящимся.

Аж теперь прошибла страшна мысль голову преодітой в мужа Пелагії, застановленої необычайным явленієм:

– Спасай, Саво мѡй, хоть лиш Ирину! Татаре, наисті, похитили ю.

Дарьмо вергся Сава к дверям, дарьмо грозил женам мечем – они таки не припускали его, и двері запертыми остали.

Стріляньє одступало все дальше а дальше, и из того судити можно было, что татаре опускали храм и бігли всвояси. Аж тогда двері ростворились и народ з угнетом выгорнувся из храма, но тут печальный вид представился очам: на земли многії трупы лежали в крови, а оподаль видно было еще утікающих конных татарѡв – видно было, як многії из них уносили молодії жены и дівы.

Селяне долго позирали за ними з розпукою сердца. Не одна мать страшным зойком звала доню по имени – донька пропала!

– Гей, кому мила естъ отчина, кто рад, абы его жена, сестра иль доня не впала в поруганіє бісурманѡв, той най ступає за мною! – скричал Сава к народу.

И на слова его, мов на волшебный голос, дораз выступили нїсколько смілых мужей, з ними и славніі добровольники, допали сполошенных коней, посідали на них и погнали за слїдом татарина. Так и догнали татарѡв пѡд одним ліском, где сїі троха оддохнути застановилися, – и зачалась страшенна січ: крики татарѡв «Аллаг! Аллаг!», а хрістіанѡв «имя Іисуса и св. Николая» давалися чути посеред бою. Сраженіє тревало до пѡлгодини; много дорогой русской крови пролялось на землю, и хрістіане од численнішой татарвы пораженными остали.

– Саво, Саво! – роздавался голос Пелагії посеред бою, но Сава лежал вже на земли поранен. – Саво, Саво! – кричала она все еще, аж вмиг засвітило ей сто свіщ в очах, и пѡд сильным ударом когось по ей голові забренчал шишак и упал на землю. Очутилась по хвилці – и вот пред нею стоял Петрюк з долгим деревищем копія в руках.

– Ах, несчастный человек, ты хотіл мене убити, но пожди, не минет тя мєсть неба! – сказала и трутила его так, что повалился на землю.

Кублай, видячи женщину сію, которой долгими жолтыми волосами повівал теперь вітер, з мужем, приверженцем своїм, боротися, в которой он скоро познал избігшую Пелагію, борзо пересадил з коня похищену жертву и бігом молнії пустился к Пелагії. Сія, видячи себе в новѡм небеспеченстві, яла за меч и почала боронити себе, но ловкий ага скоро перемог ю, хопил на коня и пропал з своїми.

Петрюк стоял, мов стовп закопаний, и не могучи избігнути, трясся од страху на всем тілі. Оден високий мужчина, стиснувший го за шею, притащил к Саві.

– Вот измінник! Порубайме го на кавальці, бо он призвал татарина, за-продал братню кров и убил в сраженіі сиденького пришелця Богомира пред храмом, коли сесь боронил доч свою – конець му теперь, повісьмо го!

Сава заборонил мужику рушати Петрюка и сказал:

– Не минет го рука Божа!

Ану, погляньмо еще раз в бісурманский табор. Табор розложился на мило од боржавских¹⁷ дрімучих лісѡв, и татары наступившой ночи скрылись пѡд свої шатра, но в Кублаєвѡм шатрі еще світилось: ага сиділ на земли з розложеными вкрест ногами и курил файку. А пред ним клячал оден дервиш з сивою бородою и забавляв агу оптическим искуством, состоячим в тѡм, что он, замішавши білок трех яєць з живым серебром, вливал сію мішанину в чисту, напoлнену водою склянку, в которой гейбы прехорошіи вежи, грады, лісы и долины изображовалися, и из чого дервиш своему пану будущее¹⁸ предсказовал.

– Вот зри: се зеленое пасмо значит ліс, дерева падают з великим тріском на землю и забивают людей, бо сії дробныйі жолтыі точки людей знаменуют, а людей твоіх, твоє хороброе войско. Зри дальше: сія тоненька смуга значит шолковый шнурок, который тобі необав зашлет славный султан.

– Ха-ха-ха, – сміялся до розпуку ага. – Ты, дурный, маниш мене игрой пастухѡв африканских; не шнурок, не шнурок, но достоинство сераискієра¹⁹ певно уділит мені султан, як прийме од мене купу красных жен у дар. Еще пред досвітом рушимося з міста, абы пред всходом сонця минути прилежащий долгий ліс, за которым найдемося уже в Семиградщині, а одтуда легко достатися до Белграду.

Так тішился Кублай, и спокойно положился спати.

Дервиш же, спрятавши свої річі, перед-свитом тихцем вийшол из шатра, удалося єму щастливо выкрастися из табора и дѡстатися до

17 Иде за долину річки Боржава (правый приток р. Тиса) в Угочанському комітаті (зазначка вишорителя – В. П.).

18 В оріґіналі было напечатаной так: «будущая». Видав, туй проскочила хыба, котру сьме выправили (зазначка вишорителя – В. П.).

19 **Сераискієр** – фактично, має быти так: «сераскер авадь сераскір»; в Османськім імперії – главнокомандовач турецького войська (зазначка вишорителя – В. П.).

глибокого потоку, одстоячого на мильо од табору татарôв; тут зверг из себе магомеданского дервиша одєжду и, спрятавши ю пôд корчи, одлєкса в своє верховинское платье.

Недалеко од потока на округлом холмику стояли розвалины давного монастыря, в которого обширных пôдземлициях ночували теперъ зобравшиїся добровольники.

– Гурра! Тут є наш батько Филип! – скричали всі, побачивши старого лже-дервиша посереді себе.

– Братя, – начал он, – сли не хотите, абы племя наше поганами до чужого краю одведено было, то сей ночи покусітся спасти наших невôльникôв.

– А як же, яким способом? Скажи нам, – мовили всі.

– Та так, я скажу вам: знаете, что за молодых літ служил єм в войску и мал участь в каждой битві з турком. Яко плінник достался я до будинского паши, в которого дворі научил єм ся языка и обычаїв турецких, из чого я теперъ великий хосен мал. Удалось мені, зробивши собі дервишское платье, пред пару днями подлеститися до шатра Кублая, где я єго чрез кôлька дней забавлял разными турецкими небылицями и, пріобрівши тако ласку єго, стал он быти к мні довірчивым. Вчера пред вечером позвал мене к собі обозріти наших плінникôв. Сердце краялося мені, оглядаючи наших в так жалком положенію. Кублай весь день был смутный, бо рано пріял вість од хана: сей час, и то як найкорше, вертати домôв, зачѣм Белградска кріпость єсть взята. Ага велѣл ми впросити одного из плінникôв, чи не был бы готов в надгороду полной свободы и сто цехинов спровадити войско якнайкоротшою дорогою к границі. Я впросил Адама Русина, который, на щастье, пôзнал уже из твари моєй, чего я, властиво, жадаю од него, и хотя єму не в смак было самовольно погану послужити, то однако ж рішился и скричал: «Пріимаю на себе и спроважу войско якнайкоротшою дорогою через ліс!» А одходячи, изъявил мені, что вести буде через тісну скалубину. Ото, братя, я совітую вам, аби єсьте, сли хотите спасти своїх єще сей ночи, дораз ялися до діла, бо ага пред зорями вирушит з войском. Прото идѣм в скалубину приготовить лапку єму.

И за пôлчаса по дрімучôм лісі гомон сокир давался чути, дерева громом валились на землю, и тако выход из тісной скалубины великанскими деревьями затворено.

Уже восток зарумяніл, и Василь Багош розмістил своих добровольников по-над скалубиною з смертоносными цѣвками, по хвильці из долины

выноситись почали веселії усмішки татарѳв вдруг з плачливим, грудь роздираючим зойком нещастных плінників.

Знак нападу роздался.

Из укритых містць тріск стрілянія громом загучал, густая толпа татарѳв начала рідитися; сокиры и косы верховинцев кровью сверкали, и пропадала надія спасенія. На то скоро обключили иззаду татарский караван нашії добровольники – и поганці остали стисненими межи два огні. Изобразити всеобщий страх не єсьмо в стані. Орда татарска з великим убытком розбіглась помежи горы и полонины. По чотыречасовой кровавой січі осем тысящ хрістіанам удалося спасти од горкого ярма неволі.

V

Минул один рѳк и легкії раны загоились... Пороспужанѳе жительство помалу вернуло до своїх гнізд, и попаленії хаты и села почали знову будоватися.

Но удайтеся теперь к окопам Дринапольской кріпости²⁰ и позріте на престарілії стіны и растворенії окна, из которых теперь на чужой земли посеред чужих людей краснорзвучного языка нашего тужливый голос ударит вам в ухо, бо голос сей єсть выраз терпінія и болю незноснаго ига. Ту проживають бідный свѳй живот одорванный од вас ваши сродники, діти и друзья. Суровый поступ кождым днем стаєся для них тягостнійшим.

Хотя пощастилось хоробрости руской, по большей части, спасти плінників при незабвенном нападі в лісі, то в общем замішателстві не мож было всіх спасти, многії из них выведеними стали из отчины и проживали свѳй наскученый живот в Дринаполю. Єдва пощастилось нїкоторым из них, именно молодым женщинам, назначеным в гарем паши Оглія, повелителя замку, лучшой доли искусити...

Одной полутемной ночи легка лодь пристала к берегу крайной башні, а из неї выступили два лодники. Взаимніі пошепты и знаки обьявляют їх тайную ціль и дают вырозуміти небеспечну дерзость; самії бо уготованный для цілі сей орудія пригадовати видятя, что они, певно, ночи сей обкрасти наміряють кріпость.

Изготованой наперед драбины порозбиранії части наскоро споились, а выдуманая міра тойже праві досягла окна, и оден из лодників выміряными уже кроками ступає горі по драбині и, щастливо доставшиє до широкого окна, пукас уже до него.

20 **Дринапольска кріпость; Дринаполь** – варош Адріанополь (днись – Едірне, на сіверо-западі європейской части Турції) – важный політичний и воєнський центр Османської імперії почас войн из Австрієв (зазначка вишорителя – В. П.).

– Пелагіє, Ирино! Отворіть оболок, вы – спасені, у споду ждет нас челно.

И смертельно-бідственна одвага удалась – лодь одплыла уже по синіх волнах з чотырма особами.

Смілій лодники были Сава, знакомец наш, и Адам Русин, невірний проводчик татаровь.

О пару місяцей горы Мармарошскій звучали од веселых співов та музики; в деревяной бо церковці Бедевлянського монастиря вінчался Сава з Пелагією, а Адам Русин з Ириною – всі желали їм щастья и долгоденствія.

Три літа минуло од того часу, а ласкавое небо одарило новоженців наших здоровыми діточками, полным щастьем семейственной жизни.

Одного вечера якийсь чужий вѣз станул на дворі Савы и Адама, а из него знял повозчик-селянин одного недужного человека, в котором Пелагія на первый погляд пѣзнала злославного колись-то, а теперь нужденного Федора Петрюка.

– Прости мені, добрая Пелагіє, тяжку мою провину, – почал он трясучим голосом перепрашати, – бо зри, я умираю, а умираю, яко скиталець од всіх повержен! Всему виною была несчастна Франка. Но призви мені скоро любезну мою доч Ирину – най узрит останній раз недостойного отца своего.

– Что слышу? Вы – батько Ирины? – возгласила удивительным голосом Пелагія.

– Так есть, я отец ей; и уже два літа, як ишу ю, котору ем пред часом изгнал з матерью и недавно за марну корысть доставил до рук татарам. Но таки я отец ей; хочу ю видіти еще раз перед смертію.

Чим надбігла Ирина – Петрюк помер.

КНЯЗЬ ЛАБОРЕЦЬ¹

Историческая повість из IX. віка

I

Фу! – як поганії часы были ті, з которых выписуем мы повістку сію. Люди громадами, цілий народы покидали свою колыбель и глядали лучшей на чужині. Мабуть, виділи вы, мої ласкавий читатели, як то циганска семья, коли наскучит собі в одном селі, переносится в другое: вот напереду ступаєт поважна голова родини, старый Циган, и тащит пару молотков, дуфадло и діравый котел; за ним шановна его жена з полтуцетом многонадійных потомков фараона на плечах; от из плахты лише чорный кудлатый головки видно; кругом мамы подскакуют собі зо четырех хлопчиков, так лише полегку [вдіті]², як то бывало Адам у раї; каждый из них несет то горнець, то миску, то скрипку, смык и иный орудки газдовства; аж наконец поход заключаєт псик и мале порося.

Знаю, подумаєт собі не один из читателей: «А вот где он нас хочет повести – просто под циганский шатор, брр!». – Ніт, борони Боже, я поведу у княжий двор, бо знайте: мали и мы, Подкарпатскій, своїх колись-то князей.

1 У первопечатному тексті («Князь Лаборець», 1863 р.) и других текстах автора doby 1860-х років, котрі він загнав до львовських часописів, стрічає ся двоякой написаня назывників мужьского рода на суфікс *-ець*. Порівняйте: *Украинець* – *Украинець*; *Половець* – *Половець*; *вінець* – *вінець*. Але усягде стрічає ся лем тверда форма написаня имени князя – «*Лаборець*». Межи тым, у родительному єднини тыж ся набуває неєднакой написаня: *Половця*, *Украинця*, але *вінца*, *ловця* и – *Лаборца*. Сяка двойнисть потовмачує ся снагами редакторів галицьких видань привести авторський текст до орфографічних норм своїх етнічних регіонів, што ся їм дарило не у повній мірі. У далшых перевиданях атсего оповіданя у XX столітію редакторы уніфіковали написаня (ужгородські, пряшівські) подля граматики українського языка (*Українець* – *Українець*; *Лаборець* – *Лаборця*) авадь ся додержовали своєї нормы (русины в Америці: Календарь Свободы на 1935. г.), то значит хосновали форми (словацьков латинков) : *Laborec* – *Laborcja*; *polovec* – *polovcja*; *ukrainec* – *ukraincja*. У нашому видані будеме ся додержовати орфографічної нормы сочасного русинського языка: *Лаборець* – *Лаборця*; *Украинець* – *Українець*; *Половець* – *Половця*; *ловець* – *ловця*; *вінець* – *вінця* (зазначка вишорителя – В. П.).

2 Видав, у печатні пролишили єдною слово; додаєме го подля контекста (зазначка вишорителя – В. П.).

А же первенство дал циганской родині, то лише хотіл ваше воображеніє перенести в далеку минушсть, в ті времена, коли одбывалося так славное в історії перехожденіє народов – од четвертого почти до девятого столітія; бо, видите, сесе погребло нашу самостоятельность.

Не совсім так мирно, як горі наведено, и не так малочисленно, як циганска семья, ходило то ся – но тысящами, а з мечем.

895. год писали по Христі, коли я прошу своїх читателей, чтоб сопровождали мене в Ужгородский замок князя Лаборца.

Земля, на которой мы теперь живем и боремся за свої права и на-родность, называлась в тоє время ще Панонія, бо была вольна. Обыватель горделиво показовал и казал на своего сообывателя: Пан - он - і - я, всі мы панове! Нашими рускими предками володіл старенький Лаборець; по крутий Ваг давал словенам росказы великий Святополк. Межі Вагом, Дунаєм и Тисою повелівал Болгарам Золан; од Мароша по Тису также Болгарам – Глад. А Бог знает, колько еще дробных володарей было на нашей земли. Всі они называлися Панами, а свою богатую землю – Панонія. Все минулося! – прийшли Гунны-Маджаре, та стали ей прозывати – Гуннія, а теперь – Венгрія.

Но зближмся к нашому старинному Ужгороду. Город стоїт, будьто предпотопный великан, на круглой скалистой горі, а по-под него котит свої грубыі волны шумный Уж та ревет, мов малый океаник. Из коминов города выносятся вгору густый дым. Вечер есть; оболоки плывут в світлой зарі. А внутрь по дворі шум и крик; по всім кутам та сторонам лише тріск и бряцанье оружий дается чути, а на лиці каждого сум и непокой. Во втором заборі города на обширной площади горит великанский огонь: поломень досягает синих облак та разливаєт свой тусклый блеск по мохом зароснутых стінах замка. На огни печется толстый бык; два бородатыі рыцарі обертают его на долгом рожні, а як вдарит ім обнос вкусная печеня, тогда мимовольно збігнет слинка на язык. Задубілыі бородачі розложилися около огня, поподпирали сідыі головы локтями и загрівають свої скостенілыі члены при огни, бо знай, то время – уже гдесь аж около св. Дмитрія та осінь.

В сю пору выступает один трубач на забрало и трубит на три перестанки: «Гей, жураты, крайники и всі полковники! Спішіт, князь зовет на раду!».

И на данный росказ князя сыплется в замок череда журатов, крайников и хоробрых полковников, не иначе пчелы из улія, а у дверях радного терема стоїт уже прекрасная Віра, доч князя, и приймаєт журатов та честует їх хлібом-солью.

Всі кланяются низенько княжой доньці и цілуют ей щедрую руку.

Двері одчинились, радці вступили и заняли міста свої. О часинку надойшов и Лаборець з дворнею, и усів на свой трон.

Князь подняв річ:

– Жураты, крайники и полководці! Князь ваш говорит до вас! Знамо вам, ож Половці³ пред дверьми. Вы чули уже, что то дикарі из широких полей азійских, не могучи противостати Монголам, накидуются теперь на наш край. Приближаются уже к границям, несут меч и ціпы. Что вам любится, выбирайте!

На слова ті князя встал Драгутин-журат, найстарший віком, и промовил так:

– Великий княже! Годі нам избрати меч, мы силою и числом слабїї; заваяжїм з ними союз – замість ярьма буде мир.

– Ніяко же мир – будет рабство! – озвался Славолюб. – Бескорыстный та стыдный єсть мир нам, христїанам, з поганином. Буди так: сподружимся союзом, тогда поведет нас Альмус на нашу братїю христїанску, будем проливати родную кров славянску на корысть Половцев, а на погибель нам самым – Половці не самі идут, но идет з ними множество Руссов. Война, война!

– Властні позад того, ож и Руссы суть з ними, пристойно ли будет нам обок половчей и руску славянску кров проливати?!

– Руссы пристанут до нас – покрїпимся та помножимся и Половцев побїдим! – одразил Славолюб.

– Побїдим, – сказал Драгутин з негодованїєм. – Побїдим так, як побїдил Олег Кїевскїй!

Славолюб умолк на хвильку; радці понурили головы и задумалися глубоко.

Подняв річ жартовливый Властич:

– Цур та пек поганину! Подумайте собі: на кожаних надутых міхах переплыли Дніпер, стерлися з Олегом, злупили Кїєв, а теперька нападают нас. То, богме, не люде, а звїрі. Половець до коня прирос, їсть сырое мясо, пьє кобильє молоко и кров из властного локтя та кланяється якомусь там Гадуру. Ой, погане, погане! Смутком бись ся опоясал, недолею бись ся приодїл, нещастя бись собі постелил та бїдою ся прикрыл.

Всі розсміялися з так выцифрованной лайки легкомыслного Властича, которому єдно было – ци на раді, ци у гостинника.

Знову молчанїє.

– Ну, та что же? – перервал молчанїє старенькїй князь.

– Война! – скричал Славолюб.

3 Половцями называли в тоє время на Руси Мадяров. Сам Нестор сіє прозванїє употреблял (зазначка А. Кралицького).

– Война, война! – загомоніло ніскільки голосов еще, стало быти, не-сміло.

– Покой та союз! – одразил поважно Драгутин, что подтвердило и ніскільки голосов из рады.

– Но больша часть молчит, рішайте о судьбі своей; я уже старый и клонюсь до гробу, – проговорил⁴ Лаборець и стер слезу з лица.

– Завтра, завтра, – кричала молчащая сторона.

И рада розойшлася.

II

Еще того дня надвечером Мадяре перекрочили границу и Верецькою тісною ссыпались на мукачевский ровнины. Не нашли жадного odporу; селяне обоюдно приглядались азятскому каравану, который, по домыслу письменных, мал состояти из сорок тысяч семейств. Альмус вдарил свой шатор на горі, теперь называемой Чернецкой, а жрец Гадура розложился на том місті, где теперь стоїт город. Рано, коли восходящее солнце розлило свої багрянні лучі, Альмус-вождь вышел из шатра, стал осматривати росстеляющуюся перед ним ровнину; смотрит и видит: из круглой горы, як яйце, стоящей, будто великанска копа сіна на широком поли, выносятся густый туман дыму горі к небесам.

Альмус замішался, думал бо, ож то панонійских войск огонь, запаленый потому, же неприятель уже за порогом. Борзо послал двох конников вызнати діло, которые, вернувшись, казали: «Жрец за щасливое прибытіе жертву палит Гадуру – упитаного білого коня». Альмус, увидивши гору, дуже собі тую полюбил; просил жреца, чтоб замінял з ним гору за оную, на которой шатор его стоїт; жрец одтягивался, аж, наконец, пристал, получивши в додаток красного білого коня. И так Альмус, вступивши во владініє горы, дораз переніс свой шатор и положил основаніє замка.

За сорок дней одпочивали тут Мадяре и в будовли города значно поступили. Горестна была то праця: воду, каміня, дерево и прочіе запасы на раменах требало тащити на высокую скалу з великим трудом; и од того-то труда, по їх языку «munka – труд», нарекли місто то Munkács. А рускіе їх союзники од великой муки: Мукачево.

В Ужгороді, только на четири милі одстоящем, все еще недоумініє та нерішимость владієт; ніт согласія в раді журатов, князь уже старенький, дармо выжидает помощи од сосідов – а дни минают.

4 В оригіналі было напечатаной так: «говорил». Видав, туй проскочила хыба, ко-тру сьме выправили (зазначка вшорителя – В. П.).

Альмус послал до него посла: одного молодого Українця – Русина до руского князя, – аби ся по́ддал и з ним союзился.

III

Красно течет собі ріка Свіржава своїм корытом та качает свої волны ген-там десь аж у чужий край. Ноч поздна и холодна; свіжії небесній своды простыли; яркий пояс Млечного пути простирається по-над ужгородскій ровнины, будьто искрава завіса, та освіщает своїм блеском узенький пішник, протягаючийся берегом ріки.

З дали видно якесь чоловіче подобіє, скорым кроком приближающееся ближе и ближе, аж наконець цікавое око видит старую женщину.

Баба и не останавливается оддыхнути, и назад не зиркнет, ци не гонит ей яка русалка, но жваво міряет сухими босыми стопами узкий пішник; все больше а больше исчезает из ока, аж наконець пропадает гдесь там под ужгородскими окопами.

– Кто там?

– Я, отвори браму.

– Кто «я», ачей Половецъ?

– Не дурися, Юрію, отвирай скорше, бо замерзну; то я – Настя.

– Та ци дідько ты носит по ночи – не даєш людём спати, – стал негодовати Юрій-вратник, устремивши ключ у замок желізных ворот и обернувши ним два разы, что аж квикло. – Что же хочеш?

– До княгини иду, а тобі что до того? Ты – вратник, лизай-миска, а я собі, невроком, познаємкиня з княгинею, – стала собі покепковати наша баба, котору виділисме так швидко біжашу узкою стежкою; и о хвильку была уже у спальни княжной доньки.

Годі не побалакати о ней больше.

Настя за оныї благосклоннійшії часы, коли намісто поораных уже бороздами лицях еще калины цвіли, была служанкою у замку; мала довіренность у княгини Дарины, пестовала маленьку Віру и наслаждалась наибольшим поважанієм у прочой дворни. Часы змінилися: Дарина померла, на Настю стала дворня нарывати – и ю прогнали. Но про тоє она не передалась роспуці – закупила малый домok над Свіржавою од рыбаков та стала газдовати по своему. За якийсь час ожидала что день женихов, но коли сії не являлися, Настя потупила світ и всі его суеты та лишила косу сивіти. Жила самотно, и про тоє стали ю называти знахаркою-ворожкою. До замку часто ходила навидіти княжу доньку, та и то не з порожними руками, бо, бывало, раз молодого пструга, инколи ягоды, грибики и иный женскій лакотки приношала; навіть пригодилося и то в погодное время,

же и сама Віра причвалила на чолні до її скромної хатинки на прогульку; а в такий час Настя все одповіла за себе, угостила Віру по княжески, наскільки бажання тогдашніх госпож не були ще так утончені.

Як Настя вступила у спальню, Віра готовилась уже до постели; прилягла стару по людски, и завели меж собою тайний совіт, который держал майже полчас. Тогда Настя вернула в свояси.

Полноч уже недалеко была, місяць так красенько світил, что аж мило было позирати; огонь на площади згоріл, варта, зївши вола и выпивши бочку вина, храпіла на все горло.

Не минуло и четверть часа по одїзді Насти, як скоро з'явився якийсь молодець на площади замка, весь узброєн: лице закрите шоломом, на грудях желізний наперсник, а у боку проста шабля. Конюший вывел ему коня из стайни, а молодець сіл на него, тай погнал буй-гуром. Вратник скоро одчинил желізний ворота и пустил рыцаря на четьре вітры.

О хвильку видиме уже его перед хатиною Насти, котра, учувши конский топот, борзо выбігла з хижи и на знак молчанія положила палец на уста. Рыцарь порозуміл тоє и не прорек и слова. Настя увязала коня у стайню, а рыцаря завела до сіней, одси же драбиною – на повалу.

IV

Недолга з окон Настиной хатки одбивалася заря внутреннего світла, бо то Настя розложила огня у печи та приставила мясо ид огню, которое праві что принесла из міста. Віроятно, ожидала гостей.

Мясо варилось, а Настя пряла кужель тай часом-часом поникнула на оконок. По хвильці хтось застучал под дверьми, они одчинилися и вкročил Славолуб.

– Та лише сама єси?

– Лише, – одповіла Настя.

– Чудуюсь, бо полноч уже минула.

– Минула, правда, но знак еще не даный.

– Правду кажеш, бабо! Видиш, я о том цілком забыл. – Се сказавши, вышел он на двор тай задул у голосну сопілку, которой врескливый свист прошибнул всю окрестность. На что вскорі на одном из поблизких холмов розліялся огненный блеск смольной віхи, запаленой приверженцами Настиного гостя. То был знак.

– Насте! Як я буду князем в Ужгороді, а Віра моєю княгинею, то ты будеш ключницею в городі, – заговорил повернувшийся з подворья Славолуб, погладивши бабу по-под подбороду.

– Дякую, паноньку! – отвітила баба, вергши на него подозрінный взор. – Только ци схоче Віра быти княгинею твоею?

– Завтра, бабо, конечно розвяжеся узел.

На дворі задудніло, прибыли ожиданні гості. Славолуб вийшов на двор, привитался з прибувшими гостями и запросил їх вдну. Їх было трех: один пан а два слуги; всі же з табору Мадяров. Начальник роздал їм розкази чудовным, незрозумілим языком; знать, приказал їм чуйними быти на варті, и вступил у хижину.

– Помагай Бог вам!

– Дай, Боже, здоровля! Витайте, паноньку, – вырекла з немалым удивленієм Настя, чуючи Половця по руски говорящего.

– Не чудуйся, бабо, же чуєш рыцаря по руски говорящего, бо он Русин, як и мы, – сказал Славолуб до затрусившойся Насти.

– Е, та як? – заговорила несміло баба.

– Та так, нене моя! Же я од головы до пят Русин, там здалека, з Украины, з широкой русской земли, где Дніпро буйный тече. Ци чула ты даколи про Кієв?

– Ніт, нигда, паноньку.

– А як бы ніт? Ты мала чути, же наши крайники купчили з кієвлянами, да и з Новгородом, коли там еще покойнійше было, – одразил ей Славолуб.

– Та як же вы, паноньку, пришли сюды?

– Ну, та подружилисмя з Мадярами, або, по-вашому, – з Половцями, бо нас есть много, – одповіл Українець.

– Е, та ци не ліпше было дома? Ма быти, ваши мамки не прийшли з вами?

– Ой, прийшли, бо видиш, нене, вас мы любим: вы – христіане, ваш князь – христьянин, а у нас еще не роспространилося повсюды христьянство. Сам Олег ще поганин.

– Досить, Насте, не будь так цікава. Бабы не мусят все знати, – одтял ей Славолуб. – Доглядуй лише казана, ци уварене уже мясо?

Настя покивнула головою и приступила к горцю. Мясо уже уварене было; выклала го на блюдо и поставила на стол пред рыцарёв.

А рыцарі смачно собі вечеряли, посилкуючися взаимно из полного вином збана. Куры запіли на Настиной стрісі и наши рыцарі повставали од стола.

– Нуже, бабо, отвори комору, бо мы маєм з собою бесіду, а сама ложися спати, бо ты, сарака, – стара, а мы – молоды, та ще побалакаєм, як то молодым людям и годится, – сказал Славолуб, погласкуючи Настю, межи тым всунувши ей у жменю золотого гроша.

Настя одсунула двері, и рыцарі вступили, сама же засунула огонь у печ и побігла до сіней, одси же на повалу.

У самом рогу была затычка, закрывающая діру, через котру Настя выпускала дым. Она подняла ю и призвала скрывающегося на поді рыцаря. Діра была досить велика, так же мож было презріти всю комору, а тым больше чути, что там говорилося. Баба и рыцарь лягли ниць, положили головы на діру и стали слухати.

Славолюб и мадярский рыцарь держали тайный совіт. Они говорили по руски, бо Славолюб не понимал мадярской річи, а наши подслухачи все чули.

Настя, як искусна баба, коли виділа, же уже докончуєся совіт, борзо збігла до своєї комнатки и, легши на постель, зачала голосно храпіти.

– О, як солодко спит наша любя бабуся, бодай ей у царстві небесном віковати! – мовил Славолюб, потрясуючи нею, чтоб пробудилася. – Бывай же здорова, наша газдине! А мы, брате, завтра вечер знову увидимєся.

– Прийду, – одповіл Українець.

V

Як сонце взойшло, собрал Лаборець раду крайников и журагов. Засіданіє было шумное, борьба мніній горяча: одни хотіли союза, а другії опиралися та совітовали взяти оружіє противо кочующих дикарєв. К общому нещастю Лаборець нерішимостью да, так скажем, неможностью больше вредил, чим рада своїм несогласієм. В таком положенії требало мужа, который бы в сознанії власти и поваги княжеской был в состоянії взволнованым умам дати направленіє, соотвітующее благородумію и обстоятельствам.

Слово старого Драгутина не стояло ничего; дармо робил он всякїи уваги, дармо протестовал – розгорячена толпа перекричала го; и стало на том, чтобы брати за оружіє.

– Добрі, соглашуюсь, – одповіл князь. – Но кто буде теперь вождем?

– Славолюб, Славолюб, – кричала рада одnogласно.

– Я спротивляюся; если уже має быти война – добрі; я, як сам, должен повиноватися общой жадости, но на то знову не пристаю, абы Славолюб был вождем – най будет кто инный.

– Ніт, ніт, только Славолюб!

– Пристаєш ли на тоє, рыцарю? – запросил князь.

– Я зо всею готовостью беру на себе должность, наложену ми отчиною, – одрек Славолюб, – только желал бы м, чтоб в надгороду предпринимаемого подвига, к возбужденію большой ревности выполнилось мое давное уже бажаніє, Вашему княжеству извѣстное.

– Ото идет о руку моєй дочери Віры?

–Так есть.

– Если она пристанет, то я не противляюся.

– Але я противляюся! Мені не статись супругою измінника!

Всі постолпіли, чуючи так поражаючу відповідь. Вся рада обернула очи к бочным дверям, з-одки виходила княжа доч, розпламененна, мов втора Діанна, ведучи за руку стару Настю. Она стала на середині радной комнаты между отцем-князем и журатами, а Настя лишилася у дверей.

Славолюб потупил очи до земли.

– Благородна Рада! Я, доч княжа, выступаю против Славолюба jako обвинителька. Он запродад отчину! Так, запродад, я сама слышала на властны уши. И прошу сейчас возложить на него, вмісто брачного вінця, пута! – говорила розпламененная Віра.

– Доказательства, доказательства! – кричала рада.

– Тут есть Настя – она свідок, – отвітила з погордою княжа доч.

– Насте, говори! – веліл князь. И Настя стала говорити слідующе:

– Вчера перед западом сонця пришол до моеї скромной хатинки Славолюб и, всунувши мені в жменю двадцять серебряников, жадал присяги, же я, что-будь случится у моеї хаті сего вечера, навіки замолчу. Я не хотіла присягати и лише слово чести дала, же буду молчати. Тогда он оповіл, же хоче звідітися з якимсь чужим чоловіком у моеї хижи. Я пристала, и он одойшол, а на одході казал, чтоб для него и незнакомаго гостя добру вечерю зготовилам. Як змеркалося, я вышла начеряти воды у ріку, абы заставити мясо на вечерю, но враз обачила яких-то чужих узброєных людей – там, по-над гаєм туляющихся. Дораз доторопаламся, что то Половці и же и мой гость сего вечера, віроятно, Половецъ будет. Так я, покинувши ватру, горнець и мясо, борзо бігла до Ужгорода, до молодой княгини оповісти ей усе. О дальшом роскаже вам сама доч князя.

– Говори, княгине! – заgrimіла рада.

– Як Настя мені се сповіла, – подняла голос Віра, – тогда я, переодівшись в рыцаря, сіла на коня – бо то была уже близь повноч – та й нуже до Насти зобачити гостя.

Князь з негодованієм покивнул головою и позріл сурово на Віру. Она свої спустила очиці, котрыї палали огнем, і, в хвилю ободрившись, продолжала:

– Настя мене вывела на повалу, з-одки далась мені способность подслухати тайный заговор.

– Чуйме! – кричали жураты.

– Честна рада дозволит мені уклонитись мало од предмету, абы больше пояснити себе. Славолюб больше раз предкладал мені свої просьбы, абы я, княжа доч, была его супругою. Я бы ему того не одказала, если б не

увірилась о его поганих норовах и лукавстві уже перед сим. Он завзялся и стался докучливым, а я – непоколебимою. Да бывало одного разу, что говорил о мести! Я на се дуже добрі тямлю.

– Говори, княгине, что говорил измінник Половцеви?

– Пойди сюди, Насте, и кажи, что говорил Славолуб твоему гостю, – рекла Віра повелительным голосом.

– Славолуб казал вот так, – подняла річ Настя: «Завтра покушусь еще раз, и если князь или доч его погордит мною, тогда одкажу тобі или сам прийду обвістити тя, рыцарю, абы есте сміло напали на Ужгород. Да погибнет князь, доч его и Ужгород! Вы – побідителі, и Ужгород под ногами вашими. Но насамперед старайтесь Драгутина вытерти из числа живых, за ним Лаборця и дочерь его, который не хотят покориться вашему великодушью. И тогда я во имени покоренного народа зложу вам свою союзническу присягу, полюбзаю ноги Альмуса, и вы мене вызовете князем Ужгорода».

– Есть ли то истина? – спросил князь.

– Есть! – одповіла Віра.

– Возложите на него оковы и затворите до общей вязниці! – был строгий указ мягкого князя.

VI

Вечер, тьма. Вдали по вершинам холмов палают мадарский огни. Славолуб у вязниці; журагы не дармо негодуют, сумуют та предвіщают лихо. Князь склонил голову та думает... Віра переодівается в рыцаря, сідает на вороного та ну же до Насти.

Темница, в которой сиділ Славолуб, была тісна: темная діра о еден решетками вооруженый оболук. На руках и ногах ланцы... желізный двєрі... огромный замки... Ніт спасения. А ту – высокопарный мысли, славолубіє!.. Вмісто княжого скипетра – оковы! Он видит синее небо, видит сквозь тухлый стекла маленького оконця, як пернатый півці швидко мигают мимо него... вітер шумит собі свободно, а он, он – у оковах и вязниці!

– Спаси бог, Насте!

– Йой! Боженку мой, та то моя дорога княгиня Віра! – воскликнула Настя з удивленієм, но весьма нерозумно.

– Віра? Княжа донька?... котру так часто прославляли... Чул-єм. Не есть ли то обман? Або зрада? – озвался за столом сидящий Українець, ожидающий Славолуба, вмісто которого прибыла сама княжа доч. Он

изумился немало: он ждал своего приклонника, а тут з'явилася княгиня, и то в мужеской одежи, – что то такого?

– Насе, ты мене запродала! Ты – нероссудна старуха! – стала тяжобити Віра. И вергла шелом на лавку. Долгії жолтїї кучери рассыпались по плечам; зметала все одіяніє: наперсник, зброю, да все, что не было полу ей властного. И перед Украинцем стала діва у всей ніжной красоті.

Он остолпіл и придивлялся долго на ей уроду.

– Ты, гостю нашей отчины, знаєш по руски?

– Знаю, – одповіл чужинец.

– Ты ждал Славолюба?

– Єго.

– Он не прийшов, и не придет; бо он – измінник, он – у темниці.

– Як то може быти? – задивовался он.

– Та так, же он настойчиво совітовал [войну],⁵ а сам тайком в погибель отчины заговор держал з ворогом.

– Ніт, княгине, я не ворог, я – посол Альмуса.

– Он требовал моеї руки, бажал княжеского вінця – обсяг оковы. Сам непотребный, ничтожный, но тым больше возносливый. Простым путем не удавалось – ужил лукавства: на раді совітовал войну, а перед тобою – нашу неприклонность к союзу.

Послышался топот – зо всіх сторон стали сыпатись мадярскїї конники. Тугутум-вождь з огромным войском приближался к хаті. Віра перервала свою річ.

Был то вчера еще выготованный поход на Ужгород. Альмус, отягощен бременем літ, остался назаді.

Віра быстротою молнії выбігла из хаты, сіла на коня и исчезла прямо к Ужгороду...

VII

Утром, коли сонце стало высуватися з-позаду високих хребтов одвічного Карпата, Ужгород зо всіх сторон обступлен был уже кочующими гостьми. Половці добивалися кріпостных муров, ставляли вежи з дерева, ламали стіны огромными желізными баранами и вергались на окопы. Но изверху встрічали ненадійный одпор, споєн з одчаянною лютостью. Стрілы сыпались дождем...

5 У первопечатному тексті (1863 р.) проскочила семантична хыба. Намісто сочетанія слів «отсовітовал мир» авадь «совітовал войну» было напечатаное сочетанія «совітовал мир». У далшых перевыданнях атсєго оповіданія тотя хыба вєце раз ся повторила. У нашому выдані тоту хыбу виправили сьме (зазначка вишорителя – В. П.)

В церквах заєдно голосили звони тупим, унылым воплем. Архієрей клячав у подножия престола – дряхлїї трясущїїся руки подносив горї к небесам, прося о всевишню помощ. В церкви – и живого духа, крімї него; он сам на себе лишєн. Не окружєт єго свїтла свита причєта церковного. Той тепєрь на валах бросєт тяжєлїї скалы на нєприятєля. А звоны заводят так жалобно, что аж сєрцє краєтсє! Да нє напрасно, вєсь бо Ужгород як-стой на ногах, на окопах. Дїти, жєнщины таскають камєни, приносят кипятєк та сыплють на голєвы нєїздников. Но вє-таки нєудачливо! Годї здїлати что притиво толикому числу...

На окопах од востока показуютьсє уже пристрижєнїї половецькїї чубы. Рускїї лєвы вєргаютьсє на них и стрємголов друляють їх назад у глєбину...

– Что, – кричит розьющєна толпа, – мы падаєм, а Славолуб покойно собї лєжит у холодку? За ним!

И толпа погналасє к вязницї. Схватили Славолуба нїсколькє роспалєных воинов тай вывлєкли на площадь; маса черни з жаром кинуласє на него, жєлая живцєм роздєрти єго. Но воины возбранили, они судили єму лютїйшой кончины: привлєкли єго к окопам тай здрутили у позїваюшую глєбину...

Но тогды уже Мадєрє рєєм сыпалисє в город. Вїра опустила долє меч, стала столпом тай склонила голєву на груди стоявшєго при нєй старика-отца.

– Спасайтєсє! – кричали крайники.

– Спасайтєсє, кажу и я, – озвалсє ззадє он, Половець, извїстный нам Украинєць. – Привєдїтє конєй, – продолжал он посєрєд общєго замїшатєльства.

Привєли чим скоршє, но только два, большє нє было часу. На одного сїл Украинєць и княжа донька, на другого высєдили старєго князя. Одчинилисє сївєрнїї ворота, та й наши бїглєцы мигли ними швидкостїю блыскавицї.

– Куды? – запросилсє Украинєць Вїры по хвили, но уже за Ужгородом, держє за поводы коня, на котєром сидїл старик-князь.

– Просто к Землянскому замку, там, на сївєр! – одрєкла єму Вїра.

Мєжду тым, лукавый Славолуб, котєрого хотя здрутили з валєв, но однакє ж нє убили, бо упєл он на ноги, замїтил тепєрь бїгство князя з донькєю, подмовил Половцєв, тай нуж навздогон за ними.

Вїра припадковє обернулєся назад и з перєпудом скричала:

– Ах, нас прєслїдуют! Конєць нам!

Лабєрєць, услышавши тєє, здвигнулсє и упєл под ноги коня. Мадєрє уже за пятами... Лабєрєць зловлєный, но Вїра исчєзла!

VIII

Над крутими струями Свіржави великанска толпа народу мадярського! Побідоносний голоси розносяться по горах и дубравам; всюди прославляється имя Гадура... Там стоїть и измінник Славолуб. Но он тепер уже не Славолуб, а Губа: губою своєю он згубил род свой, славянское своє плем'я! Другого дня ліял и он кров из локтя, яко обіт вірности Арпаду, сину Альмуса, преемнику того же!

А что Лаборець?

Лаборець повішен на вербі, висить трупом над волнами Свіржави. Хищний вороны літають по-над его головою та клюють єму у мертвий лоб... Мадярская толпа сувається к Тарцалу⁶ та лишає по собі сум и опустошеніє!

Конец Ужгороду и княжеству рускому! Все пропало!

На третій день прибыла Віра з Українцем и кілька крайниками одати послідню честь послідньому князю ужгородському. Похоронили его на том же місті над Свіржавою и нарекли нещастною ріку Свіржаву – Лаборцею.⁷

Віра послі совокупилася браком з изрядным Українцем; жили літа свої спокійно в одном уединенном домику у подножії високих Карпат, догодовалися здоровых діточок та в глубокой старости переселилися к отцам своїм.

А в Ужгородском замку молодії літоросли Угорской Руси, питомці священнического чина, при конці дев'ятнадцятого століття труждаються, як бы поднести руску народность на Угорском под-Карпаті.

Марія-Повч, 10 марта 1863.

6 **Тарцал** (мадяр. Tarcál) – гора (днесь тиж село) в регіоні Токая. Подля хроніки Аноніма «Діяня Мадярів» («Gesta Hungarorum») свою назву гора дістала од Тарцала – єдного из вождів кунів – одважних вояків вождя Гунгарії Арпада (зазначка вишорителя – В. П.)

7 **Лаборца** – слово «Лаборець» на сему місті на означення назви річки автор, як мож видіти из текста оповідання, вихосновав у женському роді – «Лаборца». Не знати, чи то печатна хыба авадь, скорі, є то выказ авторської концепції. Лишили сьме сесе слово у редакції первовидання 1863 рока (зазначка вишорителя – В. П.).

КАЗНЬ НЕБА

Оповіданіє

На цілом под-Бескиді во своє время Властич был найбогатшим. Казал єм «во своє время», бо знай, что то еще тогда сталося, коли наш под-Карпат управляли крайники та жураты; был – не хвалячися – и князь свой. А нашим пра – Бог знає котрым еще – прадідам не такий гаразд был, як нам теперь.

«Что было, то ся минуло» – каже руське присловко, а нам тут не иде, лише про пана Властича та єго долю. А она досить сумна!

Як поміщик трёх сел, наслаждався он немалым уваженієм и честию у своїх земляков, но уже якось-то ци слабость, ци Бог знає что звикло вести богатого и поважаемого человека з большой чести в объятія почтенной госпожи – гордости.

Та и не легко позбытися таких объятій.

Не иначе дієся и з нашим Властичем; же богатый, шкода про тое больше и говорити, но молодой, уродливый, а к тому еще ученый. Так ніт и сомнінія, же закрутил он не одной дівиці голову. Где-будь появился, всяды приймали єго щиросердно; замуж готуючийєся дівки пасли по єго мужеской постати свої чорный очиці та и при гадці – кобы то он привел уже раз женихов¹! – не раз из глубины сердца вздыхали.

Але біда, бо Властич, як граніт, мал єм казати, як вічносніжный верх Карпатов, на который дармо стріляєт ясное сонце свої огненний лучи; не єсть то воск, то и не хоче топитися. Га, у Властича своя воля, он не хоче знати, что єсть черевиковое правительство.

Велося тое, має быти, за три ци больше годов, же Властич оставал собі Властичем, граніт-гранітом, та й годі прелестным очам зробити з него воск. Аж наконець сповнилось на нем якогось там мудреца так часто повторяемое слово: «quod differtur, non aufertur»².

1 **Привел ... уже раз женихов** – Годно быти, же намісто слова «жених» яло бы покласти слово «сватач» («сват», «просатарь») (зазначка вшорителя – В. П.).

2 **Quod differtur, non aufertur** (лат. присловко) – Што ся одкладає, то ся не знімає (зазначка вшорителя – В. П.).

Якось ёго счастный – ци несчастный – жребій знес з Оленою Бактушевою, которой жарким стрілам очей годі было уже далее поставитися. Тут Властич принужден был вывлечися Властичевской натуры.

Склонил голову и поддался. А случай сей зробил в его житью новую эпоху, вывел конецъ, который люблят называти трагікомічнимъ.

Лучше было остатися тобі гранітом та не слідовати норовам подобных тобі смертных! Но, конечно, ты тому не виноват, же кромі тебе суть на світі и Олены, а у них такіі уязвляющіі стрілы.

Та уже кто то был виновником его такой переміні? Что же есть то за Олена, може яка княгиня?

Ніт, сирота. А коли кажеш «сирота», розумій при том – и бідная.

Властич же богач на весь світ.

Сталося, як и звичайно звыкло ставатися: Властич взял Олену за жену. Та и не окламался. Супруга з ней, яку глядати: любяща, скромна, а к тому доглядлива господиня. Властич не стенал под черевиковым правленіем. И світ їм был так переживати минуты житья, который бігли, будто мысли. На лоні всеоживляющей и увеселяющей природы, под тінью розложистых дерев, в опрятном и вкусу одповідном домі прожили уже три літа, будто три години. А Бог мирное їх супружество пожегнал двома діточками: здоровыі были, як жолудь, а красныі, як мак³.

То ж и радость была з них немала для родичей, только з тым розличіем, же у Олены она была глубокшею, чим у Властича; в самой річі, и діточки якось охотнійше пригорталися к матери, неж к отцу, которого и за колька дней не видали...

Властич стал оставати з дому уже и за долшоє время, а се начало бывати густо-часто. Властич холодніє что день горше, стає быти суровійшим.

Бідна Олена проливає слезы, предвидит якусь грозящую ей лиху долю! Діти, видячи матеръ слезящу, самі плачут, тай, наплакавшись, засыпают и сплят солодко, мов ангелы у раю, а мати бідна лебедит над ними, будто св. хранитель, та пригладжує їх жовтыі кучері.

Гробную тишину нараз прервал топот конских копыт. Властич по пятинднемом отсутствіи надойшол, вступил у комнату жены, прибрал суровый вид и бігшую ему в объятія Олену жестоко одтрутил...

– Збери сей час свої цундры, якіі есь принесла; ту маєш сто таляров

3 У первпечатному тексті (1863 р.) у сёму присловку проскочила печатна хыба – намісто слів «красныи, якъ макъ» было напечатано «здоровыи, якъ макъ». У нашому видані тоту хыбу виправили сьме (зазначка вишорителя – В. П.).

на діти, годуй їх собі – и вон ми з дому! – зарвал на ню не по людски Властич, бросивши ей у пазуху сребро.

Бідна Олена, здавалось, хотіла чтось промовити, но не стало сил, мов у Лотовой жєны⁴. Не очуняла борше, аж як ей выложили на воз и кинули на коліна дробнїй діточкы, тай погнали бісом к родному селу.

Вылежала нещастная цілый місяць у горячці; якась добра душа приля ей до свого дому, тай кормила дробнїй ребята, а недужну, як мога лічила.

Стало на том, что Олена помалу прийшла к собі; и коли уже значно выздоровіла, взяла одно дитя на плечи, а другое на руки – тай нуж до крайников жаловатись на Властича.

Крайники зобрались и составили суд.

Властич позыву їх повиновался и зъявился на суд.

– Знаєш жєнщину сію? – вєпросили они.

– Не знаю, – отвітовал он холодно.

– Она жєна твоя!

– Ніт!

– Присягай.

– Я, Властич, божусь раз, другий и третій раз, ож жєнщину сію я не знаю и что она не єсть и не была моєю супругою николи.

– Мужу! Поглянь на небо, оно одомщати звыкло кривды! – заголосила з одчаянієм Олена.

Властич затверділо подніс очи ид небу.

А у облаках праві згромадились тогды тяжельї облакы громовїї; была великая спекота. Стовклися хмары, тай грянуло страшенно...

– Но най же ударит до тебе перун только разы, колько разы ты надармо божилсѧ!

Сповіла тай схватила одно на плечи, а друге на руки и поїшла там, где найглубша єсть Латюрка.

На берегу ріки, над самою зівающою пучиною пала на коліна и стала молитися Богу. Як скончила, взяла старшое дитя на плечи, привязала ручєнята к грудям, а молодшое прижала сильно к собі, зажмурила очи – тай у глубину!...

Волны зашипіли над ей головою.

У сам той час блысло... трісло... перун ударил до судебного дому и запалил го.

4 **Лотова жєна** – безименный персонаж Старого Завіта (Книга Бытія). Жєна Лота ся перевчинила у соляный стовп, бо ся (наперек ангєльському наказаню) обзєрнула, обы видіти, як небесный огєнь спалює Содом и Гоморру (*зазначка вшюритєля – В. П.*).

Властич зо страху простерся взжолж на землю и думал, же уже туй кончина.

Но ніт, то лиш Олена прощалася з світом. Она еще два разы має озватися.

Властич схопився, выбіг из горящого дому тай, якбы и о ничем не знал – прямо біг в объятія своєї Ксені.

Ксеня была доч богатого крайника, любила Властича всім дівочим жаром, мимо того жебы была знала что об Олені; Ксеня была невинна, не знала, же Властич женатый.

А нашого героя нещастлива кончина бідной Олены и не тронула; он фараонски затверділий был, не опамятался и на первый погроз неба та без всякого возмушення провадил своє далей.

Между тым Олену з дітьми вытащили рыбаки и прилично похоронили на берегу. Чужі люде зробили ей послідню выслугу, чужі слезы капали на домовину, бо Властич гулял у Ксені и готовился на другой день з нею до слюбу.

Но небо иначе судило!

День тот наступил, такой красный час был, так ярко світило сонце на небі, же аж мило было. На цілом синём поднебїи ни одного облака, только одна чорна точка на лазурном морі, а и то так маленька, что ледво доглянеш оком. Казалось, и сама природа празднує, и она бере участь в радощах Властича.

Весела толпа свадебных зближалась к св. храму, саміи крайники и жураты з своїми женами, а на челі Властич з Ксенею. Стали у порога церковных ворот. Священник стал держати свою річ о важности и значеніи брака, о догробной любви и вірности и просился дальше Властича, слюбуєт ли он все то своєї Ксені?

Одразу трісло страшенно... перун ударил у самую середину толпы свадебной...

Як очуняли гості, з удивленієм виділи, же не сталося нікому нич, только Властич на дві сяжни од своєї невісты лежал у пороку. И єму не было нич, лише потопилося сребро и золото на дорогой одежді.

«Га, то был уже второй голос, то было второе прощаніє Олены!» – казали до себе старыі бабушки, утираючи слезу из лица.

И второе сіє прощаніє поколебало уже Властича, зробило з него инакшого человека – вступил до себе. Ксеня з презрінієм посмотріла на него и сказала:

– Єже Бог разлучает, человек да не сочетает!

Всі розойшлися, а Властич біг прямо к гробу Олены – помолился «Отче наш» и «Богородице» три разы за упокой души ей; и о короткое

время постройл над гробом Олены часовню, и приходил на гроб каждоденно молитися.

Долго жил он по сему; и когда виділ, же збирают хмары, зараз біг на гроб Олены и ожидал послідного прощанія Олены.

Но не дочекался.

Роздал все своє ім'я на церкви и монастирі, остал сирота убогий и помер убого. Люде его погребли честно и устроили до гробу крест, а коли стали розходитися, ударил перун до гробу...

То было третое прощаніє Олены!

А розходящієся гробарі казали: «То — казнь неба!»

НЕ ХОДИ, ГРИЦЮ, НА ВЕЧЕРНИЦІ!

Подкарпатская повість

I

Уже погас жар пекучого літа, утихли и громы чорных облак з своїми тучами; не колышется больше золотоцвітний колос на широком поли, ни благовонный цвіток на зеленой рощи. Все-все чудно змінилось, бо спекла украшеніє плінительной природы пламенна луч, зварила и иссушила все на жалобну суху стернь. Пернатії півцы – одни скрылись под теплою стріху селянина, а другії полетіли воздушным путем в чужину... И прекрасная природа вздремалась глубоким сном в скучную дождевую осень, и начала цівками ліяти горенький слезы...

На широком світі скоро нема лучшой доли, як овчареви літом: як скоро зарумянится холодный поранок и багряннії полосы сверкнут на небі, схопится овчарь з выгодного ложа – сырой землиці у узких ворот кошары – и сей час берется за діло: подоивши насамперед стадо, одчинаяет потом плетенії ворота и выпускает его на зеленії луги. О, кто покусил бы ся описати восторг души, внутреннее удовольствие его...! Сонце праві тогда высувается з-заду гор, обліет морем золотых лучей стадо; и он в чародійном порыві души сягає по свою горскую трубу, приложит до уст и запискає на ней столь солодко, столь приятно, что повеселіє мати-природа од прехороших тонов!.. Так минают дни овчаря літом.

Але тым суровше одплачуєся ужита роскош. Загостит скучная зима з своїми метелицями, и буйному природолюбцеви паде жребій в унынії проводити дни свої на скучному зимовиску, а особливо если – як по нікоторым містам верховины в обычаї єсть – стадо зимуется не дома, но в полонині на салахах и зимовых хуторах; тогда веселый дух овчаря впаде в мертвое росстройство и овладіє ним пасмурный характер...

В подобном состояннії находился и Гриць, овчарь, проведенный уже змала не половину зимы на одном из оддільных¹ полонинских хуторов.

А теперь, коли он опрытавшись около своего стада, накормил его и напоил, был уже вечер ясный, но морозный одного недільного дня; и

¹ В орігіналі было напечатаной так: «отдѣльныхъ». Видав, туй проскочила хыба, котру сьме виправили (зазначка вишорителя – В. П.).

овчарь наш, укончивши должность свою, запер стайню и вступил в свою избу. На самом вступі поздравила его прибывша уже прежде в хатину стара Олена из села, котрой необыкновенное доси посещение, а паче теперь, коли аж дерева тріщать од студени, мало задивовало нашего овчаря. «Но ничего, коли уже тут є, та тут», – подумал он собі и привитал красненько Олену словами: «Здрастуйте, Олено!».

– Дякую, Гриценьку, за красне слово, – одповіла Олена, вставши од догорівшого огня, при котором руки загрівала.

– Кому же вдячен єм за рідкое щастя?

– Не мені, Гриценьку, не мені, – одразила она наскоро, – но той благой души, котора ти через мене засылає вот се!

И тут представила єму оден кошик, полный колачами и розными приправками на закуску.

– Ага, то, віроятно, Ольга посылає сіє, – начал догадоватися Гриць.

– А, Ольга... Ци снит ти ся, Гриценьку? Бідна Ольга, убога, мов пятниця, ачей ей стати бы на то?

– Та кто ж инный?

– Одна блага душа, Гриценьку! Больше нич, имя не скажу, бо невольно.

– Блага душа, блага душа, а почто же засылає мені се, ци она мене знає?

– Лиш раз тя виділа, гдєсь недавно, як казала; и ты запал у сердце ей, она одтогда не має спочинку.

Бідного овчаря в немалое замішательство привел случай сей; стал догадоватися, кто бы мог так приклонным єму быти, если не любезная его Ольга. Но миленька Ольга при всей доброте сердца єсть бідною... И чім опамятался, Олены уже не было; она быстрою молнією выбігла на двор, и наколи Гриць стал до окна поглядати за нею, она уже мчалась долу горою – тісним шляхом помеж сніжній стіны.

– Вернитесь, вернитесь, Олено, лиш на одно словечко! – кричал он за нею, но она и не оглянулась.

Долго-долго стоял овчарь у окна и роздумовал, поки аж цілком не смерклось. На ватрі печи угля спопеліло и од простуженого воздуха окна замерзати почали, но Гриць таки не лишал окна. Вдруг выкотилась з-заду ряндавого облака полна луна; и од блідых лучей ей запалилось міліон искр на снігом покрытом поли. На то скоро показалась якась чоловіча постава, поступающая узким пішником горі к салащу, и у самого порога роздался знаємый овчареви голос:

Вже журавли одлетіли,
Где ся мої літа діли?

– Не співай, Васильку, не співай, бо ми то не мило, но вступи вдну и скажи что нового, почто сь прийшов?

Двері одчинились, и вкročил ними високого росту мужчина, числячий вище сорока літ, в долгой сорочці, мов дітина, наверху которой сверкал блестящими гузиками зелений гусарский доломан, з подобним клобуком на голові, которого и видно не было од множества пер и барвінку. Он належал к тым бідным створеніям, которых провидінє своім премудрым совітом лишило ума; и звичайно называли его селяне «шаленым Васильком». Женился заєдно; не было дівки в селі, котру не был бы просил собі в жену, а ущасливлена сим діва зо всяким правдоподобієм и хладнокровностью дала єму руку и пообіщалась быти супругою, из чого потому были сміхи немалыї – скоро дівка оддалась за иного. А Василько, хоть познал себе быти ошуканым, прото не впадал в одчаєніє; заспівал собі на волю «Вже журавли одлетіли...» – и забыл на все.

– А что, Васильку, чогось прийшов? – запросил его теперь Гриць, коли он розложился около ватры и стал зогривати свої напобосыї ноги.

– Е, та нич, прийшов-єм та прийшов; хочу свадьбовати, и тебе любил бы м мати за свата.

– Не жартуй, не жартуй, но скажи правду, на что-сь прийшов, кто тя послал? Ци не Ольга?

– Ба Ольга.

– Что казала?

– Казала, абы сь прийшов, бо стара дуже захворіла – до рана ачей и помре, и хотіла бы з тобою побесідовати напоследок.

– Так идем, Васильку, сей час.

Была вже глубока ноч, коли овчарь наш замкнул на колодку двері салаша, пришункал пару великанских собак под засып и пустился з Васильком долу узким пішником в село. На небі прекрасно світил місячок и озарял своїми лучами всі близькыи и оддаленыи предметы. Чудна то ноч была – холодна, но хороша. Красный погляд выдавался одтуду на все село, на маленьку церковицю з червоною вежою и золотым крестиком. Высокыи полонинскыи утесы з ледовыми верхами стояли, мов даякыи заклятыи чудовища-исполины. А оддалеку выносился пресловутый своїми неслыхаными оповіданіями чудных событій замок распустной владітельниці Борбалы; обветшалыи муры замка выносились теперь посеред ночной мглы в чародійно-романтическом положеніи. Розныи вісти носились по околиці про Борбалу²; розповідали, что уже трех мужей она

2 **Борбала** (мадар. Borbála) – Барбара, авадь у славянських народів – Варвара. Видав, атсєму имню А. Кралицькый придавав містичной значеня (зазначка вишорителя – В. П.).

отравила, що в замку лиш сама жие з одною старою бабою, що переobleкається то в воина, то в жебрака, то жида – и так обходит околиці на білом коні: хто ся ей полюбит, того похитит в замок, а наскучивши ним, сама убиває его. Говорили о ней много всяких выдумок и небылиць.

Наши путники спустились уже до села и бродили вниз тісної улички, часто-густо прорізаємой горским потоком. Уже давно выгасло и світло в хатах, мілкіі оконці ночным мраком укрывались, бо селяне, по большой части, уже спали. Аж тут зблизились к одной обширной хаті, з которой шумно выносился звук музыки и плясок, из трех окон ей выбухала зоря внутрєнного світила, из чого догадатися можно было, что там весело собі вечеркуют. Тут жила извістна нам Олена-вдова, а в домі ей держала сельска молодеж через мясниці свої забавы. Василько тут одкровенно сказал Грицеви, что уже най он иде собі сам з Богом, а он останеся тут, где честный люде веселятся.

О пару минут овчарь наш застучал под дверьми низкой хатки, который борзо отворились и показалася на сінном порозі молода дівочка з слезами в очах:

– Мати умирає, солодкий мой Грицю! И жєлає тя єще раз напоследок видіти.

Вступил овчарь внутрь, в теплу комнатку. На столі в деревяном подсвічнику горіла воскова свічка, розливался благовонный запах фиміама. Все то пригадало ему, что недавно был тут отецъ духовный снабдіти тайнами умирающих одходящую од суетного сего мира. Стал у кровати конающей Євдокиі и имил ей за дряхлую руку.

– Ненько! Погляньте на мене, ци познаете мя? Вот я прийшов одобрати благословенія вашого!

Умирающая з напруженієм всіх сил отворила очи.

– Ци то ты, Гриценьку? – промовила она ослабілым голосом. – Най тебе тройця свята и Пресвята Діва благословит! Будь щаслив, зділай щасливою и Ольгу мою – видиш, она остається сиротою, но знай, же сиротам отец-мати и всё – єсть Бог на небі, и он... – не успіла договорити, что хотіла, бо погас світильник жизни и звязало язык вічнеє молчаніє. Она умерла.

Ольга в роспуці духа сиділа у стола в куті, потопила заплаканный очиці в одкрытій стороны молитвенника; она не учула последных слов мамки и не замітила даже и преставленія єї.

В зріниці Гриця одна слеза покрутилась и спала на сырую землицю.

– Вічная ей память! Добра душа была... – проговорил тихонько и приступил до Ольги.

Погружена в святое богоговиніє, Ольга подняла свої глубоко запавший чорный очи на Гриця, вычитала из твари его неомильный выраз бла-

городного сердца, вислідила всі ніжненькі чувства, который споилися теперь в одно найщиршее соболізнованіе.

– Так, солодкий мой, видиш, я остаюсь сиротою – бідною, опущеною од всіх сиротою...

Значеніє слов сих повергло овчаря нашего в глубокое роздуміє. Уже теперь не роскошная, веселая Ольга говорила до него, но говорила сирота, котора отца, мать має на небі, як высловилась умирающа, але часом тым черты сироты переоблеклися в полнійшее чувство, порывали смуглотою своею всю страсть юношеского сердца, взволновали кров и всю внутренность овчаря... Необсохшая слеза сироты стала проникати в самое ядро души. Словом, сирота во всей поставі измѣнилась в нетуземное³ существо! Гриць стал, мов очарованным – нигде еще не бачил он на твари сей то, что теперь; аж теперь познал он, что то есть Ольга.

– Ніт, ты не останеш сиротою, – сказал он рішительно.

– Но я бідна, Гриценьку!

– Сам Бог есть богат, всі єсьмо убоги, а я сам такой – бідный овчарь.

– Не будеш ли ся цуряти мною, коли в селі суть и богатый и красший?

– Моє богатство и краса – ты одна!

– Но на світі сем много есть подлых, завистливых людей – суть лестный Олены и распутный вечерниці.

– Хотя что есть и хотя что буде, а все-таки мы поберемся на зеленый свята.

– А все я боюсь за тебе, любезный, докля не заречешься ходити на вечерниці.

– Я и так зрідка ходил на них.

– Не пойдеш ли больше?

– Ніт, если того желаєш, клянусь, что не пойду больше на вечерниці.

В залог искренной обітниці молодый улюбленники подали собі дружескую руку, заповіли день наибольшего на світі щастя, посновали на воздухе замки досмертного блаженства и обрученіє чистых сердець освятили первым благовонным поцілуєм.

О! Бідный молодята, не то есть в книзі судьбы написано!..

– Прощай, любезна, я одхожу. Матери уже ніт, позаботимся⁴ о честный похорон.

3 В оригіналі было напечатаной так: «не въ туземное существо». Видав, туй проскочила хыба, котру сьме выправили (зазначка вишорителя – В. П.).

4 В оригіналі напечатаной слово «заботимся». Видав, туй проскочила хыба, котру сьме выправили (зазначка вишорителя – В. П.).

Учувши столь печальну вість, Ольга горько зарыдала. А на третій день стара Євдокия вже в сырой землиці почивала вічним сном.

II

Многіі кажут, что любовь не иное есть як горящая лампада, которой питательность теченієм времени все больше а больше меншится: світлость рідится, меркне и послі цілком угасає, если ревнованіє не вліє в ню часом-часом свіжого єлея. Хотя вопреки, суть многіі сердца, похожіі подлым дверям, легко растворяющимся, но тяжело запирающимся.

На скучном зимовиску Олена частійше стала навіщати Гриця; и, правду сказавши, сей не чуждался приносимых нею разнородных подарков. И, як то по уплыві часу и мысли человека якийсь перемінчивый оборот берут и наконец цілком кидаются в непамять, если не есть одно-стального чувства в сердці або если до него прикрадєся и другое подобное, первое, як обветшалое, стає холодніти, а другое, зачїм новое, тым жарчайше почне заниматься.

При том однакож не можем посуждати овчаря нашего, будьто бы он любовное чувство к Ользі цілком из сердца вытиснул, а дал приступ иному. Ніт, он не змінил сироті. Но таинственный поступ незнакомой, як Олена любиться высловляти, благой души, єї коштовный подарки, здобный сирохману-овчарю, добровольна приязнь Олены тым больше овладіли мыслью єго, чим рідше видался з Ольгою.

А Олена была весьма практична жена: уміла не лиш приманити, но и одчудити, роздор искусно вывести. Бо, як опытна баба, добрі знала то, же кто хоче ціль осягнути, должен прежде всего препятія устрани. Тому ж пустила поголоску в селі, что Гриць еще сих мясниц хоче женитися з одною дуже богатою дівкою з околиці, что обручена єго посилає єму rozmaityй приборы, золотыі перстені и все, что душа бажає.

И направді, Гриць стал розкошнійше прибиратися, а хотя он собі-таки лише овчарь был, однако вынесся убранством своїм высоко над инных богатких сынов; то здалося потвержати поголоску. Таким виділа єго и Ольга в церкви, в том самом приборі посітил и єї колько разы. Но все добродушна Ольга не давала віры людским клеветам; она не хотіла віровати ни зрадливой Олені, ни подобным єй.

Студеный вечер был Сырной неділі – вечер сей был послідным тогдашних мясниц. Товариши Гриця од часу-рана не переставали докучати єму, абы брал участь и он в їх забаві, абы прийшов под вечер до села на вечерницю.

– Таже то мы, друже, – представляли они єму, – печемся через ці-лое літо на сонці, зимою мерзнем, унываем на зимовисках, не маєм коли

взяти собі спосібність хоть лиш часочок погуляти з побратимами. А тепер, коли нароком вымовили сьмо собі под час найму троха и погуляти в нарочный сей день, то не воспользовати бы ся добрым случаем?

Даремный были слова щирой дружины: Гриць рішительно одповіл, что лише най они собі здоровы гуляют, он останеся дома. Добры побратимы засумовалися немало, же недостає їм веселого, забавного товариша, и уныло одойшли.

Ледва заперлися двері за ними, уже щеканіє собаки с-под засыпа обвіщало прибытіє нового гостя. Двері одчинилися, Гриць обернувся од окна, а перед ним стояла Олена.

Судорожноє трепетаніє и якась-то скрита боязнь прошибла втнутренность овчаря: «Не есть ли то Єва з яблоком?» – помислил он собі.

А Олена як яла сыпати медоточной слова, як яла леститися Грицеву, что годі поставитися краснорічивой Цицероні⁵.

– Лише одно возмездіє за оказану приклонность жадає од тебе добрая душа. Лише одно – видіти тя еще раз, Гриценку, на остатній раз.

– То най одкрыє себе, най сповість, где жиє, а хоть бы то як далеко было, я потружуся одблагодарити доброту ей, – одповіл овчарь.

Не треба, Гриценку, полсвіта збродити, ніт, лише зыйди днесь вечер в село, у мене буде забава, зойдеся множество молодцѣв та красавиць, як золотый цвіт на весні.

– Ци буде там Ольга?

– Ольги, Гриценку, и дома ніт, она еще перед вечером пошла на третье село посітити родину.

– Не могу, не могу, Олено честна, пойти на вечерниці.

– Та ци така вдячность, Гриценку? Так одплачуєшся доброй той души? Погоди-но, прийшов бы ты еще...

Засумовался овчарь наш и не знал, что одповісти Олені на то. И Олена стала выбератися домов.

– Пойду, ей богу, Олено, но лише на хвильку, але то буде послідный раз.

– Так, сыну мой, так, – и з радостью одойшла.

III

Красна то была ноч, коли на сводах небесных рожевы крыла роспростре холодный досвіт. Чудесна то ноч, коли на синѣм поднебесы легіон ярких звѣзд запалится. Коли в ряндаву хмару скрыє твар свою блідый місячок. Ох, як величественна, як прелестна есть тогда ноч!

⁵ Видав, автор мав на гадці Цицерона – римлянського філософа и оратора (зазначка вишорителя – В. П.).

– Ех, не гадаю уже хоть, что буде, а таки мушу ей видіти, – то сказавши, Гриць наш вискочил из хатки, мов испужаний звір, и стал ниспускаться горским пішником к селу; мимовольно верг очима к стороні, где стоял пресловутый замок Борбалы; пак впала єму на мысль ніжна Ольга – як то она красенько молила, чтоб не ходил на вечерниці, як то он клялся ей, что не поїде... а теперь – топче под ноги клятву-слово и все. Что буде казати Ольга, если ся дознає?

– Ніт, годі мені ити, я вернуся, – сказав он и хотіл было уже вертатися, аж тут искуситель заміняв добру гадку лихою: «Иди, дурню, бо побануєш». И Гриць пустился далій ити.

Уже спустился в село, уже подходил к хаті Олены и клал уже ногу на високий порог, коли внутренній судія накинуд єму знову вернутися. Но запозно было уже все, бо Олена тотчас отворила двері, спознала его на первый погляд и з побідоносным кликом завела его в круг веселящихся.

Так пропав ты навіки, бідный овчарю, не видіти вже тобі скучных хуторов, ни больше твоей Ольги – ніт щастя и радости!

Веселящаяся дружина шумно заплескала в долони над прибутієм нового гостя, обступила его кругом и посадила за стол. А стара Олена аж покрасніла од радости – почуствіє побіды заровнало ей глубокий морщины лица; теперь она несомнінно осягнула ціль свою.

– Їж, пій и веселися, Гриценку мой, доволи! От тобі аж шкода марнити молодой вік в скучности; тобі треба дружины, забав и пляски з красными дівчатами.

– Так, так, мамко Олено! – потвердила розыгравшаяся дружина.

Овчарь наш, выхиливши уже нісколько чарок доброго вина и роспалившись од него, як рожа, став уже и сам признавати, что правду каже Олена.

В том двері широко ростворилися и вкročила в избу якась чужа красавиця. Гук замолк, музика утихла – и всіх очі остановились на хорошей чужениці. Розыгравшийся товариши оден другого вопрошал: «Одки та дівка, як ей зовут?».

Але одгадати того ни оден не был в стані. И дійсно, была она всім незнаєма, сама лише Олена, зорвавшись робко з міста, приступила до ней з солодким привітом и посадила ей на своє місто у боку Гриця.

У хаті хоть мак сій – всё тихо, всё дивуєся на красавицю. И волнуются чувства, бьет сердце не в одной груди. А чужениця бавит свою ролю чудесно-хитро. Мимо ей найискуснійшой ловкости в уподобаньюся, владіє она неоприділімою силою красы, котору подносит еще и простонародна руска одіж: была коротка сподниця з червоною припаскою, тонка льняна сорочка з широкими у локтя перевязаными почервено вышитыми

рукавами; лебедина шея укрита густими рядами коралей и поздіваних монет, чорное долгос, в дві косы сплетене волосє и дробненьки червоны чоботы; а если пригадаєм єще и медоточниї слова, усмішки и розліяніє любовных чувств, то нимало не зачудуємся над росчарованієм неопытного овчаря.

– Заграй-но мені, Фецьку, – заголосила Олена до Цигана, – мою давну нуту:

Загучали горы,
Загучали лісы,
Де сьте ся поділи
Мої давны часы!

Фецько притис до лица скрипку, урвал смыком по струні и загуділа нута Олены – шумно и голосно; на то Олена приступила до Гриця и яко господиня дому запросила єго на танець.

Гриць не одтягался, знал добрі, что проворна Олена наміряє, и зо всею готовостю пойшов в пляску. Не обернулись больше як пару разы, коли Олена вызвала, вмісто себе, прибившую чуженицю з Грицем плясати; Гриць же як людный молодець сам подоишов к красавиці и хорошенько попросил ю на танець.

Теперь всі одступилися їм и стали дивоватися искусному плясанію добраной пары. Умолкла гудьба, начался другий танець, смільшиї легінята одважились запросити чуженицю, но чужениця лише з Грицєм и все з Грицєм – аж до білого рана.

Розвиднілося. Чужениця одбирається, Гриць выпроважає аж за сад. Товариши ждуть на Гриця, ждуть чверть часа, три, ждуть больше, но Гриць не вертається, он цілком остає. Аж по часови надходить Василько и сміється до розпуки, говоря: «Гриць пропал!».

– Та скажи нам одкровенно, як пропал? – озвалися всі нараз.

– А так, же повезла єго Борбала.

– Борбала? – изумілися всі.

– Васильку, молчи, не броди у світ! – загрозила на него Олена з гнівом.

– Молчи ци не молчи, – стал Василько глумитися єй, – я не варил кашу и їсти єй не буду, поїсте ю, солодка Олено, сама!

По твари Олены розлялся румянець сорому, и очи стали сверкати огненными искрами гніву на безумного, который и не творился на россерджену Олену, но далее провадил своє:

– Так, так, Олено, Гриць пропал, и Ольга моя, бо Гриць больше не вернеся, єго отруят и загребут до чорной землиці!

IV

Минул оден год – долгий, унылый для Гриця. Не тішило вже его нич, ни сама даже зеленая весна. Ему живот наскучил страшенно, бо он был невольником. А неволя его была пожалованія годна!

Світлиця, в которой находился, была тісна и темна, о одном маленьком вигляді, которым вникали под вечер западаючого сонця угасаючіи лучи. Сам же он сперся на локті, потопил тварь в жиластїи долони и сновал далее мысли про судьбу свою, про минувшость. Вздохнул наконец и сказал:

– Га, так тобі треба, Грицю, не ходи ж ты на вечерниці, бо там суть самы чаровниці!

Якийсь-то чудесный звонкий голос вдарил ему о слухи; и той голос, здавалося, с-под земли выходит, абы сон невольника во все забывающее чувство вколысати, абы позабыти з ним незносную нинішность и занести его назад в лоно давной щасливости.

Вспрянул, протер очи и стал внимати. Веселый спів в сопроводі краснотвучных струн голосно выносился горі од противуположного холмика. Невольник забыл на все, притяг тяжелый стол к стіні, высунул на верх его простарілое крісло и, ступивши на него, стал поглядати через оконце.

«Животе души моеї! Вот, думка моя, врізана любовью до сердца мого, сквозь уста вырывается к тобі до горных покоев, до пышных світлиць. Познаеш ли ты любовь? Любовь есть цвітний огород в житья пустыни; она есть вічно-ясное солнце, од которого лучей житья ссе дух! Знаеш ли свойства любви? Суть: единство, постоянность и догробна непоколебима вірность! Из щита небес лиш одно солнце світит, весна лише одна есть в природі літа; так лиш одною любовью владіет сердце!».

Молодой лирник, сидя на камени у противоположного холма, выпівавши чувств полную сію думку, вдарил о струны и поднес очи к темным выглядам.

«То тычится, віроятно, Борбалы; шкода, же она не чуе», – сказал Гриць про себе. И на мысль сію распалился в нем дух, розжалился над видимою погібелью молодця – и грозно стал кричати на молодця:

– Проч біжи от погібельного сего міста! Біжи скверной Содомы, спасайся, чим скорше, еще в невинности, утікай и не позри больше в сію сторону, бо ты еще молодчик, а мені жаль тебе!

Юный півець стал з міста, склонился к стороні, одки голос надходил – и борзо исчез. Борбала не была дома.

V

Глубока ночь была и темна. Невольник храпіл тяжелым сном на голой соломі, росстеленой у одному куті; аж тут нараз, почувши острый скрип ключа, зорвався. А перед ним стоял молодой півець, держа в руці лиру, а в другой – якусь кроваву голову.

Кров в нем ледом застыла, хотіл скричати, но молодець веліл молчати.

– Теперь ступай за мною, но скоро, бо каждая минута есть дорога, – то сказавши, молодой півчик имил Гриця за руку и тащил его за собою через обширній, но вже запустілий комнаты, долгиі проходы, освічаючи путь перед собою догорающею вже факлею.

В цілом же забудованью мертва тишина владіла. Аж наконець остановилися на подворы у великанских замкнених ворот. Молодець вынял ключ з-за пазухи и отворил ворота.

– Біжм что силы, бо мы еще не спаслися, – сказал молодой смільчак и пустились оба в бігство.

– Кинь прочь од себе кроваву сію голову, бо я боюся ей! – озвався Гриць до товариша.

– Не бойся нечестивой головы, ціна ей есть – свобода твоя! – одповіл молодець, встромивши разом быстрыі очі з якимсь-то подозрінієм на Гриця и запросивши:

– Спас ли я тебе цілого, друг мой?!

Гриця тронул вопрос сей, и он з немалым негодованієм одразил:

– Я невинный, бо иначе не был бы я терпіл неволю. А для чого ты так смішний, но мені неприємный вопрос кладеш?

– Прото, бо иначе не сміл бы я представить тебе перед чекающею на тебе Ольгу.

– Ах, Ольга! Не забыла ли она еще на зрадливого, ей так немилосердного Гриця?

– Ніт, она соболізнує над зблудившим, но никогда не буде погорджати ним.

– А все-таки, хоть знаю доброту ей, но стыжуся показати ей.

Тут молодець сіпнул за руку Гриця, и оба повалились до поблизкого сухого рова. И в минуту задудніли конскіі копыта по дорозі над ровом. Як поднялися вгору, обачили двох їздцов на вороних конях, далеко вже погоняющих. Молодець запросил Гриця:

– Ци знаєш, кто то?

– Ніт, – одповіл Гриць.

– То Борбала з подружницею своєю повертают домов, але союзницю свою Олену не увидят вже больше!

– А, что ты наробил! – скричал Гриць, перепудившись. – То голова Олены? Ты убил ей?! – и одринул од себе молодця, грозя ему. – Проч од мене, ты – нечистый дух, ты – убийця!

– Ха-ха-ха! – россміялся молодець и вмиг зорвал з себе мужеску одеж, кинул шапку – и росстелились долгий жолтый кучери по плечах его.

И перед ним стояла Ольга...

– Ах, то ты, Ольго? – скричал урадованый и немало задивовавшийся овчарь.

– Я, любезный мой!

– Насамперед, скажи мені, як удалось тобі спасти мене?

– Вот так: я, переоблечена в лирника, досталася до замку Борбалы, там пріяла мене Олена. Я, пригрававши ей, обачила, что всі ключи лежат перед нею на столі, и тогда рішительно востребовала од ней, абы завела мене к тобі, но она одтаїла мені того. Что было діяти?! Я одним замахом сего ножа позбавила ей головы, взяла ключи и тебе спасла... Голова сія завтра рано буде встромена на воротах замка Борбалы! Теперь же, – дала она, – заспіваю тобі на вічну памятку:

Не ходи, Грицю, на вечерниці,
Бо там дівчата всі чаровниці...

МОЙСЕЙ

Бібліческе повіствованіє

Сонце клонилось к западу, когда над Хорив-горою стали собираться тучи, носящі в своїх недрах громы и молніи. Оркан¹ начал бушевати, громы тріскати, и вся природа приходила в ужас.

На горі стоял муж, который казался быти равнодушен в виду борьбы стихій. Он стоял задумчиво, уносясь глубокими мыслями в далекой дали. Вокруг него тулялись дробный ягнѣнки, скрываясь пред дождем под длинную его свиту.

Его не пугали ужасы воздушного сраженія облаков, но жалко стало позирати на дробное стадо, трясущееся од дождя и стужи. Мужчина етот, видя недалеко од себе пещеру в скалі, полезным счел укрытись в ней з своїм стадом. Он шел вперед, а стадо слѣдовало за ним в темную глубь пещеры. Тут вселившись, сіл он на устьє пещеры и гляділ на треск молній.

Муж был красавец собою, хотя годов считалось у него почти восемьдесят; длинная борода, едва что начавшая сідіти, застеляла собою всю широкую грудь.

Понуро гляділ пастух на внешній мир, не чувствуя даже, что на выю его струями валится вода од иссякшего горского ручья. Душа его занята была в ето время возвышенною мыслію! Его занимало страданіє власного народа, погибавшего тысячами в кирпичных заводах од неимовірного усиленія работных подвигов. В душі его раздавался звук рабских оков єдиноплеменной братіи, обреченной на постыдное служеніє идолопоклоннической толпы.

Между тым буря престала, небо прояснилось и облеклось опять в лазурную краску, а знизу од подножия горы слышен был торопливый голос: «Мойсей! Мойсей!».

К нашему пастуху приближался тесть его Іофор, пробираясь чрез кусты и скалы. Он узріл его сидящего пред пещерою и поникшего вниз голову.

— Что ты зділал? — говорил он ему. — Разві тебі не извѣстно, что на

¹ Оркан (из мадярьск.) — буря (зазначка вишорителя — В. П.).

Хориві сам Іегова живе, і що прежді тут ні один пастух не посмілился вигнати своє стадо на святую гору. Неужели ты забыл, что жена твоя – это моя доч, судьба которой мене ближе касается.

Мойсей, зять Іофора, молчал, хотя сей настойчиво требовал его отвіта. Тогда разъярился тесть, бросая упреки на пастуха:

– Ты молчиш! Но знай, что я не одъиду од тебе, пока ты не одкрыєш предо мной тайну сердца твоего. Ты знаєш, что как пришлец пришёл в дом мой, а я как странника пріял тебе ласково, даже женил тебе на своей старшей дочери. Теперь скажи мні, что смущает душу твою? Неужели тяжкое преступление? Ты покинул плодородный Єгипет, а поселился в наш худой Мадіам. Скажи, скажи, что затіваєш?

Мойсей, выслушав сіє, скочил и раздер свиту свою в знак глубокой скорби. Слова Іофора затрунули дожива сердце єго.

– Знай, – говорил он тестю, – что я страдаю внутренні потому, ибо Іегова презрѣл род мой про єго беззаконія. Израїль развратился, слѣдуя соблазнам єгипетских прелестей, зато болит моя душа, и я давно уже желал одкрыти єту болізню сочувствительной души. Так, сам Іегова привел тебе ныні к мні, и я исповім тебѣ все. Слушай! Мой отец походил из племени Левій, сына Якова. Ты уже, навѣрное, слышал, что род мой в послѣдствіи поселился в Єгипті, за времен Ёсифа. Хорошие были тогда времена – племя мое процвітало под кротким правлением фараона Ценхризна благодаря заступничеству Ёсифа нашего. Но помер тот, и другой, а наступил тиран-фараон, заставлявший сынов избранного народа работати в кирпичных заводах и бросавший новорожденных наших ребят в Нил-ріку. Бывало уже, и я сам носился по волнам Нила в корзинкѣ из тростника, брошен на произвольє судьбы. Между тим, доч лютого фараона вышла на ріку мытися. Она называлась Мирхиной и была оддавна уже замужной, но бездітной². Ніжное женское сердце ей разжалилось, увидя ребѣнка, брошенного в воду посреди тростника. Послала рабыню и вытащили корзинку, тут же увидѣли малютку плачущего. «Єто из єврейских сімей», – сказала доч фараона и передала єврейской женщине вскормити дітя. Я рос и достался в царскіє чертоги. Тут учился єгипетским мудростям, но однако ж охотніє согласился страдати з народом Божиім, нежели імѣти временное грѣховное наслаждение. Когда я взрос и стал умом рассуждати, то, увидя свое племя в тяжком невольничествѣ, сердце у мене раздиралось. Да, Іофор, ты, сын пустыни, з изумлением позирал бы ты на оныя исполинскія города и пирамиды, которыя быстро строились кровавым трудом моей в оковы окутой нації. И тебѣ стати не может странным, когда услышиш од

2 Клемент Александрійский (зазначка А. Кралицького).

мене, що в першому пориві гніва стався убийцею. Да, Іофор, я убив єгиптянина, тому що він бив і поносив мого сестра єврею. Як убийця, повинен був спасатися і прибіг к тобі. Тепер я вважаю род свій уже одпокутовавшим за свої проступки; я надіюсь, що Іегова прекратит рабство його і пошлет освободителя йому, а етот освободитель, як мені видиться, ето буду я, ибо я слышу на ето вызов самого Бога.

Іофор покачивал головою, выслушав столь странную реч зятя.

— Все, что говорил ты передо мною, — добавил он, — по своей странности изумляет мене. Ты говорил: «Іегова зовет тебе». Послідуй, друг, голосу Єго.

Сказав ето, Іофор стал возвращатися к себѣ в дом. Из юрты, лежащей у подножия Хорива, поднимался дым, а собака бігла, ему приласкиваясь, в стрѣтение. Приближаясь к шатру, ему представились діти пастуха з вопросами: что діється з їх отцем на высокой горѣ, гдѣ пасет стадо? Но Іофор молчал и шел в внутрѣнній оддѣленія своей юрты.

Между тым, Мойсей, сидя на Хоривском хребту, в раздуміи: з лѣвой стороны казалось ему, что видит полмень. Так было: он смотрит и вот терновый куст (купина) пылает огнем, но куст не згорает. Он думал, что прежде бушевавшие громаы зажегли куст, а теперь вечерній вітер роздул пламя, охватившее весь куст. Но увидя, что огонь не умаляется, скочил з мѣста и побѣжал к пылающему терну.

— Смертный человек, — был слышан голос из среди купины, — не подходи сюда, а прежде зними обувь твою з ног твоих, ибо мѣсто, на котором ты стоишь, есть земля святая.

Мойсей пришѣл в недоумініе, услышав еті слова, но повиновался и изнул сапоги.

— Я Бог отца твоего, Бог Авраама, Бог Ісаака и Бог Іакова.

Мойсей закрыл лице свое, потому что боялся воззрѣти на Бога.

— Я вижу, — продолжал голос далѣе, — страданіе народа моего в Єгипті и слышу, как он стонет од приставников (мандаторов) своих. Иду избавити его и вывести в землю обитованную, гдѣ течет молоко и мед. Итак, поди: я пошлю тебе к фараону, и выведи из Єгипта народ мой.

Мойсей же на тоє стал одговориватися:

— Мнѣ ли идти к фараону и мнѣ ли вывести из Єгипта сынов Израїлевых?

Но Іегова отвѣчал:

— Я буду з тобою; вот, броси посох твой на землю.

Он бросил его на землю — и посох превратился в змія. И Мойсей побѣжал од змія.

Господь говорил далѣе:

– Простри руку твою и возми его за хвост!

Мойсей взяв змія за хвост – и он стал посохом в руки его. На это Мойсей преклонил лице своє на землю и здался всемогущей волі Божій...

Наконец он очнувся и взял пастырский посох в руки. Его окружала тьма ночи, но это ему не мішало возвращатися поспішно к стаду, которое, лежа в пещері, дремало. Мойсей согнал его и гнал прямо к шатру Іофора. Вступив тут в чертоги своєї супруги, он сказал ей:

– Збирайся поскоріе и прощайся з отцем твоїм, нас ожидает далекий путь – мы идем в Єгипет, а прочее ты услышиш од мене на пути.

Спустя полчаса из Мадіямской пустыні отправился один караван – впрост к Єгипетским равнинам.

ПРОЗОВІ ТВОРИ

1890-х років

ЭКЗЕКУТОРЪ.

Разсказъ изъ угорорусской народной жизни.

Написалъ Иванъ Нодъ.

— Чѣмъ я провинился, что попалъ въ экзекуторы*) и не полѣзъ выше? Конечно, я охотно былъ бы вицишпаномъ**) а даже и министромъ. Удобнѣе было бы протягиваться въ мягкомъ, бархатномъ креслѣ, чѣмъ волочиться по селамъ и слушать нареканія и плачъ чернорабочаго жительствова. Часто слеза покатится съ очей, когда придется ех officio выдернуть изъ подъ головы подушку хворому крестьянину за недоимку податей. Я тогда отворачиваюсь и притворяюсь, будто хочу чихнуть. Но всетаки я привожу законъ въ исполненіе, экзеквую, такъ какъ это моя печальная служба. Не дѣлай я, сдѣлаетъ другой, а тогда, пожалуй, хватайся попрошайничества.

Богъ мнѣ свидѣтель --- горькій такой хлѣбъ. Но что же дѣлать, кто жить хочетъ, тотъ нуждается въ хлѣбѣ.

Многихъ случаевъ былъ я свидѣтелемъ и то очень печальныхъ, но ни одинъ не былъ столь трогателенъ, какъ въ Иршавкѣ, куда меня выслали по дѣламъ службы.

*) Экзекуторъ, по мадярски végrehajto, отъ 70-хъ годовъ до нынѣ презрѣнная личность въ обществѣ, въ нѣкоторомъ родѣ отребье, подобное ветхозавѣтному „мытарю“. Описуемая сцена произошла въ угорской Руси, въ русскомъ селеніи Иршавка, угорскаго комитата. Разсказъ списанъ со словъ самаго экзекутора. — Авторъ.

**) viceispán, alispán — управитель комитата, въ родѣ галицкаго старосты.

ЭКЗЕКУТОР

Рассказ из угрорусской народной жизни

Чем я провинился, что попал в экзекуторы¹ и не полез выше? Конечно, я охотно был бы вицишпаном², а даже и министром. Удобнее было бы протягиваться в мягком бархатном кресле, чем волочиться по селам и слушать нарекания и плач чернорабочаго жительствова. Часто слеза покатится с очей, когда придется *ex officio* выдернуть из-под головы подушку хворому крестьянину за недоимку податей. Я тогда отворачиваюсь и притворяюсь, будто хочу чихнуть. Но все-таки я привожу закон в исполнение – экзеквую, так как это моя печальная служба. Не делай я, сделает другой, а тогда, пожалуй, хватайся попрошайничества.

Бог мне свидетель – горький такой хлеб. Но что же делать – кто жить хочет, тот нуждается в хлебе.

Многих случаев был я свидетелем, и то очень печальных, но ни один не был столь трогателен, как в Иршавке, куда меня выслали по делам службы.

Скверная была погода. Метель бушевала во всю силу, обсыпая нас облаками густого снега. Ни извозчик, ни я не знали дороги. Лошади фыркали, а мадьяр-извозчик не скупился на ругань: «Оз оняд-терремтейшет!³ Гей, везёш, вьё!». Я закутался в свою волчуру и ожидал кончины света. Не знаю отчего, но я стал теперь размышлять, что если бы Богу угодно было теперь приостановить течение дел в сем мире, то я непременно попал бы в компанию осуждённых в ад, так как в моем экзекуторском странствовании бедные люди посылали мне всегда чёрта в проводники. Я невольно связывал эти пожелания бедняков с нынешним моим путешествием, по-

1 «Экзекутор», по мадьярски «*végrehajtó*», от 70-х годов донине презренная личность в обществе, в некотором роде «отребье», подобное ветхозаветному мытарю. Описуемая сцена произошла в Угорской Руси, в русском селении Иршавка, угорского комитата. Рассказ списан со слов самого экзекутора (заметка А. Кралицкого).

2 **Viceispán, alispán** (мадьяр.) – управитель комитата, вроде галицкого старосты (заметка А. Кралицкого).

3 **Оз оняд-терремтейшет!** = *Az anyád teremtését!* (мадьяр.) – До чортовой матери! (заметка вишорителя – В. П.).

истине волчьим, — да и волка было бы жаль. Местами бричка по оси западала в смешанную с снегом полузамерзлую грязь. Я считал то особою милостью Божьею, что мы с извозчиком и лошадьми не пропали в пути. Одночасовой путь мы совершили в четырех часах, и было уже с полудня, когда с бедой приплелись в Иршавку. Тут я никогда еще не бывал. Это было мое первое путешествие в окрестность Иршавки. Первым моим делом было разглядеться вокруг себя. Иршавка представилась мне большим селом, строения были в большом размере, пространная, но в каком-то залишенном виде, на что указывали непобеленные стены, оборванные крыши. Все свидетельствовало, что в Иршавке не ладом дела стоят; казалось, что нынче село оплакивает прежнее свое благосостояние. Что в других местностях служило украшением, а именно церковь, то и она в Иршавке печально скривила купол, будто бы стыдилась своей нищеты.

Между тем моя повозка повернула в сторону и остановилась среди пространного подворья. Это была сельская гостиница, корчма. Как раз кстати. Проклятое путешествие, четырехчасовая тряска измучила меня порядком. Дело не шутка. Желудок стал говорить за себя. К счастью, у жида нашлось кушанье. После обеда я немного отдохнул. Когда я проснулся, в комнату вступил какой-то мужик и сказал, что он сельский бир⁴. Жалко выглядел этот бир. Сгорбленный, тщедушный, донельзя оборванный, он производил крайне удручающее впечатление. На его челе житейские заботы вырезали глубокие морщины. На его вид сердце сжималось от сострадания. А между тем, он был моим товарищем по чину. Я попросил его садиться. Познакомившись ближе и переговорив об обыденных вещах, мы решили, что через час трем нашим единокровным братьям, неповинно попавшим в крайнюю бедность, дадим «от имени закона» в руки палицу нищих и пустим на все четыре ветры.

— Ради Бога, любезный бир! Скажите мне, отчего в селе такая бедность?

Никогда не забуду этого печального взора, каким посмотрел на меня бир.

— Так вы хотели бы узнать?

Когда я подтвердил, что рад бы знать ближе причины такой бедности, так как я «пришлец во Израиле» в этой окрестности, он начал рассказывать.

— Видите, любезный господин! Не было всегда так в нашем селе. Знали мы и лучшие дни. И мы ели — а то еще не столь давно — пшеничный хлеб, да и не нужно было его орошать слезою...

4 **Biró** (мадьяр.) — старшина, войт (засначка А. Кралицкого).

Тут слезы горохом покатались из его впалых очей.

— Десять лет тому назад здесь не было нищаго, подобно как ныне нет ни одного зажиточнаго. В хорошую погоду видели бы вы, господин, наши горы, сплошь да рядом обсажены благородною лозою винограда, которая давала нам золото. Бог, кажется, избыточным видел наше благосостояние или мы над меру его прогневили... довольно, что послал на нас маленького червячка, что его ученые люди называют «филоксерою»⁵ — и он наделал нам много зла, истребил наши виноградники...

Но чтоб долго не разводиться, не стану подробно рассказывать, как мы ото дня на день беднели. Но и это еще не все. Присбирали мы столько, что в продолжение нескольких лет с бедой пополам могли проводить жизнь, пока бы не привезли, говорят из Америки, такой лозы, которой не трогает проклятый червячек. Нас, однако, разорила «порция» (подать) и разные налоги, которыми нас стали угнетать и которым не было конца-меры. Мы — русской веры, православные христиане. Радостью и утешением нашим была наша церковь, когда еще лучше нам жилось. Ныне и в церковь не можем пойти. И то не потому, господин, будто бы оскудело наше благочестие или ослабла наша вера. Нет! Мы не можем, нам не свободно войти в церковь, так как «склепование» валится. С тех пор, как дьяковаго хлопца убил камень, сорвавшийся с потолка, церковь закрыта. Таким образом, и Господа Бога навестить не можем, чтоб хоть Ему открыть нашу горечь.

— Ну, а патрон или отец духовный не могут помочь и потолок исправить? Ведь это — небольшое дело.

— Обоим бедны, господин, очень бедны. Патроном приходится наша громада (сельская община), ничего не имеющая, а священник наш, жаль, благий человек, но тоже бедак. С нами вместе терпит от недостатка. И коблины⁶ своей не может собрать. Да, пробовал, делал все, просил, рассылал письма. Везде только обещали, но ничего не дали; наконец, сжалился владыка и прислал несколько сот гульденов. И так, хотя останемся нищими, то, по крайней мере, приведем в лад церковь, чтоб было где Бога молить. Вот и вся наша печальная история... Но теперь пора, идем! Если не будем точны, то ещё пеню наложат, разумеется, только на меня...

Обтерши кулаком очи, биров взял шапку и пошёл вперед, я же, собрав свои бумаги, следовал за ним.

Мы вскоре вошли в крестьянскую хату, стоявшую при дороге. Изба была пространна, но совсем пуста. Нищета глядела из стен, из скамеек,

5 **Філоксера**; зоолог. *Phylloxera vastatrix* (зазначка вишорителя — В. П.).

6 **Коблина** — мера збожа, вносима прихожанами (зазначка А. Кралицкого).

из печи, а тут следовало экзеквовать (грабить) за недоимки! Что тут брать «от имени закона»? Жалкий хозяин повел нас в смежную комнату и молча указал в угол. Там лежала больная женщина, хозяйка. Изголовья под ней не было, только солома, но она была прикрыта теплой периною.

– Вот, это одно можно бы забрать, – сказал биров, указывая на перину.

– Но я этого не беру, – почти крикнул я, взволнованный виденным и своею тяжелою обязанностью. – Сколько числится за вами недоимки?

– Прошу, семнадцать гульденов и 32 крайцары.

– Сколько! Знайте, тут я не экзекутор. Прощайте!

Когда я вышел на двор, я чувствовал, как мне сердце сжималось от жалости над бедным народом. Я возненавидел свой хлеб и решился отказаться от должности экзекутора. Возвратившись домой, я погасил из своего кармана недоимки трех должников. Упоминаю о том не для хвальбы, но потому, что за то меня Бог благословил. Вскоре после того я был избран в писари громады Забой, женился, имею семью, но за целый свет не стал бы экзекутором. Не дай Бог!

ФОН МИНКАЧ

Рассказ из угро-жидовской жизни

I.

На кошицком вокзале куча жидов вылезла из вагонов. Стал один другому представляться. – Я, – говорит один, – Майер фон Левелек; другой представляет себя Маврикием фон Ракоч; дальше идет третий, четвертый и т. д.; наконец является наш герой Шмуль Зальцбергер и представляет себя братии Самуилом фон Минкач (от Мукачева). Все эти дворянские «фоны» приобретены путем ростовщичества (лихвы) да мотовством богатых мадьярских помещиков, частью прокутивших отцовское имущество, частью же разорившихся для приобретения посольских мандатов в угорский сойм. В их поместьях и древних замках сидят теперь разные Мошки, Срули с громкими фамильными прозвищами: Ракочий, Сечений, Баркочий и т. д., полученными за уплату гербовой марки в 50 кр., приклеенной к прошению о перемене имени.

Город Мукачев слывет тем, что, как в Бердичеве, в России, так и тут преобладает жидовская стихия, умножающаяся почти ежедневно приплывом из соседней Галичины, особенно из окрестностей Стрия.

Наш герой Самуил фон Минкач был в 50-ти годах рабином (и то еще «мудрым») мукачевской жидовской общины и жил со своею Сурою уже 50 лет в счастливом супружестве. Иегова благословил этот брак 6 сыновьями и 5 дочерями. Община как раз находилась накануне юбилейного праздника своего «реби» и поэтому представитель ея, Натан Розенберг, славный виноторговец, созвал своих единоплеменников на совещание в деле достойного отпразднования рабинского юбилея и открыл собрание следующей речью:

– Почтенные единоверцы! Судите и придумайте, каким образом мы должны отпраздновать этот торжественный день. Чем почтим нашего достопочтенного реби и его почтенную супругу Суру, рожденную Розенфельд? Много благословения послал им Всемогущий Господь Израилев, благословил их союз довольною плодovitостью. Нужно ли что больше к их блаженству?

Одобрительное кивание головами подтвердило его слова, что, дескать, 6 сыновей и 5 дочерей довольно.

Шум затих и Натан продолжал:

– Единоверные братья и друзья! Человек хотя бы и как был счастлив, всегда требует больше, так как человеческое сердце ничем не удовлетворяется. И так естественно, что и наш **рабин фон Минкач и его половина**, Сура, желали бы еще больше радостей.

Вития остановился на минутку, а толпа зашумела.

– Чего может еще желать себе реби? – спросили со всех сторон, – Ученый реби и его жена настолько состарились, что на больше детей им нельзя рассчитывать. Каким же образом можно бы им сделать радость?

Натана эти возражения не смутили и он спокойно продолжал:

– Друзья мои! Чем же ознаменуем этот торжественный день? Я скажу чем. В псалмах воспел царь Давид, что вино веселит сердце человека. Теперь спрашиваю вас: не правда ли то? Все скажете: правда! Поэтому подарим нашему рабину Самуилу и его достойной супруге Суре одну бочку доброго, старого вина. Ну и что вы скажете, братья, на это предложение? Если согласитесь, я отпущу вино по самой дешевой цене. У меня есть хорошия, старья вина – я не возьму дороже, чем меня самого стоит.

После этих слов среди евреев начался подозрительный шепот. Жиды стали улыбаться, а один из них осмелился возразить:

– А вот Натан потому созвал нас сюда, чтоб устроить хороший «гешефт»! Но мы не пойдем на удочку, не хотим, чтобы он имел «ребях» (взыск).

Евреи загалдели – сначала тихо, а затем уж и громко. Посыпались различныя предложения. Арпад Майер, тоже виноторговец, предложил, чтобы объявить конкурс на бочку вина. Но и это не понравилось собранию. Наконец Соломон Штерн, торговец сукном и поэтому не заинтересованный в продаже вина, сделал такое предложение:

– Братья! Мы, конечно, подарим вино нашему почтенному реби и его половине, но, исключив частное предприятие, поднесем ему сообща подарок. Пусть каждый из нас даст по одной бутылке хорошего вина, что составит 200 бутылок – столько, сколько нас мужчин – членов кагала. Содержание тех бутылок влием в одну бочку, запечатаем ее в присутствии комиссии и передадим рабину в день его юбилея. У кого лучше проект, пускай говорит.

Евреи подняли шум всеобщаго одобрения. Напрасно злился Натан, что рухнул его расчёт на «ребях». Немедленно была избрана комиссия. Она купила порожнюю бочку и поставила в притворе синагоги. В навечерие знаменательнаго дня сюда стекались члены кагала, каждый с бутылкою под полою кафтана, закупоренною и запечатанною, с надписями: «Действительно хорошее вино», «Отличное вино», «50-летнее вино»

и т. д. Один по другому вливали содержание бутылок в бочку и уходили с сознанием исполненного долга. Наконец, сосуд был полон. Комиссия его закупорила, запечатала, заперла дверь синагоги и пошла спать.

II.

Следующего дня собрались росы Ермонския¹ общины, украсили винный сосуд венками и потащили его в жилище рабина. Торжественное шествие открывали девушки в белых юбках, за ними шли женщины, а в конце мужчины в шабасовых халатах и кунных шапках. Соломон Штерн произнес приличную речь и пожелал юбилярам, дабы поднесенный им подарок развеселил их сердца. Рабин и его жена были глубоко тронуты таким вниманием и поблагодарили общину прежде всего за вино, а только после – за пожелания.

Акт торжества кончился. Поздравители разошлись. Оставшись наедине, рабин, дрожа от радостного волнения, сказал к Сура:

– Попробуем-те подарок и выпьем за здоровье общины.

Откупоривши собственноручно бочку, рабин налил серебряную чарку вином и подал жене. Сура поднесла чарку к губам, лакомо потянула ее содержание, но вдруг остановилась и вопросительно взглянула на мужа.

– Иегова, что это?!

– Да что бы могло быть? Хорошее старое вино. – ответил фон Минкач. Сказавши то, он взял из рук онемевшей от удивления Суры чарку и приложил к своим губам. Но после первого глотка он, в свою очередь, поднял на Суру вопросительный взор.

– Да ведь это вода! – воскликнул он с досадою, понюхавши жидкость в чарке.

– Доподлинно вода, из колодезя вода, – подтвердила Сура.

– Что-же, надули нас единоверцы! – с жалом проговорил рабин.

– Не думаю, – возразила Сура, – чтобы они умышленно сыграли с нами такую злую шутку. Это ошибка, они заменили бочку.

Но мудрый рабин, знавший насквозь свою паству не согласился с предложением жены. Положивши указательный палец на нос, он призадумался и, погладив свою длинную бороду, сказал с улыбкою:

1 **Росы Ермонския** – в первопечатному тексті проскочила хыба («розы»), которую сьме виправили. Сесь образ («роса Ермонська») А. Кралицький узав из Псалтырі – из 132-го псалма. Иде за гору Ермон, из котрої вітор (на знак Господнєго благословеня) знає нагнати вогкоту (влагу) и сильні росы на горы Сіонські, сьак уможнювучи там чудесный мікроклімат. А. Кралицький выхоснонав сесь образ у сатіричному контексті (*азначка вшорителя* – В. П.).

– Нет, Сура, сосуд не заменен. Но если в бочку влита вода, то из нея не может течь вино.

Сура ужаснулась на вид такой дерзости.

– Иегова! Что ты говоришь, Самуил? Ведь вино лили в бочку, а не воду.

– Нет, – утверждал муж, – воду влили, а не вино. О, Сура, Сура! Разве ты не видишь дальше носа? Не знаешь наших людей?

– Ну как бы их не знать?

– Так, если знаешь, – улыбнулся рабин хитро, – то скажи мне: если каждый из двухсот мужчин имеет принести по бутылке вина, то что принесет?

– Ну, вино.

– Нет, Сура, принесет воду, ибо он думает про себя: «Если к 199 литрам хорошего вина я влею одну литру чистой воды, то это не сделает разницы». А потому, если все так рассудят и сделают, то что будет в бочке?

– Конечно, вода, – отгадала Сура.

– Видишь, видишь, загадка развязана. Таким образом вместо хорошего кошерного вина имеем водицу.

– Боже мой! Что-же теперь сделаешь? Ведь ты мудрый человек, настоящий пророк.

– Что сделаю? Переменю воду на отличное вино.

– Каким образом?

– Не спрашивай, но будь уверена, что переменю. Только молчи и никому об этом не говори. Хитрость на хитрость.

Сура успокоилась, будучи крепко уверена в изобретательности и ловкости своего супруга.

III.

Приблизилась суббота, нетерпеливо ожидаемая всею общиной, так как в тот день рабин имел в синагоге всенародно поблагодарить за подарок. Все торопились явиться первыми, а между всеми была первою любопытная Сура.

Началось богослужение. Рабин взшел на возвышенное место, важно окинул взглядом многочисленное собрание и начал проповедь о милости Божьей, сподобившей его достичь преклонного возраста в здравии, осчастливившей его численным потомством и т. п. Наконец, он перешел на благосклонность своей паствы, засвидетельствовавшей ему своё

внимание столь отличным подарком.

– Конечно, – говорил беседник, обращаясь прямо к польщенным слушателям, – вы сделали мне большую радость. Но все-таки в мою чашу радости вмешалась одна капля желчи. Среди многих добрых людей нашелся один негодяй, вливший в мою чашу радости желчь печали. Да! братья мои, с жалем сердца и душевной скорбью я должен вам сообщить, что в вашей среде находится человек, вливший вместо вина, фляжку воды в бочку. (В синагоге послышался шум негодования). Но Иегова, Бог Авраама, Исаака и Якова, объявил мне во сне: «Сын мой, один из твоей паствы согрешил против Меня и тебя. Но я накажу его – он умрет через три дня, если не доставит в сень твоего дома, вместо одной фляжки воды, две – самого лучшего кошерного вина». Видите, так говорил мне Иегова во сне и потому страдает мое сердце, так как не желаю никому смерти. Я боюсь только одного, что, может быть, грешник не раскается и умрет. А после скажет вся община: «Вот, смотрите, это он, негодяй, влил нашему рибину в бочку, вместо вина, воду и потому его постигло наказание». С замиранием сердца думаю я о предстоящем наказании и потому умоляю грешника, да он не искушает Бога и не согрешит еще больше своим непослушанием! Дверь моего дома будет сегодня до полуночи открыта. Всякий может прийти и выйти никем не замечен. В полночь закроются ворота, но мстительная рука Иеговы не уймется!

Когда рабин кончил свое слово, среди собравшихся евреев настала могильная тишина и вскоре они один по другому с поникшими головами оставили синагогу. Последняя вышла Сура, недоумевающая, правду ли говорил ей муж или хитрил?

Как только стемнело, из-за углов домов, прилегающих к рабинову дому, выскакивали до самой полуночи в одиночку черные фигуры и бегцем влетали и вылетали из сеней жилища рабина.

– Сара! Я сдержал слово. Вода переменилась в вино! – воскликнул торжественно Самуил фон Минкач, ровно в полночь улыбаясь самодовольно на вид сотен фляжек, полных отличного кошерного вина.

ЖИТЕЙСКИЕ ДРЯЗГИ

I.

Возня с запрещенным табаком

Рассказ из угро-русской народной жизни

До 1850-го года чаще произносились самодовольные слова: «Extra Hungariam non est vita, aut si est vita – non est ita»¹. Люди не знали ничего про монополю и финансовых стражников или, коротко сказав, «финансов». Крестьяне производили табак (dohany), как ныне производят капусту или репу. Крестьянин, бывало, нагрузит полный воз связков чистейшего, своего производства «догану» и везет в ближайший город на продажу, как зерновой хлеб. Тут, на рынке, расстилает рогожу, накладывает гору связков благовонного табаку и преспокойно продает по неслыханной дешевизне.

С 1850-го года все изменилось; введен мононоль, запрещено свободное винокурение, а табак стал продаваться в трафиках. Но с такими порядками никак не могли помириться двое крестьян: русский Василь Зозуля и мадьяр Андраш Ласлов. Они жили в соседних селах близ Унгвара и знались отдавна. Зозуля жил на конце села, в хижине, крытой соломой и прозванной односельчанами «воробьевым гнездом». За это Зозуля не сердился, особенно, если у него хватало набивать трубку «девственным» табаком, а не купленным в трафике у жида, вонючим.

Однажды сошелся Зозуля с Ласловым на середнянской ярмарке. Они поступили в гостиницу, порядком откушали жаркой «свежины», попробовали хорошего середнянского винца и долго перешептывались.

Через три-четыре дня, ночью, кто-то бережно постучался в окно «воробьеваго гнезда». Зозуля и не спросил, кто это, а отнял задвижку кухонной двери, молча впустил запоздалого гостя, Андраша Ласлова, выкресал огня и зажег каганец.

– Вот, притащил, – отозвался Ласлов с таинственностью, переводя дух от утомления и сбросив с плечей тяжелую ношу.

¹ **Extra Hungariam non est vita, aut si est vita – non est ita** (латин.) – За границами Мадярыни житя нїт, але кедь бы и было, то се не житя (зачначка вишорителя – В. П.).

– Хорошо, баратом (друг), но если схватят, что тогда?

– Не схватят. Кто же бы? Никому и не приснится, что ты торгуешь табаком.

– Ну, попробую.

– Одна треть денег твоя, а мне дашь две третины. Ниже 25 кр. не спускай за фунт. Радше беру назад.

Для проверки доброкачественности табаку они набили трубки и закурили. Рано утром, еще затемна, приятели расстались.

Жене Зозули не нравилась, однако, вся эта «кумедия».

– Смотри, человек, – сказала она вещим голосом, – в беду ввалишь дом. Боюсь, что из-за этого дела пойдем по миру, за милостыней. Хорошо знаешь, что «финанс» не шутит; содрет и шкуру и не поможет нам никакая просьба.

– Ну, перестань, баба, не понимаешь ты ничего, – отрезал Зозуля.

И баба перестала увещевать.

Миновало винобранье и наш Зозуля ялся нового промысла: взвалил на плечи мех с «доганом» и пустился в путь.

Принукивает он по дороге знакомых, предлагает им табак по дешевой цене, но все напрасно; никто не купует, всякому своя шкура дорога. Бедному и «трафика» пригодится, когда «девственного» нельзя закурить. Зозуля хотел уже плюнуть на всю затею и воротиться домой, как навстречу попался ему еврей Хаим и пригласил его к себе в корчму «заморить червяка». Зозуля не [отказался] от того. Почему бы нет? Вступил Зозуля в корчму, а еврей ведет его в отдельную комнатку, подмигивает глазами и говорит:

– У вас есть доган?

– Угадали.

– По чем продаете ?

– По тридцати крайцаров за фунт.

– Так и видеть его не хочу.

– Ну, а сколько вы даете?

– По двадцати.

– Так и я не стану его показывать.

– Ну, ну, пусть увижу, авось прибавлю.

– Вот он. Такой, как золото, а пахнет, как фиалка.

– Знаете ли что? Дам 23.

– Нет, не дам ниже 30.

Торговались с полчаса. Жид давал уже 25 $\frac{1}{2}$ кр., но Зозуля заупрямился, взял мешок на плечи и хотел уже выйти, как «нечистый» подшепнул ему спросить жидка:

– Не знаете ли, у кого можно бы продать мой товар? Надоело таскаться с ним.

У жиды сверкнула искра злорадства и лукавства в очах.

– Смотрите, видите этот большой дом, выбеленный нажелто? Туда поверните – там наверно сбудете товар.

– Благодарю вас за добрый совет, – сказал наш Зозуля и скорым ходом направился к указанному дому. Войдя в сени, он постучал в первую попавшуюся дверь, отворил и... чуть не упал от неожиданности и страха. Это была канцелярия финансеров, которые, сидя за столами, что-то писали. Зозуля смекнул, куда его лукавый жид послал, и, простояв несколько мгновений с раскрытым ртом и глазами, пустился бежать. Но финансеры заметили его и догнали уже при воротах.

– Не правда ли, табак продаёшь? – спросил его комиссар. – А еще к нам принёс. Ха, ха, ха! Ну, теперь говори, кто ты и откуда?

– Не знаю, – простонал Зозуля.

– Хорошо, не знаешь – догадаешься в аресте.

– Ой, молю вас, не губите меня! Это тот негодяй Хаим послал меня сюда. Не по своей же воле забрел я между вас.

– Хаим! Этот лихварь, вор?

– Да, да, он сам, прошу покорно. Я его нонукивал купить табак, но мы не сошлись в цене и он меня сюда послал.

Комиссар задумался и сказал:

– Дурак ты! Больно заплатишься, если впредь появишься с запрещенным табаком. Теперь бери мешок, неси его назад к Хаиму и продай ему за бесценок, но продай непременно. Понял?

– Так оно значит, чтоб я нес опять доган к жида и продал за что-нибудь? Понял, понял, прошу покорно. Но позвольте несколько отдохнуть тут в сенях, ибо от роду я так не вспотел, как теперь.

Через четверть часа Зозуля был у жиды.

– Там не продал догану. Вот он, принёс назад, – сказал он по наущению финансеров.

– Вероятно, «их» дома не было, – улыбнулся Хаим. – Ну, дадите за 24 крайцары?

– Чёрт возьми весь доган на свете! Берите.

Жид свесил табак, уплатил и вынес товар на чердак, затирая руки от удовольствия по причине «гешефта». Зозуля же ног не чувствовал под собой, удирая домой.

Не далеко он мог уйти, как к Хаиму явились финансеры.

– Сделаем обыск. У вас спрятан контрабандный товар, – заявили они строго.

– Прошу, протестую, не позволяю, пожалуюсь начальнику комитата, пойду к самому министру! – восклицал жид, то красная, то бледнея.

Но ничего не помогло. Мех с табаком был найден и Хаим через неделю уплатил 340 гульденов кары и сверх того потерял право продавать дозволенный табак.

Зозуля, придя домой, слег в постель и в лихорадке пролежал три дня. Когда ему стало легче, он сказала жене:

– Бабо, в моем кармане есть 8 гульд. 19 кр. Эти 19 кр. мои, а остальное отдай Ласлову Андрашу, как только придет. Но если бы он еще раз пришёл, то гони его метлоу.

II.

На мукачевской ярмарке

Очерк из угро-русской народной жизни

Митер Кепич был довольно богатый хозяин в Лучках. У него были два «телека» (telek – грунт) да виноградник на глоговской горе. Пахал он двумя плугами, заволачивал своими же лошадьми. Он придерживался известной поговорки: «Чтобы лиха не знати, треба на своей земле та еще своими волами орати». Весною возил он на трех-четырех возах продавать кукурузу и брал за нее порядочное количество разноцветных бумажек. Чаще всего водились у него «синенькия», с заманчивым заглавием «tiz forint» (десять гульденов); долгов же он и из виду не знавал.

Однажды в позднюю осень отправился Митер с полною мошною в соседний город Мукачево, чтобы закупить все нужное под зиму. Было при нем наличными 120 золотых. Обыкновенно останавливался он в гостинице «Az hálho» («Под рыбой») – тут же возле моста на реке Латорице, но так как в этот день была большая ярмарка и вышеупомянутый постоялый двор битком был набит приезжими, то хотя-нехотя принужден был наш герой искать помещения в другом дворе – «Az nyulko» («Под зайцем»), где хозяйничал какой-то пройдоха-шваб.

Позавтракав плотно захваченными из дома припасами, шолдрою (sódar – шинка, окорок) и копченой колбасою и завершив все это своим же «некрещенным» винцом, встал наш крестьянин в полном самодовольствии из-за стола и собрался идти за делами. Ему нужно было купить дойную корову и всякую хозяйскую мелочь; но так как скотный торг на-

чинался только с полудня, он решил все мелкие покупки покончить перед обедом, чтоб после уже иметь свободную голову при покупке коровы. Он заказал себе у шваба «Под зайцем» обед и, чтобы не потерять где-нибудь денег, передал ему же на хранение на несколько часов 100 гульд., оставив себе всего 20 гульд.; так делал он всегда прежде в гостинице «Под рыбой». Шваб с готовностью согласился и при нем же спрятал деньги под замок.

Митер Кепич, накупив всего, чего ему нужно было, возвратился точно к обеду «Под зайца». Отобедав, стал он собираться на ярмарку скота за город и потребовал возврата своих 100 гульденов.

– Каких это 100 гульд.? – спросил нахально шваб.

– Ну, тех, которые я передал вам утром на переховок через несколько часов.

– Я не получил от вас никаких денег; вы вот еще даже за обед не уплатили. Чистая напасть!

– Ну, ну, не озорничайте, так как у меня – вот вам Бог – времени нету ни минутки. Должен торопиться на ярмарку. Давайте скорее деньги, вы вот сюда их спрятали!

– Я не получил от вас ничего. Кто видел? Скажите, кто видел? – придирался шваб с обиженным видом к оторопевшему крестьянину.

Напрасны были уверения нашего Митра, бесполезны всякия просьбы, ругань, даже зловещие жесты мускулистаго кулака – шваб остался непреклонен.

Расправа² приняла вид комический. «Заяц» (владелец гостиницы) необинуясь позвал двух своих слуг-силачей и приказал выбросить Митра на улицу.

Это приключение довольно неприятно поразило нашего героя. Он, богач, славный газда (господарь) в Лучках, а тут такая обида, да еще к тому потеря денег.

В таком неотрадном положении встретился ему на улице кум-односельчанин, которому он и рассказал всю свою беду.

– Беда, кум, признать надо, велика ваша «кумедия». Не пустое дело – одна сотка; но что ж, я моим мужицким умом не пособлю вашей утрате, а знаю я тут одного хитраго «фишкаруша» (*fisculis*, стряпчий), который называется доктор Шипс; если тот не поможет беде – пропала сотка...

Попавший в недолю человек чуток на хороший совет. И наш Кепич с кумом побрели прямо к хитрому адвокату Шипсу. Тут рассказал он все подробно, а тот, выслушав терпеливо, спросил:

2 **Расправа**, фактично «росправа» (*діалект.*) – бесіда, дебати (зазначка вишорителя – В. П.).

– Есть ли у вас другая еще сотка?

– У меня нет, а вот есть здесь у кума, надеюсь, что ссудит на короткое время. – Тот согласился.

– Теперь слушайте, – продолжал стряпчий, – сделайте все точно так, как я говорю вам. Идите вместе с кумом как свидетелем оба снова к «Зайцу» и попросите его опять, чтобы до вечера припрятал эту другую сотку. А после приходите обратно. Поняли?

– Благодарствуйте! – «Заяц» выпучил глаза от изумления и не верил ушам, что этот, ним же обворованный человек, снова приходит к нему с доверием. Не делая никакого возражения, принял он деньги опять на хранение. И расстались.

Возвратясь к адвокату, доложили, что все сделано по его велению.

– Теперь идите вы, Митре, снова к «Зайцу», но только один, понимаете, один, а кум между тем останется у меня, и просите от него свою сотку. Когда получите, приходите сюда.

Обманутый человек так и сделал. Хозяин гостиницы выдал сотку без прекословия. Получив гроши, наш крестьянин возвратился к своему благодетелю, который так действовал дальше:

– Вы теперь получили те деньги, которые дали «Зайцу» на хранение в четыре очу, наедине без свидетеля; теперь идите уже оба с кумом и требуйте от него ту сотку, которую вы дали ему в присутствии кума как свидетеля. Поняли?

– Теперь уж совсем понял, – ответил радостно Митер.

Они отправились к «Зайцу» оба. Этот, увидев, что здесь делает рука иная, и взвесив последствия, могущия из сего произойти, молча выдал деньги.

А Кепич, запив предварительно дело с добрым кумом, пошел на ярмарку покупать дойную корову.

III.

На берегсаской ярмарке

Рассказ из угро-русской народной жизни

По случаю петропавловской ярмарки в Берегсасе³ мясники из окрестности, торгующие изделиями из свиного мяса, заблаговременно собрались со своими припасами: ветчиною (ужениною), колбасами, окороками (шинками) и прочим лакомством и разместились в шатрах на рынке возле католического костела. Но Андрей Чайкош, местный богатый мясник, не уступил им, прихожим, первенства. Так водится это сыздавна, что богатые занимают первые места.

Была пора жнив. Толпа верховинцев (карпатских горцев) от Верецких гор⁴ пробиралась чрез город в затисския стороны к мадьярам, на заработки, чтобы зимой было чем прокормиться в жалких лачугах, спрятанных в суровых ущельях Карпат, где бедное русское население напрасно борется с климатическими условиями, где колос никогда не созревает. Нужно спускаться в долину реки Тисы и там на плодородных полях мадьяр прижать для себя 15–16 долю копны.

Эту толпу голодных верховинцев волна ярмарочного, суетливого народа как-то нечаянно причалила к шатру нашего мясника, который, засучив рукава рубашки, отрезывал и отвешивал покупателям свежину. Верховинцы остановились перед шатром, как вкопанные и, выпучив глаза, жадно смотрели на лоснящиеся, вкусные лакомства, которых им не приходилось отведать и в Пасху. Стоя толпою, они запрудили приступ к шатру для покупателей.

Чайкош и его жена Эржа (Елисавета), уплывая в довольстве, выглядали здоровенно и жирно; но при всем богатстве на них не почивало Божье благословение: у них не было ни детей, ни близкой родни. Люди поговаривали, что Чайкоши от того бездетны, что бессердечны, а другие утверждали, что они потому бессердечны, что бездетны, хотя сам мясник не был человек без сердца. Не то Эржа.

Увидив верховинцев, Эржа выбегла из шатра и разразилась на них бранью:

3 **Берегсас** (Beregszasz) – комитатский, столичный город русских, живущих в окрестности Мукачева в Угорщине (зачначка А. Кралицкого).

4 **Верецкие горы** – територія близько Верецького перевала (зачначка вишорителю – В. П.).

– Ах вы, оборванцы, бобыли! Чего шляетесь здесь и мешаете купцам? Прочь с дороги!

И бедные верховинцы, как на команду, повернулись и молча поплелись дальше, сопровождаемые насмешками уличных зевак. Вскоре они выбрались из города и пошли по дороге, ведущей возле просторной площади, на которой отбывалась ярмарка на скот.

К толпе странников, идущих за Тису, присоединились две бедные крестьянки. Одна из них несла маленькую девочку на руках и, не могучи поспеть за прочими, отстала со своей ношей позади. Вдруг раздался крик: «Лови, держи!» Крики относились к паре всполошенных коней, мчавшихся по дороге во всю прыть – и прямо на бедную крестьянку с девочкой. Идущие впереди верховинцы посторонились, но крестьянка не успела сойти с дороги. Взбешенные лошади сбили ее с ног, а одна так ударила копытом в голову, что несчастная тут же умерла. Но девочка какими-то чудом отлетала при падении матери в сторону и, кроме незначительных ушибов, осталась здоровою.

Мертвую понесли по распоряжению властей в городской дом. Весть о злополучном приключении быстро разнеслась по городу. Вечерело, торг ослабевал и народ начал расходиться. Мясник Чайкош, узнав о несчастном случае, выразил сожаление к бедной покойнице, но его безчувственная половина снова разругалась.

– Вот так и надо подобным бродягам, сволочи. Шляются по белу свету, попрошайничают и еще общинной казне причиняют убыток расходами на похороны.

Чтобы немного развлечься после ярмарочного труда, Чайкош отправился в городской дом, где ему следовало за что-то расплатиться. Покончив дело, он не утерпел, чтобы не заглянуть в сарай, где любопытные толпою обступили труп убитой. На расстеленной соломе, одетая в лохмотье, лежала бедная верховинка. Загорелое лицо отбивало белизною от запекшейся крови, вытекавшей из раны в голове, а полуоткрытые глаза смотрели неподвижно вверх. Одна рука судорожно прижимала дорожную сумку (торбу), а за другую ухватилась плачущая сирота и старалась поднять ее, как бы желая разбудить маму. Из толпы слышались голоса сожаления и вздохи – над несчастною ли матерью или еще более несчастною крошкою?

Увидев эту печальную, душу раздирающую картину, эту горько рыдающую трехлетнюю малютку, Чайкош дрогнул. В его черством сердце зашевелилось новое, доселе ему неведомое чувство. Он приступил ближе к малютке, погладил ее по головке, полез в карман, вынул оттуда 20-крайцаровую монету и в утешение подал девочке.

После ужина Чайкош накинул на себя шубу и, не взирая на поздний

вечер, отправился к городскому дому, в общинное управление. Некоторое время спустя он воротился оттуда с худощавым русским верховинцем, отцом сиротки, который в пору трагического происшествия отлучился было и только под вечер узнал о постигшем его горе. Хозяева приняли верховинца радушно, посадили его за стол, предложили сытный ужин голодному человеку, поподчивали хорошим винцом и приступили к сделке.

– Баратом (друг)! – отозвался Чайкош к прибитому нуждою и горем русскому крестьянину, когда он, откушав, осенил себя крестным знамением. – Отступи нам девочку.

Верховинец посмотрел не то удивленно, не то испуганно на хозяев и не нашел ответа.

– Мы похороним на наш счет твою покойную жену, воспитаем девочку в довольстве...

– Дадим тебе на руку сто гульденов, – перебила Эржа.

Тяжело вздохнул бедный верховинец на такое предложение. Он еще не успокоился после смерти жены, а тут задают его сердцу новую рану – требуют от него единственную дочь и оставляют круглым сиротою. Он стал думать. Болит сердце, роспирает грудь, но, с другой стороны, пышные похороны покойницы, оставление у зажиточных людей малютки, к тому сотня гульденов, на которую купит у Ивана Ливкача участок земли, назначенный на продажу за долги, – все это сообразил верховинец, вытер крупную слезу с очей и несмеливо, как бы совершая греховное дело, сказал:

– Я согласен.

Но мясник как человек бывалый и расчетливый, не мог полагать на словесное согласие крестьянина. Он хотел иметь на бумаге удостоверение, что девочка его. Потому утром следующего дня он взял крестьянина к нотариусу. В длинной речи представил Чайкош нотариусу суть дела и Ивана Владака – так писался верховинец, с которым он намерен заключить купчую (контракт) о передаче ему, Чайкошу, дочери.

– Такого акта я не составляю, – заявил нотариус.

– Почему?

– Потому, что людей нельзя покупать и продавать, как скот или товар.

– Уже вы, господин, извините, – возразил Чайкош: закон не определяет, что мне свободно купить, а чего нельзя; не запрещает и не приказывает закон и того, что если я что-нибудь куплю, то могу это закрепить письменным актом.

Но нотариус стоял на своем. Чайкош с досадою оставил его контору и, пришедши домой, сказал к Ивану Владаку:

– Не удалось нам, земляк, составить письменный договор, так за-

ключимте словесный, но крепкий. Присягните или поклянитесь, что от нашего соглашения никогда не отступите.

Владак поднял три перста правой руки вгору и поклялся, что свою дочь отступает в собственность Чайкошам и что данному слову никогда не изменит. После этого следовала обыкновенная у мадьяр попойка, так называемая «áldomás», похожая на жертвоприношение Бахусу-áldozás или языческое благословение.

Перед полуднем состоялись похороны верховинки. Жители города были поражены пышной обстановкою похорон. За гробом шел Иван Владак с дочерью на руках и рядом с ним чета Чайкош в печальном платье, а за ними толпа оборванных верховинцев, оставивших заработки, чтоб отдать последнюю прислугу землячке.

– Кой чёрт, – думали люди, – что из этих бсссердечных мясников сделались сразу милосердные самаритане?!

Солнце клонилось к закату, когда Чайкоши с Владаком возвратились домой. Мясник отсчитал на ладонь верховинцу сотню бумажек. Сей долго стоял в безмолвии, лишь капавшая из очей слеза свидетельствовала, что в его груди бушует тяжкая печаль. Девочка, не понимая ничего, прижалась к ногам отца. Он взял ее на руки и осыпал поцелуями. Он говорил ей что-то непонятное для хозяев, знавших лишь несколько русских слов, схваченных по ярмаркам, потом поставил ее на землю и, как бы благословляя, положил на головку проданного чада свои мозолистые, черные руки. Хозяева насилу сдерживали слезы, а когда Владак, прощаясь, молил их беречь малютку, Эржа всхлынула от жалости. Еще от двери вернулся отец, чтоб поцеловать свою кровь и, вышедши в сень, закрыл глаза руками и затрясся от судорожного плача, так как малютка не своим голосом завопила: «Няню, няню (тату)!»

Эржа засуеилась успокоить ребенка. То лакомствами, то игрушками она довела вскоре до того, что под вечер маленькая сиротка с доверчивою улыбочкою прижималась к ней.

Как солодкими показались купчихе ласки ребенка! Доселе и собака не вертела перед нею хвостом, а теперь Бог дал ей дитя, которое льнет к ней с благодарною любовью. Приладивши для приемной дочери кроватку, Эржа уложила ее спать. Дитя, однако, стало прежде на колени, перекрестилось и тихо помолилось.

Ночный мрак и тишина водворились в доме мясника. Но хозяева не спали. Они чутко прислушивались ровному дыханию гостыи, изменившей их образ мыслей. До сих пор они помышляли только о деньгах, о наживе – теперь же их головы заняты были мыслями о малютке.

На другой день чуть свет Чайкоши отправились в лавку, оставив девочку на попечении служанки. К обеду новая мама принесли дочке новое платьице, омыла ее, причесла и одела. Маришка (Марья) – так стали называть девочку по-мадьярски – до того занялась своим платьем, что не хотела идти к столу, на котором дымился вкусный обед. Наконец ее усадили при отдельной тарелке и дали в руки ложку. Маришка однако нерешительно поглядывала на Чайкошей и наконец положила ложку, перекрестилась и произнесла молитву на своем языке. Чайкоши, кальвинисты, для которых молитва перед пищею не была в употреблении, молча переглянулись и призадумались.

После обеда купчиха стала на стул и начала рыться в громадном шкафе, наполненном разною рухлядью.

– За чем шаришь, жена? – спросил Чайкош.

– Ищу молитвослова, – ответила Эржа и вытащила пылью покрытую книжку.

С тех пор она часто перелистывала молитвослов, а по вечерам начала старательно обучать Маришку мадьярской грамоте, тем более, что девочка стала уже лепетать по-мадьярски. По воскресеньям Эржа водила девочку в местную греко-католическую церковь, в которой хотя она и называется русскою (orosz), **все богослужение совершается на мадьярском языке**. Поэтому сюда заходят на богослужение римокатолики и кальвинисты. Еще сорок лет тому назад все богослужение совершалось по-русски.

С прибытием девочки в дом Чайкошей у них все изменилось. Ругань и крики миновались. Не случалось, чтобы от дверей отходили нищие, не получив милостыни. Благосостояние постоянно увеличивалось и Чайкоши благословили свою приемную дочь.

Маришка росла, как тополь; через несколько лет стала цветущею девушкой. Чайкоши состарились и передали ведение хозяйства в руки Маришки.

По несколько раз в год попадались в Берегсас крестьяне из верховинского села, в котором жил отец Маришки. Они приносили ей поклоны от отца и рассказывали, как он тоскует по ней. Старые Чайкоши радо видели земляков Маришки, но, не понимая их речи, с трепетом ожидали их ухода, боясь, чтоб Маришка их не оставила и чтоб неожиданно, нечаянно не свалился к ним, как снег на голову, Иван Владак и не сказал: «Вот вам ваша сотня – отдайте мою дочь!».

Между тем над Владаком пронеслась житейская буря: неурожай, падеж скота и разные житейские дразги. От горя и невзгод больше, чем от старости, голова его покрылась сединою. Он начал больше подумывать о

смерти, чем о жизни. Однако перед смертью он считал своим долгом исполнить две задачи: пятнадцать лет он не молился на могиле своей жены и столько же лет не видел своей дочери. Кроме этого, у него перед смертью не было других желаний.

Одного осеннего вечера старый Чайкош, сидя на скамейке у ворот своего дома, задумчиво покуривал трубку. К нему приселась и жена и вязала чулки. Из избы разливался звонкий, прелестный голос Маришки, поющей мадьярскую рыбацкую песню:

Az alföldön halász legendy vagyok én,
Tisza partján kis kunyhóban lakom én...

*(В дальних странах я рыбак;
А на берегах Тисы малой лачуги я состою жителем).*

Старики с любовным наслаждением прислушивались неизысканному народному напеву и не обратили внимания, что на стороне, под забором, прислушивается еще кто-то третий, сгорбленный, в ободранном крестьянском платье. Он стоял минутку неподвижно, наклонив голову в сторону дома, откуда лилась песня, и вдруг стал перед Чайкошами. У Чайкоша выпала трубка изо рта, а жена его точно остолбенела, ноги sdеревенели у нея и она не была в силе подняться со скамьи. Пред ними стоял Иван Владак. Немо переглянулись все трое. Никто не отважился первый заговорить. Наконец Чайкош, дрожа, прорвал молчание:

– Забыли вы, что ли, вашу клятву?

– Не забыл.

– Так почему вы пришли сюда?

– Не требую от вас дочери и говорить с нею даже не стану; только умоляю вас: позвольте увидеть ее хотя через забор, сквозь скважину у дверей. Могилу жены я пришёл навестить, ибо предчувствую близкую смерть. Дайте посмотреть старику-отцу на дочь. Будьте милосердны к бедному.

Эти слова до живого тронули хозяев. Чайкош собирался уже пригласить верховинца в избу, но в то время Маришка выбегла из хаты звать стариков к ужину. Увидев нищаго, Маришка остановилась и вдруг, воскликнув: «Няню, няню!», бросилась ему на шею и покрыла старческое, исхудалое лицо отца поцелуями.

– Не гневитесь, родные, – обратилась после первого порыва Маришка к своим приемным родителям, – что, кроме вас, люблю и моего отца. Я навсегда останусь вашею благодарною дочерью.

И Чайкоши не сердились, ибо старый Андрей, взявши Владака за руку, сказал:

– Брат, что ты дал мне с своею дочерью, то даю и тебе – любовь! Оставайся навсегда с нами.

Бобовици, в феврале 1893 г.

ПЕРЕКЛАДЫ
И
АДАПТАЦІЯ

Золотая Драмота

Число 10

ИЛЛЮСТРОВАННОЕ ПИСЬМО ДЛЯ ПОУЧЕНИЯ И ЗАБАВЫ.

(ПРИЛОГ К № 19. СТРАХ.)

„И въ наше бремя, любящие колись сонце“.

ПУГАЧЕВЪ.

(Поесть; въ русский языкъ переложилъ А. Крайндикъ.)

Во времена Петра III-го. было одно тайное содружество въ Петербургѣ, которое называлось: „безименнымъ.“ Члены содружества того собирались въ домъ Желатина боярина, который посчиталъ своимъ лишь самъ, одинъ звалъ по имени; а сѣмъ одинъ другого звать рѣдки.

Ихъ сосланы были тутъ заступники: князи, придворныя дамы, свирѣбскіе офицеры, прости козакъ, котормъ, актрисы, ремесленники и т. п. зыкну тутъ собирався — кромѣ того чтобы одинъ другого позывалъ.

Умъ и хорошая поверхность были условіемъ пріятія; а пріималъ единственно Желатинъ. — Ядѣсь каждый былъ „ты“ и въ визитныхъ только одно: „душенька Александра.“ „Навѣтъ чужъ.“ „Петръ.“ „Ольга“ далеко чужъ.

И для какой же цѣли собирались? — Для свободнаго развлеченія и забавы!

Которыхъ общественная разностепенность въ далекій даль держала, одни отъ другого, адѣсь отстранены сѣмъ прегрѣды, зомилась, чтобы разомъ забавиться.

Можно, что оный человѣкъ съ котормъ сѣмъ прости възвѣкъ шлахъ банитъ, есть нахоро его генераломъ? Да и то можно, что оная дама, которая мужикъ притылающему на балладей такъ прелестно вторитъ шлахъ, есть адла лѣтъ придворная

дамъ царицѣ? можетъ быть что възвѣкъ? или еще больше.

Словомъ Русскаго государства цѣль и корень собирався въ домъ Желатина, а то лишь для того, чтобы общуживати равенствѣ, въ обширныхъ смыслѣ слова того.

Давнее явленіе, что кланіе въ Россіи нѣгало то избываться, где на чинъ и степенъ, мудрѣ, вибшій бласкъ такъ много уважались.

Безчисленнымъ доносомъ подавались на полицію о существованіи сего тайнаго содружества; да и сему вѣсному за злое извѣстіе, будто бы они не дѣлали никакого разу отпозданны хромъ. Не чтожъ нѣмъ какое слѣдствіе за каждымъ разомъ осуетилось и не дѣлало на ожидаемый результатъ. Высланные комиссіи либо возмѣстала на такъ законномъ „торачонъ дѣлѣ“ доносимымъ членомъ, либо если засталъ, то сѣмъ до одного избѣгалъ. А тѣмъ, котормъ пришлося съзнати, то словъ явились чудимымъ способомъ утѣкли. Не досмы еще того: сѣмъ писала относились на сему предмету невидѣное припадалъ, и больше разонъ въ скрипѣ актоѣ на чистый лантеръ измѣнялся. А когда на вонецъ одинъ свѣрхичный чиновникъ съ наибольшимъ прилѣжаніемъ явля въ дѣло, прослѣдовать „безименнымъ“, что хотѣлъ разъ уже концы дойти въ открытіи сѣмъ опасной гды, то нечаянно обачился на томъ, что съ наибольшою скоростію смысли его за границю съ важными препорученіемъ, откуда не такъ скоро могъ повернуть.

Намется, что содружество „бези-

меннымъ“ нѣмъ смѣлились лантериникомъ.

Послѣ одной такой либеральной любви, одинъ молодой козакъ гетманъ остался на задѣ, и коан уже учился слѣкъ — въ самъ съ донашимъ нѣмъ примонилъ до него.

— Ты, Желатинъ, видѣлъ оную женщину съ котрою я дѣшевнѣгъ вечера пляскалъ наизура?

— Видѣлъ. Може тебѣ сподобалась сѣ?

— Она должна быть мною же-ною.

Желатинъ на то слегка ударилъ козакъ по спинѣ и розсѣбился голо-сно.

— На жадный случай, братъ Емельякъ, побуде она такое же-ною.

— Должа быть; бо я то собѣ ушнѣлъ.

— Не буде; бо нехочетъ.

— Если непріиде, те возмужу на силу.

— Не можешь ли хити, бо мѣе мужа.

— Тогда возмужу разонъ съ мужемъ.

— Не возмѣнешъ, бо мужъ мѣе въ великой палатѣ, множество вѣска окружаетъ его, а самъ ходитъ на ба-тартѣ.

— Возмужу, присягаю на св. Юрья, что возмужу, акупѣ съ палатой, войскамъ и батаромъ.

— Добрый Коеллакъ! Идѣ ты дономъ. Выспѣй хѣбъ. Она же-нощина есть сама — царица.

Гетманъ на то нѣмъ побѣдѣлъ, отидѣлъ засталъ; во въ мнужу при-шлахъ до себе и съ придомъ уаръ.

Мор Ёкаї

ПУГАЧОВ

Повість¹

За времен Петра III-го было одно тайное содружество в Петрограде, которое называлось «безымянный». Члены содружества того собирались в доме Єлагина-боярина, который посетителей своих лише сам один знал по имени; а сії один другого дуже рідко.

Всі сословія были тут заступлены – князі, придворныі дамы, гвардейскіі офіцеры, простыі козаки, акторы, актрисы, ремесники и т. п. звывкли тут собиратися, кромі того, чтобы один другого познавал.

Ум и хорошая поверхность² было условіем приятія, а приймає єдинственно Єлагін. Здїсь каждый был «ты», и в воззваніях только одно: «душенька Александра», «Иван мой», «Петр», «Ольга» далось чути.

И для какой же цілі собирались? Для свободного розвлеченія и забавы!

Которых общественная разностепенность в далекой далі держала один од другого, здїсь, одстранив всі преграды, зошлися, щоб разом забавитися.

Можно, что овый человек, з которым сей простой козак шаха бавится, есть, навірно, его генералом. Да и то возможно, что оная дама, которая мужчині, пригрывающему на балалайці, так прелестно вторити умієт,

1 У тексті сїєї публікації ані товмач (А. Кралицький), ані редактор «Страхопуда» и «Золотой грамоты» (Єсиф Ливчак) не лишили інформації за автора оповідання – мадярського писателя Мора Ёкаї. Выдтак изгядователі довгий час тримали за автора російського писателя А. Пушкіна. (Позирай хоть бы монографію: Е.Недзѣльскій. Очеркъ карпаторусской литературы; Ужгород, 1932, с. 201). Вни приставали на то, же А. Кралицький потовмачив и переробив повість А. Пушкіна за востаня Пугачова «Капитанская дочка» и «Историю пугачѣвского бунта». Нам ся подарило вирішити тоту загадку и доказати, же оповідання «Пугачов» є перекладом из мадярської літературы. Иде за товмаченя повісті «Дерзостный» Мора Ёкаї (зазначка вишорителя – В. П.).

2 Видав, автор мав вихосновати російське слово «внешность» (русин. «выпозир», «выпозировати»), айбо хыбно выужив слово «поверхность» (зазначка вишорителя – В. П.).

есть одна из придворных дам цариці; может быть, что яка княгиня... або еще больше.

Словом, Русского государства цвіт и корень собирався в дому Єлагіна, а то лише для того, щоб общеуживати равности в обширном смыслі слова того. Дивное явленіє, что властиво в Россіи могло то одбыватися, где на чин и степень, мундир, внішний блеск так много уважают.

Бесчисленны доносы подавались на поліцію о существованію сего тайного содружества; да и сему не можно за злоє вмінити, будто бы она не ділала каждого разу відповідній кроки. Но что ж, коли начатое слідство за каждым разом осуетилось и не довело на ожидаанный результат. Высланная комісія либо не застала на так званом «горячем ділі» донесенных членов, либо, если застала, то сії до одного избігли. А тіі, которых придалось схватити, то знов якимсь чудным способом утекли. Не досыть еще того: всі письма, односящієся по сему предмету, ненадійно пропадали и больше разов в скрині актов на чистый паперь измінялися. А когда наконец один енергічний чиновник з наибольшим приліжанієм ялся за діло прослідовати «безыменных», что хотіл раз уже конца дойти в открытіи сей опасной гідры, то нечаянно обачился на том, что з наибольшою скоростію выслали его за границу з важными препорученіями, откуда не так скоро мог повернути.

Кажется, что содружество «безыменных» иміло сильных защитников.

Послі одной такой ліберальной забавы один молодой козацкий гетман остался на заді, и коли уже учулся сам на сам з домашнім паном, промовил до него:

– Ты, Єлагіне, виділ оную женщину, з которою я днешняго вечера плясал мазура?

– Виділ. Може, тобі сподобалася?

– Она должна быти моею женою.

Єлагін на тоє слегка ударил козака по спині и россміялся голосно.

– На жадный случай, брат Ємельян, не буде она твоею женою.

– Должна быти, бо я то собі умінил.

– Не буде, бо не схоче.

– Если не прийде, то возьму насилу.

– Не можеш ю взяти, бо має мужа.

– Тогда возьму разом з мужем.

– Не возьмеш, бо муж жиє в великой палаті, множество войска окружаєт его, а сам ходит на батарі³.

3 **Батар** – **bátor** (мадяр.) – хоробрый; «ходить на батарі» – не ясно, што мав на гадці А. Кралицький; видав, иде за кочію (зазначка вишорителя – В. П.).

– Возьму, присягаю на св. Юрья, что возьму – вкупі з палатою, войском и батаром.

– Добрый Ёмельян! Иди ты домов. Выспий хміль. Оная женщина – есть сама царица.

Гетман на тоє мало поблідніл, оддых заставил, но в минуту пришёл до себе и з прежнім⁴ упрямымством продолжал:

– Як есть, так есть, а все-таки, что казал.

Ёлагін вытрутил его за двері.

И доистно, Ёмельян не был захмілений, если только не од красных очей женщины.

Нісколько годов минуло послі сей пригоды; общество «безыменных» розвязалось; царь помер и Ёкатерина II положила собі корону на голову.

Многії кажут, что властиво она была причиною смерти мужа. Другиі же говорят, что знала о заговорі и могла препятствовати, но не хотіла. Знов другиі утверждают, что принуждена была не знати о ничем. Говорят, хорошо сділали: бо заслужил, бо свиріпый человек был. Наконец, утверждают, что не была участницею, даже и не знала о ничем, и што Петр умер смертью натуральною. Послідного мнінія есть именно Вольтер.

Як было, так было – царя похоронили, а наслідницею остала Ёкатерина, котора незадолго увиділа, что померший муж к тым небожчикам належит, которіі дуже неспокойно спят; часом-часом пробуждаются, высувают руки с-под покрывала и хватают ними тых, которыі о них забывают, раз-два рушатся у гробі, на что ціла земля сколыхается⁵.

Между столь много противорічивыми вістіями, которых зацйткати так трудно было, которым так охотно віровала толпа и которых вытерти из памяти так много крови стояло, была одна найужаснійша – что царь ни сам од себе, ни од руки иного кого не помер, что он жиет и наслаждается полным здоровьем. Что вмісто него одного рапаволицого простого козака показовали на катафалку, а он сам в одежді того же козака избіг из вязниці. Что он верне заняти вновь трон, жену смирिति и неприятелей вывішати.

И пять псевдоцарей Петров являлось нараз в великой Россіи то в сей, то в той губерніи; один за другим приходил з девизою: «Смерть віроломникам!». Збурил то на сівері, то на югу одну-другу провінцію, згромаждал войско, забирал города, проганял чиновников и новых поставлял. Про-

4 В орігіналі было напечатаной так: «прежднім». Видав, туй проскочила хыба, котру сьме выправили (зазначка вишорителя – В. П.).

5 В орігіналі было напечатаной так: «сколыбается». Видав, туй проскочила хыба, котру сьме выправили (зазначка вишорителя – В. П.).

тиво каждого такого псевдоцаря должно было высылати войско, и коли уже одного прогнали и выслали на ледовії степы або завадили на первое дерево, то знову на другой стороні показовался другой псевдоцарь, бунтовал народ, брал рекруты, пужал в забавы погруженный двор – и так ишло одно за другим; мертвец не хотіл спокійно собі лежати: днесь тут го погребли, а завтра о сто верст далей знову воскрес и кричал: «Жию, жию!». А когда и там го спрятали с-под ног, то вновь выставил голову с-под земли и голосил: «И зато еще жию!». Сто животов иміл!

Когда пять уже таких ложных Петров одправили тым путем, которым не звыкли вертатися, явился еще шестый, а тот был найстрашенійшим, найсмілійшим между всіми своїми предшественниками, которого память кровавыми буквами записана на страницах російской хроники. Богатырь сесь есть Ємельян Пугачов.

Он был порядочный донский козак и яко такой участвовал в прусской выправі – сперва як приверженец пруссаков, послі яко вірный подданный царя. При осаді Бендер-города остал он гетманом.

Чрезвычайна сила тілесна, природный ум и способ себе и между найтрудніішими обстоятельствами знати вынайти одличали его уже тогда, но наступивший мир затворил пред ним дорогу к высшим степеням; одослали его вспять над Дон разом з другими офіцерами – пусть сіют гречку. Но голова Пугачова иными мыслями была переполнена.

Царицю и ненавиділ, и обожал.

Ненавиділ гордую женщину яко такую, котора не иміет ниякого права бродити по головам поважных русских мужей, и обожал в другой части як хорошую красавицу, котора незаперечимое право иміет бродити по сердцах всіх мужчин.

Та дурна мысль его и непокоїла: здрунути ю з трона и послі взяти в объятія!

З тым планом удался над Волгу, где живут расколники, которыйї всегда склонный были к волнениям, лиш бы только случай и повод дался. Пугачов принялся сообщить їм план свой; но сей же час донесли о нем поліції, котора, схвативши, заперла го в казанский касаматы, оковала в ціпи, чтоб покойно мечтал о троні.

Одной ночи снилося нашему Ємельяну, будто ему удалось сокрушити ціп, подкопати толстый мур, скочити з высокой башні, переплысти залив, окоп, которого дно было острыми костурами набитое, и послі скрытися в Уралских пустынях.

Сон, мимо всей своей невіроятности, осуществился!

Єдинственными жителями Уралского подножия суть так званнїи Яик-козаки⁶. Найнеобузданнїишїи подданныи Россїи живут на одной из тых границ, которые лиш на мапі существуют, а в дїйствительном козацком житїю не знаєт їх никто.

И сесь оддаленный народ належит к сектїи расколников.

Точно за короткоє время пред сим дозволили собі тую играшку, что правительственного высланника, генерала Траубенберга, пришедшого вызначити їм, поки могут в ріцї Яик рыбу ловити, з всею свитою вырубаили и тым ясно доказали своє віроисповіданїє, что правительство не имієт права до їх щупаков.

Пугачов правїи тогда пришол между них, коли ділилися на зброїи російской конницїи и радили, что дальше ділати.

Одного ярного вечера, по долгом скитанїю, приспїл наш біглец в одну найдичайшу слободу уралских вертепов⁷, так звану: «Єремїина Куриця». Тут застучал в дверїи одного козака и сказал, что он біглець.

Господарь вдячно приял его. Снабділ его, як лиш мог: добрым словом – щедро, хлібом – скудно. Да и сам газда был убогий; овцы, что имїл, заяли кіргїсы; один из сынов, будучи преревным левитом расколницкой общины, гдєсь в рудокопнях проживаєт дни свої; другого взяли в рекруты; а третяго повісили, бо вмїшался в мятежники; а так сам старый Ночеников оставался дома без сынов, семьїи и челяди.

Пугачов терпїливо выслушал жалобы старого домавладыки и лиш тое одповїл на все, что тому порадити можно.

– Кто збудит побитых сынов? – мовил далїє старик з огорченїєм.

– Тот, кто и сам встанет, абы умерщвляти.

– Кто бы был тот?

– Царь.

– Померший царь?

– Только разов шесть єще помер, но жист и понынїи. На цілой дорозїи, где лиш попался человек, каждый пытался, чи правда, что царь не помер, а утек из темницїи? Правда, – казал я, – и что правїи сюда идет.

– А где бы? Чтобы он тут искал?

– Уже и тут єсть.

– Где?

6 В орігїналі было напечатаной так: «**Якич-козаки**». Видав, туй проскочила хыба, котру сьме выправили (зазначка вишорителя – В. П.).

7 В орігїналі было напечатаной так: «**рералских вертепов**». Видав, туй проскочила хыба, котру сьме выправили (зазначка вишорителя – В. П.).

– Я сам царь!

– Добре, добре, розумію тебе, – одповів старий росколник. Там буду, где хочеш. Мені уже все одно, лиш бы был, кто поведет. Но кто повірит, что ты царь; и сотні виділи его лице в лице, всякий знает, что старий Петро был дуже рапавый, а ты – гладколицый.

– Ого, на том споможемо; чи не помер кто тут на днях в оспі?

– Да помер, праві, мой наймит пред вечером.

– Хорошо. Я ляжу в его ложко; а встану як Петро-царь.

Что говорил, то учинил. Ліг духом в постель, о два дни высыпалась на всем тілі оспа червоная, и о шесть тыждней з толь порापаным лицом встал, что никто бы не опроверг, что то не сам Петро.

А Ночеников аж теперь убідился, что человек сей, который в так страшный способ одважился играти з смертію, не пришол сюда на игрушку.

План стали приводити в осуществленіе. Сообщили той же сперва только десять людям, но и между сими был один измінник. Сей донес все командуючому полковнику Сімонову, который сей же час веліл схватити Ноченикова, но Пугачов спас ся, и то еще на коні посланного за ним козака; выхопился з заду на коня, обнял руками издця, дал коню по-под боки остроги и поскакал вітрами. Козака звали Чика.

О два дни явился Пугачов пред воротами города Яик! Но уже тогда иміл властного коня, дорогой кафтан и тристо мужа конниці. Тут воззвал полковника, дабы поддался и пришол на лобзаніе руки законного своего государя Петра III-го.

На тоє полковник дал отворити ворота и вдарил на нашего героя з 5000. козаками и 800. мужа піхоты и в минуту обступил Пугачова. Но сей не змішался, вынял из пазухи великанску грамоту и в самой середині непріятельского табору одчитал громким голосом проклямацію царя, в которой Петро III-ій-царь воззывает вірных своїх козаков, чтоб помогли ему трон заняти, а похитителей прогнати, смертію страща того, кто бы спротивлялся.

Неожиданно поднялися козацкіі ряды и сильным голосом возгреміли: «Да живет царь!». Надарьмо покушались офіцеры зацйткати войско – оно ревіло, як страшна буря, и замішательство держало аж до вечера; а на вечер сталося тоє, что не полковник Ємельяна, а сей тамтого з 14. офіцерами плінил. Як наступила тьма, то однако ж под покрывалом той же удалось полковнику утечи, но офіцеры остались у Ємельяна.

Так храбрый наш герой иміл уже вместо 300. мужей – 800. Затим розложился Ємельян на ноч под городом посеред садов, где всіх 14. офіцеров

повісив на дерева. Полковник не смів уже ударити на него, протое Пугачов помаршировал нащивити и инный города. Росколники всюда усердно его приимовали, так что на третій день окружало его не менше як 1500. мужа.

Прийшовши под кріпость «Илечку», тут добровольно отворили ему ворота и з пінієм впровадили его до замку, где уже нашол каноны и огнестрільный порох. За сею слідовала «Казенная» кріпость, потому «Нижная Озерная»⁸. Кого не убил, живцем взял з собою.

Уже 4000. мужа иміл и протое сміло напал на кріпость «Таличаву», котору два руский богатыри, Білов и Слагін, защищали. Тут уже не так легко пошло, бо бішенному порыву восстанцев муром противостояло добре удисциплинованое войско російское, и Пугачов тут-тут програет, если сліпое щастье и теперь не выручит его. Ото запалилися сінній магазины, прочто залога принуждена остала вынестися на чистое поле, где до одного была изрубана.

Восстаніє достало крыла. Слідовала кріпость «Чернореченская», а за сею – «Пречистенская». Наконец герой явился пред воротами Оренбургу з 30. пушками и порядочною армією. Все то сталося за пятнадцать дней. Тут он разложился табором, наміряя голодом покорити запершихся.

Єкатерина II пристрасно любила игру в тароки⁹, к которой неизмінно требуется четырех особ. Так и теперь видим мы царицю при игрі. Крім ней, участвуют княгиня Дашкова, князь Орлов и генерал Карр. Щастье служило сему послідному и никогда не проиграл; протое назвали его *semper victor*¹⁰! Одного разу между мішанієм карт так якось несподівано пришло до бесіды, что, конечно, то уже стыд и сміх, что тот Пугачов робит.

– О, я знаю парня дуже добре, – одразил Карр, – раз в Орієнбаумі разом играли мы в карты; но тогда ему дуже глупо ишло.

– Та, відай, то протое ему теперь так мудро идет, – замітила цариця.

8 В оріґіналі Мора Ёкаї напечатаной так: «Нижная Осферная» («Nisnaja Osfernaja»). Сесею издеформовану назву тыж повторив А. Кралицький. Фактично, иде за кріпость «Нижняя Озерная». Тоту хыбу у перекладі А. Кралицького сьме виправили (зазначка вишорителя – В. П.).

9 «Тароки», авадь «Тарок» – картяшська йгра (зазначка вишорителя – В. П.).

10 *Semper victor* (латин.) – усе побідник (зазначка вишорителя – В. П.).

- Мудро, бо командуючий – негодаї¹¹.
- Ради бога, генерал, будьте добрый, идіт вы там, – сказал Орлов іронически.
- А чому ніт, ежели Єя Величество повелит.
- Ах, дайте покой, Карр! Як будем без вас играти? – сказала жарто-бливо цариця.
- Под тым часом выправим великанску ловлю в Петерегофских лісах, – додал Орлов.
- Пристаю, но так, что о дві неділі вернете.
- Ах, на что и дві неділі! Єсли Ваше Величество велит, то єще днесь, єще в сю минуту сідаю на сани; за три дни и ночи буду у Богумильску, четвертого опораюсь, пятого напишу «парнишкі», что вызываю «я», шестого даю єму «volat», а седмого, як «pagat ultimo»¹², окую єго на ланцух и положу у ног Вашего Величества.

Діло взяли серіозно. Орлов приготував нужні грамоты, по которым на него возлагается власть командаторска всего южнорусского войска.

Карр єще той же ночи одправился в путь. За головную тактику во воинском обороті приял скорость, но лише про свою особу, и так легіоны, данні на помощь, оставил на заді, а лише сам біжал. На каждой господі, где лиш застановился, всюды лиш про Пугачова говорил; чудесні діла говорили о нем; но он только то отвітовал, что только най мало погодят, а будут видіти, як он Пугачова, повязаного як собаку, будет вести туды – к Петрограду.

Он, бідняка¹³, думал, что швидше путешествовати и невозможно, ибо не знал что один козак, который разом з ним рушился из Петрограду, уже 36 верст опередил єго з доносом к Пугачову, что Карр идет и як стоїт.

А затим наш Карр, доспівши призначенного містця, од никого со-віта не приял, ба и не просил. В Богумильску одтрутил на бок бывшего колегу и стал сам дієствовати. План єго был не воевати, а ловити звіря. Черничев, прислан од Орлова з дванадцять пушками на помощь, получил приказ перебраться чрез ріку Самару и заставити путь Пугачову. Сділал заправду тоє Черничев, бо думал, что діло имієт з мудрым человеком, но

11 В оригіналі было напечатаной так: «негодаї». Видав, туй проскочила хыба, ко-тру сьме виправили (зазначка *вишорителя* – В. П.).

12 «Volat»; «pagat ultimo» – элементы картяшської йгры у Тарок (зазначка *вишорителя* – В. П.).

13 Видав, автор мав вихосновати слово «бідняка» (русин. «біделак»), айбо хыбно выжив слово «бідняка» (зазначка *вишорителя* – В. П.).

тым сам собі приготував смерть. Пугачов дав покійно перейти неприятелю через ріку, а коли перейшли, обступив малый отряд и зрубав множество, а Черничева з 35. офіцерами взяв в плін и другого дня повісив. Знов о дванадцять канонів імів більше. И тогда з надією побіди сміло пустился навстрічу Карру.

В оддаленію на 35 верст од Богумильска, под одною козацкою деревнею, зустрілися два неприятелі. Карр лише изумился, видя пред собою не яку разбойническую шайку, а порядочное войско, поділеное на полки и заосмотренное канонами. Стерлися! Карра страшенно мерзило то, что опрышки так дільно знають обходитися з канонами, и для того дав приказ одоброти пушки. Діло тоє, не так легкое, было наложено на козаков; но сії, вмiсто того, чтобы одбирати каноны, самі перейшли в ряды неприятеля.

Прийшло на кінець до того, что Карр став помалу цофатися и даже утікати. Не остановился – аж у Петрограді.

Щастливая зірка Пугачова (если и демоны імiють свої щастливы зірки) послі сей побіди взошла на наивысший степенъ горизонता. Несомнінно, поднесетъ еще выше, ежели останется вірным ужасной місії, состоящей в том: зверечи царицу з трону, а послі оженились з нею и покорити русское свавольное боярство. Но судьба иначе судила!

Послі сраженія под Богумильском депутаты баскірскіі, явившііся пред ним з поклонами, принесли єму в дар прекрасную дівицю Улянку за жену.

Богатырь наш настолько передался самонадійности, что стал помалу залишати прежню аскетическую строгость. Улянку взяв за жену, а отца єй, Лалаватку¹⁴, поставил князем земли баскірской.

Затим в число окружающей его свиты стал приймати лише самых графов и герцогов. Наділ на себе найдорожшій одежды, который поздирал з упавших в войні русских полководцев вмiстi з їх орденами. Именовал генералов, полковников, графов, князей и т. п. Козака Чику произвел в Generalissimus-а и вручил єму цілоє воинство.

Єще того мало было: дав бити рублі з портретом Петра III. и надписом «*redivivus et ultor*»¹⁵ и поелику в владініі рудокопней не был, то рубли чеканити дав из міді; которому приміру послідовати мог всякий, кто лиш хотіл.

14 **Лалаватка** – деформованою мадярським автором Мором Їкаї імня соратника Пугачова Салавата (Юлаєва) (зазначка вишорителя – В. П.).

15 **«Redivivus et ultor»** (латин.) – тот, што воскреснув и мстит (зазначка вишорителя – В. П.).

Цариці, наконец, стало діло докучати и она рішилась созвати совіт генералов, но не таких, який єсть Карр. Вопрос был: не можно ли еще на-стоящей зимы предприняти другу кампанію противу Пугачова?

Четыри лица были, которыі утврждали, что в Россіи все можно, ког-да быти должно.

Мужи сії были: князь Галіцин, генерал Бібіков, полковник Иларіонов и Міхелсон, шведский офіцер. Два из сих еще из начала предпринятія упали – Иларіонов и Бібіков, а остались Галіцин и Міхелсон.

Сей послідный прославился уже прежде в Турецкой войні своїми ловкими оборотами, а теперь отряд его состоял только из четырехсот гу-саров, двасто мужа піхоты и четырех пушек. На челі сего малого отряда пустился он во имя Божєе освободити город Уфу, котору осіл был *gene-ralissimus* Чика.

Хотя як скоро двигался в своем поході, а все-таки шпіоны Чики были швыдши. Чика выслал єму навстрічу 3000. мужа з 9. пушками, дабы за-ставили горскіі тіснины, чрез которыі Міхелсону, если хотіл достатися до Уфы, должно было перебраться. Но Міхелсон не ишол на Уфу, где его ожидали, а просто в головну квартиру Чики.

Столь неожиданное, столь дерзкое было сіє нападеніє, что когда в первый час з полунощи напал на лагерь *generalissimus*-а, то и никто не вышол, єму навстрічу, пробужденный из сна восстанці біжали, кто где мог, оставивши весь запас в руках Міхелсона.

Дальшії подвиги сего Шведа вінчались наибольшим успіхом, так что приводити їх здісь для своей сухой, скучной обширности мы ни ма-лой охоты не имієм. Довольно на том: Міхелсон полну побіду одержал над Пугачовым.

Коли послі черга пала на Пугачова утікати, и между одним таким бігством явился на площади города Таричина¹⁶ при Казани, где себе яко царя Петра III. показовал народу, одна женщина выхопилась з-межи толпы, біда, як сніг, повалилась єму у ног, кріпко прижала тіи и осыпала поцілуями, называя между тым Пугачова мужем своїм.

Женщина тая была дійствительно супругою Пугачова. Їх сочетали еще дуже замолоду, а коли Ємельян подрос, то его взяли в козаки. Он давно держал ю за умершу уже, но бідная, як скоро учула голос, дораз познала в Петрі III-ом своего Ємельянка – на его найгоршу біду.

Од теперь подупала вся прежня популярность Пугачова у простого

16 **Таричин** – деформована мадярським автором Мором Ёкаї назва даякого варо-ша; не знати, за котрый то варош (Царицин?) иде бесіда (зазначка вишорителя – В. П.).

народа. Блестящая карьера, окружающая мнимого царя, затмилась! А то все вследствие неожиданного появления Марьянки.

Последнее поражение одержал возле Сарепты¹⁷; и когда видел, что уже всему конец, переплыл реку Волгу и спрятался в надбережных дубравах. Но российское войско обступило его наokoло, так что не было где податься.

Между тем стал голод докучать. Кроме одного конского мяса, упеченого при стеблах тростины и посыпанного вместо соли попелом, не было чего положить в рот.

Одного вечера праві коло огня сиділ, коли один из оставшихся при нем трех козаков промовил до него тако:

– Пугачов! Уже довольно давно строишь ты комедию...

Авантюрист порвался з міста.

– Слуга! Да я царь твой! – и з тем пустил му кулю в лоб.

Но други два прискочили, збили на землю, звязали и попроварили до Уралского Сородоку¹⁸, где передали его в руки генерала Суворова. Оттуда попроварили его в Москву.

Приговор, выреченный на него, был: порубать на куски; а царица подтвердила.

Но кат оказал ему свое сострадание. В приговоре не стояло, откуда должен начать операцию; так он начал од головы. И за то должен был посетить Сибирский леды.

Так скончался наш герой, наделавши немало горя позад своих необдуманных мечт.

17 **Сарепта** – німецька колонія близько вароша Царицин (Волгоград), днись часть того вароша (зазначка вишорителя – В. П.).

18 **Сородок** – деформована мадярським автором Мором Ёкаї назва вароша; не знати, за котрый варош иде бесіда; видав, за варош Яицк (днесь – Уралськ) (зазначка вишорителя – В. П.).

ИВАН

Повість из народной жизни

(послі «Uli der Knecht» Готтгельфа)

I.

АНДРЕЙ-ХОЗЯЇН И ЕГО СЛУГА

Чорная, как уголь, ноч покрывала матушку землю, неначе гробный вуал. В один крестьянский сельский двор просим вступити читателя. Двор довольно пространный, на переднем плані которого опрятный сельский домик стоїт. В самой задней избі етого домика слышны из одного кута слідующие слова:

– Ей, мужу, слышиш ли?

– Ну что за біда, – был отвѣт из другого угла избы, кажется мущины, сопровождаемый храпом и зіванієм.

– Вставай же, пять часов одбило, пора скот кормити. Иван во второй час по полуночи, как то по біді, привлекся домой, а еще в каком положенію! Так грянул собой тут под самым окном, что мні дивно, как ты не мог пробудитися?

– Авось, проспался и пришол к себѣ доселі.

– Ну, полно, мужу, лучше вставай! Відь сам же ты говоривал не раз и не два, что не всякого дурня впустил бы в хлѣв з свѣтлом¹, – одразила ему заботливая супруга.

– Ух, уж ето сушая правда, что діло плохо идет з нынѣшнею челядью, – стал ворчати хозяїн, зажигаая свѣчу и обувая сапоги. – Одна біда, что едва достанется, другая, что не старчиш платити, а все таки сам принужден все кончити. Напоследок, человек еще и не посміет казатися хозяїном в своем домі, вѣчно должен уїдатися, если желает какой-нибудь порядок в домі держати. Сварися, либо терпи...

¹ **З свѣтлом** («съ свѣтломъ») – то значит, из дачим, што може стати причинов пожара у стайні, наприклад, «из свѣчков» авадь «из каганцѣм» (зазначка вишорителя – В. П.).

– Да ты и не можеш на все сквозь пальцы позирати, – подстрекивала его дальше женщина. – Что много – то много; и прошлой неділі дважды был пьян, к тому выбирает свой оброк всегда наперед. Если будеш проглотывати все без замічанія, етот подлец подумает, что діла его хорошо ведутся, и спортится зо дня на день еще горше. Впрочем, и совість внушает чоловіку заботитися и нравственностью его. Хозяїн – все таки хозяїн в своем домі, пусть что будет говорити світ, мы тым не станем утруднятися. Хозяїн в своей хаті – голова; так если будет презирати распустность челяди, то должен будет отвітати пред Богом и людьми. Для того говорю тебѣ: что как скоро одзавтракаем, то вычисти же ему хорошо зубы, – додала заботливая хозяйка з натиском.

Андрей-хозяїн терпливо и преспокойно выслушал бесіду жены до конца. Он был чоловік кроток, миролюбив и хладнокровен, не любил ссоры, да не терпѣл такого шума в своем дворі, который бы и сосіды могли услышати. Домик его, как бы любая часовня, стоял в тини вишневого сада, одсюда в сосідский двор не было иного голоса слышно, развѣ бочанія рогатой его скотины. З женою жил мирно, в любви и согласіи, челядь никогда не бранил вслух, но в духі кротости и ласковыми словами, а бывало кто уж чресчур провинился, когда чаша терпінія переполнилася, такого хорошо наставил в четырёх глазах². Но и то ділал спокойным тоном, по отцевски, не выкрикивал, но представил пошлость преступленія, исчислил всі могушія од сего произойти злыє послідствія, и внушал оставити заблаговременно гріховную стезю: а ето все – так обдуманно, хладнокровно, что етого никто из челяди не знал, ибо послі наставленія миновала уж всякая гореч да волненіе з твари хозяїна. Такой способ вразумленія порядочно имѣл свой успіх – ибо діялось то наедині, по отцевски и з недосадою... Вот какое вліяніе имѣет на развращённое сердце самообладательный и смирный характер – чоловік и не вообразил бы.

Как скоро хозяїн и слуга встрітились в хліві, то не обмінялись и словом: хозяїн занимался своїм ділом, а слуга лише охал. Из хаты стали звати к завтраку, хозяїн подошел к колодезу и умыл руки. Иван уныло влачился около конюшни, стыдился войти в избу, да и тяжело бы был пошел, если бы была его сама хозяйка не пригласила поименно.

Иван сидѣл у завтрака, понурих голову. Он стыдался синіх пятен под лбом и красной (червеной), как рожа твари. Но познее раскаяніе – не идет впрок. Лучше стыдаться дотолі, доколі не совершили преступленіе, лучше прежде обдумати діло – как послі красніти в виду содіянного преступленія.

2 Глаза, фактично «глаза» (російськ.) = очи (русин.) (зазначка вишорителя – В. П.).

Над трапезой не позволялися никакіє намёки на счёт Ивановых «штемплей», даже и обі (впрочем, своевольные) служанки, не сміли улыбаться, ибо хозяїн да хозяйка кушали в молчанії и держались серьёзно. Послі кушанья служанки стали посуду выносить в кухню, Иван, став зо своего міста и покрыв голову шляпой, убирался вон из комнаты.

– Поди-ка сюда, мой любезный Иван, имію з тобой короткую бесіду, – сказал хозяїн и ввел своего слугу в переднюю комнату, гдї хозяїн усілся возлі стола, а слуга остал стояти при дверях. Бідак так выглядал, как невинная овця.

Иван был парень красив, здоров, силён и єдва числивший 20 годов од роду, но в чертах его проглядывала кака-то угрюмость, не всказывающая на мягкое сердце и кроткую душу. Понурый взгляд ділал его ніськими годами старіє.

– Иванку! – так начал хозяїн – єто так дальше не может идти; что много – то много: ночные твої кутежничанья да дерзости неистерпимы. Я свой скот не могу на такого человека поручити, который непрерывно подхмілен. Свічу нельзя такому человеку дати в руки, который и то не памятаєт: по воздуху ли, либо по землі ходит; к тому ты куриш трубку, а то не тайна, что много домов од трубки превратилось в пепел³. Я понятия не могу, что ты задумал? Для чего не вступиш в себя и не помыслиш, к чему поведет таковая жизнь...

– Я еще никого не подпалил, да и работу свою исправно кончу: єсли пью, что кому до того – пью на свої деньги, – отвітил з досадою слуга.

– Єто правда, мой Иван, что свое пропиваєш, но видиш, все таки ты мой челядник, и єсли єто так будет водитися з дня на день, люди наконец скажут: «А вот єто слуга Андрея, ну позволяет, же єму хозяїн єго погибати... Ну, каково сердце у єтого хозяїна?». Правда, что хату мою еще не зажєг, но может и то случитися, никто не знает все вперед. Как мог бы ты покойно спати, запалив над нами дом, а я, жена и діти погоріли бы в огні? Что касается твоего труда – он, сын мой, віруй, не много стоїт. Днем спиш между скотом, так что не видиш, не слышиш, да не чувствуєш; при-тащився домой около полуночи, вызираєш, как страшило. И теперь, как выглядываєш? Что жалко становится позріти на твої синяки. Знаю, что снова был у той бесчестной и у ней провел ночь.

– И то неправда, ибо я у никакой бесчестницы не был, да и не нуждаюсь в любовницах. Єсли же вы недовольны моїми поступками, то выплатите мою надлежину, и я хоть сейчас оставлю дом ваш. Нынїшным

3 **Пепел** (російськ.); автор мав на гадці семантичний одповідник – слово из русинського языка «попель» (зазначка вишорителя – В. П.).

хозяевам и Бог не постарчил бы довольно работати, все одно – хоть и урвешся. Плата все меньше и меньше, пища и хуже и скупіе, наконец придется ловити хрущи да мыши, если захочется мяса їсти...

– Иван, загради собі рот, так не будем говорить. Проспись прежде, тогда иначе будеш мыслити и говорить. Віруй, сын мой, од сердца жалію тебя, из тебя мог бы хороший человек статися, да я и думал сперву, что поправишся; но одколи стал пьянствовать, человек едва скажет слово, верх всегда твой. Ах, Иван, Иван, приведут тебя еще в пагубу ті развратницы!

– Ну, и какіе развратницы?

– Думаєш, что я не знаю, что ты волочишся к Пелагеї Кудрявцевой? И весь свой заробок на неѣ-то накладаєш? – отвітил Андрей-хозяїн. – В двух уїздах не сыщеш равной ей в подлости. Хата ей подобна голубятнику: один внутрь – другой вон. Пред всяким она лжёт, что лише его любит самого; а потому если станется что-то, не на твою ли шею навяжет свою бесчесть? И что станеш в етом случаї ділати з ребёнком, когда и на собственную гортань не старчиш? Ей, Иван, Иван! Говорят тебї: опамятайся, развратной, пьянственной жизни злой конец! Теперь иди з Богом! Но если не раскаєшся, иди себї куда хочеш, и боліе тебя не терплю. Вот тебї восьмидневный срок для россужденія.

– Не надо мнї и восьм дней – хоть сейчас исплатите чим одолжены, – ворчал Иван, выходя из хаты, но хозяїн «невосхотї разумїти».

Когда Андрей-хозяїн вышел вон, первым вопросом супруги было:

– Ну скажи-ка, что говорил ему, а он что отвітовал?

– Теперь нельзя еще убїдити его, скоро разгорячивается, лучше было завтра брати его «под грабки», когда вытрезвился из подхміля, когда не будет шрегом. Восьмидневный срок назначил ему к размышленію, увидим, как тогда нагадается.

Иван сердито, з надутою тварью оставил комнату своего хозяйїна, негодую на бесправное з ним обхожденіе. В хлівї помітивал упряжью, копал в все, что попалось под ноги, бранил, лаял страшно скотину, так, что на головї хозяйїна дыбом волосы вставали, но хозяїн все терпіло⁴ зносил, а лиш иногда ублагательно подмітил: «Ну-ну, Иван». Стал носитися и на прочей челяди, думая, что зачим прочіе не были выбранены, то уж всі стоят на сторонї хозяйїна, слїдовательно противу него враждуют. Всякий выступался ему из дороги, так и не было до кого уवादитися.

Помалу вышумїл ему из головы паленчанный газ, вытрезвился, но

4 **Терпіло** («терпїло») = «терпеливо» (російськ.), «терпяче» (русинськ.). Видав, иде за авторськый неологізм, причинов чому было не в ушиткому доброй знатя російського языка (азначка вишорителя – В. П.).

всі составы тіла стались як бы задерев'яніли, неначе одрубання вітьв дерева, а то не лиш тіло страдало, но и дух унывал да болілі... Над чим прежде любил засміятися – теперь над тым горевал. Боліло у него – и душа, и сердце...

Пока шуміло в голові, дотолі гнівался, ругал на хозяйіна, но как скоро протрезвился, то сам собі стал ділати упрёка. Уж больше не роптал на газду, обличившего его из-за пьянства, но гнівался сам на себя, упознавши себя провинившимся. Пришли ему на память оныє 10-ици (кварти) вина, которые прошлого вечера, з разными світовыми волоцюгами пропил, за которые 14 днєй придется ему кроваво потитися. Проклинал корчмаря, столь щедро дававшего. Пришла ему на память и Пелагея Кудрявцева, и то, что говорил об ней его хозяйін. В сознанії и виду всего этого холодный пот покотился ему по челі.

– Да, хозяйін прав, – начал раздумывати, – что ета Пелагея не только меня самого любит. Да відь я уж дважды застал у ней чужих мужчин. Можно, что они иміли у ней свое діло – да и Пелагея говорила, что была по ділам. Авось Пелагея права... Разуміється, что у ней ніт наміренія меня обольстити... А впрочем, кто знает? Ах, как лукавые всі дівушки! Однако не хорошо од неї, что з Федором Лукашиным затворенною єї нашол в избі. Так, я покину єї, не пойду к ней никогда, пусть останет собі, не буду віровати больше, – так раздумывал Иван, а тут вдруг по той стороні частокола (плота) показался лик какой-то дівушки, увидів которую, Иван, поспішно скочил в хлів. Да уж правда, хоть бы и хотіл єё посватати, нельзя, ибо ніт при душі и сломанного шелюха. К тому задолжен еще и у портного, ніт белья⁵ – всего только дві цілые а четыре изношенные сорочки. Старчил бы только на себя и свої долги зарабатывати, а не еще иго брати на плечи.

Так рішил наш герой и, увидів, что Пелагея ушла (ибо она была), ялся за свою работу. Бездячен, не доволен был и з собой, и з всім человечеством, даже з всім миром. К никому не озвался з ласковым словом, а лиш ворчал, как надутая лягушка (жаба). Увірял сам себя, что хозяйка нарочно варит безвкусные їдла, хозяйін неправо обременяет его трудною работой – и мстилсЯ немилосердно, над ким? Над скотиною...

Если теперь хватило бы у него денег да не побоялся встрітити на улиці Пелагею – то уж непременно пошел бы прямо в корчму, дабы там заліяти тоску жидовскими помоями; но доколі ніт денег, то сиди дома. Если кто впросит: «Почему так скоро угасла любовь Ивана к Пелагеї?»,

5 Бельё («бѣльё») (російськ.) = спуднина (русинськ.) (азначка вишорителя – В. П.).

тому ми відповім, що Іван ніколи її не любив. Он к тым молодцам надлежал, которые из чванства зараніе начинают волочиться за дівками, которые опрометью и не обдумав послідствія бросаются в ров гріховных сластей, которые, наподобіе мухи, облетывают зажжённую свічу и сами собі осмаливают крыла. Но как скоро кто-нибудь укажет їм на плачевные послідствія безнравственной жизни и сами узнают весь вред її, то они вскорі опамятаються!

Андрей-хозяїн и его супруга ничуть не заботилися Ивановым ворчаніем да гнівом. Притворялися, будьто видіти – не видят, слышати – не слышат; хотя иначе внимательно слідили за всіми его поступками.

– Этот молодец, – сказала Єва, супруга Андрея, – очень разгнѣван, можно, ты его чресчур выбранил?

– Ніт, солодка! Но Ивану стало совістно, гнівится сам не себя, а мстится над другими. Єще раз вычищу ему зубы, а то в слідующее воскресенье.

– Не буди столь жестоким относительно его. Иван не послідній єще деньщик, а, впрочем, кто знает, получим-ли и такого? – ублаживала супруга мужа, который лиш казался разгнѣванным.

II.

ОДНО ПРЕКРАСНОЄ ВОСКРЕСЕНЬЄ НА СЕЛІ

Чисто, безоблачно и восхитительно засіяло багряное утро из суботы на воскресенье, как бы этот Господский день в золотую утварь хотіл облечися. Темнозеленая трава колыхалась под тяжестью оживляющей росы, а луга изливали благовонный пар по всей окрестности. Пернатные⁶, неначе небесный хор ангелов, піли Творцю славословіє. Не лиш человек, но и вся природа сего дня праздновала.

Андрей-хозяїн вернулся из заутрени, которую как истинно русский, православный христіанин никогда не проминул. Что больше, ставал єще на клирос и вмісті з півчим воссылал хваленіє небесному Отцю – теперь по скончанії утреннего славословія из церкви прямо одправился на свої нивы. Сердце его было релігійными чувствами преполнено. Так спіша спорыми шагами по плодоносным своїм ролям, угобзающимся богатым урожаєм, сердце начало трепетати, и он, инстинктивно бросив на землю

6 В оригіналі было напечатаной так: «пернатные животные». Видав, иде за не в ушиткому доброй знатя російського языка (зазначка вшорителя – В. П.).

ширококрысую шляпу и дымящуюся трубку, пал на коліна, смирился пред Великим Творцем и послал Єму во воню утреннего славословія вот какую, импровизованную молитву:

«Отче мой небесный! Всякое животное, всякая трава Тебя одного восхваляет, как своего Создателя... Можно-ли, чтобы я, видя сіє, не подвигся к твоєму хваленію и оставался німым? Ніт! Хвалю Тя, благословлю Тя, кланяюся Тебѣ великія ради милости Твоея... Буди имя Твое благословенно од ныні до віка! Я, жена, діти Тебѣ хотим служити – не одрини нас од лица Твоего. Бідны мы всі, но сердце наше полно благодаренія к беспримірному милосердію Твоєму!».

Так молился благочестивый селянин, но когда пришел єму в голову Иван, его деньщик, которого Бог одарил силою и здоровьем, но на которого он забыл и Єго дары злоупотребляет, сердце сжалось у него од тоски. Долго раздумывал над тым, как бы его навести к Богу? Етот добрый хозяїн дорожил своєю душой, для того на сердці єго было и спасеніє ближнего.

Вот какий человек был наш Андрей-хозяїн, заслуживающий, чтобы шляпу пред ним снять, ибо не каждый господарь так думает, а то одна из главных причин безнравственности нынѣшнего віка и душевной порчи нѣкоторой челяди.

Разговаривая так в молитвѣ з Богом, Андрей позабыл, что дома ожидают єго з завтраком.

– Скажи-ка, з ким проболтал время? – спросила єго жена, когда переступил порог. – Уж завтрак давно готов, но за тобою всегда надо ожидать, – додала, как бы негодуя Єва.

– Разговаривал з Богом, любезная! – отвітил серіозно хозяїн, од которого отвіта у Євы показались на глазах слезы.

Послі завтрака хозяїн прервал молчаніє вопросом:

– Ну, а к св. обідні в церков кто из вас пойдет?

– Я сама хочу идти, для того пріоділась заблаговременно, – отвітала домовладычица.

– Матушка! И мы идем, – кричали даже малютки. Но Иван и обі служанки молчали, как рыба в водѣ, а на запрос Андрея «А вы не идете?» стали всі троє извинятися. Хозяїн рассердился.

– Уж єто прескверное діло, что волочитися по ночам, бігати в корчму у вас достает времени, а в церков – ніт. До полудня хоть и не трогайся з міста, а уж послѣ полудня – хоть бы выстрѣлил из пушки, – так что єдва дождется человек вашего возвращенія, – сказал хозяїн сердясь. – Ето не хорошо од вас, что только плоті угрождаете, а на душевную пользу и не внімаєте. Повірьте мні, что хозяїн к такому челяднику и довірія не может

иміти, который к Богу студений, ибо кто Богу невірєн, как может быти к чоловікам вірен?

– Так и не попусти, щоб остались дома, – замітила супруга.

– А так, если всі поїдем в церков, то кто останеца варить обід? – возразила одна из служанок.

– Обід наварит моя Лізинька, – сказав хозяїн, указав на двінадцять-літнюю девушку, доч свою. – Пусть свыкнется з трудом зараніє; скорше научится, если чоловік всю заботу ей самой предоставит. А ты, Иван, тоже останешся дома вмісті з мной. Бог простит нам ето замедленіє, поїдем в церков в слідующее воскресенє. Днесь отелится корова, и я не любил бы, щоб в ту пору никто не был дома.

Хозяйка сей час замітила, из-за какой причины хочет остатися з Иваном дома хозяїн, так и не прекословила, а веліла сей час одіватися служанкам и вмісті з ней одправитися в церков.

Служанки повиновалися и разом з Євою одьїшли в церков. Между тым, когда всі одправились в дом Божий, а лиш троє душ осталось дома, нечаянно прибыли гости: ето был мельник и мельничиха из сосіднего села, послідняя была родною сестрою Андрея, а первый – шурином.

Челядь возвратилась из храму, началась пирушка; хотя не во время прибыли гости, а были радушно пріяты и угощены.

Послі одшествія гостей в сам вечер Андрей-хозяїн подошел к хліву, дав на знамость слугі, что наступающую ноч вмісті будут сторожити, так как корова непременно отелится. Напрасно утверждал Иван, что сосідский слуга прирек к нему придти, они успіют и сами доглянути корову, пусть хозяїн не тревожится, но и Андрей, в свою очередь, близорукий не был; и он проник сквозь сито – так должно было статися по его волі.

III.

НАСТАВЛЕНІЄ ПРИ СВІТІ ЛУНЫ

Ноч была прекрасна, холод весны з теплотою літа слиялися в одно в прозрачной ночной атмосфері. Звїзды, как небесные лампы, ясно сверкали в непостижимой, синей дали. Луна, как небесная царица, в всей своей полноті сіяла на небі. Везді распространялося молчаніє, как бы вся природа вымерла, а только оддаленный грохот запоздавшогося воза нарушал ночную тишину.

Хозяїн и слуга завісили в хліві зажженную лампаду, сами же усілись

на приспі хліва, запалили на трубку и стали вникати в синюю пространь небес.

– Ну, на чѣм же остановился ты, брат мой? – прервал молчаніє сам Андрей-хозяїн, когда уж довольно напозиралися в ясную тварь полной луны.

– Уж хоть бы пошол, хоть бы лишился у вас, – отвітил Иван, но не сурово как прежде. – Но если хотите, хозяїн, то могу и остаться, – додал слегка.

– Хорошо, молодой пріятель! Відь же я не прогоняю тебя, но знаєш, оно то все таки непорядно идет, что когда я в своем домі скажу слово, то верх всегда твой, затім всю неділю ворчиш, вызирая так, будто весь округ хотіл проглотити бы.

– Та же я не виноват, что Бог посітил мя столь гнівною тварью. А тому, если и яростно позираю, то ето не относится до вас, хозяїн! – сказал Иван. – Видите, – додал по хвилі, – я сирота вічний, а то еще слуга, я не имію никого на світу білом. А так лиш для того, чтоб неустанно робити, неначе скотина? А если из горя иногда и выпью лишнюю чарку, то уж хоть убей? Видите, хозяїн, ето-то болит меня.

– Сам ты, сын, причиняєш болізню ету собі, – отвітил хозяїн. – Который молодой человек запутається в сіти особ легкого поведенія, таковый сам собственными руками копає могилу властному же щастью. Знаю я, что всякий тым льстит собі, что в біду попадетсѧ не он, а другой, и если раз, два обойдет еѧ, третьего раза непременно увязнет в болото. Пока его не постигло еще злополучіє, дотолі только смієтсѧ из всякого совіта и предостереженія; но как скоро поскользнулся, иных обвиняєт, почему не задержали его пред пропастью. Відь же нельзя никого за волосы воздерживати. Не правда-ли, Иван? – сказал хозяїн, взглянув пристально слугі в глаза, – ты уж стал понимать, что правду я сказал пред пару днями, так как всю неділю обходил Пелагею? Видиш, сынок, ето-то обстоятельство было причиною твоего цілонедільного гніва, хотя ты без того мог и обойтись, я даже говорю тобі, чтоб то больше раз не было, ибо я не люблю видіти в своем домі угрюмую личину.

– Ну и что ж нехорошого выконал?

– Ей, но уж разві можеш доказати, что, мол, пьянство богоугодное діло? Что дружество з Пелагієй не противно десяти Божїм заповідям?

– Суть люди еще горше меня!

– Можно, что суть, но один плохой человек не зділаєт другого лучшим, и если другой больший пьяница, негодай, развратник и подлецъ, то прото ты нелучший, один ворон – другой ястреб, один девятнадцать, а другой без одного двадцать.

– Так уж и невольно чоловіку нікогда повеселитися, развлечися?

– Ах, Иван! Вот рассуди сам: развлечение-ли это, когда человек вследствие его цілую седмицу принужден дутися, упорничати и безвдячным показыватися? Какая ж то забава, которая в силі всю жизнь огорчити? Чёрта стоїт, братецъ, такая забава! Не возбраняю, чтоб не забавлялся, но буди разборчив в роді забавы, ибо люди и по тому уміют познавати человека, каковую он забаву и услаждение любит.

– Легко вам, хозяйіну, совітовати, у вас єсть хороший дом, скотина, добрая супруга, изрядные діти... Вы имієте чєму радоватися, да и я сам, будучи вами, и не поглянул бы на Пелагею Кудрявцевую, вонючую корчму Шандлі. Но так... что ж я, бідный слуга, у которого нїт ничего, о котором никто не заботится, отецъ-мати рано вымерли, сестры суть, но и не позирают на меня. Чему и жиєт такой человек на світі? Буде занедужает – черви его зїдят... помрет – вынесут на кладбище, неначе животное... никто не пролиет над ним слезу... Ах, почему не погиб, будучи еще ребёнком! – додал Иван, и дюжий, кріпкий, жестоковыйный юноша расплакался, как грудной младенецъ.

Хозяйіну понутру было это раскаяніе, этот плач; всякая слеза, скатившаяся з глаз «блудного сына» этого, казалась єму небрушенным⁷ алмазом⁸.

– Не унывай, сын мой, еще ты не на только окаянєн, как думаєш, – стал Ивана утішати его хозяйін. – Прежде всего лишись выступной, развратной жизни – и я быюсь об заклад, что из тебя будет еще человек. Видиш, многим людям помог уже Господь Бог, у Которого и столько не было, сколько у тебя, когда родился в Вифлеємских яслях. Много было людей еще бідніє тебя!

– Родитися бідному, а потому одразу збогатіти – это щастіє не каждому дано.

– Ребяческая бесіда! Как можеш и желати, чтоб был щастлив, когда весь твой доход либо пропиваєш, либо на блудницы израсходуєш. Я еще не виділ такую копійку, которая, выброшена раз из кармана, назад бы сулилася. Это уж сама наибольшая ошибка, что хочеш на силу увіритися, что ты убог, таким должен быти и оставатися. Віруй в противное, а віра твоя не одщетится⁹.

7 **Необрушенный** – *факт.* «небрусєный» (*русин.*) = «гранєнный» (*російськ.*) (*зазначка вишорителя* – В. П.).

8 **Алмаз** (*російськ.*) = діамант (*русин.*) (*зазначка вишорителя* – В. П.).

9 **Не одщетитися** (*церковнославян.*) – не лишити себе чого-сь (*зазначка вишорителя* – В. П.).

– Ну, ето уж никак не понимаю, каким образом збогатіти бы мог? Відь жалованье мое едва довліет на платье, к тому суть у меня еще и долги, что же останется теперь про чорный день?

– Боже ты мой! Развѣ не стыдно столь молодому парню, поєдинокому признатися, что мол у него и долги суть? Таким образом завтра ты можеш пойти з котомкой. Нїт, Иван! Ето доліе уж не может так вестися! Еще есть время, а говорю, что жаль бы тебя было.

– Уж я все то говорю, что кто родился бідаком, не будет тот никогда графом!

– Если б ты, Иван, ходил в церков, там бы мог научиться од священника, как можно збогатіти.

– Ну и как можно? Что говорил священник?

«Всякий человек одарен Богом двумя большими капиталами, значительные одсотки приносящими; один из етих капиталов – ето способность, а другой – время. Пользуясь ними благоразумно, осягнути можно так настоящее, как будущее блаженство. Если у кого нїт той почвы, на которой здобность свою мог бы развинути, а время благоразумно, полезно и цілісоотвітно употребити, тот пусть ссудит взаїм свою здобность и время за извѣстные одсотки такому человеку, у кого много работы, но мало способности и времени: а ето называет службой. Жаль, но так стоят діла в настоящее время, что многіе служивцы настоящим горем почитают службу, а хозяїна – не иначе как врага и притїснителя: из сей точки зрїнія полезным считают чим меніе работати, чим больше времени в праздности провести, проспати да проболтати, к тому, хозяїну невірными быти: грїх ето на всякий случай, ибо тым они обманывают человека, которому взаїм дали свою способность и время. Но как всякое віроломство само себя наказывает, и ета невірность иміет свої плачевные результаты: ибо кто не спріяет своему искреннему, тот и сам себѣ невірєн. Что ділаєм часто, то незамїтно примем в обыкновеніе, чего едва можно стрястися. Если который-нибудь челядник неустанно к тому стремится, чтобы чим меніе работати, постоянно ворчит, роптает, когда хозяїн что-нибудь приказывает – на столько привыкнет к таким беспорядкам, что на конец и сам себѣ плохо работает. Если такий лїнтяй оженится, станется лїнивцем, негодяєм, недовольным, а наконец нищенствующим. Так он всі злые слїдствїя етого подлого обычая, как-то нищету и неудовольствїе, потащит з собою даже до гроба, а од гроба к судилищу Божїю.

Оглянись только вокруг себя, сколько увидиш людей, влачащих жалкую жизнь свою з ущербом товарищества и живущих как бы в поруганіе Провидїнія; таковыє люди суть живым примїром тому, что невірство отмщает само себя. Кто навькнет трудолюбїю, он снискал себѣ заслуги у

человічества; которая заслуга пусть побуждаєт нас к діяльності даже до гроба и поощряєт, чтоб всякое слово и діло было в славу нашего имени. Эта слава, ето имя отворит либо затворит пред нами сердца сограждан наших, зділаєт почитаємыми либо презрінными. Пусть как ни будет кто мелкий, єсть у него свое имя да честь, но которой міряют нас люди. Хорошая слава парит на орлиных крылах, снискивает пріятелей да друзей, цінность нашу убольшивает, імініє спорит, а наконець Царствіє Божіє нам пріобрітаєт».

– Вот так говорит наш священник: «Для того знай, брат мой, кто вступит в службу, пусть не позират єё рабством, а хозяйіна – палачем; но первую как время науки, а посліднего как од Бога назначенного опікуна, учителя: ибо что было б из тех, у которых только силы и времени достает, если б люди не дали им занятіє и возмездіє?»

– Так, можно, что поп и правду имієт, да и вы, хозяйін! – отвітил Иван уклончиво. – Но неужели нельзя ни разу бідному чоловіку погуляти?

– Брат! Я уж сказал все, что сказати иміл. Теперь уж знаєш, каким образом можно из ніщєты выкарабкаться и статися богачем. Віруй етому, и з временем будєш щастлив и доволен; но только так, если етому кріпко віровати будєш. – И тым заключил Андрей-хозяін ночное наставленіє.

IV.

ПЕРВАЯ ПОБІДА

В слідующіє будні вся челядь занята была полевыми работами. Андрей-хозяін будучи вмісті и сельским старшиною, заботясь и общинными интересами, єдва иміл и на часинку досуга приглянутись за челядью, и з Иваном пару словами обмінятися.

Бывало прійдет к вечеру домой, супруга не может довольно нахвалитися Ивана, как приліжно работал он весь день, во сколько бывал кроток, німен¹⁰, скоро хотіла что-то приказати, оно уж и зділано... Андрей-хозяін од сердца радовался такому повороту діл и зо дня на день оказывал слугі больше довірности и благорасположенія.

Да подлинно, ничто не падєт так горько домовладыкі, как когда вечером утружден возвратится домой, тут обрящєт вывернуто все вгору ногами, хозяйка не может довольно нажаловатися, работа и вполовину

10 **Німен** («нѣмень») – годно быти, же од слова «німый», то значит «тихий» авадь «мовчаливый» (зазначка вишорителя – В. П.).

нескончена, а что и скончено – это лишь так, что скоріе пусть осталось бы было. Дійствительно, не роскош слышати жену до полуночи жаловатися на прислугу, что служанки відповідають, ворчат, что слуги лінтяї и что, если еще раз подобное искусит, пойдет себї світом... Больно падаєт хозяїну, когда вечером приближаясь к дому, слух его поражает изнутри выходящая кутерма, шум и звада, и все это должно его сильно огорчати; между тем, когда он желал бы себї, переступая порог скромной своей комнаты, встрітится з лицами веселыми, довольными. Вмісто того, он встрічаєт зваду, непокой и беспорядок.

Наш Иван вслїдствіє послїднего наставленія при світі луны совсїм иным человеком стался, в жилах его новая кровь кружила. И сам даже не знал одчего и почему? Он, віроятно, разбираєт слова хозяїна – и убїдился, что хозяїн прав. Утішала его уж та самая мысль, что он не для того створен, чтоб вічно оставался жалким, презрінным слугой, но может быти еще свой хозяїн, самостоятельный человек. Упознає даліє и то, что этого доспїти нельзя кутежничеством, но работою и трудом. Дивным казалась ему річ хозяїна, что чим вірніє слуга к хозяїну, тем больше барышей снискаєт, и кто к другому благосклонен – себї благосклонен. Распамятался на прожитые приміры тых несчастных слуг, которые дослужились собственного хозяйства и прожили остальное время в мирі и удовольствїї.

Лиш одно не входило ему в голову, что он когда-то доживет денег, станет зажиточным; это казалось ему недостижимым. Все жалованіє состоїт из 40 зол., 2 пар белья, 1 шуба, 2 пар сапог – и это все-на все. Теперь, если все счислиш, большую часть из платежа уж выбрал, 20 золотыми задолжен. Каким же образом можно кое-что на бок одложить? Доселі и жалованья еще мало было, а теперь и долг плати... и на бок одложи... это невозможно! 20 зол. нужно на долги, 20 зол. на верхнее платье – это 40 простых зол. Затїм шляпа, шапка, пара белья – это 10 зол. Останется только 50 простых зол.; теперь на водку еженедільно 25 крейцаров, так ежемісячно 1 гульден. А табак? А музыка? Останется нула.

Стал считати сизнова, никак не выходит. На бок нельзя и копійки одложить, ибо из водки никак не хотїл спустити.

Одного послїполудня косил наш Иван команицю для коров. При етом занятїї, облокотившись на косу, считал в умі свої прїходорасходные счѣты.

– Нельзя, никак нельзя! Не выходит! Легко хозяїну совітовати, ибо сам не пробовал, – а уж тут одразу вдарил ему в слух чужой голос: «А, ты косиш?». Иван, прочнувшись из задумчивости, обернулся назад.

Пред ним и стала Пелагея Кудрявцева, и, как бы змїй укусил его, з страхом поглянул на дівку.

– Я думала, что ты недужен, что не поглянеш к мні, всюды подсідала, но никак не пощастилось видіти тя. Полно, я не могла доліе выдержати, виш, и їсти не могла. Но уж только теперь, увидів тя здоровым, пришла к себї. Ей, Иван, Иван! Скажи, почему не был у меня уж почти од двух неділь? Етому причиной, не так ли, кто иной... Цїлыє ночи просиживала бессонно, ожидала тебя, бывало постучается, кто на дворї – я уж бігла к дверям, ко окну, но все понапрасну! Признайся, почему не приходил? – сказала Пелагея, подбоченив толстыми руками бока.

Неначе бы гром разразился возлі Ивана, как был напуган. Хорошо ему извістна была Пелагея, відал, что виноват з ней. Каким образом сказати бы ей теперь, что уж больше не посітит её.

– Вопросаюсь, почему не приходил уж од двух неділь? Ге?

Иван что-то пробормотал под носом: о какой-то недужной лошади, тілной корові, но Пелагея ему перебила:

– Ніт у меня досуга тут з тобой препиратися, но буду тя ожидать к вечеру, понял? Днесь вечер.

– Не могу навїрно обіщати. Хозяїн поїздил з коньми в город, надо его ожидать, и наколи накормлю, пооброкую, напою лошади, будет уж так поздно, что на столь короткое время и недостойно трудиться...

– Ей, гей! Неужели бы урвался? Ну если бы и сам хотїл, умїл бы надобыти времени. Ето все изворотливые выдумки, ибо, как вижу, за что-то нагнівался, либо наговорили ти голову. О, знаю я хорошо, что пряники Феді Палагуцы одлучают тя од меня. Погоди-но любя Федя! Почешешся и там, гдї не свербит, как скоро возму тя под свой язык. А потому ты, не стыдишся ли за едакою плюгавкою волочиться, пестраката, как прокаженна, красна как загорїлая труба, низенька как тридневный телёнок. Знаю я, к ней ты ходиш, к етому сельскому колодцу... Стыдися, лотер¹¹! Для того-ли любила тя доселі, чтоб теперь в нещастї оставил мя? Укажу я тебї, гдї клинцы куют. И зато мусиш придти, разумїл? Ну, только останись!

– Нельзя, кажу.

– Нельзя? И ето ты говориш? Неужели и так ты сам зо мной поступи-ти хочеш, как прочіе негодяї? Разві уж позабыли, что обітовали?

– Я не обітовал ничего.

– Ніт, не обітовал? А ето кто говорил, что если бы кого взял, то ето лиш меня?

– Не памятаю, или можно был выпивши.

– Не памятаеш? Ты злодїй! Не памятаеш? Но растворяю я у тебя память, повїса!

¹¹ **Лотер** («лотерь»), фактично: «лотор» (русинськ.) = разгильдяй, бездельник (російськ.) (зазначка *вшорителя* – В. П.).

– Пелагея, загради собі уста, чесно ти говорю!

– Ого-го, еще угрожаєш? Авось бы и ударил? Ану-ка спробуй! – сказала Пелагея, подставляя ему безстыдно то одну, то другую щеку. – Уже не здуріла-ли з таким пьяницей еще в бесіду пуститися? И на смітю найду такого парня как ты... Ну и какий же ты мні молодець, коли у тебя и трех крейцаров ніт в кармані? Коли ты все бельё покрал од своєї хозяйки, чтоб нею платала твої цуры. Я, Пелагея, которую легині называют ружою всего села, чтоб з тобою, волоцюгой, на одном загоні морковь полола? Я, за которую чуть не умирают хозяйські сыновья? Еще не їли, брат, дурные губы, пусть, что будет тебї говорити Анна Матяш. А потому я еще не такого могу получить, и то на каждый палець. Даже и в послідней нужді не притиснусь на тебя, – плюнула Пелагея в додаток пред ноги Ивана, который стоял, как остолбенілый. – Позирайся его, еще Федя Палагуца, ей Богу, попамятаст меня, Пелагею, – пусть не буду спасена, если не научу ей на тогес, как переловлівати любовника. Ану, приди-ка солодкий! Убіждаю тя лагодным способом. Слыши, еще раз вопрошаюсь, придеш-ли? Я тебя люблю, неначе свою душу... но если не придеш, то знай, з ким начал себї... довольно, я уж тебя больше не зову, неблагодарный!

– Не пойду, пунктум! – сказал лишений терпінія Иван гнівно. – Не иду, а останусь дома, жалію, что и доселі волочился за етакими нечестными особами! Теперь убирайся з Богом, довольно было и того.

Только теперь разразилася Пелагея громами. Боже, что она не накла-ла на бідного Ивана, ганьбила, проклинала всіх муштин, досаждала сама себї за легковіріє, что повірила на слово етакому оборванцу...

– Ну видиш, Иван! Я лиш тебя одного люблю, – шептала з плачем, – и никого никогда, как тебя, своего голубчика; и в воду готова была за тебя скочити, а теперь как ужасно терзаєш моє сердечко.

Ивана не тронули ни слезы ей, бросил косу на плечи и пустился до-мой, оставив давную посестру на косниці.

Можно подумати, насколько радовался наш Иван, что столь лег-ко удалось разорвати ціп рабства. «Пропади себї!», – стал он напівати пісенку.

Спустя нісколько дней, Иван з хозяйіном везли домой дрова. Путь їх вел возлі заїздного дома, а так как они, неначе и лошади утрудились, то оддых был нужен. Хозяїн позвал слугу в питейную, гді усілись за стол, повелів предложити корчмарю доброго вина. Наш Иван не дал много по-нукиватися. Вино развязало ему язык и он на возвратном пути рассказал свої походження з Пелагїей и случившееся между ними преріканіє.

– Хозяїн, так чувствуюсь теперь, как бы камень упал з сердца!

– Хороший ты молодець, сын мой! Изрядно зділал, одтеперь навірно могу сказати, что будет из тебя человек.

– Видите, хозяїн! Все таки мудра ето голова, наш священник. Много раздумывал я над его словами, много в тых словах правды, но однакож считати не уміет совсім удачно. Я єдва не сошел з ума, разбирая, каким бы образом мог что-то на бок одложить из своего жалованья, но если выйдем ничто од ничего – останется нич. Снова нич – и нич, ето опять нич.

– Ну, Расскажи мні подробніе о твоїх счётах, – сказал Андрей; и Иван подробно предложил ему свої счёты.

– Что зачислил на одѣжду, ето пусть будет так, ибо честное одіаніе необходимо порядочному человеку, но на счёт табака много зачислил, да и лучше было б, если бы одзвычаїлся од трубки. Наконец, что зачислил на счёт забавы, ето я не приял бы в твоїх счѣтах. Ну, ну, не дивися на меня так, как телёнок на новые ворота! Если только раз вникнеш в кабак, то уж не в состоянїи больше преодоліти себя, а так тринедільное жалованіе пойдет в карман Берки – и остался там, гдї бывал доселі. Видиш, я никогда не посіщаю корчму, и ето ділаю не только я, но и многіе. Представляю ти один примір. Однажды возвращались мы из Мукачевской ярмарки еще зараніе. Ето было около 3-го часа послі полудня. На пути догнал я какого-то человека, тоже особняком возвращавшегося из торга. Он изъявил свое удивленіе над скорым моїм поворотом. «Не люблю просиживати время в кабаки, ибо ето стоїт денег», – сказал я. «Да и я того правила держусь», – отвѣчал он и продолжал: «Начал я з ничего, кормил за больше годов отца да мать, но, славити Господа, єсть уж теперь у меня своя хата, виноградник, дві коровы. А ето все лиш тому благодарю, что никогда не ходил в корчму и не дал за попойку ни копійки. Теперь я щастлив, и если прїобріту один крайцарь, больше рад тому, как тот, кто десять промарнил. Скупым держат меня, не взирая на то, что многіе хозяева скоріе притиснутся на меня, чим я на других», – додал мой спутник. Затім не проминул еще научити меня таким хозяйственным сведеніям, коїм в великой мірі обязан нинішным своїм благополучіем. Так мысли и ты, брат! Посмотри хорошенько на копейку, прежде нежели єё выкинул из рук. Тогда и ты будеш щастлив! Жалуєшься, что много платья дереш... Да право, ночью горше рвутся сапоги, чим днѣм – ибо ночью, в потемках нельзя обойдти ров, камень. Таким образом, оставайся дома, а не волочися по ночам, ибо оставаяся, растет доброе имя, честь и хорошие нравы, которые убольшивают и жалованье твое, как я ето сказал уж прежде.

Между такими бесідованіями прїспіли они домой. Иван глубоко раздумывати не перестал над слышанным, слова бо хозяїна глубоко врїзались ему в память.

САТАНА СІЄТ ПЛЕВЕЛЫ МЕЖДУ ПШЕНИЦЮ

Нісколько неділь прошло з тых пор. Иван уміл воздержатися, что и не поглянул в корчму. Вмісто того порядочно бывал в церкви. Радовала душу его уж та одна мысль, что відь и он, человек, створен для спасенія души. Работа уж не казалась ему столь утомляющею, ибо не испортил свое здоровье и силы гуляньем в праздник либо воскресеньє, не был чрез неділю столь вялым да унылым. Андрей-хозяїн од души радовался етакomu обороту діл и оставался постоянно благосклонным к слугі.

Таковая переміна в Андрієвом слугі возбудила вніманіє или, пожалуй, удивленіє не только у сослуживцев, но и у сосідов. Между челядью обыкновенно так бывает, как бывало иногда между сыновьями патріарха Якова. Если замітят, что один-другой челядник вірніє, трудолюбивіє їх, а потому зато хозяїн его больше любит, то такого не перестают гонити, хулити, бранити, пока не выйдят его из дома, ибо боятся, чтоб хозяїн не зділав между ними сравненія, в котором случаі вся пошлость їх выйдет вверх, да еще станет требовати од них большого приліжанія.

Так сталося и з Иваном. Подсмійватися начали над ним его сослуживцы, прозывати разными именами, как лизуном, лестцем и пр., и многожды он, чтоб избіжати їх насмішек, присіл з ними, оставив работу. Так проболтали они больше часов, вмісто того, чтобы робили. Всегда за такую праздность Иван чувствовал угрызеніє совісти, какое то непокойствие! Уж сама та мысль непокоїла его, что хозяїн так благорасположен к нему, а однако ж злоупотребляет его добротою. Никак не мог позабыти слова его: «Кто для другого благосклонен – себѣ благосклонен».

Однажды быв в церкви, слышал од священника, что Бог запретил первым людям їсти од древа жизни, но сатана в образі змія увірил їх, что Бог будто из егоістического расчѣта зділав ето запрещеніє, что они если преступят ету заповідь, большую корысть снискают. Прародители увірили словам сатаны, за что поплатилися изгнанієм из рая, которого наказанія послідствия и мы чувствуем. Услышав еті слова, казалось нашему Ивану, будто в его душѣ два духа борются, один побуждает к добру, а другой к злу! А так как он не владіл еще довольною нравственною силой, колебался между добром и злом.

Оборот в его поведенію стал замітен и пред сосідами, а нікоторые злые люди, вмісто того, чтоб похвалити Ивана за его честность, стали проывать его дурнем, что в угожденіє иного готов урватися.

У Андрея-хозяїна был сосід Ігнатій Зеленко, ворождебно располонен к нєму, хотя етому повода Андрей нїкогда не дал. Етот Зеленко весьма умїл на сердце говорїти служебному люду, разумїється – в превратном смысли. А потому, будучи челоуїком коравым, пьяницею, не любїл нї порядочного Андрея, нї другого честного сосїда своєго. Он хорошо умїл челядь своїх сосїдов к себї прельщати, а своєю – всю живу честь непостижимым способом експлуатїровать (kizsákmányolni). Етот челоуїк нїкогда не облїчил свою челядь, что больше – хвалїл. И когда, похваливая, заставїл їх потїться в работї, за плечами смїялся над нїмї, как над безумцями. Он не любїл, когда челядь его внї дома проказнїчала, зато позволял в своем дому на всякія бесчїнства. Попустїл, чтоб служанка з слугою жїлї вмістї как муж и жена, жалованїе їх выдавал пред сроком, челядь начала задолжїваться у него. И етот долг был веревкою, за которую водїл їх за нос. Етому челоуїку клином было в голоуї трудолубїе и бережливость Андрея-хозяїна, а паче всего усердїе и прїязность к хозяїну Івана; и стал шутїти над нїм, когда по воскресеньям вїдїл его дома сїдящим: «Неужели попом хочеш бытї, братец? Или можно великий грїх у тебя на сердце? И хочеш одмолїтї его!».

Странное дїло, что многажды молодой челоуїк тым именно срамїтся, чїм величаться или, пожалуй, дорожати бы ему. Напрїмїр, стыдным кажется ему, когда говорят ему, а вот ты не так хорош собой, не красїв, не богат, как другїе. Но не стыдїтся, когда в глазах иных ест кутежник, волоцюгой и тым либо тым.

Подсмїїванїе Зелєнки, правда, оскорбляло Івана, но не могло к тому прївести, чтоб посїдателем кабаков стался. Ігнатїй Зеленко обернул подстрекательство з иной стороны:

– Повїрь мнї, брат, что много земель обошол, быв солдатом, но такого дурня, как ты, нїкогда и нїгдї не вїдал. Что прочїе слуги в селї в сравненїї з тобою? Они недостойны развязати ремень сапог твоїх. Ах, когда б ты у меня служїл, умїл бы как обходїться з тобою. Жаль тебя, что у такого негодя служїш, не умїющего цїнїтї тобою. Наконец урвешся ещє в ярмї. Хозяїн твой цїлыє дни просїживает в сельском домї, а на твоїх плечах все бремя дома. А потому, какое же у тебя жалованїе? Одной служанкї довїлїлоб¹²! Ну, что станется з твоїм хозяїном тогда, когда ты покїнешь его! И доселї только ты был душей дома, хотя довольно плохо кормлят тебя...

Такїе и подобные наушнїчества повергли Івана в раздумье, начал

12 Довїлїлоб (?!). Вїдав, туй проскочїла опечатка (зазначка вшорїтеля – В. П.).

голову вверх! Відь на нем же оснується¹³ все благополучіє хозяйїна. А особливо непокоїло его любопытство: что, мол, станется з хозяйїном, если он оставит его. Воображал себї уж оноє время, когда хозяйїн з хозяйкой з сложенными руками слезно умоляют его, Ивана, чтобы їх не оставлял, ибо они без него и существовати не в состоянїи.

Так овладїло їм самоувїренїє и он много стал полагати на себя. Да впрочем, иногда и сами образованнїише люди не чужды етого порока; и так, кто станет в зло вмїнати ето одному слугї, что не збросил коварного червя, ползавшего єму по ушам? Єжедневное порядочное занятїє почитал неправым угнетенїєм, благорасположенїє хозяйїна – потворством; со дня на день стал угрюмїє, недовольнїє, роптал ежечасно, а лукавый сосїд з злобною радостью приглядывался дїйствию яда, брошенного им в ум слуги.

VI.

И НЕ ВВЕДИ НАС В ИСКУШЕНІЄ!

(Молитва Господня)

Иван, не мога устояти козням дьявольским, одного вечера улизнул в корчму, когда поспїшил за ним и коварный сосїд, присматривавший за каждым шагом жертвы своей. Игнатїй Зеленко, поклонившись єврею-кабачнику, занял мїсто возлї Ивана.

– Хорошо здїлал, прїятель, что на часинку вырвался из етого мытарства погуляти и замочитися немножко.

Иван велїл Беркї дати себї полмїры водки и вмїсто отвїта сказал ле-стобрату:

– Пожалуйте, напейтєся.

– Вскорї минетєя, коль оба примемєя за неѡ, Иван!

– Єсли выпьєм, то налїєт Берко другую, – сказал слуга.

– Налїєт, налїєт, если єсть у вас денєг, – отвїтил Берко, – но такому человїку, которого раз в четверть года пригонит к мнї жаждущая гортань, не обьык на вїру давати...

– Ех, Берко! Не будьте чресчур точным, уж за Ивана заплатит и его хозяйїн, – возразил Зеленко.

13 **Оснується (!).** Видав, иде за авторський неологізм, причинов чому було не в ушиткому доброй знатя російського языка. Годно быти, же автор мав на гадцї слово «основывается» (зазначка вшорителя – В. П.).

– На хозяйіна его я не полагаюся, ей богу, ніт... ето человек мерзавецъ, считай-крупя, не дал бы и копійки за Ивана. Уж если бы Иван у другого служил, то хоть бы и в весь год заїмствовал ему, – додав важно.

– А так, наприклад, если бы Иван у меня служил? – спросил жида Зеленко, который, как подозревати можно, зговорился з євреєм, щоб бідного слугу уловити в сіть.

– Если бы у вас служил, то и денег бы ему ссудил. Что больше, если Ивану нужно теперь два три гульдена, то на ваше слово, пан Игнат, хоть и теперь могу ему дати, – отвітил сын Ісраїля, лукаво моргнув глазами на клеветра.

– Слышиш, брат, говори дотолі, пока на иное не надумался.

Иван не был еще настолько тверд, чтоб сейчас противопоставитися искушенію, и сейчас попросил у Берка взаїм 10 золотых валюты. А Берко хутко хватил за бумагу, чернило и в миг написал обязательное письмо зо стороны Ивана, на которое Иван начертал дюжий крест, а Игнат корамизовал¹⁴.

Єврей сплатил деньги, Иван вложил в карман и уж больше не знал человека на всем світі честніе, как лестобрат, а лукавіе, чим его хозяйін.

Но вскорі высунулся гвоздь из мішка, к сроку Берко вмісто десяти простых золотых (4 гульд.) стал требовати 10 гульденов. Зеленко за-присяг, что ей богу, столько Ивану єврей одсчитал – десять, а не четыре гульдена.

Чуть сердце не пукло у Ивана, когда 10 гульденов одразу приходилось положить Беркі, но поздніе радовался етому явному воровству, ибо ето было для него уроком, что, дескать, не всякому человеку віруй!

Снова обновил обіт, что впредь будет бережливіе и не заглянет больше в корчму.

Так минула и осень, длінные дни замінялись длінными ночми, коїх не проспшиш. Иван, особенно по воскресеньям и долгим зимным вечерам, пусть не здуріл зо скуки. Уж стал было раздумывати, куда бы одправитися на вечерні, чтобы хоть, по крайней мірі, авось бы вечера скорше промчались.

Плохо ето діється в больше наших сельских хатах, что гді численная челядь, там ніт особой для неї избы, в которой она могла бы проводить длінные вечера зимой и посліполуденную добу по воскресеньям. Служанки помістятся разом з семейством хозяйіна в общей комнаті – вмісті з хозяйкой прядут кужель, шиют и пр., но мужскую челядь, єдва одѣла, сейчас гонят в «стайню», ибо, как говорят, смердит од них табачною

14 **Корамизовати** – видав, иде за печатну хыбу. Правдоподобно, мало бы там стояти, подля контекста, иншакой слово: «закріпити», «закруглити», «авізовати», «потвердити» (*зазначка вишорителя* – В. П.).

золой (bagó), что несносно їх органам нюханія. И так жалкий слуга, заточен в хлів между скоты, гді в кромішної тьмі, если не хочет дремать и в бездійствіи как бы наяві снити, то принужден удалитися в кабак либо «прядки». Пусть себѣ подумает всякий: что должен в таком случаѣ бідный слуга ділати, когда ніт у него чрез всю зиму притулка, гді бы мог кое-что читати? У которого в весь год ніт оказіи заглянути хоть в місяцослов! И которого постоянное убѣжище – хлів, а содрузи – скотина?

Подумаем только хорошенько! Слуга тоже человек, позволительно ли хозяйну, етому опікуну челяди, допустить, чтоб слуга его сошел на степень скотины?

А ето неминуемо станется, ибо у кого не достает благородной душевной пищи, тот принужден прибѣгати к порочным плотским сладострастіям. Етакіе люди, выключенные из человѣческаго товарищества, принуждены искать какое-нибудь общество. Из каких же стоїт ето искаемое общество? Из таких же подобострастных человек, которых тоже вытѣснили из семейного кружка. В етаких то трущобах (lebuĵ) odbyваются найбезстыднѣйшіе, скандальные пісні, разговоры и собесѣдованія, которые всего болѣе развращают нравы, чим пьянствованіе. Всяк, кто воскресенье считает днѣм успокоенія од трудов, ужаснул бы ся, если бы пред ним промчались всѣ ті сцены, которые етого дня ночью за кулісами odbyваются. Вся ета нравственная порча часто одтуда происходит, ибо служебный клас в досуѣе время не располагает особным затишьем, гді бы наслаждался благороднѣйшим занятіем. Да, мы привыкли жаловатися на пошлость челяди и ей нравственный упадок; называем ей глупою, злобною, неловкою и бесчестною сволочью! Спрашиваю, что зділали для ей воспитанія, исправленія? Членами своей семьи позираете ли ей? Ніт, выгоните в хлів, зная, что кто з скотом живет, и сам скотиной станется...

То само бывало и у Андрія-хозяїна. Иван чувствовал ето довольно чутко! Любил бы был воскресенскіе вечера дома побыти, но чим же ему заняться? Время довольно долгое, неначе у циганина повинный день.

В одное воскресенье послѣ вечерни Иван стоял под стріхою хаты, раздумывая, как бы прогнати скуку. Одна нога уж направлена была в путь к корчмі, между тым надѣишол на него хозяїн.

– Ну, Иван! Чей прикован ты к приспу, что стоїш как закопан? – ослонил его вконецъ.

– Хозяїн! Тянет меня что-то и внутр, и вон. Два желанія борются, и ни одно не одолевает другим. О, если б кто избавил меня из етого недоумѣнья!

Андрей усміхнулся такой выходкѣ и любопытно спрашивал о причинѣ.

– Больно скучен, господарь мой! Любил бы куда-нибудь одправлятися для развлеченія, но не знаю – только одно місто, но из коєго рідко чоловік возвращается умным. Любил бы и дома остатися, но ради Бога! Чим займусь? Разві вік просиживай в стайні? Відь насижусь в ней довольно в всю неділю. Таскатися по дворі? Відь студено... Скажите хозяйін! Молю вас, что ділати?

– Який же ты блазен, Иван! – отвітил єму хозяйін. – Иди в заднюю избу, там ни віхор не дует, а довольно тепло, возьми в руки кое-какую книгу, хоть прошлогоди́чний календарь и читай. Не бойся, не укусит ты в руку.

– Знаю я, что сиділось бы там выгодно, уж однажды и пробовал, но позирали на мя так сьискоса, неначе на прокаженного.

– Гм, чудная вещь. Уж если я позволю, любил бы знати, кому ты в тягость?

– Да хорошо бы, – отвітил слуга и несміло пустился в заднюю избу, гді как чужинець здержано засіл возлі стола.

– Ну, Иван, вот тебї русскія книги. Выбирай, котора понравится, ты и читай. Вот здісь місяцослов, а тут «Добродітель превышает богатство», вот а здісь «Всемирная Исторія» Общества св. Василия. Читай, сколько душі угодно, – стал поси́лковати єго чоловіколюбивый хозяйін.

И Иван ялся горячо чтенія.

– Еге, гді усілся. Видиш єго право там, гді я чесатися наміряла, – замітила одна из служанок, а наш слуга робко одсунулся к другому концу стола.

– Ну, позирай єго, теперь уж там разложился, гді я гадала помолитися из «Хліба души», – подхватила друга служни́ца.

Не утерпіл наш Иван дальше а разразился грозно:

– У меня такое право посидіти в комнаті, как и у вас. Мні позволил єто сам хозяйін. Потому я думаю, что на столі приличніе быти книгі, чим гребіню, разуміли?

– Етого доселі не бывало в обычаї, и мы ей богу не будем нюхати твоей сальной кожух и запачканы штаны, смердящія навозом. Довольно того, что принуждены з тобой вмісті їсти.

– Го, го, екая делікатность! – отвітил Иван з іронією.

Между єтою баталією вошла в избу хозяйка Єва, но и она, услышав на чѣм стоїт кутерьма, будучи тоже женщиной, стала по стороні служанок.

– Честная хозяйка, послушайте, в свою очередь, да и меня. Повірьте, я и ногу не вложил бы был в комнату, если бы хозяйін не побудил меня к єтому. И если я такой терен в вашем глазу, то могу з богом и убраться. Ну, оставайтесь в здоровьи! – сказал Иван, пустившись вон.

– Ну, останись, Иван, останись, – подхватила Єва, услышав, что слугі хозіяін позволил засісти в общую комнату. – Но видиш, я не могу только то снести, когда слышу, что ссоритесь.

Звада утихла, но Иван так чувствовал себя, как бы был сиділ на бодяках; выслушав, ожидал удобного случая, чтоб улизнути из этого не-позволительного раю.

На дворі стрітился з хозіяіном, а етот сей час спросился, как провел время в общей комнате?

– Право сказав, я и не думал, любезный хозіяін, что з книгами так пріятно можно провести время. Но, к сожалінію, должен признаться, что многим был терном в глазах, – отвітил слуга.

– Лиш не выгнали из избы?

– Правда, на ділі и не выгнали, но дали поразуміти, чтоб больше не утруднял їх своїм присутствіем.

Андрей-хозіяін не сказал больше ни слова, но послі недолгого промежутка недовольно вошел в комнату.

– Уж, солодкий мужу! Прошу, не прогнівайся, – предварила его супруга, – я имію что-то на сердці. Чудуюся, как могло придти тебі на мысль позволить слугі, чтобы засіл вмісті з нами в общей комнате? Уж етого, прости, я не позволяю, ибо, что сказали бы гости, нечаянно к нам прибывшие?

Андрей-хозіяін до конца выслушал достойную свою супругу, а по тому заговорил:

– Любезная подруга! Теперь я буду говорить, а ты слушай, но и не гнівись. Видиш, Ивана я нашол стоящего под стіной. Раздумывал он, сарака, над тым, что ему предприняти противу скуки? Куда идти? А я, раз-жалившись над ним, посадил его в комнату. Солодкая Єва! Сама подумай: разві ето не гріх, когда бідному челяднику никогда нельзя взять книги в руку? Ходит он, «бідак», за юных літ в школу сельскую, научится читати и писати, но должен конечно все забыть, не упражняся в ничем. Видиш, зо временем он оженится, у него найдутся діти, но он, забыв все, не будет в состоянні їх чему-нибудь научити! Разсуди хорошенько, если челядник не будет дома иміти занятія, принужден будет искати безнравственных товариществ. А, солодкая, я уж большекрат слышал од тебя, что не любиш, когда Иван придет пьян домой... Не лучше было послати его в комнату, чим допустить, чтобы повлекся в корчемницу?

– Ну, ну, не держи такую проповідь, как в монастырі Краснобродском в вел.[икодну] пятницу! Довольно того, что не терплю новые обычаї, – перебила ему достойная Єва. – И гость не может довіренно поговорити, когда челядь неустанно за пятами.

– По воскресеньям вели нагрѣти первую комнату и там принимай любых гостей; это для них и почтительнѣе.

– Да хорошо бы, но что скажут люди – новые обычаи станут заводить?

– Матушка! Говорю вам, – озялся Андрей-хозяин з некоторым негодованіем, – вы не затворите никогда клеветные уста. Злые люди укусят человека, коли хотят, не взирая и на ваши понятія об обычаях. З ними все-го лучше так поступати, как з собакой, т. е. не бояться их.

– Подумай, мужу, уж хоть на діти свої. Сколько злого могут научиться од челяди.

– Єще больше научатся в хлѣвѣ, ибо діти и там єи сыщут; но в комнатѣ, по крайней мѣрѣ, на глазах будут.

Хозяйка еще больше доводов противопоставляла новозаводимой реформѣ, но хозяйина в рішеніи не могла поколебати и, хотя надувалась, хмурилась сперву, увидя слуг сидати за книгу и пострѣбляти¹⁵ лавки, но послѣ свыклась з нововведеніем, что больше – полюбила его...

Свыклась и челядь. Читали, писали, считали, многажды в голос, чтоб все слухали. Бѣдные, опроверженные существа помалу начали приходить в самосознаніе, стали оціняти себя и различіе ділати между человеком и полгодичным телѣнком. Как послѣ долгого недуга отрясшийся человек, когда возвратится єму аппетит к їдлу, єдва старчат его насытити, так и они, жажда умственной пищи, охотно брались за полезные книжонки, радостно шли в церков, а многажды и о том умѣли дома рассказывать, о чем именно держалась того дня проповідь священника.

– Видите, діти мої! – говорил їм Андрей-хозяин, – только теперь стали вы истинными христїянами и повірьте мнѣ, что щастливѣе один христїанин-слуга, чим один поганин-царь, который и то еще не знает, для чего жиет; между тым, когда вам хорошо извѣстно, что ожидает вас нескончаемое царство Божіе, которое он уготовал почитателям своїм!

Етакія бесѣды производили на душу челяди глубокое впечатленіе, а воскресенскіе подвѣчера так быстро промчали, что настававшіе сумерки єдва вірились челядью.

15 **Пострѣбляти** («пострѣбляти») = «истрѣблять» (російськ.), «вытрѣбляти» (русинськ.). Видав, иде за авторськый неологізм, причинов чому было не в ушитому доброй знатя російського языка (зазначка *вшорителя* – В. П.).

VII.

У КОГО ДЕНЬГИ – У ТОГО И ДРУЗЬЯ

Прошла зима, а Иван и одной копейки не израсходовал, да и сам удивлялся тому, что так медленно дерется у него платье. В кабаки не был, только раз, да и тогда хозяин послал его, который и сам вслед за ним пришел. Иван выпил только одну галбу или ицю вина, а хозяин приказал еще один полштоф¹⁶ – з тем они убрались домой, а нашему герою удивительным, что на сей час как мог он трезвенно возвратиться из корчемницы.

На пути, разговаривая по трезвенному з своїм хозяином, казалось ему, что уж теперь, когда перестал пьянствовать, он о аршин уж больший, что зо временем и он может быть «газдой». В наступившую ночь сновидения обольщали Ивана пространным двором, за который платил он золотом! Чуть не урвался под тяжестью червонцов; послі разговаривал з прекрасною дівушкою, которая пообіщалась быть его супругой и хозяйкой на новом хозяйстві и пр... Послі молодая дівушка утекла од него, а явилась вмісто ней єї мати – відьма з метлою, прескверная как сам был... Она начала бити нашего Ивана по грудям, который завопіл од боли: «Не бий, не бий проклятая!..»

– Что вам, Иван? Уже боліє часа разшибаетесь собой! – возбудил его лежавший возлі него пастух гусей Андрейко.

Иван проснулся од сильного трясенія мальчика, был весь в поті, неначе выходя из парной купелі.

– Виш, сынок, ето відьма давила меня в сні! – сказал Иван мальчику.

– Хе, хе, хе! – сміялся мальчик, – и вы дійствительно віруете, что відьмы (boszorkányok) существуют? Я, славить Господа, не вірую.

Иван долго не мог забыть на етот сон, и нікогда выводил из него, что все таки его ожидает богатство в будущности, иного же раза – что, пожалуй, придется померти ему под забором.

Но однакж он усиленно работал и убаюкивался надеждою, что будут и из него люди. Стыдался давнйшого своего поведенія.

На новый год хозяин заплатил ему 30 гульд. а 5 гульд. подаровал за вірную службу. Рука дрожала у него, когда еті деньги брал, ибо доселі нікогда еще не было у него 35 гульденов собственности. И когда хозяин похвалил его и напомним, дабы и впредь тем же путем честности шол,

16 **Полштоф**, то значит пів штофа; Од «штоф» (німецьк.) – російська міра на міряння паленки и другого плину ищи до заведенія метричної системи. 1 штоф = 1/10 відра = 10 погарів = 1,2299 літра (зазначка вишорителя – В. П.).

что таким образом может дожитья своего хозяйства, мимовольно слезы покотились ему з очей.

– Ну, что зділаєш тепер з деньгами? – спросил его Андрей-хозяїн.

– Требую полушубок и дві пары білизны... Прочее передаваю вам, хозяїн, оддайте в удобное місто.

– Хорошо, брат мой! Остальное положу я в щадницу, из етого заведенія выдадут тебі книжочку.

Єва-хозяйка, подслухивая весь етот разговор из коморы, не могла воздержатися, чтоб не выбігла в комнату и не сказала:

– Андрей, муж мой! Вірь мні, что я никогда и не помыслила, чтоб наш Иван так стал думать, – и утерла слезу з глаз. – А вот я ему выкроїла из собственноручно вытканного льняного полотна на сорочку, которую ушьєт ему моя Лізинка. Вот и мой подарок, только честно справуйся на будущее, Иван!

– Благодарю вас, хозяйка, но я и не заслужил столько благодіяній!

– Но коли я од всего сердца дарю тебі.

– Слишком вам обязан, вторая моя матушка! Сділайте милость и купите сами для меня на рубашки, ибо, знаете, я не разуміюсь в ділі покупки и меня легко обманят.

– Охотно, сынок мой! Не только куплю для тебя, но и велю ушити. Видиш, я и из собственного полотна выкроїла б тебі, но челяди неохотно люблю продавати что-нибудь. Ето діло разнощиков, шафраников и других, которые тыют на жарі¹⁷ челяди, свалив їм на шею всякую дрань, – дала достойная Єва. – Если б я тебі продала полотна, то б всі востали на меня: лавочник, портной, швейня и другіє, которые сосают кров бідных служащих. Они кричали бы в все горло: «Какая безжалостна ета Єва! Так дорого збыти з рук етот холст! Так одлупити своего вірного поденщика!» Другий бы говорил: «Продала, ибо сама ету дрань употребити не могла...» Третій: «Ух, Боже мой! Как рідкое, и палцем насквозь пробьєш». Четвертый: «Ето уж конечно нехорошо од одной хозяйки так здирати прислугу и выданное жалованье вспят выманивати»... Видиш, Иван! Едакіє клеветы любила бы я обойдти, для того куплю для тебя сама од другого кого-нибудь сильное и прочное.

У кого деньги кажутся быти, того, как горнец з медом, облетывают мухи да овады, не знающіє сами выділывати мед. Один спросил од Ивана взаім лиш гульденник, ибо, дескать, позабыл деньги дома, другой требовал только немножко, лиш пару крайцеров на табак, пока получит свою

17 В оригіналі было напечатаной так: «тыють на жарѣ». Видав, туй проскочила хыба, котру сьме виправили (*зазначка вшорителя* – В. П.).

платеж, служанка вымоливала рядні¹⁸ два только бумажки, так как под рукою хотіла бы шолоквы платок купити, который стоїт и между сродными 10 золотых, и что она не хочет об етом непокоїти хозяйку; сапожник просил 5 гульд., поручаясь честію – к Пасхі без убытка возвратит. Даже и один торговец з скотом докучал ему, приобіщав поділитися в прибылі¹⁹. Иван уж не в шутку чувствовался богачем.

– Дурак бы я был, – мудровал он, – если б свої денєжки оставив даром лежати в сундуку или рисковал їх на возможную погибель в зберегательной касі, между тым когда теперь могу заработать ими нісколько золотых.

Торговец обіщал горы-долины, и так Иван оддал заимообразно ему свою капанину, убаюкиваясь тою мыслію, что хотя денєг нїт уже, но суть должники. Натуральна вещь, что хозяйіну не говорил и пол слова, боясь, чтоб в надежді выгодных барышей он сам не заїмствовал ему. И подлинно любил, почитал хозяйіна, но не иміл к нему полного довірїя, а ето большее нещастье для служащего класа.

Кое-что подозревал уж хозяйін, но не говорил ничего, думая, пусть учится Иван на собственном обмані и сего раза, как на Игнаті Зеленко.

Настал світлый день Пасхи: сапожник тым извинял себя, что накупил много кожей, а должники его еще мол не платили, но на Тройцын день, так ему Боже, заплатит з лихвою. Приспіли и Покровы, но возвращеніе все-таки не послідовало. Торговец сошел на банкротство, одну часть скота заяли мадярские разбойники на низовях р. Тисы, а другую часть потерял безцінною продажею, много и погубло у него од падучей болєзни – так конечно ничим ему платити долг.

Иван стал скубстися за волосы: ни капитала, ни лихвы. Буде станет просити – еще сварятся з ним:

– Ну, из спины не виріжу тебї, из-под землі и не возьму, нїт и нїт одкуда. Если б было, то не дал бы упрашивати себя, стал нещастным и конец ділу. Ну, как притиснулся... – Сколько гульт²⁰ так одправляли Ивана.

– Уж ето просто бессовістность – кровавым потом снисканного имінїя лишити человека! – воздыхал Иван. – Если бы денєги был проїл, то была бы какаядь из того польза. Но так, денєжки пропали забезцін. Уж теперь ясным стало предо мною все! Вот что знаменал сон.

18 В оріганалі было напечатаной так: «рдяны». Видав, туй проскочила хыба, котру сьме выправили (*зазначка вишорителя* – В. П.).

19 В оріганалі было напечатаной так: «прибывали». Видав, туй проскочила хыба, котру сьме выправили (*зазначка вишорителя* – В. П.).

20 Гульт, а фактично «гультай» (*русин.*) – тот, што легко кельтує гроші (*зазначка вишорителя* – В. П.).

Хозяїну и не снилося, что сталося з Иваном. И не їл и не пил з таким апетитом, как прежде, а и работа не шла столь быстро, как пред тым. Хозяїн не вытерпіл а попросился слуги вину его задумчивости. Иван крутил-вертіл, стыдся сказати правду.

– Ну, брат, не говориш, так не говориш, насилувати тя не буду, – сказав хозяїн и уже убирался од Ивана уйти, но сей одразу сознался, что прошлогодичный заработок пошел к ч.[орту], никогда не увидит працю свою.

– Об етом подумати было зараніє. Я неохотно вмішиваюсь в чужие діла, если не буду воззван к тому. Сожалію над тобою, искренній мой! Надо было развідатися, кто таков сапожник и торговец з скотом, и только тогда займствовати! Но радовался богатій лихві.

– Вы прав, хозяїн мой! Но что уж теперь ділати? Прошу вас, посовітуйте, каким образом мог бы свое обратно получити...

Андрей-хозяїн в недоумінії качал головою, однако, будучи добродушным, принял на себя всі хлопоты одысканія бідной працы своего поденщика, что удалось ему выше надежды.

Когда то уговоріванієм, то грозбой вынудил Ивановы деньги и ему оддал; Иван умолял его:

– Хозяїн, вложите, куда хотите, только мні не отдавайте. Меня опять оболстят, или украдут, можно и мыши зїдят.

– Ну так я вложу твою суму в зберегательну касу, одкуда порядочно будеш получати свої одсотки. Видиш, можно к етой сумі еще додавати. А что всего лучше есть, то, что когда захощеш, можеш деньги взяти собі з лихвой, они не погинут. Памятаеш-ли, что я говорил тебі об добром имени? А теперь додаю еще, что нич так не убольшивает доброе имя челядника, как когда говорят про него: «А виш, у него суть денешки в щадниці!».

– Ну, был же я дураком, что не слушал вас, хозяїн! Не скорбил и не суестился бы столько! Но есть пословица, что: «Поляк де учится на собственной потері...», а потому и вы, хозяїн, так не потолковали мні тогда, как теперь.

– Відь, же ты не ребёнок, и если желяєш, чтоб обходился з тобой, как дітиной, то почему не довіряєш мні? И не просиш во всем совіта, как од отця?

Иван упознал свой промах и попросил чоловіколюбивого господаря вложить его «капанину» в зберегательную касу.

– Правда, не много етіх денег, – додал, – но больше од ничего!

VIII.

НА НАШЕМ ИВАНІ БЬЮТСЯ ДІВКИ

Иван во всем так поступовал, как совітовал ему хозяйн его. Зо дня на день становился боліе бережливым, трудолюбивым, умножая тым образом свою житейскую філософію, рассудительность и холодную обстановку. Сама уже наружность его всказывала на огромную перемену в душі его.

Держался прямо, ходил поважно – так, что уже издалі замітно на нём было, что, виш, Иван не на шутку дорожит собою. Подойдя ближе и увидя его прилично, чуть не по щегольски одітого, всякий сразу судил бы, что то не слуга, а хозяйский баловень-сынок. Каждый охотно з ним разговаривал и его совіта просил, на что он давал умные и честные порады, так что уже в пословицу вошло: «Ето и Иван Залісной говорил».

Да наш Иван уже теперь хорошенько понял, что он не оноє презрінное, на ничтожество зредукованное существо, которое под именем «слуга» приходит, а личность, снискавшая себі в товариществі человіческом имя. З иной точки зрінія стал поглядывати на жизнь теперь, когда уже кое-что и у него єсть, чим прежде, когда долгами был обременён, а в мошенкі не было ничего.

Подобно оному полевому цвітку, вокруг которого снуются пчелы, так облетывали и нашего Ивана зо всіх боков дівки, хлопчущія втягнули его в свої сіті.

У Андрея-хозяїна было двух служанок. Одна была понура, дудривая, єдва высказавшая в год два-три словечка. Была безобразна, плюгава, но зато работна, и на смерть любяща молодых юношей. Другая была щеголевата кокетка, болтлива, неначе сорока, которая только волосы приглаживала, щёки раскрашивала да глазками жмурила. Не любила работати, а только наряжаться. Любила хорошо поїсти, но не была бережливой, и не дала бы одного молодця за всі Дарієвы сокровища, ибо любила вірити, что в одном юноші все щастіє и царствіє небесное обрїсти возможет! Она не ворчала, не нахмуривалась, а ухаживала за легинями, как облестная кошка.

– Ну, только могла бы выйти замуж чим скоріє, не служила б больше и Понтійскому, а как своя хозяйка їла бы, что захотілось бы, а лягала б, когда нравилось бы.

Обі єті дівки бросили глаза на Ивана, обі полюбили его. Одна думала так: «Вот сколько могла бы нажити з етаким человіком?» А другая мудрствовала: «Вот как щастлива была бы з таким бережливым мужем!». И обі распростерли на него сіті.

Первая называлась Агафіей, а вторая Євфросиніей. Женский інстинкт дал обійм поразуміти, що они соперницы на счёт Ивана, и обі намагались перемочи одна другую.

Євфросинія ласкалась около Ивана, угодничала єму, всегда лиш около него притиралась, з ним только любила вмісті робити в полі. З глаз єї пылал страстный огонь, а на языкі єдва удерживалось сознание любви:

– Если когда-нибудь получу мужа, – говаривала, – так будем обое счастливы, как Адам и Єва в раі. Жизнь лиш раз дается человеку, ни дурень он был бы не зділати жену и себя блаженными.

В свою очередь Агафія порицала, бранила всіх таких мушин, которые при выборі жены позирают только на тварь:

– Так напр.[имір], если у меня и ніт вымощенных волосов, но єсть денєжки, и єй Богу была бы в состоянії и дві коровы привести в приданое. Да я и не чванюсь тым, чтоб не говорили, будто желаю на кого-нибудь навязаться. Если б того хотіла, уже давно могла б была выйти за мужа, но єй Богу не йду, еще не здуріла, что б бил?

Євфросинія всячески шутила и высмівала свою подругу по званію:

– Вот позирайте, добрые люди! Гафа на силу на гвалт шла бы замуж, но жаль, что не попадется ничто на єї удицю! Ночью харчит, как сова и пр.

Так враждовали между собою дві соперницы, сварясь ежеминутно, а ето все только из-за Ивана. И одна и друга любила бы была втянути его в свої тенета, наконець стали и битися на нем! И одна и друга любила бы была его уловити; Андрей-хозяїн, увидя всю ету войну, напоянул своего слугу, а етот, рассудив хорошенько обстоятельства діла, нравы и характер обіих служанок, презріл їх и з хладнокровієм навсегда оддалил од себя.

IX.

ИВАН НА ЯРМАРКІ КОРОВУ ПРОДАЛ – И ЧУТЬ ЖЕНУ НЕ КУПИЛ

В сосіднем городку наступала ярмарка, Ивану предстояло повести на продаж корову.

– Сын мой! – ословил его хозяїн, – ціна коровы 48 гульденов, если получиш за неї больше, то ето твоя прибыль. Но однако сперва не клади чресчур высокую ціну, чтоб не привел корову назад домой.

Иван тронулся з коровою в путь. На дорогі лиш о том и думал: как бы єї цінити, чтоб и єму досталось барышей, и корову не принуждался вести

назад. Он хотіло було на етом зароботку збогатіти. Єще и не остановился на торговищи, а уже два мясника застали єму на дорогу вопрошаясь:

– Чья ета худая коровище? И сколько стоїт?

– Моя, а ціна єї 60 гульденов!

– Шестьдесят? Ну, брат, уже не шутя, ты єдва ли столько получиш, ибо жира на ней столько, что разу сапоги помастити.

– Не продается корова, поведу єї домой, єще не притисся на єї ціну, – отвітил Иван и вел корову дальше.

– Во сколько ета корова, земляк? Стали спрашивать прочіе торговцы.

– Шестьдесят бумажек послідня ціна.

– Відь правда, что корова хороша, но все-таки 60 зол. не заслужит, – додал кто-то из толпы.

– Сіно теперь дешево, – замітил другий, – так и скот подешевіет. А тут на ярмаркі столько рогатого скота, что и в половину поженут назад домой.

– Тогда и я свою корову поведу обратно домой, – отвітил Иван равнодушно.

Но купцы не одступали од нашего Ивана. Один охуждал корову, а другий ціну считал высокою, но ни один не одвязался рішительно, а лиш так издалі приглядывались, ибо надо узнати, что корова была хороша собой. Иван скоро познал свою выгоду и не упушчал из 60 гульд. ни копейки.

– За что даш корову, сын мой? – спросился один толстой мясник.

– За 64 золотых.

– Но даш и за 60, не так ли? Єсли сей час уплачу?

Иван согласился и ударили по рукам.

Теперь в веселом настроеніи духа возвращался Иван домой, напівая стиха пісенку; чему и не радовался бы, когда так легким способом казна єго приспорила 12 гульденами! По дорогі настиг дівушку, погонявшую два поросєнка из торго, которые разбігались на всі бока, к немалому клопоту дівушки.

Дівушка была красива, высокого стройного росту.

– Дай Боже здоровья, сестра! – поздравил єє наш Иван.

– Дай Боже! – отвітила она привітливо.

– Не йдут порядно поросята, правда-ли?

– Да, не хотят идти, а разбігаются, одно на сю, а другое на ту сторону. Уже так утрапилась, что єдва влеку ноги.

– Ну, будем же вдвое погоняти, авось успіем, – сказал Иван и погонял буйных поросенят вмісті з дівушкою.

— Гді ви живете, душенька? — вoпpocил єї Иван, когда уже шли вмісті бок о бок.

— В деревні Бодруджалі, — отвітила дівиця. — Матушка моя занимается промыслом утучнення свиней, да и богато получает она из того барышей и разуміється в ділі, как никто другий. Затым, не только кормленієм безрогих она занимается, но родится у неї еще богато льна да пеньки, как у никого в деревні. Около «водокшей» (водосвятія — богоявленія) столько у нас прядива, как у иного навозу на дворі. А моя матушка очень умная хозяйка. Всі мы, дочери єї, а есть нас три, имієм уже свої кровати, перины, подушки и все-все. Затім нашими плахтами, утиральниками не постыдилась бы и любая поповская барышня, ибо наша матушка обыкновенно говаривает: «Посмотри-ка матушку, а так бери єї дівушку!». Правда, батюшка сердится, почему у нас столько прядива и холста. Что, мол, ему много льну надо сіяти, а відь же он и не убог. Єсть у него прекрасные лошаді, четыре волы, шесть коров, а молока — неначе воды! А Бог відаєт, сколько еще овец. Ах, Боже мой! И не уміла бы высказати, сколько денег получает он ежегодно за кукурузу, пшеницу. Навірно, больше двісті золотых. Но люди говорят, что получше у никого не родится пшеница, чим у моего батюшки, зато продает он єї дороже. А свої землі не дал бы батюшка и за все сельское имущество, ибо оні и лучше и плодородніє... — так болтала красная дівушка, что аж пот катился з лба, а Иван слушал з немалым удивленієм.

— Как звут вас, душенька? — вoпpocился cопутник, когда cопутница на минуту замолкла.

— Марьей, — отвічала она. — Відь сама же матушка говаривает, что если б у неї и сотню дочерей народилось, то ні одну не покрестила бы барским, диковинным именем, ибо в селі наилучше звучат имена Настя, Марья, Авдотя и пр.

Между тым пріспіли они к одной полєвой гостинниці, гді предстояло їм оддохнути.

— Ах, если бы тут нашолся какой-то хлїв, — додала Марья, — куда могла бы нагнати поросенят, то не вредило бы немножко оддохнути. А потом купила бы и вам штоф вина. Ну как же зовут и вас?

— Иваном Залісным.

— За ваш труд, Иван, не презріте моїм даром...

— Ну, чему презирал бы, только вы не будете ли стыдиться з слугой завести пирушку?

— Полно, полно, Иван! Не шутите, відь же вы не слуга. А хоть бы и был, мой батюшка утверждает, что больше стоїт трудолюбивый челядник, чим десять хозяйских лїнтяев-сынов.

Хлів нашолся, и штоф вина не минул.

– А вот видите, Иван! Это вино возбудило в мні охоту поїсти кое-что, не будете ли и вы кушати, если велю дати жаркого?

– Чему бы ніт, відь время уже к вечеру, а вы так радушно даєте гостину.

Марья веліла дати мяса, сіли вдвоє, и зїли ужин. А когда уже убирались в дальнійший путь, Марья запросилась гостинника: чим должна?

– Сорока крайцеров.

Иван и Марья посягли в карманы по деньги. Первый вынул полную горсть мідных денег, а Марья только одну десятикрайцеровую бумажку:

– Ну, на сей час ніт у меня drobных, а отец так и сердится, – дала, – когда розміняєм гульден, ибо, говорит, drobные деньги скоріе израсходуются. Прошу вас, Иван, заплатите-ка и за меня, как скоро приду домой, пошлю вам из своїх карманных, ибо есть у меня карманных денег больше, чим у любой барышні. Да и не дивно, что есть: ибо матушка, если продаст свиню, а батюшка – кукурузу, то всегда и мні уділят из этого...

Много, очень много говорила еще болтливая дівушка, превознося все под небеса. Наконець приспіли наши путешественники к распутію, гді должны были расстатися. Марья сердечно поблагодарила Ивана за его прислугу и попросила, чтоб в будущее воскресенье посітил їх, тогда она возвратит ему долг.

У Ивана голова кружила, ибо, должно признати, что дівушка была собой недурна, какая не всюду встрічается. Правда, была только крестьянкой, но отец її владіл цілым телеком, иміл прекрасный скот, а денег, денег... было, неначе половы. И пусть, кто что скажет... дівушка была прекрасна, здорова, богата... а к тому еще и не чуждается нашего слуги Ивана, как это осязательно мог вывести он из собственной ей бесіды. Всё это возволновало ум его, и то настолько, что едва не своротил з правого пути, ведущего к дому, и очнулся на ділі только тогда, когда домашній щенок, Дунчій, подбіг в встрічу ему.

Лаяніє собаки выбило ему из головы прекрасную Марью и пригадало на ум ярмарковый барыш.

– Ну брат, вижу, что возвратился без коровы, так скажи теперь, как удалась торговля? – спросил хозяїн Ивана, когда сей вошел в заднюю избу. – Садись, сын мой, и ріж хліба! А ты, матушка, налей ему вина... знаю, что утомился, – додал хозяїн сострадательно.

Иван усілся, вірно рассказал все и выщитал хозяйіну полученную ціну, но хозяїн возвратил ему всю его прибыль, не задержав и копейки собі. Оставшись наедині, Иван ословил хозяйіна:

– Хозяїн мой, ім'ю к вам слово, если изволите выслухати...

– Чему бы ніт? Говори, брат!

– На возвратном пути поровнялся з дівушкою из деревні, называется Марьей, наговорила мні столько, что голова и теперь еще кружится, да и если схотіл бы свататися на ней, думаю, что не одказала бы. Кажется, дівиця pracowита, хороша из ней хозяйка была бы... Дала поразуміти, что и родителі не указали бы, куда двері! Дайте, хозяїн, совіт, что ділати.

– Так нравится ли тобі Марья?

– Разуміється, что нравится.

– Ну, так забуди на неё, ибо она не для тебя. Хорошо знаю и ей родителей – в хижі у ніх смітьє по коліна. Домостроєнієм правит кое-как хозяйка. Но три её дочери столько збіглы в хозяйственных ділах, насколько ты в інженерстві, не уміют и шей зварити. В неприсутствіи хозяїна варит каждое для себя особо, а можно навірное сказати, что ні безрогая незьяла бы їх варенья. Игла їм никогда и в руках не бывала... В домі всякий то ділаєт, что ему захочется, и все у них идет к падєнію и расстройству, как в таком домі, гді ніт порядка. У Марьї дійствительно ловкий язычок, пусть чванится своїм богатством, мні, брат, хорошо извістно, что больше у них долгов, чим имущества. Что Марья охотно пойдєт за тебя, ето легкое діло. Оженишся у них, будет из тебя зять, слуга без платежа. Будєш трудитися, работати, а они всі будут в ліности жити, ибо весь дом – празднолюбцы. Марья, если по шею не купається в маслі-молокі, вічно болтати, ворчати будет. Не исполниш всі её желанія, выдумки, вічно будет бросати тобі в глаза, что, дескать, она могла была бы выйдти замуж за барина, иль, пожалуй, за хозяйского сына, а не за деньщика.

Вот мой совіт, любезный Иван! Твоя воля, ділай, как хочєш. Просил совіта, а я не одказал его. Ділай теперь, как сам хочєш.

Иван з благоговінієм выслухал бесіду хозяїна своего, ибо был увірен, что лиш доброго может он желати ему. Забыл на віки на болтливую Марью, у которой только язык, а больше ничего.

– Благодарю вас, хозяїн, за умный совіт, что растворили мні глаза, иначе я пошатнулся бы был. Вижу, что лучше слухатися разумных людей, чим пуститися на распутія.

– Хорошее діло слухатися разумнійших, ето правда. Но говорю тобі, чтоб слышанное од меня не выносил за ворота. Разуміл ли? Покойной ночи!

– Разуміл, здравствуйте! А на счєт каких-то сплетней не беспокойтесь. Что слышал, ето у меня, как в кладбищі, похоронено...

НОВЫЕ ЖЕЛАНІЯ ИВАНА

Страсть женитьбы у Ивана помалу утихомирилась, и из него стался опять бывший трудолюбивый, прилежный деньщик. Скот, порученный его присмотру, являлся напитанно, чисто, опрятно. К тому пахал, сіял хозяйіну, неначе сам себѣ. Андрей-хозяїн не мог довольно нахвалиться.

— Я, — говорил он однажды в волостном дому, — покойно могу выдти из дому, будучи убѣжден, что вірный мой Иван дома все за меня исполнит, так как бы и сам дома был. Так могу все на него спустити, как на собственного сына.

— Легко вам говорити, коли слугі платите сотками, но нам, нужденным, надо обходиться челядью, которая подешевѣе, — отвѣтил один из старшин.

— Бестолково судите, другі мої, — возразил Андрей-хозяїн, — дешевая прислуга драгоценнѣе. — Но слушатели не хотѣли вірити, хотя правда была по стороні Андрея. — Извѣстно діло, что чим честнѣе заплатите плату челяди, она тым прилежнѣе и вірнѣе окажется, чтоб не потерять выгодного мѣста.

Андрей-хозяїн гордился своім слугой и вскорі усугубил вдвое жалованье его, а Иван, кромѣ того что одівался как хозяйский сын, еще и в зберегательной касѣ имѣл около 120 гульд.

Многажды аппетит к їдлу тогда приходит, когда їсти начнем. Так имѣется діло и з бережливостью: многіе люди как скоро начнут прилагати крейцар к крейцару, сразу любили бы статися богатыми — набобами. Такий был и наш Иван. Как скоро почувствовал, что у него обзавелись денежки, то и діло не довольствовал получаемым платежем и возжелал другого мѣста, гдѣ больше платили бы. Ето свое желаніе он объявил и своему хозяйіну. А Андрей-хозяїн не причислялся к людям егоїстам, который вымагал бы на Ивану, что, дескат, братец, я зділал из тебя человека, так служиш мнѣ до смерти. Нѣт, он как скоро понял стремленіе Ивана, тут же разобрал діло, что жалованье ему либо убольшити, либо просто одпустити, а Иван, в свою очередь, имія полное довѣріе к своему не так хозяйіну, как скоріе к человекулюбивому человеку, не мог не признаться, что, мол, лежит ему на сердці.

— Хозяїн! У меня обзавелись кое-какія денежки, дайте совѣт: покупти что ли какую пахатную землю либо взяти в арендное пользованіе?

— Естественным ділом щитаю, что ты в віки у меня остаться не можеш. Молод ты, братец, и желаеш воспользоваться своею же молодостью.

Да и требованіє большаго жалованья не удивляет меня, ибо всякий из нас любит большую долю счастья, но того не могу понять, каким образом ты, умный юноша, з 120 гульд. наміряєш зділати карьеру, купити наорек²¹ землі либо арендовати? Ета сума денег как бы ничто.

Єсли всі деньги вложиш на покупку поземельных участков, то не останется средств для дальнейшего хозяйства, а виш, хозяйн без денег то, что вічний должник. Который хозяйн притиснется на деньги, то продает и посліднеє. А продаст лиш тогда, когда другіє требуют. Стало быти, покупатель каким-нибудь способом подмітит твоє принужденіє, то хотя добром поминай, за безцін купует. Для того совітую тобі, сын мой, погоди єще немножко, и если не жєлаєш у меня надальше остати, так сьищи себї лучшего міста – я и послї буду заботатися о твоєй судьбі.

Так одкровенно и простосердечно разговаривали между собою слуга и хозяйн, и ета одкровенность ни одному не падала в тяготу.

Настало время осенное; деревья угинались под тяжестью овощей. Андрей-хозяин только что возвратился з поля, закурил на трубку, чтоб пред ужином пропустить из губы нїсколько клубов дыму, и усїлся под стрїхою на широкой лавицї. Как тут же подоспіла к нему достойная его жена, ниспускаясь з чердака, з важным видом приложив указательный перст к лбу:

– Ей-гей! какий из него зділался барин! Позирайте его! А мнї чуть не оборвутся руки од тяжєлой работы. Бог уродил нам овощей, овощ гниет, а мы все так легко важим...

– То и діло, что размышляю на серіо²², что, мол, ділати нам з сливами, дабы в нивоч не обратились, – отвітил Андрей-хозяин. – Думаю, хорошо было б, если ты завтра одправилась бы в город и побалакала там з площадными перекупками на счєт етїх слив...

– Виш его, мудрец! А разві моє діло волочиться по городам, куда в домі пойдет вгору ногами, – отвітила достойная Єва. – Обї наши служанки к ничєму не годятся, вывернут хату горї дном... Дескат поумніє было б, если ты сам одправился бы в город, досуга у тебя мол єсть; впрочем, забота ето уж мущины постаратися, каким образом надобыти денег!

– Матушка! Повірьте мнї, я ето охотно зділал бы, но назавтра мнї непременно появиться в волостном домі, как старшинї; у нас обзавелись разные делишка... И только сам Бог відаєт, сколько у меня работы!

– Ого, братец! Какий же вы чепурный з вашим волостным домом, разві не первое – наше собственное діло, что ли?

21 **Наорек** (русин., *застаріле*) – в наслідство (*зазначка вишорителя* – В. П.).

22 **На серіо** (*застаріле*) = серіозно (русин.), «всерьєз» (російськ.) (*зазначка вишорителя* – В. П.).

– Матушка, ты не говориш впрок! Собственные интересы должны подчиняться общим; и что касается общественности, это все выше личных расчётов; но протом, если возможно, то так и пойду.

– Нісколько яйць было бы у меня, да и масла; пожалуй, понеси в одном кошику и продай!

– Уж извині, солодка! Это не мушины діло, з подобными вещами сама носись, – и, сказав это, одправился к волостному старшині, чтоб завтрішнее одсутствие свое заявил.

– Иван! – сказал хозяїн над ужином, – завтра поїдем в город, так очисти од грязі брички и упряг, ибо по опрятности етих снарядов упознается хозяїн. Не могу стерпіти такого хозяїна, у которого на колесах еще прошлогодичная грязь. Какой у кого двор, хозяйственные орудія – такая и душа.

Слугі не надо было приказанное повторяти. К утру повозка – заложенная в пару лошадей – сверкала, как зеркало. Андрей-хозяїн усілся в неё и, высказав домашним свое «Прошайте!», покатились вітрами по сыпанной дороге.

Прийдя в город, з церковных башней по латинскому обычаю точно тогда раздался звон городских колоколов к «Ave!» Андрей-хозяїн зашел пообідати к «Двум зайцям».

Тут как-то случайно сошолся наш Андрей-хозяїн з стареньким Федором Софронкіевичем, крестянином из поблизкой деревні, который раскрыл весь свой недуг пред ним. У этого человека не доставало порядочной челяди. Андрей посовітовал ему за порядочное жалованье наняти Ивана, хотя больно приходилось ему расстатися з ним. Старик согласился, обрadowался и наши знакомые ударились по рукам.

XI.

ИВАН ДОСТАЛСЯ ДРУГОМУ ХОЗЯЇНУ

Федор Софронкіевич вслідствие предварительного соглашения другого дня прикатил к нашему хозяїну. Хозяїн вышел ему навстрічу вмісті з своею женою. Гость зііз з воза и оддал лошаді в попечительство Ивана.

– Слуга етот Иван, что ли? – попросил старенький Федор.

– Да-с! – отвітил наш хозяїн.

А етот коротенький отвіт вдарил клина в голову достойной Євы-хозяйки. Она тотчас подмітила, куда водятся раки и серьёзно призаду-

малась. Но в присутствії чужого чоловіка не сказала нічого, а од мужа випрашиваться не стало времені.

– Хозяйка, что скажете на счёт вашего слуги? Муж ваш всепохвально одзывается о нем, – сказал старик, когда остались наедині з хозяйкою.

– То, что из того ничего не будет! – отвітила она з серцем. – Иван очень порядочный поденьщик, какого мы едва ли когда одыщем.

– Братец! – сказал старик вошедшему тогда в комнату хозяйіну, – как кажется, твоя жена коротко поразумілась з твоім Иваном. Страх, как ратоборствует из за него, – додал шутя.

– Га, дядушка, она права... Такого слуги еще у нас не бывало, да едва-ли когда и будет. Но Иван етой любви вполні заслужил.

– Уж ради Бога! Что ты задумал, Андрей, – сказала хозяйка, когда послі вечернего ужина остались супруги наедині, – гді и куда поділся ваш рассудок?

– Ну, ну, не гнівись, солодка! Не будь столь тісносердна. Если Ивану в виду лучшее щастье показывается, чим оно мог одыскати он у нас, то, солодка, пусть ему з Богом! Мы не можем ему препятствовать.

Хозяйка замолчала. Позвали Ивана. А Иван наш не мог довольно надивоватися, что, мол, почему его столь поздною порою непокоят. Андрей-хозяін налил рюмку вина и поднес её слугі, и веліл ему садитися.

Теперь стал ему хозяйін серьёзно толковать, что, дескать, он сам вручал его старенькому Федору в слуги, у которого, виш, и платеж и пропитаніе будет получше. И закончил словами: «Скажи, какого ты сам мнінія?».

Иван только изумился, услышав новое рішеніе судьбы, и едва мог проболтати, что, мол, ему никакого недостатка, да и не желает его оставити.

– Но если так угодно хозяйіну, я, – сказал, – попробую. Но все-таки неохотно, – додал.

– Не повредит спробовати, сын! – отвітил Андрей-хозяін, – и если не будет тебі понутру, то возвращайся, коли захотіл. Но, однакож, говори теперь, какое жалованье требуеш од нового хозяйіна?

– Говорите и определіте вы, а я на все соглашусь.

– Хорошо, братец! Благодарю за довіріе... А вы, честной Федор, дадите ему двісти валутальных золотых, т. є. по швабски 80 гульденов, дві пары сапог и шесть пар білизны, – обратился Андрей к Федору.

– Думаю, что ето много будет, но однакож не хочу казатися пошлым євреєм, пусть будет и так, – и ударились по рукам.

Федор дал Ивану задатку 5 гульд. тотчас.

Да и передумовително зділал наш старик; ибо, если к утру одложит діло, єдва ли будет что из соглашения.

Пошли всі спати, а тут начала свої прелекції достойная хозяйка Єва, больно браня Андрея за его опрометчивость. Боже мой! Чим она єму не лузала... «Такого человека, как наш Иван, пожертвовать этой старой скрягі, этой лисиці!... Говорю вам, батюшка, вы просто стали дурнем. У вас нїт ума-разума. А можно, что был «шрегом» (пьян), когда все эту гешторию затїял».

Андрей-хозяїн, хотя все это «псованье» равнодушно слушал, но однакож не мог довольно раскаїваться над своєю оплошностью. Авось это будет в пользу Ивана? Больше прибирает и таким образом будет в состоянїи кое-что начать на свою, как говорится, руку.

Иван, в свою очередь, тоже не мог долго уснути, лежа на своєї хлївной лежанкї; жалко єму приходилось разлучаться з добродушным хозяїном, а старенький Федор храпїл од всей души – и то так сильно, что человек подумал бы, будто собаки заїдаются.

Другого дня, одходя, наш старик Ф. Софронкієвич всунул Ивану в горсть «задаток», а это слово то знаменует, что обязал его к себї у служенїе. Долго еще, двї недїлі раздумывали сряду наши хозяєва над тем, не совїтнїе-ли обратно послати этот «задаток» (обязательную цїну) старику; но Андрей-хозяїн наконец рішилсѧ, что у «русского человека слово – священное писанїе!»

Приспїл великий праздник Рождества Христова. По селї звучно раздались колядные піснї «Божий Сын днесь народился» (єпископа Поповича) и «Се схожду ангел к вам с небес, пастырі» (каноника Ладижинского). Всї домашнїе разбрелїсь по хатам на гостину, а только Андрей-хозяїн остался з своїм слугой Иваном.

– Сын мой! – сказал он єму тогда, – иди к нашему Пан-Отцу и выпроси себї крестного свидїтельства (родный лист); кто знает, может он понадобится тебї.

– Батюшка мой, Бог дал бы вам здоровья! Пожалуйста, идите сами к священнику. Боюсь, чтоб он, считая меня преждним проказником – пьяницей, не выбранил.

– Ни чуть не бывало, сын мой! Он не станет упоминати про твої древнїя выступки. Это уж миновалось. Но допустим, что он тебя немножко и побранит, то знай, братец, что однако духовного отця наставленїя никогда не излишны, так иди же.

Иван пошел, и прийдя на подворье приходского дома, сердце так билось у него, чуть не трїснуло, застучал и дверї отворились.

– Ну, любезный мой Иванку! По каким орудкам притрудился ты к

мні? – запросил его сідоголовый священник, державший точно в руках Галичское преславноє «Слово».

– Любил бы получить «родного листа».

– Слышу, что наміряєшся оставити нас; жалко мні, что разлучаєшся з нами, но, з другой стороны, и радуюся, ибо правду сказав, ты лучшей платежі достоїн. Ну, ну, сынок! Я никогда бы был не повірил, что из тебя такой трудолюбивый молодець станется. Что у людей не по-силам, то у Бога возможно! Однако не забуди и на новом місті, что око Господне всюда видит, и лиш дотолі будеш щастлив, покуда не звернешся з правого пути. Сын мой, «очи Господні призирают на нищего». Бог видит и слышит и то, что хозяйїн не видит и не слышит. Одтеперь будет твоєму присмотру поручено больше, но и взыскватися од тебя будет больше, для того памятай на слово Спасителя: «Бдите и молитесь, да не ввійдете в напасть». (Марк. 14. 38.) Теперь иди, сын мой, ты бывал хорошего поведенія, по той причині я и не требую од тебя ничего за крестное свідѣтельство; одно лиш мое желаніє: слышати о тебі добрую славу...

Иван з заплаканными глазами оставил священника и єдва вынес нетерпѣливость высказатися в всем хозяйїну, уж разуміється на счѣт принятія его священником.

– Видиш, братецъ! Это та добрая слава человека, о которой я нікогда говоривал тебі. Честная репутація человека далеко промчится, но плохая еще дальше.

– Повірте, хозяйїн! Что слышал од священника, никогда не забуду.

Наступил новый год и по принятому обычаю большее празднество и пір устроївались в домі честного Андрея-хозяйїна. Но когдашняя веселость превратилась теперь в какое-то унынїє и тоску, ибо слова Ивана «Боже мой! Відь я послїдній раз з вами гощуся!» всіх разжалостили.

Утром другого дня, когда церков наша празднует память «Иже в святых Отця нашего Силвестра» (и когда по русскому нашему обычаю, а не там по какому-то загорскому, біжущему тринадцати днями наперед своїм календарем и много разы з жидами їдущему пасху Христову), сани стояли уж у крыльца, заложены в двух лошадей. Андрей-хозяйїн, бо сам лично хотіл одвести своего Ивана на новое его місто, чтоб переселеніє бідаку обошлось без всяких издержек.

– Бог з вами! Пращайте, матушка моя! – стал Иван з слезами прашатися з хозяйкой, выходя из избы. – Прошу вас, извините, если чим-нибудь провинился, и не гнївайтесь!

Больше уж не мог высказати, ибо залился слезами.

– Єй Богу! Не гнїваюсь, да и зачим бы гнївалася? – отвічала достойная Єва, протирая слезы припаскою, – желаю, чтоб чим скоріє возвратился.

Діти, служанки да всі домашніє рыдали, так что у Ивана єдва сердце не треснуло од жалю, но Андрей-хозяїн своєю важною персоной прервал всі еті чувствительные проявленія, мудро замітя, что, дескать, Иван не выбирается на край світа, и пр.

З тым усілись оба в сани и помчались.

Пора была январская, а саниця, как говорят наши Карпато-русы, «як уxo!». Стужа так только разжигала тварь у человека; саниця блестіла, не-наче прозрачный лед. Наши вояжеры мало говорили, а лиш Иван нікогда постукивал, будучи совсім расстроен чувствительною сценою разлуки...

Полно затемніло, когда достигли своей цілі. Новый хозяїн Ивана С.[офронкієвич] уж ожидал їх на дворі.

– Бог в помощь, солодкіє друзья! Я уж думал, что не придете, что не подержите слова, – сказал старик, подходя к саням.

– Батьку! Честный человек слово всегда подержит, – отвітил Андрей-хозяїн, пожав руку у старика.

– Ей, слышите, куда поділися? Приходите-ка сюда! – кричал старик, но напрасно, ибо никто не являлся. Увидя ето, Иван сам выпряг лошади из саней и повел в хлів.

Прійдя в стайню, сей час замітил, какіє тут порядки обзавелися. Все стояло в гору ногами...

Скончив свою работу, жалостно подошел к хаті, как вдруг ословила его молодая дівушка, вопрошалась, он-ли ето новой слуга?

Дівушка была ядрённая, молодая, прекрасная, черноволосая, она называлась Гафа (Агафія), сирота кругом, на которой лежал весь тягар домостройства. Но из-за етого она нікогда не жаловалась, а глазкі єї всегда сміялися. Когда Иван ето чудо-красоту по первый раз встрітил, сердце у него затрепеталось и єдва успіл на вопрос дівушки отвітити свое: «да».

– Пойдите, Иван, внутрь и похлебайте немножко супу. Знаю, что вы утомились и устали из пути, – сказала дівиця столь прелестным голоском, что Иван весь разочаровался од прелестных слов.

Войдя в комнату, обріл наш Иван Андрея-хозяїна и старика за столом, на котором дымились свіжіє колбасы и світилась бутылка вина, вмісто фонаря.

– Так новый слуга – ето ты, сынок? – озвалась старуха, привітливо поглядывая на Ивана. – Если ты так будеш вірен, как благообразен, красив и молод, то нехудо тебі братец у нас будет. Сядись да їж, не дай понукати себя, для того поставлено, чтоб їл.

В всё время ужина, старик Софронкієвич жаловался на неблагодарность челяди, а старуха его усиленно посылковала Ивана да Андрея кушати и пити.

– Как мні пригодилося подмітити, – заговорил старик по одході Івана из избы к одпочинку, – моя челядь не очень рада прибытію етого парня. Но ничего, мні пріятніє, когда между челядью несогласіє, ибо тогда, по крайней мірі, не обкрадывают хозяїна.

– Всего лучше, – замітил Андрей-хозяїн, – когда между челядью и хозяїном полное согласіє, ибо вічна ето правда, что «мир строїт, а сварня разрушает»! Скажу вам, батюшка, одкровенно, что мні не нравится ваше домоустройство, ибо, как искушаю, тут каждый то ділаєт, что сам хочет, и так требуємый порядок даже и не мыслим. Стало, Иван мой станет вводити чин и порядок, а у хозяїна не хватит енергії, тогда лиш єму придется горевати.

– Не страхайся, братецъ, жалованье єго у меня не пропадет.

– Не довольно того, батюшка! Но надо, чтоб обходились з ним по человічески, ибо у меня он был, неначе сыном, а моя жена так оплакала єго, как покойника, однесенного на кладбище.

Другого дня Андрей-хозяїн возвратился в свояси, а Иван попросил дозволенія выпроводити єго из села. Єдва оставили дом, тут Иван стал жаловатися, что такого беспорядка в всю свою жизнь еще не виділ. Вся челядь глядит на него косо, неначе бы он человічим мясом животился.

– Батюшка мой, не выбуду я здісь ни полгода!

– Только терпініє, брат мой, Бог поможет. Усилуйся приобрісти довіріє старика и любов сотоварищей, и все пойдєт впрок. Одличіє никогда не приймай и буди первый в работі; тогда увидиш, что примір твой всіх обезоружит.

ХІІ.

КАК ПОВОДИТСЯ ИВАНУ НА НОВОМ МІСТІ

Єще того дня одправился Иван послі полудня на пелевню к работі. Один из челядников різал січку; другой стрясал корм для скота. Иван хватил вилы и хотіл было помагати.

– Не нуждаємся в вашей помощи, сами успієм скончити свое, – сказал надменно один из них.

Иван не сконфузился, а ялся выметывать навоз из хлівов. Когда свечеріло, старенький хозяїн, увидя труд Ивана, похвалил єго и внушил прочей челяди послідовати єго приміру. Етім только подлил масла к горячєму матеріалу.

За ужином Иван спросил хозяїна на счёт распределенїя дальнїйшей зимной работы, ибо, по его убїжденїю, так должно разділити занятїе, чтоб когда прїспїет весна, все было наготове, чтоб сей час ятися паханя.

– Право говориш, – подтвердил старик, – но все сразу нельзя же зділати. Рїзанїе січки и вывоз навоза подержит 2-3 неділи. Затим будут возити дрова, а когда и ето скончили, вот и весна наступила.

– Если не обидитесь, хозяїн, имїю замїчанїе, – прервал его Иван, – думаю, совїтнїе бы прежде, когда еще замерзнуто, возити дрова. Ибо в февралї смякнет погода, пусть тогда рїжется січка.

– Уж ето у меня и доселї посему бывало, не хочу новыє порядки вводить в свой дом.

Иван не сказал на ето ничего, но печально вышел из комнаты и лег спать.

– Чудный ты человек, старый! – разразилась на старика его жена, – відь прав же парень.

– Ну-ну, стара, не вмішвайся не в свое діло. Развї я у слуги стану прїимати совїты? Чтоб увїрїлся, будьто он распоряжает в домї. Відь хозяїн я, а не он еще.

Утром Иван прїнялся кормити скотину.

– Етому теленку дай, Стефан, солї и почеси его, – сказал одному парнїшкї.

– Ето уж моя, а не ваша забота, не вмішвайтесь, куда не слїдует, виш его? – отвітїл досадно парень.

– Ну из-под етой коровы вычисти же получше навоз, Петр!

– Собакї повелївай, а не мнї, поразумїл?

– Дівки! Умойте же дойныє сосуды.

– Умывайте сами! Нам не будете предписывать.

Так шло ето поочередно день за день, и Ивану много прїшлось проминути, но терпїл, ожидая иного поворота непорядков.

Страшный непорядок господствовал в домї старика, Иван горїл желанїем исправить етї беспорядки, но тым еще больше наразил против себя прочую челядь, а хозяїна ничуть не убїдил.

ХІІІ.

ПЕРВОЄ ВОСКРЕСЕНЬЄ У НОВОГО ХОЗЯЇНА

Когда Иван наступившего воскресенья утром на зорях встал, весь дом погружен был еще в глубоком сну. Иван дал скотинї обыкновенного

корму, випустив дрібний скот і явся доїти корови, ибо пастух коров уж трубив и выгонял їх в поле.

– Ну, не пропадає же світ, щоб в мої діла вмішувался какой-нибудь пройди-світ, ибо так ушибу его дойником по голові, что попамятає на всю жизнь! – разразилась на него служанка.

– Вставай, солодка, тогда, когда другіє честные люди, иначе я не перестану вмішуватися.

Милая Гафа не могла довольно надивитися, что так рано внесли молоко. А когда довідалася, что это Иван днесь доїл, не могла довольно нахвалитися его.

– Так теперь, Агафія, только готови завтрак, ибо любил бы на другое одправитися к заутрені и св. літургії.

– До церкви что ли? – впросилась з удивленієм Гафа, – это только в первый раз слышу из уст челядника про церковь. Дядушка едва раз в год идет, а тетушка по большим только праздникам. Доч – баловница їх – идет в церковь, когда новое платье получит, чтоб указать его. Прочіє, уж разумеется челядь, никогда не идут, а и я лиш изрідка, ибо по воскресеньям наибольшее забот у меня. Ну, и не боитесь вы, Иван, что всі высміют вас?

– Уж пусть и сміются, в церковь ходити не стыд, и если б мні это у вас воспрещали, сей час бы лишил такой дом, ибо нїт такой высокой платежи, на которой бы пристал продати чорту душу.

– Вы правы, так идите же. О, если б и я могла идти вмісті з вами.

– Стало быти, хозяйїн не заставляет їх ходити в церковь?

– Это ему на умі – пусть бы ему только работали, а з душею їх он не много гадаєт.

Послі завтрака Иван взял под мышку «полуставець» и пустился в церковь, прочіє стали сміятися:

– Стань в дячки!

– Не чудуйтесь, хочет показатися.

– Думает, что поп о нем будет говорити проповідь!

– Поп говорит скоріє на сердце волокитам, корчемникам и разным плутам; можно, из-за этого вы и не идете в церковь, – заступалась за Ивана Гафа.

– Ну, хороша же из тебя дівушка! Стало быти, этот мошенник понравился тебі.

– Готова бы з ним вмісті идти в церковь? Не так ли?

– Под вінець, – додал другий, хохочайсь.

– Хоть бы и под вінець, а скорше з ним, чим з вами, празднолюбцы! – отвічала їм Гафа.

Возвратившись из церкви Иван сіл з прочими к обіду; но и тут не было шуткам ни міры, ни конца.

– Мы думали, что, мол, задержит тя поп на обід.

– А к вечерни не пойдеш слушати катехиз?

– Будет же нам уж теперь не плохо, коли между нами есть и мудрець-книжник.

– Разуміється, что он, божья дітина, одмолился и за наши грішки.

Доселі Иван даже и понятія не иміл о подобной развратности и безрелігійности; даже и в ум вміститися ему не могло, может ли простой человек так издіватися над св. вірою? И єдва одбылся обід, сей час біг в хлів, и взял свой «Хліб души» Духновича утішити душевную печаль.

И заким он молился, покуда разбирал в молитвеникі, вдруг отворились хлівные ворота и вошел ними один из развратных слуг.

– Как вижу, опять усілся в книги; везді искали мы тебя, ибо не думали, что дескать в хліві молишься Богу!

– Ну и какое вам діло з мной?

– Поди к моему батюшкі, там собрались – уж разуміеш – и прочіе, придет и наша служанка Аксеня, а еще и другая, будем веселиться, побавимся и в карты, пошутим. О, наша Аксеня, прелестная дівка...

Иван, щоб еще боліе не наразити їх против себя, волей-неволей пошкындибал к отцю развратного слуги. Єдва перешагнул порог, как всі устремились ему в объятія:

– Хорошо, что пришел, – ревали, – ибо как новому слугі вино и водку тебі должно будет заплатити. Ибо ето у нас уж в обычаі.

– Совітно²³ мні, братья, за етакую безділицу выбрасивати кроваво заработанные денежки?

– Ну-ну! Как дорожит сломанным шелюгом...

Иван, упознав ловушку, согласился на все.

Теперь стали всі задобріватися ему; один хвалил, что на всем світі не уміет другой так обходитися з скотиной, как, мол, Иван. Другой додавал, что коней никто так не уміет погоняти, как, разуміється, Иван.

– Для того говорят тебі, брат, что никогда не віруй Гафі.

Когда так между собою разговаривали, одна кварта водки за другою исчезала. Од любезничанья перешло к хулі и клеветі. Наконець озвался один из них:

– Будеш, братецъ, полным дураком, когда будеш етой старой св...і оказывати такую вірность, а братьев своїх в ложном світі представляти.

23 **Совітно** («совѣтно мнѣ») = «подобает ли» (російськ.), «ци яло бы» (русинськ.). Видав, иде за авторськый неологізм, причинов чому было не в ушиткому доброй знатя російського языка (зазначка вишорителя – В. П.).

– Уж, конечно, не заслуживает этот скряга Софронкієвич, фена бы его зъяла, того, чтоб мы ему были вірны. Ибо он чресчур много вымогает, а к нам все больше становится недовірчивым и грубоватым.

– Собственный сын обманывает его, а по тому – сміється в кулак.

– Ей, братья! Если б только мы солідно придерживались, можно бы нам кое-что и в карман одложить...

У Ивана стали дыбом волоса на етакую бесіду. Он не говорил на таковыє річи ни «да», ни «ніт» и, заплатив насильственный налог за водку, [стал] убираться в свояси.

Выйдя на вон, убідился, что темная ночь, но старой развратный сослуживец его подступил к нему и сказал:

– Братец! Подведу тебя под оболочку одной дівушки, неплохо было б подобратися к ней... Уж я знаю каждую в селі дівушку...

– Я не знаком еще в селі, а потому и трудно приходится мерзнути под чьіми-либо оболочками.

– Ну, если не хочеш, так не буду тя принуждати. Но зайдем прежде в ету побочну улицу, тут живет моя любовница, любил бы узнати, не есть ли кто другой у неї.

Иван согласился, и едва повернули в боковую улицу, как вдруг кто-то ударил его по голові, а другой кто-то по плечам.

В свою очередь, и наш парень не был лінив, а хватил за кол из городины, так боронился ним, что уж больше не прикоснулись к нему.

З тым поспішил домой.

Только поздніє узнал Иван, что шельмы хотіли его опоїти, чтоб как пьяного побили.

XIV.

КАК ПОВОДИТСЯ ДАЛЬШЕ ИВАНУ

Слідующего воскресенья старик-хозяїн одправился на другое село посітити своего сына. Взял з собою и свою доч Уляну, которую в домі вообще называли Юлієй.

Остались дома только старушка хозяйка и Гафа.

– Сын мой Иван! Поди-ка внутрь, – сказала старушка послі обіда к Ивану.

Иван вошел, а старушка угостила его шонкой да вином.

– Матушка, – озвался по хвилі, – не позволили ли бы вы мні в

праздничные дни по полудням войти в теплую избу для чтения? Я, видите, не захоживаю в кабак, а в хліві студено и темно. Спать же не приходится днем, ибо: «изыдет человек на діло и на діланіє свое до вечера».

– Уж почему бы не можно войти? – отвітала старушка. Муж не будет прекословити да Юлія не будет ворчати. Знаю, что хозяйн тебя любит, и если нікогда и суровым оказывається, то ты не творися на его капризы, а читай свої біблії.

Слідующего воскресенья, когда Иван усілся в комнаті за свої біблії, старик-хозяїн только глаза вытрещил. Не говорил ничего, хотя любезная его Юлія не преставала косо поглядывати на дерзкого слугу.

Сирота-воспитаниця Гафія нікогда не была в любовном отношеніи к баловиці Юлії, потому что ета сё держала только простою служанкой, хотя весь труд по домостроєнію лежал на плечах Гафії.

Может бити, впрочем, что Юлія завиділа красивости Гафійной, ибо часто говориwала, что, дескат, в воспитательном заведеніи города К.... была одна служанка, поразительно на неё похожа, и которую, когда увидів, настоятельница всегда восклицала: «Ух! Как несносна мні ета деревенская морда».

А Гафія, вмiсто того, щоб сердитися на подобные остроты и колькості, скоріє сострадательно поглянула на свою вялую, блідную сродницю.

Юлія, как мы выше уже замiтили, косо позирала на Ивана, когда тот же усілся в комнаті книгу читати. Замiтив, что «барышні» он бервеном в глазу, хотіл было уж разразитися досадою, но помня, что ругательства да грубиянства ни к чему не доведут, хотя правда по его стороні была, ибо чрез всю неділю он трясся од стужи на дворі, работая на барышню Юлію, пусть бы только по воскресеньям, по крайней мірі, дозволено єму было напитатися душевною пищею.

Случається многажды, что самые мельчайшіе діла влияют на всю нашу жизнь, и случайность больше крат играет самую большую роль в судьбі вашей. Так сталося и з нашим героєм.

Когда Юлія стала вынимати из шифона свої ленточки и кружева, а одна из таких ленточек упала на землю, то наш Иван, увидя ето, сейчас спохватился, снял ленточку и оддал барышні.

Между тым объявил свое удивленье над красотою ленточки.

– Ах, у меня єсть ленточки єще получше, – сказала тощая барышня з радостным видом, и тут же стала нашему слугі Ивану указывати всі свої приборы, одежды и все, что у неї было, на что все наш герой з большею похвалою одзывался:

– Не дивно, барышня, что требуете од своего батюшки изящных тых

ленточек, но вы достойны, ибо у вас прекрасны волосы, Боже мой, как хороши.

З тех пор стался наш Иван милым гостем в домі и пред Юлією стерпимым. Да и правду сказати, красив был собою и наш парень.

Старый Софронкієвич стал уж теперь серіозно мерзитися на Ивана, ибо побоялся, чтоб «барышня» не влюбилася в поденьщика.

Весна пріспіла, всі дрова были уже на дворі. Все это наш приліжний слуга порубал и склал на громаду. Однажды Иван просил у хозяйіна позволеніє, чтоб мог дерева в огороді очистити од гусениць и сухія вітви одрізати, старик не прекословил, ибо прекословити нельзя было, но по одході его сказал:

– Етому чоловіку все новизны хочется. Єще наконець вырубит деревья...

– Ето уж истинная злость: когда бы могли нісколько оддохнути, етот новатор хоть з под землі, а все таки найдет нам работу! – негодовала прочая челядь.

Был прекрасный день м.[ісяця] марта, солнышко тепло пригрівало, а Иван попросил хозяйіна, чим начнут весенные работы, ибо у прежнего хозяйіна мы, прежде чим принялися за еті работы, всегда предварительно рішили: гді, что посієм и сколько?

– Для того подите, хозяйін! Погода хороша, пройдемся немножко по ораницям.

– Ей но, есть еще довольно времени, но ты не даєш чоловіку покоя ни в воскресеньє, ни в будни, неначе турок бы стоял за спиной. Наконець из-за тебя вся челядь оставит нас, – додал з сердцем.

– Ну-ну, старый! Ведь же Иван прав, почему будем даром питати столько челяди? Сли ты не йдеш з Иваном, то иду я.

– Хорошо, иду-иду, – ворчал старик, окутываясь в свою шубу и принимаясь за свою логовую палку.

Старик никогда не обращал должного вниманія на свое громадное хозяйство. Сіял лиш настолько, насколько навоза хватило, но навоза у него не было вдоволь, потому что на умноженіє его не обращал особой старательности. Равным образом не много вниманія обращал и на челядь, не держал ей много, но и той не уміл работу дати. Оттуду слідовало то, что в полевой работі всегда запоздывался.

– Хозяйін! – озвался Иван, – думаю не надо бы всі ораницы под озину оставляти, весенное зерно тоже надобное в хозяйстві. Про навоз не опасайтесь, нагромадил я его довольно. Для того будем и картофель садити, и овес, ячмень, пеньку сіяти. Стыдно, что и дятлины (трилистник – lóhere) ніт у нас.

Старик молчал.

– Хозяїн! Сказал бы нічто, если б не посердилися.

– Ей, остави, голова и так уж шумит од многих совітов, – отвітил старець, – ну, уж говори, коли слувати, то слувати.

– И з скотиной плохо иміється діло. Лошади устаріли, не заслуживают и корму. З коровами еще хуже... Весьма скудно молока дают. Я думаю, три из них продати бы, ибо слишком стары.

– Гм! Легко продати, коли есть, но купити, то уж другое діло, солдкий мой! Легко обманут нынішнею порой человека. Сам лінуюсь идти продавати, а поручити его діло некому.

– У Андрея-хозяїна я и лошади, и волы продавал да куповал, и никогда его не обманул, – отвітил Иван.

XV.

ХОЗЯЙСТВО ИДЕТ ЛУЧШЕ

Однажды неожиданно ословил старик Ивана:

– Размышлял я, сын мой, над тым, о чем недавно говорили. Будет ярмарка в Білках, хорошо было б, если бы ты повел коровы. Рішку и Сивулю, уж чресчур стары, и там продал їх. Но поелику збор уже завтра будет, то одправляться бы тебе еще днесь.

Прекрасный маєвый день был; тишина, спокойствие кругом. Иван погонял старые коровы на збор и раздумывал на пути, как бы їх цінити, ибо хозяїн ничего по сему ділу не поручал, а только прибавил 40 зол. на случай, если бы удалось купити коровы помоложе.

З приближением ночи остановился на ночлег в одной пустынной харчевни. Не спал всю ночь, ибо боялся, чтоб не украли у него коровы а деньги. З рассвітом пустился дальше к Білкам. На пути поровнялся с ним какой-то худощавый человек – купец? не купец? рогатой скотины – и пустился с ним в разговор. Пока доспіли к Білкам, купец и купил коровы по ціні выше ожидания и расчёта Ивановаго. Так теперь уж не был принужден хлопотати насчёт збыта їх. Но сей час принялся за покупку других, да и купил так щастливо и выгодно, что из продажной ціны за старые коровы осталось ему еще 20 зол., а к полудню он уж мог возвращаться з двумя хотя тощими и худыми на вид, но молодыми и доброй породы коровами. «Ну, что скажет на эту покупку хозяїн?» – вопрошал сам себя, возвращаясь домой. «Правда, что будет осуждати эту тощую Чайлу, но пусть он говорит – знаю я, что купил. Корова под пару неділями подпасется и

потолстієт, а тогда увидят, я неплохо расчитывал...» Говоря ето так к себѣ на пути, 20 гульдеников все стискал в руки, как бы ета прибыль правно его касалась, а не другого: «Видь ето моя заслуга, что дорого продал а дешево купил; и кромѣ того, уж сколько пользы приобрѣл старому скрягѣ, а он мнѣ никогда и копѣйки не подарил на табак. Если теперѣ задержу себѣ етѣ 20 гульд., хозяйѣн не то чтобы сітовал, а еще радоватися будет, что принес ему нетронутых его 40 гульд... Ну если скажу, что дешево продал а дорого купил, и должен был 40 гульд. доплатити на етѣ молодые коровы, тогда в моем карманѣ было о 60 гулд. больше»... Уж хотѣл было, подстрекаєм злою мыслию, 60 гульденов спрятати в свой кошелѣк, как вдруг сердце забилося у него, а в головѣ напомулись слова священника: «Бдите и молитесь, да не внідете в искушеніє!» – «Ну, видь, же не знает никто, не видѣл никто, когда продавал и куповал», – убаюкивала его непріязненная мысль. «Но Бог все видит и знает!» – говорил ему голос совѣсти его, который, буди Богу благодареніє, на сей раз побѣдил сребролюбіє. «Ех, проч од меня вы, бесчестные помыслы и желанія... Если случайно кто дознался бы о моем скрытом мошенничествѣ, неужели не проиграл бы на вікѣ свою честь и добрую?... О, доселѣ я еще всегда честный оставался, так развѣ из-за етѣх бѣдных 60 бумажек погребсти свою репутацію навѣки? Нѣт!».

Приспѣл домой скорше, чим расчитывал. Всѣ вышли из избы ему в встрѣчу пригланутися на новые коровы. А коровы етѣ дѣйствительно никто не стал хвалити, но Ивана ето не конфузило.

Вошли з стариком в комнату и Иван з сверкающими глазами здал счѣты. Старик немало удивился честнотѣ Ивана, но всѣ-таки не мог снести, чтоб не замѣтил, что нельзя ли было дороже продати, а дешевле купити?

– Уж конечно, чудный ты человек, старый! – сказала хозяйка по одходѣ из комнаты Ивана, – чудак, еѣ богу, чудак! И вы не удостоѣли етого вірного парня пару копѣйками в подарок, так н. пр. на бокал вина... Чудак, чудак, вы человек! Он вмѣсто вас ходил, трудился, хлопотал, хорошо продал и купил, а вы...

– Довольно, стара, довольно, развѣ ты думаєш, что то его заслуга, что так выгодно зділал куплю? Ни чуть не было, я сам послал ему торговця; виш, мясника из сосѣднего села Ивана Станкова, чтоб узнал, не обворует ли он меня? Разумѣй: и прочая.

– Уж ето, братецъ, пошлость з твоеѣ стороны, так теперѣ и не дивуюсь, что всѣ бывшіє твоѣ слуги просто повѣсы. Вмѣсто, чтоб благодарил Богу, что одарил тя столь изрядным челядником, еще испортиш его своею недовѣрчивостію... Пфу! Стыд и сором!

Приспіла пора уборки сіна. Иван привык был работати з порядочными работными орудіями, а тепер, когда одыскал старые косы, вилы да граблі, все нашол в найбільшем беспорядкі.

– Хозяїн мой! Едакими орудіями нельзя же честно и потішно діло кончити, – замітил скромно.

– Ей но, тобі, братець, все непонутру! – загреміл на него сердито. – Только прошлого года купил, я тобі не в выгоду, разві каждого года буду куповати.

– Как хотите, но языком косити не стану, а когтями грабати не буду, – отвітил Иван тоже гнівно. Но стало на том, что хозяїн не куповал, а так слуга, щоб не постыдался в работі, за свої денежки принужден был купити собі косу.

А коса его рубала так, как бы лиш голил свой подбородок самый из злійших «Верховинцев». Прочіе слуги завидовали ему и говоривали: – Легко тобі шутити, когда така хороша коса у тебя.

Вся работа около уборки сіна прочей челяди Ивану не была понутру, ибо то сей, то оный косець сідал под дерево клепати свою косу; другіе опять ежеминутно острили свої косы, а тут хорошая погода стала уж переходити в пасмурную.

Слідующего воскресенья, полон горести, написал письмо к давнему своему хозяїну Ивану: «Настолько переполнен желчью, что едва ето могу вам высказати, незабвенный мой покровитель! Даже и їдло не падает на здоровье. Єще пару дней буду терпіти, а не поправлятся діла, з неділи буду уж у вас... Несносна здішняя жизнь, вся челядь против меня из-за вірности к хозяїну, но и тот по стороні моїх противников. Хозяйка, правду сказав, хороша, заботлива старушка, и полезніе было б, если бы хозяїн она была, а не старый скряга, который на неё даже и не внимает...»

В понедільник утром прекрасно взошло світлое солнышко. Иван з прочею челядью занимался уборкою сіна. Одразу стали на горизонті появлятися чорные тучи.

– Ну, люди! Спішим, чим скоріе собрати сіно, а ты, возниця, клади на воз, что сухое, и вези домой.

Возниця (кучер) простерся на сіні и стал храпіти.

– Ей, братець, так ударю тя етіми вилами, – разразился Иван, – что попомнятаеш!

В свою очередь кучер, вмiсто отвiта, ударил Ивана по головi кнутом.

– Так ты, брат? – сказал Иван хладнокровно и без дальших словопріній пустился домой.

– Гді єсть хозяїн? – вопросил стоявшей на порогі хозяйкі.

- Что ты постигло, сын мой? Відь ты весь побліднул!
- Ничего ничего! А гді хозяйїн?
- Говори уж, ради Бога! Что з тобой?
- Тётушка, я сей час оставлю вас! Дурным был бы, если бы и надальше рішилися столько терпіти. Я усилююся, а прочіе всі сміються из меня.
- Ну и кто же высміває тя?
- Сам хозяйїн сміється надо мною: он сам держит меня дураком, а я вірно служу ему. Если бы он порядочный был хозяйїн, сознал бы, в чем его польза и какая его должность пред челядью...
- А ну, в чем именно ета польза и должность, – озвался старый Софронкієвич, точно тогда вступивший в избу.
- Ваша должность, хозяйїн, меня сейчас за мої служебные дни выплатити, и я иду собі з Богом. Вы меня наjali за старшого слугу, я хотіл честно отвітити своей должности, но когда вы егім повісам не престаєте поблажничивати, тогда, если приключаются беспорядки, не моя, а ваша вина.
- Правду, правду говорит Иван, – похватила старуха, – но однакож, Иван, ты из-за того не оставляй нас.
- Ну, говори же уж раз на серію, какія у тебя причины негодования этого? – просил заботливо скряга.
- И Иван рассказал все, а вконецъ додал, что:
- Если кучер и пастух коров останутся еще дальше на своїх містах, то діла не пойдут хорошо. Но и я не остануся, ибо уж вчера одписал Андрею-хозяїну, что возвращуся к нему.
- Ей, Иван! Обдумай лучше діло, размысли до завтра. Человік в гніві и такое скажет, над чем впоследствії раскаивается.
- Обдумывати получше свое предприятие я не стану, – насытился горестей довольно; выплатите, чтоб ушел и не принужден был оставитися под одною кровлей з упомянутыми мерзавцами.
- Видиш, солодкий! Все же таки я, хозяйїн, не могу то снести, чтоб слуга мні законы установлял, мні, хозяїну, повелівал, – отвітил старик з вспышкой.
- Я не повеліваю, а только говорю, что либо они, либо я уберутся, или, либо они, либо я останемся! Выбирайте.
- Не горячись, Иван, видиш, человек в такую горячую пору сінокосов челядь другую и нелегко одыскает, – похватила старуха.
- Если ті два не будут на заваді, то работа еще лучше пойдет, я по-старчу и за двух робити. Впрочем, я вчера одписал и, как уповаю, будет там для меня міста, – замітил, настойчиво требуя выплаченія.

Увидів ето, Софронкієвич, что Иван «nierozwolia!» никаким образом, возвал кучера и коровопаса, виплатил и прогнал.

По одбытіі етіх двух негодяєв вся работа иначе пошла. Вся челядь конфіденціонально призналася, во сколько еті два шельмы подстрекивали єё, чтоб не работали и противу Ивана коварства строїли.

XVI.

САТАНА ОПЯТЬ ПЛЕВЕЛЫ СІЕТ

Отселі в хозяйстві старика шла работа, как на любой прядильні, а к тому водворялась в дому тишина и мир. Старуха не преставала прославляти Ивана:

– Никогда не чувствовалась я столь хорошо в своем домі, как теперь. Словно, я любила бы сызнава начати жизнь.

Старому скрягі вслідствіє несносного его характера нич не нравилося. Вічно шатался по дворі, по хлівах, полі, огороді, чтоб одкрыти какую-нибудь наименьшую неисправность, чтоб был повод изліяти свою всю желч, уж если не пред Иваном, то, главным образом, пред своею супругою, его покровительницей. Одкровенно против Ивана не мог выступити, ибо никогда не было причины.

Жнивы стояли уж пред дверьми. Старик вышел в поле обозріти свої нивы, чтоб нашол повод к оужденіям пред слугою, как вдруг представился єму містный мельник и, выхваливая Божию благодать, ниспосланную на хозяйство его, и прекрасные сіянія, додал:

– Нарочно вышел к вам в поле увідати, не готовы ли бы вы продати мні из етого зерна, как скоро станут молоти, по крайней мірі, 20. коблов. Мельница стоїт, а я любил бы нісколько мірок муки вымолоти на рынок.

– Почему нїт, если порядочно заплатите, – отвітил старик и согласился в 6 гульденах од кобла. – Но прошу вас, – сказал старик, – зділайте еще одно одолженіє...

– Рука руку моєт! – отвітил мельник.

– Обіщайте моему слугі Ивану пару гульденов «на стакан вина», на случай, если он вам выхлопочет у меня, чтоб вам продал рож ниже условленной ціны 6 гульденов. Любил бы я узнати, как он поступит, ибо не вірю ни своей сорочкі.

Мельник обіщал ето старому Софронкієвичу и одного вечера посітил нашего Ивана – точно тогда, когда сей читал отвіт Андрея-хозяїна. Отвіт

был слідующий: «Только не унывай! Останься вірен своєму хозяйіну и впредь. Все, что у тебя на сердці, представи ему з подобающим приличіем, ибо это самое лучшее средство, чим продолжительно угрызатися, а, наконец, выступити по грубіянски. Буди муж, всім нам надо з житейскими недогодностями сражаться, и чим скоріе привыкнем к ним, тым легче перенесем еті недогодности. Не начинай сразу много, а лиш только, сколько силы позволяют, а скончи честно. Не слушайся тых, которые готовы обольстить тебя из пути честной жизни, ни на тых, которые между тобой и хозяйіном сіют сімья раздора и пр.»

Точно тогда читал наш Иван свое писмо, когда подступил к нему коварный мельник и послі длинных привітствій и поздравленій повернул бесіду на рож:

– Від мог же бы я и од самого хозяйіна купити, но знаєш, какой он чу-дак. Слово твое у него иміет свой віс, если выхлопочеш дешевую покупку его ржи, то получиш од меня нісколько гульдеников, – сказал мельник и тут же в самом ділі сунул ему в горсть бумажки.

Иван, как умопомішанный, схватился з міста, добрал одкуда-то большую голузь и ну бити злого наушника.

– Если б вы, – ревіл ему в уши, – были честной человек, то не наущали бы другого статися бесчестным. Если у вас ніт совісти, то она єсть у меня. Если всю муку, что накрали за своей жизни, положите мні к ногам, то и тогда не продам своей души!

Мельник, увидя, что тут нельзя шутити да еще могут человека и наколотити, сознался, что это не его почин.

– Ну и чей? Можно, это по совіту хозяйіна? – при том глубоко задумался, сердце начало стіснятися, дыханіе прерыватися и наконец брызнули слезы!

– Пусть будет, чему быти! – сказал это, повалился на землю и горько заплакал.

Между тым мельник побіг к старикам в дом и там высказал старушкі в кухни все случившееся.

– Иди, Агафіе! Біги к нему, ты умієш ему на сердце говорити, узнаєш, что наміряєт зділати? – сказала старушка и вошла к старику в избу.

– О ты, закаленный старый безбожник, – стала бранити его, – ты всегда замішательства затііваєш в своем же домі! Не успокоїшся, покуда этого честного юношу не выгрызеш из дому!

– Я ни своему воротнику на рубашкі не вірю, – одтял скряга угрюмо. – Если повіриваем лошадь прежде, нежели купили её, то чему бы и челядника ніт?

– Авось думаєш, що честная челядина в такому домі останется, гді такого мнінія суть о ней?

– Ну-ну, не буди ребёнком, стара! В нынішнія времена не на мнінія, а на цінность обращается вниманіє.

Между тым возвратилася Гафія и сказала, что Иван всі свої вещи укладывает и готовится к одшествію.

– Да он, – додала, – противу обычая своего лаєт днесь и утверждает, что еще днесь оставит такий бесчестный дом, гді судят о нём, как о мошеннику.

– Видиш, старый, что наділала твоя дурна голова! – и, сказав ето, побігла в хлів к Ивану.

– Сын мой Иван! Стало быти ты не будеш столь необдуман, думаю не покинеш нас.

– Сын мой! «Сатана, как лев рыкающий, обходит, ища, кого поглотити», – говорити обыкла и старуха моя.

– Правда, но однако ж ето больно приходится, что етот лев – сам же вы, хозяйн, и уж ради одной той причины не могу остатися.

– Всі мы смертныє грішны... Так не препирайтеся, а подайте себі руку и помиритесь, – сказала подшедшая к ним старушка, расплакався до слез.

Иван, увидя, что хозяйн подаєт руку примиренія, пріял єё и помирился.

XVII.

ПРАЗДНИК ЖНЕЦОВ²⁴

В пору жатвы обыкновенно накапливается много разнородных работ, тут созріваєт овощ, коноплю и лен надо брати. Но над всіми єтіми заботами выше всего стоїт жатва, котору ни на минуту нельзя одкладывать. В инные года страшные неприятки господствовали в время жатвы в хозяйстві старого Софронкієвича. Теперь все иначе шло. Забота Ивана на все распространялася, и на все хватило у него досуга. Каждый момент обратил в пользу, всякий работник знал круг своего дїйствія а работа шла так споро, что паче чаянія скоро одбылися жнивы, хотя у старика были пространные нивы.

24 **Жнец**, жнецов (російськ.) = жнець, женців (русин.) (зазначка вишорителя – В. П.).

– Мні это, стара, не нравится, что так скоро одбылися жнивы, – сказал старик ко своей супругі, – ибо люди могут еще подумати, что замало было у меня посіяно.

– Не торопись тым, что другим захочется думати, довольно того, что хліб пристойно убран з поля.

– Престань, стара! Виш, короткіе скорше дадутся зачесати волоса, поразуміла?

Слїдовала субота – послїдній день жатвы. Здалека слышан был веселый спів народных пісней жниць-дівиць, который сопровождается был музыкою сельских смычков. Тронулось разряженное шествіе з вінцем к дому старика. В главї шествующих жнецов несли двї дівушки на головах пшеничные вінцы, приукрашенные ленточками, вокруг них парні, весело подтягивая пісенку. Затїм слїдовала «королева» жатвы, имїя на головї вінок из колоса, вокруг неї увінчанные дівушки и парні, выплясывая по всей дорогі. Весь этот поход заключали бабы и мужики, з косами и серпами, разукрашенными полёвыми цвітами.

Старый Софронкіевич, ожидая подходящих, остановился на двор, з ним стояла вмісті вся семья.

– Прими од нас этот вінець, сплетен з послїдних колосьев твоїх нив! – сказала одна из дівушек, вручая старику вінець пшеничный.

– Повіси его на стїну своей комнаты, чтоб каждого раза, когда поглянеш на него, славословил Творця, благословившего успїхом діло рук твоїх, что дозволил в пору убрати! – сказала другая дівушка.

– Прими од меня этот вінець, увитый из лучших колосьев твоїх нив. Он достойно тебї прислушает, почтенная хозяйка! Ибо ты была нашею заботливою кормилицей-матушкой чрез все время знойных жнив, – сказала «королева» жнив, тоже дівушка, вручив старушкі пшеничный вінець.

Послі этой церемонії подступили всі жнецы и жницы поочерёдно, всякий уміл что-то хорошего сказати хозяевам.

Наконец приступил шестнадцатилїтній молодой юноша и вручил избалованной Юлії вінок из колосьев, з слїдующими словами: «Пусть будет блаженство твое полно в цвітах житейского удовольствїя и в Божьем благословенїи! Чтоб не искусила никогда недостаток в хлібі и радости» и пр.

Тогда загреміла музыка и начались народные пляски, в которых Иван з Гафою брал самое большее участіе.

Юлію никто не просил на танець.

XVIII. НОВЫЕ НЕПРЯТНОСТИ И НЕДОВЕРИЯ З СТОРОНЫ ХОЗЯИНА

И желати не можно было лучшей погоды, какая служила в пору молотьбы. Между етим Иван всегда обращал внимание и на другие отрасли хозяйства. Одного вечера Иван прохаживался по саду, рассуждая, которое дерево поскорее обобрати бы, как вдруг предстал ему хозяин и сказал:

– Иван, жнивы хорошо удалися, молотьба идет незгорше, но упоминаю тя, что из-за бабьей милости ты не удручай себя, прежде всего молотьба, она пусть занимает всю твою заботу, о прочем, брат, и не думай... А чтоб наглядно доказал тебе, что тобою доволен, вот зді имієш пару гульденов «на вино», скоріє, братец, усядись за стакан вина, чим рассуждай з бабами.

Наш герой поблагодарил за подарок, но разом и объяснил хозяйну, что, мол, он не из угодничанья женщинам (разумій: хозяйки и Агафії) обратил внимание и на овощ, ибо знает, что молотьба первая, но желает и тем больше пользы снискати хозяйну.

У старика Софронкієвича уж как бы второю природою было везді произвести замішательство, ссору²⁵ и людей поссорити. Да и теперь не для того дал Ивану подарок, как говорится, «на вино», в знак будьто своего удовольствия, но единственно по лукавому расчёту, чтоб одвлєк его од собиранія овощей, а потому пред супругою обвинил в лїнивстві и нерадїнії, что будьто ему всего милій – кабак.

Иван, как кажется, сейчас познался на лисях²⁶, даже и внимания больше не обращал на происки скряги.

Наступила осень зо своїми громадными заботами. Бог благословил изобилієм настолько овощные сады, что хозяева приходили в тупик, куда подівати свої яблока и груши. Из согласія старика Иван завязал контракт заблаговременно з городскими площадными перекупками и продали весь овощ на выгодной ціні. Назаді была еще большая куча навоза посреди двора, и Иван принялся к удобренію большого залишенного участка земли, чтоб тем больше мог сіяти. Сам старик удивлялся

25 **Ссора** (ссорить, поссорить) (російськ.) = извада (вадити, вадити ся) (русин.) (азначка вишорителя – В. П.).

26 **На лисях** («на лисяхъ») (!?). Видав, иде за авторський неологізм, причинов чому было не в ушиткому доброй знатя російського языка. Автор мав на гадці російське слово «на лисах» авадь русинське «на лишках» (азначка вишорителя – В. П.).

заботі свого слуги. Прежде слуги старика только поверхность землі вспахивали, корень буряна остал невредим, почва, хотя и удобрена, не была пригодна под сімя. Какой труд – такая и польза од него! Иван ето хорошо знал и впускал рало сохи глубоко в землю, хотя из-за того приходилось ему ссоритися з прочими, отстаївающими всегда плохой давний обичай.

Да и сам старик нахмуривал глаза, увидя, что Иван иногда и шесть волов впрягивает к сохі, чтоб тым глубже мог вывертивати борозды.

– Уж ето крайнее дурачество, – ворчал под носом, – тучную почву подвертивати худой! Таким образом и самую лучшую почву можно испортити, когда навоз так глубоко подьорется... Но не стану ділати ему замічання, ибо пан Иван изволит снова погніватися, – кинул старик рукою и одправился домой.

Спустя нісколько неділь наш старик вывлекся в поле оглянути, не нашлось ли бы что-нибудь порицати? Он рассчитывал, что посів Ивана уж едва ли удался, так будет над ким издіватися. Но какое было его изумленіе, когда обріл свої сіянія – неначе зеленый бархат, так что радость была приглядыватися сіяніям. Вмісто оказанія надлежащего удовольствія он по старому лиш ворчал: «Ну-ну, покажет весна все, знаю, и половина согніет».

Между тым з сійбой упоралися, кукурузу и картофель тоже убрали, а когда упал сніг, то лиш такая работа осталася, которую и под стріхою можно скончити.

– Да-да, старый! Я знаю осень и подлинніе, а однако мы з работою никогда столь рано не убрались, хотя и не посіяли столько, – подмітила старуха.

– Как вижу, и ты по стороні етого премудрого Ивана. А разві ты ето приписываєш его мудрости?

– И почему бы ніт? Відь, братецъ, я знаю много людей, которые и тогда не упорали бы ся з полевою работою, когда бы осень держала до Рождества Христова.

– Уж сказати, солодкая, кто ето тот человек?

– Ты, если хочеш знати.

Старый скряга замолк, ибо уж сам не уміл что противоречи, одколи всі благоразумнійшие вооружилися противо него.

XIX.

УЛОВКИ И ДІВИЧЬІ ЗАПАДНІ

Мы выше упомянули уже, что Юлія сразу никак не терпіла Ивана, а теперь додаєм, что он настолько стал ей понутру, что даже уж и снести не мог.

Как скоро вступил Иван в избу, то уж она ни з сего – ни з того стала выкладывати ему разные свої женскія суеты, приборы и все, и не переставала хваливати. Иван приглядывался, а в душі сміялся. Бывало иногда, подошла к колодезю начеряти воды и не могла упоратися – призывала слугу на помощь. Однажды даже позвала его помочи ей выбрати из сундука богатый ей туалет и вывішати на сонці, другой раз поліяти ей цвіты и пр. Все это не было без наміренного расчёта.

На расстоянія, кажется, четырех миль од усадьбы хозяіна Софронкіевича лежал небольшой городок, уж пусть назовется он Свалява. Он окружен зо всіх сторон горами и лісами. Столбовая дорога, окаймленная по обиім сторонам дикими каштановыми деревьями, додает окрестности романтический вид, чим немало гордятся жители городка Свалявы, тым боліе, что тут и минеральные воды.

Жители етого селенія понемножку усвоены в читанїи, а етім они тым боліе гордятся, что есть у них в довольном количестві «лист з неба спадший» и подобные литературны уроды.

В етом городку жил-был нашего старика брат, по професїи кожевник, но залишивший промысл свой, передавшийся боліе выгодному, но всегда вірному кабакическому званію в одной из містных корчемниц.

Етот брат нашего старика назывался Єгорем, а супруга у него была большая кокотка – легкомысленница, з тремя ребяташками. Старый Софронкіевич не любил своего брата – пьяницу, для того и рідко посіщал его; но, в свою очередь, Єгор частіе ділал свое «почтеніе», а за всяким таким разом еще и иглу надо было скрывать пред ним и его дітьми, ибо всі любили горячо чужую собственность.

Однажды позахотілося барышні Юлії посітити етого своего дядушку Єгоря (Юрія). Старик сопротивлялся етому посіщенію, но барышня прибїгла к своїм уловкам – слезам, плачам и пр., даже, наконец, старик согласился и веліно возниці Степану закладывати коляску.

– Я з кучером не стану одправлятися в дорогу, ибо он неуклюж, пусть придет Иван, – рішила баловница, на что родители должны были согласитися.

Барышня стала наряджати в недалеку дорогу, неначе под вінець. Не понутру была Ивану ета его роль, но и не хотіл не повинуватися, хотя и з лица Гафії вычитал, что и ей не нравится ета поїздка.

Иван запряг лошади и подкатил под крыльцо. Послі долгого ожиданія появилась разряженная барышня и усілась з подобающею церемоніей в бричку.

Выйдя из села, барышня, пред тым столь напыщенная, стала ділати Ивану разные вопросы, но Иван будто озабочен резвыми лошадями, лиш вполголоса отвічал. Ета невнимательность крайне раздражала избалованную барышню...

Стало покрапивати дождём... У барышні был зонтик (esernyü), и она (о чудо!) призвала его подсісти ближе под защиту зонтика. Разуміється, что Иван сразу одтягивался, но когда увиділ, что ліет как из ціпов, и боясь, чтоб баловница не расплакалася, подсіл под зонтик.

Барышня вні себя была од удовольствія, ей того и хотілося:

– Ну не одтягивайтесь, ибо иначе смокнете, відь же мы помістимся и одно при другом, тощі бо обоє, чим мої папаша и мамаша. Да матушка часто говорит, что и она, мол, не всегда была во столько объёмистой, как нынче. Что будучи дівушкой она еще тощі меня была, – продолжала болтливая баловница. – Говорят мні, чтоб шла замуж. Ну и чему ж бы не могла посягнути, відь батюшка первый хозяйн на всю окрестность! Да, я впрочем недурна собой, хотя нынче нісколько и недужна. Ей, Иван! Если б вы виділи меня, когда была я еще ребёнком, напрімір в воспитательном домі в К. – весь світ говорил, что ніт дівушки красніе меня... Сама воспитательница перемінила имя моє из Уляны на Юлію, ибо говорила, что «Уляна» ето простацкоє имя. О! Кто тогда меня увиділ, уж просто высказался: «Чья ето ангелская душа, которой краще не видати даже на иконах»? Но увы, тогда лицо моє было, как бы его раскрасили живописью, а кожа на нем была так гладка, неначе на зеркалі. А бывало, стану піти, всі франты так лиш подпрыгивают: «Вот, как соловей, на весні! Но, однако, она сама краще, чим прелестный голосок єї»... Послі того я захворіла, повезли домой и, увы, стали поступивати²⁷ – ах, как поступивати! Принуждали к работі, конопли брати, кукурузу обкапивати, солнечная спека спалила всю мою красоту, на ладонях появились мозолі – и од простацкой жизни снова слегла в постель...

Много разных подробностей из собственной біографії намолола еще болтливая баловница, которые мы здісь не станем обстоятельно излагати.

27 **Поступивати** (!?). Видав, автор мав на гадці іншакой русинської слово «потуплєвати» = «унижать», «позорить» (російськ.) (зазначка вишорителя – В. П.).

Между тым на горизонті показался вершок церковной вежи села С. Юлія впробила Івана, щоб усілся опятъ на своє місто, на козлы, ибо «сейчас будем в селі», – додала.

Такий оборот діла слишком не понравился нашему Івану, а то не из-за того, будьто єму понравилася барышня, а единственно потому, что дала єму почувствовать, что он слуга, а она – госпожа.

– Но не сердитесь, Іван! Видите, нам, інтелігентным, надо приспособляться общим правилам и обычаям. Мадам Р. часто говоривала, щоб не пускались совсім к черні, ибо ето противно утонченному вкусу. Ах, боже мой, сколько нам говоривали в інституті, виш, лучше водится простому человеку на світі, за которым никто не наблюдает²⁸. Ділаєт, что захочется. Видите, я готова бы сидіти з вами даже до скончания мира, но знаєте... Не сердите ли ся?

Іван одповіл, что не сердится.

Наконецъ, подкатили под вонючий кабаk дядушки Єгоря; и вот в зустрічу їх вышел только корчемный поденьщик, да и етот был пьян. Юлія стояла возлі брички, неначе римский болван. Ребятышка дяди Єгоря обскакивали повозку, дико сміясь на разряженную барышню, которая все стояла на дворі, ожидая зустрічи.

Наконецъ, в дверях показался толстый кабачник:

– *Alászolgája, kedves hugom!*²⁹ – стал ей привітствовать. (Нам надо здісь замітити, что и Єгор любил бавитися в мадярона, т. є. не любил свою народную, русскую річ, а ломал радніє «джмадяром»). – Бог тя принес, сродница! Уж разві чорт мог надіятися такового одолженія...

Баловница посадилась на запыленное деревяное кресло, Єгор подгонял дітей к ей ручки *megcsókolni*³⁰, как выражался, но діти высміяли батюшку.

Наконецъ, заговорила барышня:

– Больно наскучило мні дома, так задумала погостити у вас пару неділь... (Єгор и его супруга показали квасный вид). Родители казали вас поздравити и лобзати, да еще послали вам нісколько фунтов свіжего масла и пару колбас! (тут хозяйева прибрали вид удовольствія.)

28 У первопечатному тексті (1869 р.) печатники пролишили на сему місті дакілко слів, зато тяжко дає ся порозуміти смысл того реченя: «Ах, боже мой, сколь <...> окнами інститута; виш – говоривали – поет <...> лучше водится простому человеку на світі, за которым никто не наблюдает». У нашому видані тоту хыбу виправили сьме подля контекста (зазначка вишорителя – В. П.).

29 *Alászolgája, kedves hugom!* (мадяр.) – Твій слуга, моя дорога сестро! (зазначка вишорителя – В. П.).

30 *Megcsókolni* (мадяр.) – поцілювати (зазначка вишорителя – В. П.).

Приблизився вечер, а за ним ноч... в все время п'яниці ревіли в кабакі на все горло, що до смерті подразжало нервную Юлію. Она не утерпіла и уже на другий день утром собралась одіхати.

Ушла, а то еще без завтрака.

– Ну, Иван, слава тобі Господи, что кое-как свободились из этой беспріютной, вонючей норы дяди Єгора, – подняла разговор барышня, виїзжая из села С., – Ану, подсадите-ка теперь опять к мні.

Иван послушался и присіл.

– Повірте, Иван! Никогда не виділа во сколько грубоватых людей, как мої сродники. А видите, как обходились з мной... З мной, повторяю, у кого в наслідстві 10-12 тысяч гульдеников... слышали – до двадцать тысяч... не трудно, не так ли, мні хорошего мужа получить? Впрочем, я не много даю на богатство, выдержу мужа и так по графски, лиш бы он был смирный, тихий, красив на лицо, вот наприклад, как вы.

Много разных вещей наговорила ему еще на пути его сопутница, тісно прижимаясь к нему, из которых так и торчало: «бери за жену».

Что больше, в поблизкой припутной корчмі купила еще для него штоф вина – намекала ему даже и о цалованії, но Иван, почитая в ней доч своего хозяйіна, остался равнодушным, хладнокровным, ибо, по истині сказав, не было чему лакомиться.

Так и возвратились щастливо домой.

XX.

МЕЧТЫ И РАСЧЁТЫ

Возвратясь из поїздки и искусив на пути горячую приклонность к собі барышни Юлії, на которую упадет большее наслідство по смерти її родителей, в голові Ивана загніздилась мысль, что, дескать, он богато может ожениться и таким образом стать щастливым. Извiсно, что мечтою его было нажитися и хорошую жену получить. Припоминая собі уловки Юлії на пути, стал раздумывати над тым, не совітно³¹ ли бы свататись на ней? «Правда, – додал, – родители сразу будут сопротивлятися, но если баловница упрямится, станет плакати, то и у них не хватит духа сопротивлятися». Размышлял долго над етою картиною, показывающеюся

31 **Не совітно ли** («не совѣтно ли») = «подобает ли» (*російськ.*), «ци яло бы» (*русинськ.*). Видав, иде за авторськый неологізм, причинов чому было не в ушиткому доброй знатя російського языка (*зазначка вишорителя* – В. П.).

в перспективі будущности; Ивану грезилось в умі хороша усадьба Софронкієвича, просторные его поля, множество скота и проч. «Под двадцать годами, – мечтал в собі слуга, – стану набобом – миллионером, и покажу всей окрестности, как надо вести хозяйство, чтоб были барыши». Так укладывались в его голове разные незбыточные (разумеется) планы и уж брнчали в ушах слова, которые скажет ему священник его собственного селения. «Ану, что скажут мои сверстники и соотчики, когда посетят их з богатою супругою, а то еще на своих лошадях и повозки? Ну, что скажут они, когда услышат, что дома есть еще восемь волов и четыре коровы?».

Между етими міражами подумал на блідую, худощавую Юлію. Размыслил, что на всякий случай не будет из неї бережливая хозяйка, а скоріе будет обходиться ему довольно дорого. Но снова подумал, что, ставшись супругой, она поумничаёт, придет к собі. Правда, еї красота одвратительна, но все таки она богата.

Так раздумывал ежедневно в собі Иван а одбывшаяся поїздка в село С. зділала его нісколько дружественніе з Юлією, которая приліплялась к нему зо дня на день искренніе. Все его виділа Гафія, ставшая одселі развиватися в красоті, неначе весенная роза.

Юлія, в свою очередь, всі средства употребила, чтоб Ивана на свою сторону употребила, чтоб его од Агафії одтягла. Но Иван был мущина довольно рассудный и искусный, он не хотіл злоупотребити привлекательностію барышни на счёт своего утверждения в наслідстві, зато удвоіл все своє рвеніе по ділу улучшения хозяйства, чтоб снискать расположение хозяев, предполагая, что они его приверженность на больше цінят, чим какую-нибудь мамону. Сарака забыл, что он лиш – слуга.

А между тым словоохотливый мир, а преимущественно его вістунї, кумушки-болтовницы, стали рассказывать разнообразные історії про жєнитьбу нашего Ивана з парадницею Юлією.

Наконець, вся ета історія дошла до ушей старика и старухи.

– Ну, позирай, – стал ворчать скряга, – в чём ломает он голову, но перегороджу я ему дорогу.

Но не перегородживал.

Старуха взяла к сердцю поведєніе барышни и бранила её, чтоб не кокетничала настолько з Иваном, ибо непристойно его богатой хозяйской дочери к бідному слугі спускаться:

– Я не імю, – додала, – против него ничего, но всё же таки он лише слуга, а моя доч не может быть женой слуги.

На это Юлія расплакалась, стала роптати, что всякий-де только ей додівает, что никому не в силі по волі зділати: раз бросают ей в глаза, что надменна, в другой раз, что снисходительна. «Если з Иваном заговорю

по людски, вдруг уж затівають таку історію, хоть святих виноси из хаты. Мні уж и невольно з никим и поговорити, ибо всякий на мні станет остри-ти язык... Ах, Боже! Лучше было бы если б сей час умерла...».

Ну как же теперь уж наставляти бідной матери, когда барышня за одно неприятное замічаніе готова зо світа сойти? Для того бідна старуха не говорила больше уж и слова, а лиш пред Гафою изліяла всю свою гореч, что, мол, она не знаєт, что будет из єї Юлії.

– Тётушка, ніт инного способа, как либо одно, либо другое од дому оддалити, ибо вконець ваш дом попадаєтся в бесчесть, – совітовала Агафія.

– Виш, если Ивана оддалю, то больший урон произойдет в хозяйстві, мой старый к ничему, а даже еще станет мні доідати, что однужала хороше-го челядника. Если Юлію пошлю куда-нибудь, то она на смерть затоскуєт, а по тому весь мир будет осуждати меня, что я, родная, убила єё...

А между тым у Гафы сердце боліло, что Иван, етот образец мушин, приліпляєтся к таким потворам³², как Юлія (Гафа была довольно недурна собою), и так придется єй пожертвовати Иваном. Бывало иногда, барышня станет пред ней выхваливати благообразность, доброту и приліжность Ивана, что будьто она и на перекоп родительской волі посягнет за него. У Гафы так и сжмается сердце, она поворочивается в бок и молчит, а Юлія все ето приписывает ревности. В свою очередь, Агафія змагалася «баловницю» увірити, что дескат Иван єё не любит, и чтоб она, если разумна, своїм сомнительным обращеніем з Иваном не причиняла родителям непокойств и стараній.

На все ето Юлія сміялась єй в глаза.

– Виш, – говорила єй барышня, – у Ивана єсть разум на своем місті, тебі снится будьто бы он готов на тебі свататися, разві не здуріл? Что ж и получил бы з тобою в приданое? То, что на тебі? Не думай даже любезная, что навяжешся на него, ибо и не Иван, но и послідній поденьщик прежде испытает: кого берет в жену? А затым спросит: нравственного-ли поведенія?

Гафію больно кололи едакія замічанія Уляны, или по барскому – Юлії, но что было ділати? Барышня своя, а Гафа – только «годованиця», но за то она не оставалась єй должной.

– Какая, же ты премудра, а по русски и читати не умієш, хотя и русского отца доч. Стыдись сама себя, если уж не другого, весь день свое

32 **Потвора** (русин.) = «бестия», «кикимора» (російськ.). В орігіналі было напечатаной так: «порвора». Видав, туй проскочила хыба, котру сьме виправили (зазначка вишорителя – В. П.).

«*Hazádnak rendületlenül*»³³ верещиш, а по руски не то, щоб уміла воспіти уж н. пр. «Русска земля есть наша мати!» или хоть «Коб я была біду знала», но еще «Помилуй мя, Боже» и «Вірую» не знаєш.

Между тым наш Иван глубоко задумался:

– У Юлії богатство, но Гафія прекрасна. Перва заискивает его благорасположения, а втора из-за етого убігательства³⁴ холодно односит-ся к нему. При всей етой холодности Гафія не могла воздержатися, чтоб иногда не заговорити з ним пріязно, что увидя, барышня ударила в тревогу – настала буря. Сперву барышня грозила «служанки», что ей побьет, а потому напала на Ивана, выщитывая ему неблагодарность, что он мол только слуга, а желает её, богатого отца доч, обольстити.

– Теперь вижу я, – разразилась барышня, – все последствие, могущее произойти из того, что я к такому смітю спустилась. Но, слава Богу, зараніе отворились глаза мої, не буду столь бессмысленной, чтоб поділилась на богатстві з леда-волокитою.

Затым почала она плакати навзрыд, угрожать, что скочит в колодезь, что повисится, возмет яду, преріжет гортан или, что всего лучше, перейдет на «кальвинство»; но ей угроз никто не боялся, и она на щастье либо нещастье осталась в живых – на біду Ивана и родителей.

У Ивана было настолько ума-разума, чтоб понял, что из такой дівушки, котора уж теперь бросает ему в глаза, что он только слуга, котора уж теперь в такой мірі ревнива, хорошая супруга не будет: для того порішил, что прервет всі иллюзіи баловницы и ету невыгодную связь з нею. Но плаксивость и оныє обіщанія Юлії, что, выйдя замуж, не станет ревнивою, за каждым разом поколебали его рішеніе.

– Право, не любиш ты меня твердо и искренно, – додала она, – ибо если б любил, иначе бы поступил.

– Да вірь, я люблю тебя, но если желаєш, чтоб сватался на тебі, то заговори з родителями, требуй свадьбы чим скоріє, тогда увидиш, что я постоянен.

– О, свадьба не настолько ускоряема, можем подержать её уж тогда, когда одкладати нельзя будет... Головное діло в том, чтоб любили себя

33 «*Hazádnak rendületlenül*» (мадяр.) – «Ваша отцюзнина хитка...»; первый шорик из патриотичного гімна «*Szózat*» – «Воззванія», 1826) мадярського поета Мігая Верешмарті (1800–1855) (зазначка вишорителя – В. П.).

34 Убігательство («убѣгательство») (?!). Видав, иде за авторський неологізм, причинов чому было не в ушиткому доброй знатя російського языка. Семантично сесе слово близькой до слів: російського «обстоятельство» ци русинського «убстояня» (зазначка вишорителя – В. П.).

взаїмно, як муж и жєна... На Гафу, братець, нєльзє будєт уж и посмотрїти, ибѠ обѠм вам выдовбаю глєзє.

– Такої взаїмної любви я как честный мущина не хочу, – отвітил Иван и обернувся в сторону.

Вїсти, а особливо ложные, на орлиных крылах парят; так сталося и з мнимой женитьбою Ивана – половина уїзда говорила только об ней. Один завідил Ивана скрягі, а другий богату ю невісту Ивану слугі, и наконець діло дошло до того, что и прочіє челядники старика стали вірити, что Иван станется будущим їх хозєїном.

Люди стали уж поговоривати: «Ну когда уж єта помолвка собудется? Когда Иван станет жениться на Улянї – виноваты – на Юлії?».

Между тым настала Тячовскє ярмарка, и Ивану надо было выправитись з одною заколівшею клячею, продати єї.

Выпал уливный дождь; Иван на пути зашел в питейный дом, увязав лошадь прежде в стоянкі. Нечаянно-неожиданно сошелся тут он з прежним своїм хозєїном Андрїєм. Радость єго была неописанна, но Андрей, вопреки своего обычая, оказывался для него слишком холодным и непривітливым, что нашего Ивана сильно тревожило.

Послі долгого молчанїя Андрей-хозєїн прервал молчанїє:

– Как вижу, Бог уллучил діло твое! Слышу, что незадолго станешся полным хозєїном? Что, мол, поїмеш доч Софронкієвича? По крайней мірі, подобная вість...

– Вість как вість, но нїт в ней правды...

– Гді нїт огня, не дымится, – говорят люди.

– Правда, єсть кое-что в ділі, что может и минутися, ибѠ старики свое еще не высказали.

– Но я еще и иное слышал, если правда...

– Ну и что? – вопросил Иван любопытно.

– Что дівушка в надежном-де положенїю.

– Єто самая черная клевета; злодій, кто выдумал подобную історїю. Готов бы скрыться под черную матушку-землю, если бы подобными путями задумал прїобрїсти себї жену. Єй Богу моему, что правду сказал.

– Ну если так, то прости, брат! Виш, я всегда почитал тебя честным... Слышал, да не вірил, ну слава Тебї Царю предвічный, что єто все неправда. Радуюсь тому од всей души, ибѠ иначе и менї досталась бы извістная доля бесславїя. Ну, говори же теперь одкровенно, как стоїт єто діло у вас?

Иван не обинуясь рассказал все положенїє домовых отношений, что нам уж и так извістно, а наконець з ударенїєм подмітил, что єто де не был бы послїдній барыш для бїдного слуги.

- Что ты задумал, Иван?
- Правда, она нынче недужна, но врач говорил, что исцілієт, когда выдет замуж... Впрочем, богатое имініє – не послідня вещь.
- Понимает-ли что из домостроєнія?
- Уж ето правда, что она мало заботится домовыми ділами, в кухню даже и не заглянет, но умієт шити, чулки вязати и пр. Но если уж раз переймем хозяйство, то можно нам держати кухарку, не должна же ділати только хозяйка.
- Не противорічу, но требуется, чтоб хозяйка надзирала за кухаркой, чтоб к всему разумілася, ибо уж ето послідняя біда, когда хозяйка, не понимая свое званіє, не ест бережливою и оглядною.
- Но имініє богатое...
- На то отвічай, Иван, большему ли имінію рад а плохой жені? Или доброй жені а не великому имінію? Я з своей стороны избрал бы посліднее условіє, ибо хотя богатство и непослідня вещь, но богатство все же еще не составляет блаженство жизни. Горе, брат, семейственной жизни, если муж вні дома искаєт радость и развлеченіє.
- Відь же вы сами, Андрей-хозяїн, внушали мні, что лиш тогда будет из меня человек, когда стануь бережлив, – возразил Иван з ніким-то негодованієм.
- Внушал, да и теперь не перестаю внушати. Бережливый щастливіє, чим расточитель, и не человек тот, кто не памятаєт про чорный день. Кто не начинаєт з-измлада, тот на старость терпит недостаток, и бережливый молодой человек всегда получит добрую супругу, хотя, впрочем, богатая, жена не всегда еще головное блаженство жизни. Да вірь мні, брат, что суть дівушки, которых скоріє можно бы пояти в одной юбкі, как нікоторые з їх ящиками сокровищ. Впрочем, ділай как угодно, а я лиш дал совіт.
- Но Юлія совершенно перемінится, выйдя замуж...
- Ділай, что хочеш, но прежде старательно разбери. Я другому бы столько не говорил, но судьба твоя на сердці мні лежит. Впрочем, мні надобно спішити дальше; если хватит у тебя времени, то посіти меня, тогда больше побалакаєм об етом ділі, все то разумію, если уж не будет поздно. Бди и молись, Иван, да не впадеш в искушеніє, прощай! – з тым Андрей-хозяїн пошол своею дорогою.
- Уж ето бы был никогда не віровал, что етот человек не будет рад моему щастью, – пробормотал Иван послі долгого раздумія. – Но правда, он и сам хозяїн, а так стало быть завидуєт моему щастью, что, будучи слугою, хочу жениться на хозяйской дочкѣ и, можно, стану побогаче, чим он сам... Ну и что єму до того, хороша ли Юлія иль дурна собою? Відь, же и он,

женнясь, не взирав на красоту. Впрочем, не буду уж так долго в нерішимости висіти, ословлю Юлію, щоб побесідовала з стариками, ибо если предстоящей осени не збудется свадьба, з новым годом оставлю этот дом.

Так мудрствовал Иван и одправился домой.

XXI.

ЮЛІЯ ОТХОДИТ НА ВОДЫ

Прийдя домой, Ивану казалось, будто он остановился на собственном своем подворьи, и увязав лошади в конюшню, сей час стал обходить «обытьс» (как говорилось на этой околице), счисляя, во сколько могло бы обойтись все имініє, сколько готовых денег было б у старика; и настолько понурился в свої расчёты, что даже и не смекнул, когда подступила к нему Юлія, доброго вечера желая ему.

– Ей-гей! Какой же вы горделив и не отвечаете на поздравление мое! – сказала Юлія, ударив слегка Ивана по спине.

Иван не сказал ничего, а только вынул из котомки принесенные для суженой из города подарки и начал річ по прежнему:

– Ну, как же стоят акції? Любил бы узнати: солома-ли, или сіно? Ибо куда-нибудь повернусь, всюду докучают вопросами, а даже и посміиваются, что так долго допускаю себя морочить. Либо свадьбуйме, либо я убираюсь проч!

– Свадьба-то зависит од меня, – отвітила Юлія, – и я, если родители разгнівлят меня, вдруг даю себя выголосить, хоть и треснут з гніва. Но нынче свадьбовати еще нельзя. Матушка обіщала повести меня на четырнадцать дней в купіль в Вишково; пока не возвращуся, з свадьбы не может быть ничего, но и свадебные приборы под минутой не могут изготовиться.

Иван стал противорічити, гніваться, но Юлії снилося только з Вишковскою купелью. Минули три дня, пока она собралася в путь, нагрузила три чемодана и цілые дни лиш о том говорила, как будут в купели ей гардеробу подивляти. Каждого спрашивала: сколько облачений надо ей брати, во сколько разов в день переодіваются в купели, гді покупается самая лучшая розовая вода? Наконец, матушка ей не утерпіла и разгнівалась, больно разгнівалась, так что поїздка їх стала сомнительной, но з «щеголихой» нельзя было шутить, ибо или идти, или она умирает.

Наконец собрались в путь, на возі сторчали дві огромные скрині з приборами Юлії. Бідная мати все свое платье связала в скатерть и

возложила собственноручно на повозку. Нагруженный воз наконец тронулся и Юлія од великой радости даже и не попрощалася з Иваном.

В домі по одбытіі двух женщин настало пріятное затишье, на сердці домашним полегшало, неначе бы камень снял з груди. Иван уж без всякого задержанія, боязни пред Юліей мог з Гафіей разговаривати, и не был принужден то вправо, то вліво оглядыватися, не прикрадывается ли ревнивая барышня. Помалу и Агафія смирилася и стала забывати, что в присутствіи «щеголихи» она была пренебрегаема, упосліждена. Относительно домогосподства радость была приглядыватися на порядок в ділах трудолюбивой дівушки. Иван располагал в полі, а Гафія в поварні, работа шла как по леду, нигді не было застоя, зато однако поворчивал довольно старый скряга, не будучи ничим доволен, хотя и самый лучший порядок господствовал в ділах хозяйственных. Он, бідак, едва ожидал прибытія своей супруги з баловницей.

Но лишим нашего скрягу а перенесемся мыслію в В-скую купіль, гді наша мужицкая барышня в сопроводі своей мужички-матушки появилась так «en nobel». Бывшие на водах В. купелі барыні едва могли воздержатися од сміха при появленіи нашей Юліі, или Уляны. Все на ней было столь пестрое, что возбуждало всіх к сміху. Мущины сміялись из Юліі вголос, а бідная мать принуждена была слушати такіе замічанія, какіе не водятся в печати.

Нещастливая мать, так тебі треба!

Зато наша «щеголиха» выступала в купелі чим боліе вычурно. Были там франты, которые заскакивая около ней, тым боліе насмівались над ней. Но барышня тонкіе насмішки купельных бродяг не понимала. Єй всего боліе огорчало то, что, в-первых, приходилось єй їсти при общественном столі среднего сословія, так как матушка єй не рїшалась замішиватися между господ; во-вторых, что приходилось вставати зараніе и пити минеральную воду натошак по предписанію лікаря.

Мущины, купельные франты, сначала высмівавшіе нашу щеголиху, теперь разохотилися вступити з нею в конверсацію, особенно в время танцевальных вечеров, ибо хотя барышня в всем, что было дільное, оказывалася неловкою, но ето уж признати потребно, что в плясках была мастерицей, так лиш порхала по боку франта.

Сначала еті герої думали, что Юлія не инное существо, как взрощая на романах обожательница полнолунных ночей, стали спрашивати єї, которые писатели всего лучше нравятся єй? Читала ли вот сей или тот новійший роман?

Но Юлія едва брала раз в год книгу в руки, она перелистивала коескогда только календарь, отыскивая день своїх именин – когда, гді одбудетсѧ,

какий праздник, и мы сомніваємося, уміла ли два-три строки безошибочно прочитати. Юлії на умі были только ей приборы, собственные выгоды, мысль, как бы получше выдти замуж, хорошенько покушати и т. п. Для того на подобные вопросы лиш то отвічала, но не иміет удовольствія етіх господ познавати. А так франты, которым не пощастилось на поприщі литературном, перешагнули в обруб восхваленій и подсказиваній, и стали вестись столь бесстыдным кавалерством вокруг щеголихи, что бідная, боліе умная мати принуждалась свою доч часто напоминати: «Уляна! Как можеш ты ето снести? Разві не смекнула еще, что еті господа только глумлятся над тобою, держат глупым сельским гусятком? Если бы был мні кто-нибудь, когда еще была дівушкой, подобные річи говорил, то выдерла бы ему глаза или выплескала по щекам». Но Юлія не слушалась умных внушеній матушкиных, вірила и дальше насліпо лестным словам, плавала в упоительных роскошах и сама по собственному влеченію одыскивала такіе кружки, гді служила предметом посмііваній и грубых шуток.

Вскорі затім недолго діла взяли иной оборот, стрілы насмішек притупилися, как скоро франты довідалися, что за барышнею в спадщині около 50,000 гульдеников выглядывает, и сей час бесіда їх взяла не тот тон. Пятьдесят тысяч! Ето самое большее бервено в глазу того, кто токмо из-за денег женится! Пред дівушкою з 50 тысячами всякий мущина может сняти шляпу. Наши франты поодиначні готовились на атаку противо 50-ти тысячам, но заким франты вырабатывали планы и стратагемы, один смілый предприниматель едва не осутил всі їх пляны.

Ето был сын мелкогородского мясника, ни барин, ни хлоп, ни ремесленник, а просто торговец з свинями, франт на всю околицю, игравший великую ролю в В-ской купелі. Называли его вообще Мясником. Персты у етого волокиты всі были приукрашены золотыми кольцами, на золотой ципі в кармані висіли драгоценные часы. Был он ловкий, неначе любой акробат, а болтал неустанно, как сорока. Он-то столько наговорил в уши старухи и ей баловницы, что они лиш его держали самым лучшим человеком между всіми гостями в купелі.

У Мясника было столько ума-разума, чтоб ету слабость наших женщин вскорі замітити, для того он немного раздумывался над тым, чтоб не поднял упавшее ему з дерева яблоко.

Прекрасный, ведренный день был. Мясник прокатал наших женщин на своєї бричці в сосідній городок. Вороны его рысью мчались по гладкой дорогі. Чрез полчаса пролетіли они полтора мили, под которым коротким временем у старухи больно кружилась голова, а щеголиха впадала в обморок. Мясник надірал в містечку великого шуму, платил и полною

горсткою розміtywав деньгy, щоб старухі пустити пиль в глаза. Он лиш самыє дорожє вина пил, а жєнщїн єдва не утопил в разных сладостях. А так как и наша старуха не чуждалась доброго «винка», то случилось, что она за столом задремала.

То и ожидал наш вертополох.

Он-то присунулся ближе к Юлії и пожал єй так сильно руку, неначе бы какого дикого вола схватил за рог. Барышня не завизжала, дабы не разбудила мать, но вспать нїжно пожала руку у Мясника.

– Ох, если б никогда не разлучался с вами, – сказал франт, – или для чего увиділ в первый раз небесное существо!

– Ах, вы осел, ги-ги-ги! – отвітала Юлія и боднула в бок кулаком умилившегося кавалера, хохотая до задушенія.

– Боже мой, отче мой! Что зділаю, когда придется с вами разлучати? Уж, пожалуй, пущу пулю в лоб.

– Ну, такую глупость не ділайте.

– Клянусь чєстью, гонором, что зділаю.

– Станете стріляти – я вскрикну, ибо не потерплю, щоб меня винили.

– Ах, если б можно надіятися! – и опять пожал єй руку. – Ах, если б вольно было уповати! – Вздохнул и вновь пожал худощавую долонь у Юлії.

Юлія встремила на него пристально свої потухлыє глазыки и наївно прорвала:

– Осел вы, відь я и слова не понімаю из вашей бесіды.

– О, если б вмісто вас говорило при мні сердце ваше, тогда поняли бы.

– Глупая бесіда, відь только уста, а не сердце говорят; ну было бы что послушати, когда бы и сердце стало говорити.

– Ах, Юлія! Вы растерзаете у меня сердце.

– Врете, и не прикоснулась к нему.

– Пусть уж случится, что иміет случитися, а дальше не снесу, хоть и помру, ну вон с ним! – сказал Мясник, – Юлія! Я люблю вас, без вас я пойду к чєрту, убьюся. Хотите ли моею быти? Ущастливите ли мя рукою и сердцем?

– Это значит посягнути за вас?

– Да, да!

– Так говорите одкровенно, но думаю, вы только шутку ділаєте из меня.

– Ни чуть, нїт, я готов кровью запечатліти, что без вас не проживу и до Спаса.

– Какой же вы шельма! Напутали человека вдоволь своїм длинным введенієм, было сказати одразу на разум...

Франт было протянул уж руки к ней, желая запечатлѣти любовную свою исповѣдь, но старуха, захрапѣв, пробудилася.

Наш Иван совершенно изник из памяти Юлії, місто его занял Мясник, который снова противляется, буде лише скряга дома согласится.

– Но ради Бога, поднимитесь, – додала, – ибо застал высушивать бокалы и выхваливать себя на весь світ.

Послі долгих просьб женщин наконецъ велѣл заложити лошади в бричку, но гости его лиш так согласились сісти з ним, если не допустит столь безумно погонять коні, что он пріобіщал и кровью запечатлѣти обіщанное готовым казался. И слово свое держал.

– Вы, сударь, много днесь израсходовали на нас, – промовила старуха, когда уж дома очутились.

– Извините сударыня, за вас обіѣх готов и жизнью пожертвовать, – отвітил франт, – хотя бо я богат, но чувствую, что к моему счастью чего-то не достает. Мні надо жены! Я не позираю ни на имініє, ии на красоту, а токмо на доброе сердце. Тако сердце познал я у барышні Юлії. Я єї з первого взгляда полюбил, обожаю єї, как никто другой. Я без ней жити не могу! Ах, не убейте меня, не затворяйте передо мною небо счастья, раз- милосердуйтеся надо мною, – и наш Мясник тут же повалился старухі к ногам.

Старуха од такой річи расплакалася и лиш столько могла проговорити, что, мол, не сопачкаете дорогіє ваши штаны – и, схватив его за воротник, подняла з землі.

– Ніт, не встану, – отвітил франт, припав снова на коліна, – не встану, пока не пріобіщаете!

А так, когда уж старуха пріобіщала, то франт встал, выпрямился и оддохнув глубоко.

Двухнедѣльный сезон (saison, idény) наших женщин в купелі вскорі минулся, пролетѣл, как сон, и за нашими женщинами приспіла з дому повозка. Женщины собралися, попрощалися з Мясником, обіщавшим незадолго засвидѣтельствовать лично свое глубочайшее почитаніє, наконецъ тронулись в обратный путь.

Прекрасный літній вечерок был, когда стали на дворі наши купельницы. Старик и Иван вышли пред них з привѣтствієм. Старуха не могла довольно нахвалитися, увидя порядок такий в домі, а Юлія, в свою очередь, не старчила высказать все, что видѣла и слышала на водах, но на нашего Ивана больше уж и не поглянула.

МЕЖДУСОБІЄ, ЄДВА НЕ ЗАКОНЧИВШЕЕСЯ БРАКОМ

По возвращеніи Юлії из купелі дивым стало Ивану, что она его и вниманія не удостоивает. Но прежде, чим будем заниматься нашим героем, обратимся и вникнем, что діється вewnątrz, в кругу семейства.

Старуха все уже высказала, что лиш попалося ей на ум, но про одно имя умалчивала; ей казалось, что всегда, когда его имя она хотіла высказати, что-то задерживало її. Наконецъ, когда старики остались наедині и старуха готовилась лечи спати, развязала уста. Старик уже улег.

— Спиш, старый? Еще кое-что должна тебѣ одкрыти, ибо иначе само провалится боком.

— Ну и что его будет? Можно, прокутила всі деньги либо наділала долгов?

— Ни се, ни то, а омного важнѣйшее, толь не смію высказати.

— Е, говори же, чтоб не провалилось наружу чрез бок.

Старуха скрепя сердце исповіла, что, виш, Юлія уловила жениха, который прибудет на днях, ибо молодые, мол, все уж скончили между собою.

— Побери же вас дідько! Но тут и я имію свое слово, — стал горячитися старик.

— Ну-ну, не ділай шуму ночью, чтоб не збіглися всі, как на пожар.

— Что скажет на этой мой сынок Иван? Он навѣрно сей час оставит нас, а потому кто будет вести порядок в домі? Такого челядника не всюда сыщеш. Відь из-за Уляны то он столь прілежен, да еще и платы не требует.

— Неужели ты желаеш иміти его своїм зятем?

— И за світ нѣт, но знай, что пока Уляна в дівках, он не престанет надіятися и не лишится нас. Под тым временем может что иное случитися, могу и я померти, а уж тогда ділайте, что хотите. А по тому, чему его бідное гусятко замуж выдавати?

— По тому, что может какую то шалость зділати, відь и Ивану не надобно во всем повірити.

— Из этого, стара, не будет ничего.

— Но потеря великая будет для нас, буде не воспользуемся удобным случаем, ибо такой знатный барин не будет больше на ней свататися.

— Что за дідько? Еще к тому барин, — стал подсмѣиватися старик. — А барин, навѣрно, голотарь, волокита... Если бы на ділі самом был

барин, то и не поглянул бы на это худощавое созданіє. Он уж навѣрно промотавшийся франт, у котораго нѣтъ чим наѣстися.

— Ага нѣтъ, столько у него денег, что некуда их подѣти.

— Это все вздор. Если богат — то дурак, на самом дѣлѣ глупак он, если за такою пропадет, которая и некрасива, и небогата, которая к тому столько разумѣет к доведенію, как курица к чтенію. Говорю ти на серію, чтоб сюда не приѣзжал, ибо велю его выбросить з слугами на улицу. Я для баронов не воспитал доч; если б был мужицкій сын, Бог з ним — оддал бы, такой, по крайней мѣрѣ, схочет работати, но кто раз промотался, а лиш готовое умѣет расточить, такому за дверями у меня мѣсто. Еще бы! Про барышню пойду на стары дни з котомкою!

— Говорю ти, что зажиточный, богатый, не нуждается в нашем.

— Знаю я таких баров-богачей, им только денежки в головѣ.

— Нѣтъ у тебя ума-разума, старый! — рассердилася добрая старушка, — развѣ я тому виновата, что между собою уладили дѣло; думаю, не станеш вѣрити, что навязываю на кого-нибудь дѣтя свое? Ну, сопротивляйся, увидиш, что почнеш з Юліей.

— Не будет из этого ничего. Покойной ночи, спи хорошо! — з тым скряга обратился к стѣнѣ, накрыв покрывалом даже и голову, и захрапѣл. Но старуха не могла уснуть.

Но ни в побочной избѣ, гдѣ Юлія и Гафія спали, не могли уснуть. Едва улеглись, как вдруг щеголиха начала:

— Эй, Агафіе! Когда бы ты видала, но тебѣ это нельзя знати.

Гафія сразу мыслила, что дѣло относится до какого-то новаго прибора, не совсѣм ломала себѣ голову, чтоб одгадать загадку, самой лише Юлії извѣстную. Поворотилась к стѣнѣ и пожелала барышнѣ «покойной ночи», и умолкла.

— Что скажеш на это, Гафіе, когда придет за мной богатый барин в вызолоченной каретѣ?

— Об этом ты, получше, спроси Ивана.

— Никакіе спросы, мнѣ до Ивана ничего, и так уж знаю, что вы двое сплелись съиздавна и продолжали звязь в моемъ неприсутствіи.

— Это ты мнѣ не говори. Развѣ когда поддобривалась я молодцам? Это полно, стыд, что ты, будучи хозяйскою дочерью, бѣгаеш за деньщиками в конюшни. Развѣ дѣлала я это когда-нибудь? Мнѣ не надо твоего Ивана.

— Моего Ивана? У меня нѣтъ Ивана, мой называется Артур, который и заручился з мной, незадолго придет; знаю, будеш дивитися, как теленок на новыє ворота. Еще бы, Иван? Кто же он? Только бѣдный слуга. Барин возьмет, слышала?

— Но что скажет на это Иван?

– Разві я тым непокоюся, што скажеш? Не сошла яшчэ з ума, каб посягнула за слугу, калі імешся ў выглядзе багаты барін.

– Відь, же ты абішчала яму женой быць, для чаго абманываеш яго?

– А разві юношы не абманываюць доволі дівушак? Пусты абманет раз і дівіця.

– Ето уж нешчаснае дзіло, так я і гаворыць з тобою не стану, – і замолкла Гафія.

На другі дзень настала затышье, боювыя бакі не гаворылі між сабою аб ёй рэчы таго дня. Старуха раздзіліла свае падаркі, а Юлія між сабою адкрыла служанкам, што, дэскаць, ёй возьме багаты барін, а Іван, мол, «поуціраецца».

Іван між сабою без всякіх падозрінняў скончыў сваю работу на двары і не мала удзівляўся, узвешчав к вечару з твары прочей челяды злорадную насмешку над сабою, калі прымушдаўся паглытаць разныя колькасці і астроты, а прычыны не знаў. У хліві з ім спаў малчык, пастух валов, крэпка прывязывавшыся к яму.

І вот Іван загаворыў к яму, калі ўлегліся.

– Не знаю прычыну, братец, у нас што-то дзіўна прайшло?

– І я не знаю, но гавораць, што на барышні будзе жаніцца какою-то багатым гаспадынем.

– От каго слышав ету вешць?

– Сама Юлія гаворыла служанкам, но ў дзілі ўсе такія ёсць какая-то доля правды, ібо хазяін дуецца і не загаворывае к хазяйцы.

Нашаго Івана як бы молнія паразіла, он не верыў, што Уляна столь бесхарактэрна. «Неужэлі ето ёсць вазмездзіем моіх забот? Мена держат дурнем, абманываюць, а напаслідок выстаўляюць на посміянне. Ніт, ето я не прымушдаю тэрпіць із-за таго аднаго, што я толькі слуга! Боже мой, какае прокляціе лежыць на етом слові – слуга!» – разсуждаў у сабе Іван і хотіў было ўж уснуць, но блаславіты сон абходзіў яго.

Другаго дня, пробудзшыся зо сна, вазнаміў удацца к хазяйцы і выведатся, правда лі, што людзі гавораць, ібо інакш сённяшні дзень пакіне дом. Он таке нужным счёл паведатся з Юліей, загаворыць з ёй, но она абходзіла яго і толькі спусяць тры дні мог захапіць ёй у агародзі, гдзі она, разрыжана па шэгольскі, сабірала асенныя цвіты.

– Скажы мне, Уляна! Чэму абходзіш мя ад пару днэй? – вшысь Іван барышню Іван.

– А я ў самым дзілі не абхожу вас.

– Вас? – вшысь Іван з удзвешчав. – Но чэму не оказываеш мне пражню прыклонность?

– Ну, а хто павеліць мне, каб сак лібо так абходзілася з вамі?

– Так? Вот как вижу, люди правду говорят.

– А хоть и правду говорят, что кому до меня? Я не исследую, что вы в моем отсутствии з Гафіей «выварили».

– Я ничего плохого не здійлал, но ты – нечестная дівушка, ибо разбираеш в женихах, как в одежді.

– Боже ты мой! Єще сміет говорити, что я нечестная. А ты – подлец, дармоїд, сейчас позову батюшку.

– Ну, бою же я ся твоего батюшки, пусть позовеш и самого дьявола, а я все таки повторяю, что нечестна ты дівушка.

– Замолкните же, иначе сейчас впаду в обморок.

– Ну, ето мні в голові, пусть и поразит тя...

Єдва высказал ето Иван, так сразу остановилась у крыльца дома щегольская бричка, из которой выскочил богато убранный городской барин.

Юлії етого только надо было и, вмісто, чтоб впасти в обморок, воскликнула: «Вот, он!» – и побіжала приїзжему в встрічу. Старуха стояла на приспі дома и утирала руки в передник, но старик не выходил из своєї коморки. Наш Иван стоял в огороді, неначе жена Лотова³⁵.

Долго раздумывал над тым, что ділати, наконец стис руку в кулак, погрозился на дом и разразился з всім гнівом: «Раскажу єму всю истину, росповім, з какою подлою душею связывает судьбу свою, а послі покину етот гріховный вертеп». З таким наміренієм направил он шаги своя к избі, но одна ніжна рука задержала его. Ето была рука Агафії.

– Пускай меня, пусть иду! – заревіл на неї разлученный Иван.

– Ніт, не пушу! Иван, успокойся, спокойность твоя всего боліе будет Юлію гнівати. Єсли бо замішаєшся между них, то и діло – высміют тя. Благодари Бога, что так сталося. Больше уж не говорю, только то додаю, что єсли б так знал барышню, как я знаю єї, и за весь мир не женился бы на ней.

– Єсли так, то сейчас оставляю етот дом.

– И того не ділай, ибо опять высміются над тобою. Єдин скажет, что прогнали тя. Другий, что зділали из тебя осла, а послі обманули. Иван! Так бери все, как бы оно тебя ничим не интересовало, тогда весь мир станет по твою сторону, а їх осудит.

– Ты настоящая ворожея, Гафіе! Но пусть меня... Єсли на дальше останусь у них...

35 **Жена Лотова** – безименный біблійный персонаж. Жена Лота ся перевчинила у соляный стовп, бо ся (наперек ангелському наказаню) обернула, обы видіти, як небесный огонь спалює Содом и Гоморру (зазначка вишорителя – В. П.).

– Только до нового года останися, тогда и я хочу убраться оттуда. Теперь продолжай свое занятіє; тым ты всего скоріє заткнеш рот говорунам.

– Ты права, добрая дівушка! Так зділаю по твоєму совіту, – отвітил Иван и приялся за свою работу, а Гафія побіжала в кухню варити для дорогого гостя.

Между тым, когда в огороді происходил етакий разговор, гость в избі разложился, неначе давный знакомый. Женщины поставили пред него вина, сыра и білого хліба, а наш гость принялся за предложенное з отличным апетитом, ибо – как замічал – ето все біленькіє ручки Юлії приуготовали... Старуха побігла к скрягі и стала досаждати, почему не надіваєт праздничного платья и не спішит привітствовать великого гостя.

– Я поистинні не стану ухаживати за волокитою, – отвітил. – Я з ним не имію ничего, пусть радніє убирается из моего дому, ибо иначе прожenu его, – додал.

– Уж отважил бы ты ся посрамити властную доч, свой дом, семью и все? Хоть и не терпиш его, то однако появися уж ради самого приличія.

Старик поворчал еше нісколько минут, наконец вошел в приємную комнату, но только в будничном³⁶ платї.

– Очень рад, что имію честь засвидѣтельствовать свое почтеніє. В первых, испрашиваю прощенія, что посмѣл отягощати вас, но меня сильно подстрекивало узнати про здоровье досточтимой госпожи и ненаглядной єї барышни, как иміются они послѣ купелі, гдѣ я к неоціненному своему удовольствію имѣл честь коротко зблизитися з ними.

– Так слѣдует, что и вы, сударь, были недужным, что должны были посѣтити купелі? – вопросил старик.

– Хворати я не хворал, но нуждался в развлеченіи, ибо почти весь прошлой год странствовал по своїм ділам из Лондона в Париж, из Парижа в Петерб³⁷, а оттуда чрез Берлин и Вену в Пешт, – отвітил з такою хвастливостью, что у старика голова кружилася.

– Говорити відь мастер, хоть бы из письма читал, и лиш бы только вполовину правды в его бесіді, то не был бы послѣдній человек, – подумал Софронкієвич.

Затым начал мясник рассказывать про свої торговые сношенія, о хозяйствѣ и промыслѣ, из чего можно бы найбільше барышей³⁸ получитьи,

36 В орігіналі было напечатаной так: «в будучном платї». Видав, туй проскочила хыба, котру сьме виправили (зазначка *вишорителя* – В. П.).

37 Иде за російську столицю Петербург (зазначка *вишорителя* – В. П.).

38 В орігіналі было напечатаной так: «барышней». Видав, туй проскочила хыба, котру сьме виправили (зазначка *вишорителя* – В. П.).

из чего вышло то, что старик не только, что полюбил франта, но єдва сам не навязывал на него тещедушную барышню.

Выйдя в кухню, хозяйка спросила скрягу:

– Ну как, нравится «жених»?

– Как барин – то довольно умён, ибо и то еще знает, что у коровы суть роги, а у лошади їх нїт, – отвітил з іронією.

З хозяйственных предметов перешагнул наш франт к своему обыденному занятію, т. є. стал выхваливати столовый прибор, вино старика, уміл говорити о разных родах вина, в чём оказался непослїдним знатком. Барышня стала подозрївати «волокиту» в приклонности больше к вину, чим к ней, и, выйдя в кухню, горько жаловалась матушкї, что необразованный жених не проговорил к ней еще ни слова.

– Видиш, моя любезная! – отвітила мать, – что он прежде всего заискивает благорасположения батюшки.

Но барышнї такой отвіт вовсе не был понутру, она возразила, что єму бы выступити, как говорится «просто з моста», н. пр. вот я, Мясник, беру барышню Юлію – и конец всім церемоніям.

Между тым старик возвратился в избу и начались между ним и женихом переговоры. Франт встал и предложил цїль своего прибытія, о приданном не смекнул и слова, вмїсто того вынул з бумажника кучу штатских паперов, облїгацій и купонов, чванясь своїми богатствами.

Старик думал, что пред ним стоїт воскресший поганский царь Дарїй, з всіми своїми богатствами.

– Милостивый государь мой! Если вы настолько богат, то почему убїгаетесь о руку одной бїдной, к тому нездоровой дївушки? – спросил его старик.

– У всякого человека, сударь, свой вкус. Один любит толстое, а другой – худое, одному – брюнетка, а другому – блондинка, а мнї по вкусу токмо барышня Юлія, навїрно єї Бог мнї судил.

Старик успокоїлся єтїм отвітом и наконец послї длинного введения обратил рїч на приданное.

– Милостивый государь мой! Не говорьте об єтом и слова, мнї не нужно приданное, ибо не желаю, чтоб жил на счѣт жены. Если послї кое-что дасте, поблагодарю, или если н. пр. дасте взаїм на 20-40 перцента, чтоб вложил деньги в комерческіе свої занятія.

– Так сударь мой, ожидайте отвіта о двї недїлі.

– Уж почему едакий далекий срок? – возразила вступившая в комнату Юлія.

– Ах, ангел мой! Успокоїмся на рїшенїї великодушных родителей, – отвітил франт и тут же подарил старику драгоценные часы, а невістї

своей – золотые серьги. Тым он привязал к себѣ все семейство и старика на столко, что старик, если бы не постыдался одмінити данное слово, сей час бы зділал из двух недѣль два часы.

Так скончился день. На одходѣ франт, желая показатися кавалером, подсунил Гафії в подарок сребрянную монету, но сія одказалася пріяти. Он сулил деньги и Ивану, но и сей невіжливо отвітил:

– Сберегіте деньги для себя, они вам скоріе нагодобляться.

– Ух, сколь грубый народ! – подумал в себѣ франт, – но проучу я їх, как скоро станусь їх хозяйіном, – з тым скочил в бричку и понес ся вітрами.

XXIII.

БРАК, ВМІСТО МИРА, ПРИНЕС ВРАЖДУ

Только послѣ одшествія жениха задумался старецъ над тым, что скажет на все ето Иван? К величайшему удивленію всѣх, Иван не высказал и слова, вел себя холодно. Теперь, когда в судьбі его настал поворот, и он хорошенько раздумал все, чувствовал себя так, как бы з сердца жерновый камень снял. Богатство, доходы – все щезло з глаз, а остался только безжизненный, неуклюжий лик Юлії, и чим доліе рассматривал он ето чучело, тым боліе убѣдился, что должен благодарити Бога, освободившего его од пащеки³⁹ погибелі. Только теперь понял он совѣт прежнего своего хозяйіна и едва ожидал случая, чтоб испросити у него прощеніе за недовѣріе к нему его кліента. Но, что оставит етот дом – ето было непоколебимым его рішеніем, ибо под таким негодяем, как Мясник, не желал дальше служити.

Но не так равнодушно пріял к сердцю вість о бракѣ жившій в городѣ чиновником сын старика, Павел. Он, как скоро получил письмо отця, в всю прыть біг к родителям, ссорил, проклинал, трескал дверьми, так что в домѣ старика происходил другой страшный суд. Не было такого гадкого, позорного имени, которым не почтил бы был жениха. Не было такого проклятія, которым не удостоїл бы франта. Юлія хотіла было заступитися за своего суженого, но брат схватил палку и, если не заступится за неї старуха, то едва ли не побьет еї.

– Вот что наварила, теперъ зѣж, как постелила, так поживай! – сказал старецъ хозяйкѣ.

39 **Пашека**, а фактично «пашега» (*русин.*) = «пасть» (*російськ.*) (*зазначка вишорителя* – В. П.).

Павел клялся на чом світ стоїт, что никогда не перешагнет порог родительского дому, если отдадут сестру за етого волокиту, негодяя. Если уж ето чучело (сестра) насилу хочет замуж идти, то пусть отдадут её Ивану, который, хотя слуга, но человек честный и который не чуждается барышні, – додал и внов стал чествовати личность Мясника разными тітулами. Словно в домі все стало вгору ногами.

Вся ета сцена сильно озадачила Софронкієвича, и стал подробно вивідыватися про будущего своего зятя. Результат был в великой мірі скорыстный. Мясник был дійствительный волокита-говорун, живет из карточной игры и обманства. У старика на такіє вісти зжалось сердце, но всего боліє терпіла хозяйка, ибо всю вину муж на неї зваливал.

Наконець приспїл срочный день. Осенняя погода ужасно была скверна, сніг шол вмісті з дождем, вітер бушевал в всю силу и собаку жаль было на двор выгнати – а франт все таки прибыл.

Холодно и умыло его привітствовали, никто не выходил навстрічу ему. Наконець, прибрав веселую личину, вступил в комнату, но тут встрітили его суровые взоры... Послі дїінных болтней направил річ на ціль своего появленія, что дескат принес обручительное кольцо на палець обожаемой своей невісты, на которое заявленіє старики переглянулись между собою, а хозяйїн высказал, что они много плохого слышали об нем да сын їх Павел сопротивляется етому браку и по той причині они не осмілюються выдати за него доч свою.

– Что сыну вашему противна женитьба моя з вашею дочерью, – начал франт, – ето для меня неувидительно, ибо он на больше містах уж объявил, что все зділаєт, чтоб воспрепятствовать своей сестрі, дабы не вышла замуж, етого уж требуют его расчёты, что и другіє о мні плохо говорят, и ето понимаю, ибо в такую пору найбільше враждует діявол, к тому же у меня множество завистников, которые особенно теперь не могут простити мні предполагаемого щастя з вашею дочерью. – Затим рассказал дїінную історію, как именно нікоторые матушки сїлятся одстрашити его од Юлії, потому что и у них єсть довольно взрослых дівушек, но он знает хорошо путь из Лондона в Вену и імїл случайность в своїх путешествіях искусити, что люди везді одни и ті же, потому он обращает вниманіє на свое сердце, а не на людскіє языки...

– Можно что ето дійствительно так, – отвітил старик, – но, думаю, не повредило бы нісколько подождати, так н. пр. два либо чєтыре года, и так вы еще обоє молоды...

Єдва ето высказал старик, как тут же барышня не на шутку расплакалася, стала впадати в обморок. Бідные родители струсили, испугалися, тым больше, что барышня еще замітила:

– Вы, как кажется, меня в жертву обрекли, чтоб всю спадщину вашему сыну пьяниці оставить, но и я буду знати, что зділати.

Мясник, спіша воспользоваться етою поміхой, сразу только Юлію начал успокоівати, а по тому уж направил річ к сердцю родителей.

– Я не готов вірити, чтоб у вас было столь жестокоє сердце, могущее в первых ваше дітя, а послі и меня несчастливыми зділати. Ибо какая же вам польза из нашего нещастья? Разві вы уж насліпо повірили злым языкам, клеветі, никогда не отстающей ни од какого малженства? Из-за сына, который, чтоб все поглотил, готов к смерти своєй ненаглядной сестриці?⁴⁰ Ніт, вы не можете быти столь жестокими, немилосердными родителями! Я полагаю, что вы вірите в Бога, вічну ю жизнь и в страшный суд, как же обявитеся пред судидище Єго, когда властное дитя убили?

На такую назидательную річ у старухи брызгнули слезы, сам даже старик смягчил сердце и дрожащим голосом произнес:

– Бог з вами, если уж так настаиваете, то пусть будет по вашему, но я руки мою, как Понтейский.

– Пусть станется Божья воля, если Он так желает, да благословит їх союз, – додала хозяйка, – но и вы того глядите, чтоб щастливы были.

– О, что касается блаженства, оно не станет, когда Юлія моя. Знал я, что у наших родителей християнское сердце. Подь, Юлія, поблагодарим доброту родителей, будем їм благодарны за то, что скоріє увірили нам, чим коварным языкам, – сказал восхищенный жених, и з тым схватил за руку Юлію, потащил єї к старухі и осыпал єї поцілуями.

Затым напал на старика и столь кріпко притискал его, что сей аж раскашлялся. Теперь франт поступил к щеголихі з наміренієм поціловати єї, но так как она в ту самую пору їла медовник, чтоб не препятствовать єй в том, она довольно странным образом одтолкнула од себя жениха.

– Погоди-же немножко, – додала, – пока зьїм, тогда уж вот и цілуйте.

Мясник был вні себя од радости, бігал од одного к другому, зжимал їм руки, ціловался, благодарил Бога, даровавшего єму столь великое щастье.

– Ето самый щастливійший день в моєй жизни, попразднуем же его, елико возможно, не так-ли, любезная моя Юлія? – спросил невісту, озабоченную только своім калачем.

– Какая у вас прислуга в домі – когда в первый раз посітил вас и желал было дати подарок служанкі, то она грубо отказалась пріяти.

40 В орігіналі было напечатаной так: «который ... готов к смерти свою ненаглядную сестрицу». Видав, туй проскочила хыба, котру сьме виправили (*зазначка вшорителя* – В. П.).

– Ето, навірно, была Агафія – не настолько служанка, как, скоріє, оддаленная сродница, – отвітила старуха.

– Если так діло иміється, то я її оскорбил, впрочем поправлю свой промах.

– Поправляти не поправляйте, ибо, наконец, будет думати, что она вам, или, лучше, тобі нравится. Уж я знаю її, она така, – возразила невіста.

– А етот щегольский слуга? – спросил снова франт. – Он воплощенный грубіан, простак.

– Ето, віроятно, Иван, деньщик наш, – отвітила старуха.

– Ах, как жалію, что не выплескал его.

– Шкода бы его было, – отвітил старик, – ибо иначе хороший он челядник, изрядный юноша, впрочем не совітно бы было прикоснуться ему.

Звечеріло. Мясник поспішил в кухню, желая поправить прежнюю свою ошибку относительно Гафії, но тут вскорі застала его Юлія, од которой достался ему незавидный урок. Затым вооружилась щеголиха против Гафії, ругая її, что хочет одторгнуть од неї жениха; но и Гафія не осталась ей одолженною, высказала прямо в глаза баловниці, что, дескать, она не бігает за молодцями, тым меніе за етакою обезьяною, какий в самом ділі ей жених, о которого не отерла бы и свой башмак:

– Убирайся вон, вот в избі у тебя Мясник, а ты – купленная ним на заріз скотина!

Юлія не знала, что ділати: впасти ли в обморок, либо лаяти.

Хладнокровное, спокойное поведєніє Ивана не мало удивляло стариков. Хозяйка выводила из того, что будто союз между Иваном и Юлієй не был серіозный, как казалось сразу. А старец толковал, что Иван как рассудный юноша понял наконец, что не ему убігаться за такою дівушкою.

На другой день послі свадьбы занимался работою на дворі, как вдруг подошел к нему хозяйін з вопросом:

– Ну, сынок, пора поразумітися, останеш ли и надальше либо нїт?

– Нїт, – отвітил лаконически и холодно.

– Можно, не доволен платою?

– Хоть все ваше имініє дасте мні, и тогда не остануся.

– Ну и почему?

– Уж ето только я знаю, но если и вы хотите знати, то и вам объявлю, что у такого подлєца, какий зять ваш, не хочу служити.

З стариком вскружился весь світ, єдва повлекся в избу.

– Вот тобі, стара, Иван убирається! Сходи к нему и одговори его.

И старуха потрудилась одговорити его, но напрасно...

– Подумай лише, Гафіє! Иван хочет покинути нас.

– Ето я знаю, но говорю вам, что и я не остануся, – додала.

– Что? И ты идеш?

– Довольно я уж натерпілась Юлії, пусть не колет мні неустанно глаза, что будто питаюсь ласковым хлібом.

– Ради Бога, Агафіе! По крайней мірі, ты не одходи! Что почну сама! – просила, умоляла добрая старушка, но Гафія рішительно оставалась при своем «ніт», ибо, как ей кажется, одселі зять будет повелівати.

И Гафія была права. Мясник вдруг заглянул в кладовые, стал подговаривати старика, [чтоб] столько и столько зернового хліба продал, ибо, по его расчётам, большая сумма денег залеживается бесполезно в зерні, что немалая потеря для хлібопашца, радні да провадит промысл деньгами либо ему, Мяснику, даст взаім на 20-30 %. Старик на все согласился; а наш франт – Ну, вали все на возы и тащи в город на продажу! – за что обіщал принести пару тысящей гульдеников.

Сколько спродал – ето не знати, но не принес и крайцара домой, а старик лише почесывался по затылкі.

XXIV.

ОДНА ВЫЇЗДКА И ЄЇ РЕЗУЛЬТАТ

Что зять до всего стал вмішиватися и повелівати, ето вскорі познала добрая старушка, а то тым боліе, что Иван и Гафія одновременно хотіли оставить дом. Горесть єї еще тым взмaгaлaся, что ворчаливый старик все на єй голову сваливал. Так протекло нїсколько неділь в плачі и въздыханіях, аж одразу лицо у хозяйки прояснилось.

– Любезный муж! – заговорила одного вечера хозяйка к хозяйіну, когда вдвоем сиділи в комнаті, – мні на души как-то полегчало, любила бы на нїсколько дней оды́хати, можно что поїздка ета и развлеченіе поправлят расстроенное моє здоровье.

– Про меня, ділай, что хочеш, оды́зжай к сыну либо зятю.

– Ни к одному не иду, но посітити хочу Андрея-хозяіна, и так уж давно обіщала ему.

Стало на том, старуха выбралась в путь, взяла з собою и Агафію, а Иван погонял лошаді.

Андрей-хозяін немало удивился, видя подкатити под крыльцо дому ненаглядных своіх гостей. Гости розмістились, разгостились у нашего Андрея-хозяіна, и когда послі ужина хозяін остaлся наєдині з гостью-

старухой, ета послідня, вздохнув из глубины сердца, начала вот какой разговор:

– Любезный сродник, хочу вам прямо высказати причину нашего приїзда, мы уж пользовались больше разов вашими совітами, надіюсь, что и теперь не одкажете в доброй раді.

– Охотно, хорошее слово не покупается на деньгах.

– Сначала шли наши діла до нельзя лучше, но сего літа, к большему нашему несчастію, одправились было мы з дочерью в В-скую купель, там моя Уляна влюбилась в одного барина, и з тех пор легло какое-то проклятьє на наш дом, все пошло долой. Сын лиш расходовать, а зять повелівати уміют, а теперь, пожалуй, и Иван и Агафія вмісті оставити нас хотят. Я думаю, что всего лучшее было бы предоставить наше хозяйство в арендное пользование – а то Ивану. Тым и мы бы выиграли, и он стал бы ся щастливым. Какое на счѣт етого ваше мніє?

– Не было бы ето плохо, но два затрудненія стоят на дорогі: одно, что хозяйство пространное, а другое, что к етому требуются деньги. А затым сам он не может вести домохозяйство, требуется еще хорошая хозяйка.

– Хорошею хозяйкою была бы ета дівушка, которую я з собою взяла. Она здорова, кріпка, трудолюбивая и умная. На жаль, и она убогая. Однако не было бы плохо, если б Иван еѣ поял.

– Ну, и что сказали бы на ето остальные?

– Муж порадовал бы ся, что такому человеку дал в аренду свое имініє, каков Иван. Сыну все равно, лиш бы денег хватало. На зятя я и не вни-маю. А что касается дівиці, то она навірно не будет противна.

Послі долгого собесідованія, наконец, рішили, что утром поговорит Андрей-хозяїн з Иваном, а женщина – з Агафієй.

Разговор збылся; Иван, рассудив хорошенько діло, согласился, так само и Агафія недолго одтягивалася. По возвращеніи домой составили записку на арендное пользование Ивана, обручили з Агафієй, одпраздновали славно свадьбу, были всі ошастливлены, кромі Юлії и Мясника.

Так из развратного слуги стался честный, щастливый Иван-хозяїн.

Антон Бьелек¹

СЛОВЕНСКАЯ СИРОТА

(Из словенского² Hlasnik-a)

Дело началось в горах, в низкой, убогой хижине, а кончилось в отдаленных, чужих странах. Кончилось – увьи! – так, что наша судьба потребовала еще двух жертв и мы, словенцы, стали двумя людьми меньше.

Янко ходил уже за коровами. Ему было только двенадцать лет; отец и мать давно померли; он делал все, что ему приказывали и был рад, что дядя приютил его. Янко был весел, здоров и послушен; дядя, при всех своих заботах, был им доволен.

Одного дня дядя воротился домой в сильно смущенном духе и после ужина сказал жене:

– Жена, от господ пришло письмо, что будут брать детей и увозить в дальния окрестности. Будут-де давать их в школу или в ремесло. Не дать-ли и нашего Янка? Ведь чего он у нас дослужится? Там, может быть, сделается еще паном.

Жена, не имея что возразить, молчала, а дядя позвал мальчика:

1 У тексті сѣй публикації ани товмач (А. Кралицький), ани редактор «Бесѣды» (О. Мончаловський) не лишили інформації за словацького автора того оповідання. Видав, А. Кралицький не знав його истинное імня и прозвище, бо текст потовмачив подля журналу «*Národný hlásnik: Noviny pre slovenský ľud*», де оповідання ся провказало у числі од 15 марта 1893 р. (с. 53-60) під псевдонімом «Вк». Иде за куртой и вольной товмаченя А. Кралицьким оповідання словацького писателя Антона Бьелека (Anton Bielek: 1857–1911) (*зазначка вишорителя* – В. П.).

2 Славянское племя, живущее рядом с угророссами, называют «словаками», «Slovaken». Это название неверно. Этот, самый бедный среди славян, но и самый надежный в славянском отношении, народ называет себя «словенцами» (не смешивать со словенцами, живущими в Краине), а свою землю «Словенском». Название «словаки» («словацкий») словенцы считают для себя обидным, подобно как мы должны считать обидным название «рутенцы» («Ruthenen»). Повысший рассказ основан на правдивом событии. Мадыяры, как известно, забирают словенских сирот и увозят в мадыярскія окрестности, дабы их омадыяршить. (*Зазначка редактора журнала «Бесѣда» О. Мончаловського*).

– Янко! Есть-ли у тебя охота повидать далекий край? Туда зовут тебя. Обещают, что будут посылать в школу или отдадут в ремесло.

Мальчик выпучил глаза, призадумался и не сказал ни слова, точно камень налег ему на сердце.

– Попробуй, – продолжал дядя, – Ты бедный сирота, да и мне тягостно тебя кормить.

Мальчик понурил голову и едва сдержал навертывающиеся на очи слезы.

С тех пор исчезла веселость Янка; с его ума не сходила мысль, что вскоре надо будет оставить горы, свою родину. Он теперь часто в досужее время заходил на кладбище, чтоб там, на могилах родителей, выплакаться. Да и дяде стало как-то совестно глядеть на мальчика. Он не смел посмотреть ему прямо в очи. Такое беспокойство увеличивалось по мере того, как приближался час разлуки. Янку, чтоб его развлечь и развеселить, обещали горы-долины: как хорошо ему будет у мадьяр, как он будет есть пшеничные колачи, как выучится в школах и придет домой настоящим паном. Но мальчик не находил ответа на эти утешения, только вздрагивал и заливался слезами.

Когда наступило время расставания, мальчика все провожали на железнодорожный дворец. Вы, конечно, понимаете, что означает такой путь в неизвестность. Это горькая минута, тяжелый час. Желаем всякому, чтобы Господь сохранил его от подобной сцены. Дядя ступал бледный, понуря голову, словно нес тяжелую ношу на плечах. Он напугался своей затеи и уже стал раскаиваться. Тетя со слезами на глазах провожала мальчика, глядя его по головке. Но все понапрасну. Прощаясь, обнял он шею тетушки и спросил ее:

– Тетя, чем я провинился перед вами, что отдаляете меня? Ведь я слушался вас, повиновался...

Больше он не смог сказать³. Дядя чуть не обомлел. Вонзи нож в грудь – кровь не брызнет. Он хватил жену за руку и поспешно удалился.

Улицею грязного, дрянного городишки бредет мальчик. Платье на нем дыряво, волосы не стрижены, ноги босы, лицо не мыто, а на плечах у него коромысло с двумя ведрами, наполненными водой. Согнувшись

3 В оригіналі є так: «Больше он мог сказать». Видав, у печатні пролишили єдної слово, зато додаєме го подля контекста (зазначка вишорителя – В. П.).

вдвое, шагает мальчик по улице. Весь вид его наглядно доказывает, что он терпит нужду, голод и страдает. Порою остановится, чтоб отдохнуть, а после опять побредет с ведрами, перекладывая их с одного плеча на другое.

– Янко! – послышался голос.

Мальчик оглянулся. Перед ним стоял Дюрко (Юрий), тоже «сирота», односельчанин Янка. У последнего заблестели глаза радостью. Как давно они не видали друг друга! Они вместе пришли между мадьяр, но теперь встречаются находкою, случайно. Их сдружило одинаковое горе. Вскоре после их прихода их разлучили. Янка дали к ременарю, а Дюрка – к сапожнику. Янку велось у ременаря так хорошо, что часто познакомляли его с ремнём, а Дюрко был таким учеником у сапожника, что ходил босиком. Не любила хозяйкам частая их встреча, потому им запретили сходяться и били за это. То «панство», к которому мальчики имели приучиться, сломило их. Буде не поймут мадьярского приказа – бьют их и морят голодом. О школе и помину нет. Чистое платье, принесенное из дому, изношено, оборвано; теперь они были рады, если бросили им дырявую рубашку. Ласкового слова, столь приятного детям, столь нужного им, как жаждущему глотка воды, не слышал ни один из них. Бедный раб, прельщенный обманчивыми обещаниями, сделался орудием: работай, гинь, умирай!

– Откуда, Дюрко?

– Был в лавке.

– Ну, как поживаешь?

– Ведь сам знаешь. Больше побоев, чем хлеба. Был с лишком две недели болен. Посылали было с сапогами босаго в город, на ярмарку; шел проливной дождь – простудился и захворал.

– А из дома не пришло-ли письмо?

– Ничего нет. – И мальчик вздохнул.

– Да и наши не пишут.

– Знаешь что, напишем еще раз.

– Вечером в воскресенье приду к тебе и напишем письма. Я не в состоянии выдержать. Я гододаю и меня в груди что-то болит; кашляю кровью. Прощай! Иду, чтоб опять майстер не поколотил.

Но в воскресенье Янко не пришёл. Дюрко был, как на огне. Его положение становилось с каждым днем тяжелее. Тщетно ожидал он Янка и в другое воскресенье. Он недоумевал⁴. Только в третью неделю ему повелось встретиться с Янком, бледным, исхудалым.

4 У сёму слові проскочила печатна хыба («недоумевал»), котру сьме виправили (зазначка вишорителя – В. П.).

– Что с тобой, Янко ? – спросил Дюрко.

– Майстер подметил украдкой нашу встречу и больно побил. При-
нужден был отлежать побои. Смотри! – И бедняк, подняв рубашку, по-
казал спину, всю исписанную синяками. – Знаешь, что пришло мне в го-
лову? Убежим отсюда. Беги со мной и ты. С бедой пополам доберемся в
родные страны.

– Но в эту стужу, зимней порою?

– Авось Бог поможет. Если хочешь, собирайся. Поздним вечером,
когда все уснут, пойдем. Буду тебя ожидать.

Стоит зима, метелица, ветер дует и заносит снегом окна хижин. На
дворе темно, только в хижинах кое-где блестит огонёк. Далеко от села
видны два мальчика. Идут, бегут в ночной темряве⁵. Это те несчастные
создания в человеческой плоти, те словенские сироты, которых обеща-
ли сделать «на мадьярах» панями. А эти существа бегут от голода, по-
боев, неволи, нечеловеческого обращения. В лохмотьях, дырявой обуви,
мальчики слабого телосложения, с членами, заморенными непосильным
трудом, идут в страшную метель, идут на верную смерть. Ветер бушует
по бесконечной степи, а далекое черное облако сыплет густою метелью.
Засыплет она вас, бедные мальчики. Несчастные сиротки! Вдали слышен
собачий вой, а сироты бредут и блуждают по беспутной равнине, прижи-
маясь друг ко другу. Кажется, смерть уже взмахивает своими крыльями в
пустом пространстве, следуя им по пятам...

Утром нашли вблизи села двух мальчиков – замерзшими. То были
Янко и Дюрко. Они держали друг друга в объятиях; так их застала смерть,
веявшая вчера вечером своими крыльями в пустом просторе степи, и взя-
ла их с собой туда, где нет побоев и голода.

В селе поговаривали, что двое словачков замерзло. Ну и удивительно
ли, если есть в Божьем мире страны, где говорят, что *tót nem ember*⁶ (сла-
вянин не человек)?

5 **Темрява** (укр.) – темнота (засначка вишорителя – В. П.).

6 **Tót nem ember** (мадьяр.) – Словак не чоловік; розширеной висловлєваня шо-
віністичного характера (засначка вишорителя – В. П.).

МЕМОАРЫ

Изъ воспоминаній 50-хъ годовъ Узорууса.

Изъ исходъ 1849 года, послѣ усмиренья мадыарскаго мятежа русскими вспомогательными войсками, писатель сихъ строкъ былъ еще очень молодъ, но живо припоминается ему въ памяти все прошедшее, хотя этиныя событія не имѣютъ уже 35 лѣтъ.

Помнитесь, какъ на веснѣ 1848 г. стали набирать рекрутовъ въ конвѣ-и (ополченцы), наборъ происходилъ насильно, по обычаямъ тогдашнихъ временъ, теперь, конечно, уже непрактичующихся. Онъ состоялъ въ томъ, что старшина волостный, пораздумавъ шире предвзято о своихъ гротадскихъ соотѣчанахъ, являлся поочередно по домамъ селѣтанъ и — бравъ спящихъ парней и молодыхъ людей въ войско, свдывая ихъ велевыми и положивъ подъ караулъ, чтобы неубѣгли. На каждомъ селѣ было конвѣ-и тѣмъ властью наложено шибѣтское конвѣ-и, 2-хъ 3-хъ рекрутовъ, по числу душъ населенія. Такими посылками добровольцевъ тогдашнѣ стѣргали и отправляли по назначенію. Иные, болѣе смѣтливые парни, забѣжавъ впередъ дѣло, спасались въ лѣса, пока гроза не стихнетъ. Тогда родивъ тайкомъ приносили бѣду; зато отъвѣтственности никакъ кѣмъ не было; это у насъ такий обычай былъ; но казакство селеній встѣпакъ должно было почитаться предвѣстнѣмъ конвѣ-и. Службу при первомъ такомъ познѣмъ нападѣ, въ подобныя горькія сѣла, мнѣнны

ИЗ ВПЕЧАТЛЕНИЙ, ВЫНЕСЕННЫХ СЛУЧАЕМ ДВУХНЕДЕЛЬНОГО ПОБЫТИЯ МЕЖДУ УГОРСКИМИ СЛОВАКАМИ 1863-го ГОДА

Не богатая замечаниями урывки нарочного путешествия, не высокопарные созерцания и умозаключения современных путешественников, не имеющих как расточить полученное в спадщине от умерших в подагре «дядей» состояние¹, есть задачей сего короткого воспоминания, а впечатление, вынесенное из гор единокровной славянской братии, записанное на трясущей повозке карандашом на колену...

В путь, в горскую область соплеменной братии, словаков, в пределы исполинских Татранских гор, из которых великанский Криван прелестными красками описан и в знаменитой повести Н. Гоголя «Страшная месть», но ещё дальше за эти славянские горы, на низовья синяго Вага недалеко к Нитре – этому древне-паннонскому городу – отправились мы повозкой с начала июня.

Нас было двух, а погода как раз для путешествия – тепло, сухо да приятно.

О прелестях этой словацкой швейцарии случалось мне уже прежде часто читать в иллюстрированных мадьярских журналах, к статьям которых прилагаемы были и картинки, представляющие один-другой ландшафт этой местности под титулом: «a garam és vágvölgyi tájképek»², но видети что на бумаге либо на самом деле – не всё одно...

Так миновав наш второпрестольный город Угорской Руси – веселое Пряшево, где мы остановились на хвилию для личного засвидетельствования нашего почитания нынешнему Преосвященному и батьку Духновичу,

1 В оригіналі було напечатаной так: «достояние». Видав, туй проскочила хыба, котру сьме виправили (зазначка вишорителя – В. П.).

2 **A Garam- és Vág völgyi tájképek** (мадяр.) – пейзажі річок Ґарам и Ваг (Považie) (зазначка вишорителя – В. П.).

бывшему тогда ещё в живых, мы отправились, отобедав у Его Преосвященства, ещё того дня в дальший путь.

Кстати, надобно заметить, что пок. батько Духнович, узнав о цели нашей поездки, снабдил нас, как иереев, церковными ризами правильного греческого кроя и внушил: «Смотрите же, вы едете между Словаков, а там теперь празднуется тысячелетняя память славянских апостолов св. Кирилла и Мефодия, вы будете, без сомнения, служить обедню в тамошних рим. костелах, так служите же эту литургию, этими апостолами с греческого языка на славянский язык переведенную, в таких же восточных фелонах (а не в казулах), в каких они служили; служите спеваную, а не читаную – пусть видят Словаки великолепие нашего св. обряда».

Совет приняли мы радушно и взяли ризы, поблагодарив народолюбца от сердца, ибо совет был и нам понутру. В нашем подорожном чемодане уложен был уже из дому литургикон да просфоры.

Из Пряшева направили мы наш путь к Спишу. Мне аж теперь еще совестно, что путевые свои записки не вел столь подробно, как это теперь (если бы снова путешествие это посчастлилось) желал бы себе вести. А много осталось неназначенным, но даром – минувшего не воротишь.

Помню, что селения, чрез которыя мы прошли от Пряшева, были: Синье, Нова Весь, Бертот, Гедри, Фрич, Широка ...

Тут уже следовала высокая гора Браниско, знаменитая сражением на ней гонвейдов с императорскими войсками в 1848 году, на которую столбовая дорога вьется серпентиною. На самом ея верху, где путешественнику не преминути³ отдохнуть, стоит большой столб⁴ с следующей немецкою надписью: «Kaiser Franz Josef geruheten von hier aus die Zieps zu betrachten am 30. Aug. 18..»⁵ (1852?).

Спуск с этой горы по той стороне, к деревне Корытно, еще извилистее, как с сей, от Широкаго. Первый ночлег наш был от Пряшева в городе Подградза (Sepes-vár alja). Над городом стоят на круглой горе развалины когдашней крепости, (Zipserhaus), а на противоположной, за городом, латинский кафедральный храм, палата Спишскаго лат. епископа, капитул и семинария. Храм кажется на вид довольно древним.

Миновав катедру, возле которой столбовая ведет к Левоче, путе-

3 Не преминути (*русин.*) = не избежать (*російськ.*). В оригіналі было напечатаной так: «непременно отдохнуть». Видав, туй проскочила хыба, котру сьме выправили (*зазначка вишорителя* – В. П.).

4 Из песковатаго камня (*зазначка А. Кралицкого*).

5 «Kaiser Franz Josef geruheten von hier aus die Zieps zu betrachten am 30. Aug. 18..» (*німецьк.*) – «Кайзер Франц Ёсиф рачив попозирати одсюд на Спиш 30 авг. 18..» (*зазначка вишорителя* – В. П.).

шественник должен проехать селениями: Немешшаны и Görgö, расположенными по дороге.

Нигде не видел столько льну да гороху, как на сих сторонах.

Левоча (Lőcse) – город невеликий, но красивый; когда-то обнят был каменною стеной и валами – теперь все это стоит в руинах. Здешний лат. приходский храм знаменитый своим изящным готическим стилем постройки.

От Левочи ведет столбовая дорога к городку Чвартку (Csütörtökhely) чрез небольшую деревню Дравцы. Столбовая на сих сторонах везде в отличном состоянии; повозка так лишь гремит по сухой, ровной дороге, неначе по любой городской мостовой.

В Чвартку есть миноритский кляштор с изящною церковью и каплицею в старинном готическом стиле.

Затем ехали мы густо расположенными деревнями, именно чрез: Яновце, Михаловце, Кишовце, Швабовце, Гожелец, город Попрад и остановились на ночлег в селении Лучивна. Проходя этими селениями, мы приближались все ближе между горы, становившиеся с обеих сторон как бы ответными исполинскими мурами, из недра которых сыпало какою-то прохладой, а поляк и думал бы, что а *rettegett Sziberia*⁶ не вдалеке уже.

Остановившись в реченной деревне Лучивне на ночлег, в худом заездом доме, мы сейчас слышали трезвон из тамошняго катол. храма; на это колокольное приглашение народ, а особенно женщины громадно спешили с молитвенниками под мышкой в храм. Достоуважаемый спутник мой поручил мне распроситься: что бы это вечернее богослужение значило? Я спросил об этом гостинника, который будучи католиком, отвечал мне, что «вот, сударь, у нас теперь почитается память великих славянских просветителей, Cyrilla a Methoda. Спишский бискуп определил тридневное звонение, трижды днем в все колоколы, а вечером – литанию к помянутым богоугодникам». Так, только теперь узнали мы причину колокольнаго звона, проходя вышереченными селениями.

Поутру, еще в потемках, тронулись мы в дальший путь. Прошли селения Štrba да Wychodna и катились столбовою⁷, ведущею постепенно вгору, благодаря Баховскую систему правления; она хоть только добра сделала, что одарила эти стороны хорошими путями сообщения. Кажется, нет худа без добра!

Утро было пасмурное; от востока заслоняли восход солнца черные, быстро уносившиеся облака. В летнем легком облачении трудно

6 **Rettegett Szibéria** (мадьяр.) – страшна Сібірія (заяначка вишорителя – В. П.).

7 **Столбовая** (російськ.) [дорога] – путь державнаго значеня, главный путь, авадь чиненик (заяначка вишорителя – В. П.).

приходилось выдержати холод этого июньского утра, похожего на ноябрь. Будучи как-то не в веселом расположении духа и потому трясаясь от прохлады, я, закутавшись в свой подорожный сак-вояж, кажется, медитовал, но вернее – дремал.

Спутник, куря трубку и тоже раздумывая, отразу тронул меня вбок. Я растворил глаза, взглянул и воскликнул от неожиданного удивления. Пред нами стояли Татры! Это чудо природы, с своими ледом покрытыми верхами!

Вот причина холода собственно июньской стужи.

Никогда еще, в всю жизнь не сделало на меня такое впечатление, как вид дикой природы этих исполинских гор, которыми достойно могут величаться наши bratranki-Словаки и которые не без причины ежегодно посещают гордые сыны Альбиона, холодные Англичане. От того времени я видел в разных иллюстрированных газетах, по преимуществу в Прагских «Kvétách», разнообразные пейзажи и картины из Татранской жизни, но все то настолько отдалено от действительности, как живописный полотно от настоящего. Никогда не забуду этот ландшафт.

Дальнейший путь вел нас чрез селения: Гиби и Градек (на сем последнем месте суть железные заводы) и остановились ровно в 12 часов в городку Околично – у тамошних францишканских иноков Сальваторианской провинции на обед, где провели весь день и остались там на ночлег.

Этот францишканский кляштор в Околичном слишком беден – едва торопают иноки со дня на день. Правда, храм их да обитель – здания прекрасны, пространны; церковь даже готического стиля... Да что, стенами не удовлетворишь житейския потребности! Быв уже в больше разноряденных католических монастырях, где, по большей части, только надутую напыщенность, походящую от несвойственного богатства, искусил, могу вследствие личного опыта сказать, что истинный дух западного монашества пока еще только у Францишканскаго ордена соблюдается. Потому из лат. монахов только они могут – по своему расположению да чувству – считаться славянскими иноками.

Невдалеке от Околичнаго лежит на небольшой равнине столичный город Липтовскаго комитата Свати-Микулаш (Liptó-Sz.-Miklós). Тут уж не только преобладает лютеранское вероисповедание, но католиков едва заметно. Даже и в Околичном, где приход администруют оо. францишканцы, верников-католиков едва считается на несколько десятков душ.

Отрадно для путешественника-славянина увидети в Св. Микулаше словацкия надписи на лавках, кофейнях и прочих публичных зданиях. Это словацкий город уже по внешнему виду.

Дальнейший путь наш вел деревнями: Палудвя, Чемице, Дехтяри,

Влахи, Врба, Бешшенёва, Митошшини, Тепла, город Розенберг (Ruzsomerok) и Ликавка. Тут предел Липтовской жупы.

Проходя этими селениями, видели народ плотный, здоровый, занимающийся по преимуществу скотоводством и торговлею, так названными «шафраньошами», которые разносят на плечах разные товары не только в нашем крае, но и за границу. Кому неизвестен и сыр Липтовский? Почва еще уйдет⁸.

Но не так в Оравской столице (Arva megye). Оравский комитат распространяется на 37 квадратных милях. Эта страна заселена высокими горами, из которых знаменитейшие суть: Фатра-малая, Бабагура, Рогач и пр. Оравская крепость (Árvavár), ныне находящаяся в развалинах, была когда-то славная. Царь Матвей Корвин, по народному преданию, сослал в эту крепость одного из своих царедворцев за измену отечеству – в заточение. Этот заточник назывался Петр Арва, потому что как сирота (árva) воспитан был в царском дворе. Царь Матвей, произнося над ним приговор заточения, имел-де сказать следующие слова: «Árva faisti Petre, árva eris et in Árva morieris!»⁹.

И действительно, комитат – сиротский! Ровнины нет нигде, только немножко около Нижняго Кубина (столичн. города) и селения Велична. Почва студена, каменистая и неплодородная. Родится только: овес, картофель, капуста и кое-где около Н. Кубина рожь да ячмень. Климат суров, но воздух здоров. Не сродится капуста да картофель – в Ораве голод неминуемый.

Путешествуя между этими худыми скалами, человеку становится на сердце как-то тяжело, уныло! Овощ здесь про суровое поднебие редко созревает. Леса состоят, по большей части, из елей, сосен да яловця. Из яловця выделяют жители этой мизерной страны водку, так названную «боровичку».

Нищета жителей сама собою бросается в глаза проезжающему. Увидя повозку, дробные ребятишка, одетые в лохмотья и пасущие скотazole дороги, бросаются наповал к странствующему, умоляя про greicarik¹⁰ разными смешными телодвижениями, на манер czigány kerék¹¹.

Сам столичный город Н. Кубин не отличается ничем иным, как разве

8 Годно быти, автор мав на думці російське слово «сойдёт» авадь «удовлетворительна» (зазначка вишорителя – В. П.).

9 *Árva faisti Petre, árva eris et in Árva morieris!* (латин.) – Быв ись сирота, Петре, будеш убогий, и на Ораві умреш! (зазначка вишорителя – В. П.).

10 *Greicarik* – грайцарь (зазначка вишорителя – В. П.).

11 *Czigány kerék* (мадяр.) – циганське колесо (зазначка вишорителя – В. П.).

только комитатским зданием, у обветшалых ворот которого стоит наш Яно-гайдук в гусарском форменном платье с обнаженной саблей на варте. Селения, чрез которые мы прошли, были: Дубова, Ясенова, Вышний и Нижний Кубин, Бистерец (вышний и нижний), Велкавесь (Nagyfalu) – небольшой городок, потому Парница и Зазрива.

В городку Велкавесь остановились у тамошнего лат. аббата-пароха на ночлег, у которого ночевали тоже и на возвратном пути. Этот приход принадлежит еще к Спишской епархии, которая числит в Оравском комитате 30 с небольшим приходов.

С деревню Тьерхова начинается уж Тренчинский комитат. Горы те же сами, только на душе становится уж легче. В Тьерховой родился известный словацкий разбойник Яношик. Он был вторым Довбушем, ватажкой опришков на границах смежной Галиции. Janossik-a, как гласит народное предание, повесили за ребро; сам же он и по днесь еще служит героем народно-словацких рассказов и песней. В сем селении посетили мы местного приходника – старика преклонных лет.

Дальнейший путь наш вел деревнями, расположенными по пути именно чрез селения: Белла, Стража, Краснани, Варин, Гбелани, Надзде и Тепличку.

В Тепличке (Teplicz falu) тоже посетили мы местного лат. приходника и хотели было видети нетленные мощи блаж. Софии, почивающей в здешнем приходском храме; но так как пономаря, у которого стояли церковные ключи, не было дома, то приходник не мог ввести нас в церковь. От того же священника слышали мы следующий рассказ о той же бл. Софии:

Около 1647 года Стриченским (Sztrecsénvár) замком владел угорский палатин Франц Вешшелейnyi (Wesselényi Ferenc), у которого была супруга высоких христианских добродетелей и непорочной жизни по имени София, из фамилии Босняк. Память этой богоугодной женщины святою осталась у наследственных родов. О ней много легенд рассказывается у словацкого народа.

Случилось, что однажды муж стал ее пренебрегати, она в паломническом платье искала отрады от горя его неверности – в теплой молитве в часовне, стоявшей на берегу Вагской глубины. Молитва ее была выслушана и муж обратился на путь верности и долга.

Так как Стриченская крепость стояла по той, а приходская церковь в Тепличке по сей стороне Вага, то София, ходившая по утрам на раннюю литургию (рораты) босиком в помянутый храм, переходила волны реки Вага по верху, иначе бы по сухой земле ступала.

После смерти тело ея обрели нетленным, которое и днесь еще почитает в часовне помянутого храма.

От Теплички чрез р. Ваг переправились мы на пароме и вступили в город Жильину (Zsolna). Город, пользующийся королевскими привилегиями, стоит на небольшой, но плодородной равнине, окружен от севера и востока высокими горами. Есть здесь, кроме старинного приходского храма, монастырь францисканцев и иезуитский кляштор, служащий теперь конвиктом для мальчиков.

В Жильине встретили мы у тамошняго лат. приходника Ondreja Lemessa (в сю пору Нитрянскаго каноника) самое радушное славянское хлебосольство.

Об тысячелетнем празднестве в честь славянских Просветителей, отбывшемся у южных и западных славян, так само и на Руси православной с подобающими торжественностями, тут в Нитрянской епархии и помину не было. Правда, священники, с которыми пришлось нам сойтися, знали, что весь почти славянский мир празднует эту 1000-летнюю годовщину, но понеже им по сему делу от их начальства духовнаго ничего приказано не было, то они и не предпринимали ничего; но роптали немало! И то не без причины. Им хорошо известно было, что Нитрянская их епархия входила когда-то в состав митрополии св. Мефодия в вел. Моравии. Можно, что позднее, по нашем отходе, и там подержана была эта памятка.

Вдруг по нашем приезде разнеслась по городу весть, что вот до нас прибыли «староверские» священники – а то еще с бородами, этим современным пугалом. Следующаго воскресенья мой спутник десятаго часа в приходской церкви пел св. литургию и держал проповедь к народу в словацком наречии. Надо здесь припомнуги, что с нами был мальчик для выслуги, по имени Симеон, родом из Галиции, у котораго был прекрасный звонкий голос, разлегавшийся по всему пространному храму, битком наполненному даже и людьми из окрестных селений. Спутник в своей проповеди обратил внимание слушателей и на то, что служимая им обедня есть та сама, которую их апостолы и просветители Cyrill a Method перевели из греческаго на славянский язык и нею же приносили бескровную жертву и пр. Жаль только, что он тогда литургизовал в ненашем фелоне, а в орнате латинском.

На другой день литургизовал уж я, разумеется, в нашем, от пок. Духновича заимствованном фелоне; народу уж не было, как это было в буд-день, а только приходник с своим сотрудником присутствовали.

Между тем, мой спутник отправился в какое-то поблизкое селение, где был тогда отпустовой праздник, и там тоже пел св. литургию и

произнес проповедь. Под тем временем собрались в Жильину соседские священники, дознавшись о нашем приезде, с желанием слышать восточную литургию. В следующее утро служил я в их присутствии св. литургию, но только читаную – по неprisутствию певчаго мальчика.

В наступающее воскресенье местный приходник дал обед, к которому пригласил магистрат и всю знать жильинскую.

Словацкое католическое духовенство, как я сим случаем наблюдал, есть чувства народно-патриотического, любит свою народную речь и словесность до нельзя-лучше, чему мы доказательства на деле видели. Вступите в приходский дом – на столе увидите кучу словацких газет да журналов, как Pest-Budinske Vedomosti, Slovenske Noviny, Cirill a Method, Slovesnost' и пр.

Возвращаясь уже домой, мы на усиленную просьбу посетили еще одного сельского священника – Пр.[еподобнаго] о. Андрея Радлинского (братанича известного А. Радлинского, приходника в Кутах Остригомской архиепархии и издателя русских проповедей и небольшого словаря). Этот гостеприимный священник живет в деревне Нижнем Гричове, на пути к Нитре.

Возвратившись в Жильину, мы попрощались с многими новопознакомленными и вернулись в обратный путь.

Тем и кончу свои скудные записки.

ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ 50-х ГОДОВ УГРОРУССА

В исходе 1849 года, после усмирения мадьярского мятежа русскими вспомогательными войсками, писатель сих строк был ещё очень молод, но живо припоминается ему в памяти все прошедшее, хотя этим событиям минает уже 35 лет.

Помнится, как на весне 1848 г. стали набирать рекрут в honvéd-ы (ополченцы), набор происходил насильно, по обычаям тогдашних времён, теперь, конечно, уже не практикующимся. Он состоял в том, что старшина волостный, поразумевшись предварительно с своим гражданским советом, являлся ночью порою по домам сельчан и брал спящих парней и молодых слуг в войско, связав их верёвками и положив под караул, чтобы не убежали. На каждое село было комитатскою властью наложено известное количество – 2-х–3-х рекрут – по счёту душ населения. Таких пойманных добровольцев тотчас стригли и отправляли по назначению. Иные, более сметливые парни, заветрив в чём дело, спасались в леса, пока гроза не минет. Туда родня тайком приносила еду, за то ответственности никакой не было; это уж такой обычай был, но начальство селения всё-таки должно было поставить требуемый контингент. Слух про первый такой ночной напад в любом горском селе мигом разнесся по всей окрестности. Вся молодежь разбрелась по лесам. Надо было приняться иной хитрости, но и жаль было своей молодежи. Принялись ловить молодых проходимцев-бродяг, прикидывавшихся нищими; их умыли, обрили, остригли, придели, подпоили водкою и сдали с рук. Кто они и откуда? Никто не спрашивал. Комплект готов. Если же оказался недобор, то на счёт комитатской¹ казны устраивали так названный «вербунг», т. е. добровольное заманивание в солдаты при помощи водки и музыки. Кто, подпивши за счёт казны, дал руку старшине, того уж не миновало «катунство»². Доктора при осмотре не очень-то церемонились с рекрутами. Был бы новобранец только не хром либо слеп...

Случаем такого рода ополчения пелись народом импровизированные песни, по большей части на манер словацкого наречия:

1 **Geschpanschaft** – губерния (азначка А. Кралицкого).

2 **Katona** – солдат (азначка А. Кралицкого).

*Кедь я се свербуем на сивего коня³,
Будзе за мну плакаць фрайрочка⁴ моя!*

Позже, помню, что в одно прекрасное утро раздался клик: «Идут москали!» Кошут, хотя протестант, не любящий постов и не почитающий св. Угодников божьих, назначил обязательный пост на 24 часа для всех, без различия религии, по всей стране и распустил молву, будто ему явилась Богоматерь, *patrona hungariae in specie*, и обещала будто победу над врагами отечества, которое впоследствии не оправдалось.

Незадолго появились на горных высотах вкопанные шесты, обвитые соломой и насмоленные, в расстоянии в полмили от Бескидов до Токая. Народ прозвал их «веха»-ми. Назначением было, чтобы, как скоро русские появятся на рубеже от Галичины, стража первой вехи зажгла её, за сею другую, третью и т. д., дабы таким образом через 2-3 часа узнали около Токая приближение русских.

Чрез краткое время затем появились и русские войска, спеша в низовье Тисы р[еки]. Паника была большая. Русская армия доселе не встречала никакого отпора.

Наши новобранцы-гонимые, ассентированные насильно [с] помощью верёвки пред двумя годами, стали возвращаться в свои горы, прекрасно одетые и с оружием, принимаясь за соху и пастушескую свирель. Они, собираясь иногда по воскресеньям в дружеский круг, чванились пред товарищами своею мадьярщиною, припевая на ломаной мадьярщине песенку:

Kis kátuná, három puská,
Szeginy gázdá, nyincs háluská;
Megáj, kátuná, lesz háluská,
Gyere házá, gyun á muszká!⁵

Т. е., при сдаче мадьярами оружия при Вилагоше многия из наших

3 **В гусары** (засначка А. Кралицкого).

4 **Любовница** (засначка А. Кралицкого).

5 Ниже подаеме дословной товмаченя співанкы:

Воячок, три пушкы,
Бідный газда, не є галушок,
Чекай воячку, будут галушкы,
Иди домів, иде и маскаль.

(засначка вишорителя – В. П.).

солдатиков брали по 2-3 ружья с собою, которые потом раздавали мадьярским сельчанам за галушки. Поэтому в этой песне рассказывается, как однажды у нашего гонведа нашлось три ружья, он дарил их мадьяру за галушки, но мадьяр, поплатившийся многими убытками во время кампании, не имея и сам галушек, отвечает ему: «Погоди, воин, будут галушки: иди домой, идет и москаль» (уж, разумеется, восвояси).

Кратковременное здесь пребывание русских войск ознаменовалось и тем, что отселе мы стали пробуждаться от векового сна. Доселе мы и писать-то по-русски не умели. Вот форма букв, какими мы писали, как бы по-русски, до 1849 года:

a, b, c, d, e, f, g, h, i, k, l, m, n, o, p, q, r, s, t, u, v, w, x, y, z, A, B, C, D, E, F, G, H, I, J, K, L, M, N, O, P, Q, R, S, T, U, V, W, X, Y, Z, a, b, c, d, e, f, g, h, i, k, l, m, n, o, p, q, r, s, t, u, v, w, x, y, z, A, B, C, D, E, F, G, H, I, J, K, L, M, N, O, P, Q, R, S, T, U, V, W, X, Y, Z

Об учебниках для народных школ и слыху не бывало. Существовал какой-то букварец⁶, часловец и псалтырь сербско-будинского издания. Все церковные книги, как и поныне, были печати: Львовской, Уневской, Киевской, Почаевской и Московской. Сельской школы не было нигде. Кое-где у сельского дьячка обучивались три-четыре мальчика грамоте, с грехом пополам и то только зимой, летом пасли скот. Они зазубривали по упомянутым учебникам всю тогдашнюю премудрость от «буки-аз-ба» до «Блажен муж» и «Вскую шаташася». Летом потому все забывали. Ладно, что в здешних монастырях для прислуги держались постоянно 3-4 мальчика, которые, обучившись чрез 2-3 года церковному обряду и пению, доставляли контингент дьячков на села.

По отшествии русских вдруг появилась новая (теперешняя) форма скорописи и разослана из Пряшева епископом бл. п. Иосифом Гаганец по всем приходам с препоручением, изучив, держаться её впредь. На челе тетради стояли новые буквы *а, б, в, г, д* и пр., затем следовали по новой для нас правописи свежие стихи каноника Александра Духновича и

6 Иде за сербський учебник під титулом: «Букварь во оупотреленіе юности славено-сербскаго народа во Оунгарском краловствѣ, принадлежащихъ ему предѣлахъ находящегося. Съ дозволеніемъ правительствующихъ. Въ Будинѣ Градѣ печатанъ при Кралевскомъ Оуніверситетѣ писмены Славено-Сербскія печатни. 1847» (*зачатка вишорителя* – В. П.).

приходника Алекс. Павловича, первых наших народных поэтов, которыя велено было дьячкам выучить наизусть. Вот одно из таких стихотворений Духновича⁷:

За горами, за лесами.
Зимный ветор вѣе.
Там наш бѣдный русин
Богобойно жіє.
Подобно роду своему
Жіє в Карпатах,
Незавидит он никому
В высоких палатах⁸.

Другий стишок, Павловича, рисует крепостную жизнь русскаго селянина, из котораго припомню только следующую строфу⁹:

Ветор вѣлшынами хвѣе,
Преспѣвуют соловѣе,
Хтели бы го потешити,
Жаль го не хце лишити.

Эти незатейливые стишки казались нам тогда верхом совершенства, но, без сомнения, они принесли много пользы для пробуждения. Отроча-ти надо сначала молока, а потому уж каши и хлеба.

Все то еще было только в рукописи. В начале 1850 года появилось первое русское печатное сочинение на Угорской Руси после М. Лучкая. Это был крошечный месяцесловец А. Духновича на 1850 год, 3 листа в

7 Сесь стих був опублікований в ушиткых трѣх виданях букваря А. Духновича «Книжиця читалная для начинающихъ» (1847, 1850, 1852 pp.). Быв то про сочасників А. Духновича (1803–1865) ци не майпопулярный образчик русинської поезії (зазначка вишорителя – В. П.).

8 Зато, же Кралицький процітовав стих из памяти, він го передав не цалком точно. Ниже подаєме сесь стих подля оригінала – букваря 1847 рока:

Подъ горами, подъ лѣсами.
Зимный вѣторъ вѣе,
Тамъ покойный, богобойный
Русинъ бѣдно жіє.
Подобно роду своему
Жіє во Карпатахъ,
Незавидит онъ никому
Въ высокихъ Полатахъ.

(зазначка вишорителя – В. П.)

9 Иде за строфу из поемы Александра Павловича (1819–1900) «Ставь бѣднаго селянина» (1847) (зазначка вишорителя – В. П.).

16° формата¹⁰; посвящен известному патриоту Адольфу И. Добрянскому. Кроме месяцесловной и астрономической части, все состояло в нем из стишков вроде:

Поздравляю Вас праздником
Молодого года,
Русинопьки-братя, племя
Славянського рода.

Австрийское правительство еще той зимы велело вводить по всем селам народныя училища и обучивать детей грамоте. Будинских старо-славянских букварей не хватило и на 10 сел, надо было приняться на скорую руку за составление букваря, чтобы удовлетворить нужде на первых же порах. Ну и кто скорее готов удовлетворить жгучей потребности, как не тогдашний *totum fac*¹¹ А. Духнович? И действительно, он составил и напечатал в Будине букварец; теперь – по первый раз – гражданкою. В дидактическом отношении он не ответил цели, ибо состоял, по большей части, из стишков вроде:

Мамко, мамко, куп ми книжку,
Тинту, папірь и табличку,
Бо я пойду до школы
Учитися по воли.

Содержание таких стихов дети научились по звуку и простоте излагаемого, мимо того, чтобы сам процесс чтения усвоили себе.

Того самого 1850 года мы узрели в наших Карпатах первую русскую газету, еженедельную: «Вѣстникъ для Русиновъ Австрийской державы», издававшуюся в Вене Василием Зборовским (псевдоним Юлия Вислосбодскаго). Понятно, что при тогдашних обстоятельствах каков мог быть «Вѣстникъ» относительно языка, слога и внутреннего содержания. То была мешанина, без определенной грамматики, по разным галицким, угорским и буковинским наречиям и поднаречиям. Писал всяк, как умел и мог, ибо образца никакого не было, русской газеты из России никогда не видали, нас русскому письменному языку никто не учил, в школах везде господствовала мадьярщина да латынь; и по-немецки до 1848 г. ничему не учили. Кое-где попадалось видеть мадьярскую, немецкую

10 Иде за *выдана*: Поздравленіе Русиновъ на новый годъ 1850. – В Перемышли: Черенками русского собор. Крылоса (*зазначка вишорителя* – В. П.).

11 **Totum fac** (*латин.*) – тот, што ушитко робит; вшитечна особа (*зазначка вишорителя* – В. П.).

газету, но о русской и снить не смели¹² – а вот тут сразу является газета, печатана русскими буквами. Перечитывали 1-ый номер чрез неделю 10-20 раз, не обращая внимания на ея содержание, а только насладиться бы самым процессом чтения, подобно гоголевскому Петрушке. Только позже узнали мы, что в Галичине уже 1848 г. выходила газета «Зоря Галицкая», но мы, угоруссы, ея не видали.

В нововведенные народные училища надобно было, кроме букваря, составить еще какой-нибудь другой учебник; Духнович составил «Землепись» (географию), после, в 1853 году, «Грамматику письменного русского языка», исправленную в Будине о. И. Раковским.

Духнович, чтобы дать нечто в руки не только детям, но и взрослым, печатал, кроме календарей (на 1850–1854 года), два альманаха под загл.[авием] «Поздравление Русиновъ» и пьесу «Добродѣтель превышаетъ богатство» (с немецкаго), молитвенник для мирян «Хлѣбъ души», «Литургику» (по Новой Скрижали) и множество корреспонденций в «Вѣстнике».

Еще в сороковых годах написал он по-латыни «Историю Пряшевской епархии», переведенную недавно на русский язык проиереем Кустодиевым¹³ и напечатанную 1877 г. С.-Петербургским Сл.[авянским] бл.[аготворительным] обществом. Издал он печатью тогда же по-латыни «Извлечение из права церковнаго». Писал даже и мадьярские стихи.

Это был на самом деле человек неутомимым, трудолюбив и бескорыстен. Иждивля¹⁴ скромное свое крылошанское жалованье (600–700 гульд.) на печатание книжек, он почти терпел нужду; благо, что не было у него убогих сродников¹⁵, а сам немного требовал. Самый больший *luxus* его был, что держал на аренде под Кальварией малый огородец, где сажал фиалки и прививал розы. Зимой вечерами собирал он вокруг себя

12 **И снить не смели** – сесе стилѣва грішка. Автор мав на гадці стилістичный відповідник у російськiм языкy «и не снилось нам» (зазначка вишорителя – В. П.).

13 **Кустодієв Константин** (1838–1875) – настоятель (из рока 1871) російського православного храма у варошику Юрем (Üröm) близько Будапешта (тогда – Будина). Сесь храм поставили (у році 1803) як мавзолей на могилі російської княжны Александры Павловны (1783–1801) – жены палатина Мадьярського Ёсифа, котра умерла у Відню и котру пак туй (у році 1803) перепохоронили (зазначка вишорителя – В. П.).

14 **Иждивля** – сесе стилѣва грішка. Автор мав на гадці стилістичный відповідник у російськiм языкy «имея» (зазначка вишорителя – В. П.).

15 **Сродники** – сесе стилѣва грішка. Автор мав на гадці стилістичный відповідник у російськiм языкy «родственники» (зазначка вишорителя – В. П.).

молодых пряшевских священников и мирян, читал и свои стихи и заохочивал к изучению русского языка и словесности, словно был в тесном круге апостолом русской пробудившейся народности.

Позже получил он чрез о. протоиерея М. Раевского¹⁶ несколько книг из России и таким образом снискал некоторую пищу, так для упражнения себя в русском языке, как и для распространения русской письменности между младшею братиею. Эти книги подарил он еще за жизни Краснобродскому монастырю для пополнения тамошней библиотеки с целью, чтобы ими пользовалось, кроме братии монастыря, и окрестное русское духовенство.

Затеял он было 1850 г. и «Литературное Общество Пряшевское», в которое вписалось около 100 человек с обязательством вносить ежегодно по 2 гульдена, не требуя от членов, кроме исправного взноса, никакого литературного сотрудничества. Новорожденное отроча родилось мертвым, ибо не проявило никакой жизни. Умер Духнович 31 марта¹⁷ 1865 г.

Около 1854 года явился на поприще литературной деятельности новый вождь, более подготовлен. Это был молодой священник о. Иоанн Раковский¹⁸, бывший прежде вице-ректором духовной семинарии Ужгородской. Мирской интеллигенции, кроме двух известных, А. Добрянскаго и Ант.[она] Рубия, как и тогда не было, так и теперь нет. Раковского правительство поставило переводчиком государственных законов с немецкого языка на русский и переселило в Будин. Тут он познакомился с о. протоиереем Войтковским, состоящим священником при часовне вел.[икой] кн[язны] б.[лаженной] п.[амяти] Александры Павловны в Ügöm-е близ Будина¹⁹. Знакомство это ему много пользовало²⁰, так как получил способ усовершенствоваться в русской словесности.

16 **Расвський Михайло Федорович** (1811–1884) – священник, поважна постава в історії російської дипломатії. У роках 1842–1884 був настоятелем російської посольської церкви у Відні. Общественный діятель славянофілського напрямку (зазначка вишорителя – В. П.).

17 Фактично, А. Духнович умер 29 марта 1865 рока (зазначка вишорителя – В. П.).

18 **Раковский Иоан (1815–1885)** – священник, підкарпатський будитель, публіциста и издавец (зазначка вишорителя – В. П.).

19 **Войтковський Василій Миронович** (умер у 1904 році) – священник, настоятель (у роках 1850–1970) російського православного храму у селі Юрем (Ügöm) близько Будапешта (тогда – Будина). По нёму служити до Юрема прийшов К. Кустодів (зазначка вишорителя – В. П.).

20 **Много пользовало** – сесе стилёва грішка. Автор мав на гадці стилістичний відповідник у російськiм языку «принесло много пользы» (зазначка вишорителя – В. П.).

О.[тец] И. Раковский издавал при помощи прот.[оиерея] Войтковскаго известную «Церковную газету» 1854–1855 гг. на чистом русском литературном языке. Вскоре по проискам наших недоброжелателей газета прекратилась и о. Раковский удалился в Мараморошские горы²¹, на приход в Изу (Iza), где и теперь пребывает.

Неможно²² обойти молчанием и про о. Андрея Радлинскаго. Это был латинский священник, славист, Остригомской архиепархии, издавший в начале 50-х годов на русском языке в Будине «Церковныя проповеди» с небольшим русско-латино-немецким словарем. В ту пору занимались у нас еще русской словесностью, кроме выше наведенных, Андрей Балудянский, Николай Нодь, Петр Янович и Александр Гомичков и др.

Живейшая деятельность на поприще словесном проявилась у нас между 1863–1873 годами. Насколько повеял дух народной жизни под нашими Карпатами, явствует и из того, что тогдашний епископ Мукачевский Василий Попович († 1864) велел все богословския студии в своем Унгварском лицее преподавать, вместо латинскаго, на русском языке. Это деялось чрез 2 года, пока не запретил преподавание примас Венгрии как митрополит епископа Мукачевскаго, пугаясь московской шизмы. В то время все богословския предметы были переведены на русский язык, которые и поныне находятся еще в рукописи.

Бобовици, ноябрь 1884.

21 **Мараморошские горы** – горські території у комітаті Мараморош, авадь Мармарош Угорського корольства (зазначка вишорителя – В. П.).

22 **Неможно** – сесе стилёва грішка. Автор мав на гадці стилістичный відповідник у російськiм языку «нельзя» (зазначка вишорителя – В. П.).

ВОСПОМИНАНИЕ

Из Села, 10. VII.

Почти 40 лет тому назад, когда мы писали: *anno Domini 1850.*, пишущий эти строки был 15-ти летним юношей и напишет все с памяти.

Прошумели беспокойные 1848–49 гг., но они принесли много блага! Благодаря постановлениям угорского сейма отменена барщина (*robot*) и на основании равноправности пред законом из нашего простолюдинаметя стался вольный гражданин своего отечества. Брося бранное оружие, он принялся за свою заветную соху (*eke*), эту верную спутницу своей жизни от прапрадедов; но тут раздались голоса, достойные свободного человека, это – «народное просвещение».

Неслыханный доселе девиз...

Уже на склоне сороковых годов начались заводить кое-где по селам народныя училища; но это была большая редкость. Обыкновенно 5-6 мальчика собирались у дяди, в его тесной избе и изучивали грамоту по напечатанным в Пеште тамошними Сербами: Букваре¹, Часословце и Псалтыри. Вот и весь запас учебников.

Нашелся человек, сделавший первый шаг и напечатавший 1847 года первый под Карпатами русский букварь для сельских школ. Этот человек был Александр Духнович (†1865).

За букварь для детей следовал для взрослых от него же первый русский «Мѣсяцесловъ на 1850. годъ» в 16. долю листа, довольно тощий, но тогда драгоценен для всех. С каждым годом появлялась одна-другая книжочка: «Краткій землепись» (*geographia*), два альманахи «Поздравленіе Русиновъ» на 1851. и 1852. года, мелодрама «Добродѣтель превышаетъ богатство» (переделанная с немецкаго и приспособленная к нашей жизни),

¹ Иде за сербський учебник під титулом: «Букварь во оупотреленіе юности славлено-сербскаго народа во Оунгарском краловствѣ, принадлежащихъ ему предѣлехъ находящегося. Съ дозволенемъ правительствующихъ. Въ Будинѣ Градѣ печатанъ при Кралевскомъ Оуніверситетѣ писмены Славлено-Сербскія печатни. 1847» (зазначка вишорителя – В. П.).

потому сыгранная школярами под руководством священника М. Л.² в селении Страйнянах возле города Михайловец (Nagy-Mihály). Духнович напечатал и молитвенник «Хлѣбъ души», и теперь еще употребляемый народом, по тому «Педагогику» для сельских учителей, «мѣсяцословы» на 1851–54 года, «Литургику» по Новой Скрижали, наконец «Грамматику общерусского языка», переделанную в Будине священником И. Раковским.

Вот что делал вначале один человек, все на своих издержках! Оно, конечно, было примитивное начинание, но нам тогда казалось: верх совершенства.

Маленькая епархия Пряшевская предупредила свою мать Мукачевскую, где все еще спало.

В 50-м году увидели мы первую русскую газету, появлявшуюся в Вене под заглавием «Вѣстникъ для Русиновъ Австрійской державы». Редактором ея был сначала Иван Ф. Головацкий (брат Якова), а позже, когда возведена на степень официальной, на субвенции, Юлий Вислобоцкий (под псевдонимом «Василь Зборовскій»). Он был при министерстве внутр. дел чиновником каких-то «помещичьих урядов». Мы, юноши, не могли ею довольно налюбоваться, ибо доселе русской не видели, хотя содержание ея, язык спольщено-русский, исключительно были из Галиции. Позже появлялись в «Вѣстникѣ» статьи и из наших сторон – от Духновича, А. Гомичкова (Русский путникъ) и Николая Нодья (Nagy Miklós). Прежде в обыкновении было, что если при Венской семинарии и церкви св. Варвары парохом был галичанин, сотрудник при нем был угро-росс. От 1850. до 1862. года был таковым Нодь, сперва сотрудник, а позже парох (†1862).

Кое-когда получали мы русския мелкия книжочки из Галичины, как Тарас Бульбу, Марусю³ и др.; но наше внимание поглощала тогда Крымская война и славный Севастополь, державшийся 11 месяцев храбро против вооруженной Европейской коалиции. И так читали больше малярския газеты. В ту самую пору напечатал в Вене свою «Церковную исторію»⁴ покойный Андрей Балудянский, изданную им прежде по латыни и по малярски. Переводили ее на русский язык его ученики, что

2 Годно быти, же за кріптонімом «М. Л.» автор припрятав імня Михайла Лихварчика – літератора и публициста, што походить из с. Тополяны Земплинського комітата (днесь сесе мікрораён Тополяны у Михайлівцях (Machalovce) Кошицького края (зазначка вишорителя – В. П.).

3 Иде за творы «Тарас Бульба» М. Гоголя и, видав, «Маруся» Г. Квіткы-Основяненка (зазначка вишорителя – В. П.).

4 Иде за книжку: А. Балудянского: Исторія церковная Новаго Завѣта, Изданіе третое, Вієнна, 1852, 404 с. (зазначка вишорителя – В. П.).

явствует и из слога, и многих старославянских слов, вроде «аще» (если), «поне» (по крайней мере), «видѣхомъ», «глаголахомъ», «бяху» и т. д.

Зимою 1854. года получили мы «Воззваніе к подпискѣ на «Церковную газету» из Будина от нашего земляка, священника Мукачевского Иоанна Раковского. «Церковная газета» печаталась на чистом общерусском литературном языке – из-за того не просуществовала 2 года; а издавалась процветающим и поныне еще католическо-литературным Обществом св. Стефана. Время (Крымская война), язык и характер Общества как-то не согласовались. Да и самое заглавие газеты – «Ц.[ерковная] газета вост.[очной] каф.[едральной] церкви, соединенной с Римским Патриаршеским (!?) престоломъ» – многим кололо глаза. Раковский, – говорили, – в Римском первосвященнике не узнает «Папу», а лишь «Патриарха» запада. Но газета не помещала никогда ничего против католицизма; между корреспондентами ее были даже и русские иезуиты из Парижа: Мартынов, князь Голицын. Раковский был тогда переводчиком государственных законов из немецкого языка на русский.

Народная жизнь у нас начала пробуждаться только с 1860. годов, но о сем ныне писати еще скоро. Довольно будет чрез 15-20 годов. Доселе было только как «Введение» в «Историю народной жизни». От 60-х годов начинаться должна «Первая глава».

Из Села, 30. VIII.

В исходе 50-х годов самым злейшим гением для Галичско-русской братии нашей был гр. Агенор Голуховский, наместник Галичины, а в 1859. году министр внутренних дел Австрии. У него зародилась роковая мысль уничтожить кириллицу у Австрийских русских (тогда не разделенных еще на Транс- и Цислейтанию, а зависевших от Венскаго правительства) и завести латинское а-бе-цаadlo. Конечно, он руководился политическими мотивами.

Не будь тогда в Галичине таких народолюбивых мужей, какими были Яхимович, Куземский, Головацкий, Петрушевич и др., это легко удалось бы было Полякам, подобно как и ныне у нас, если бы поднят был у нас теперь вопрос календарный, как за времен Панковича [1873.], авось не удалось-ли бы его перевести благодаря трусливости нашей?⁵ Коноводом этой мнимой реформы был Чех Їржечек (Jirzcek).

5 Ведь уже являются и календарщики; смотри «Felvidéki Sion», Ч. 23! (зачначка корректора новинки «Листокъ»).

Быти может, заметит кто-нибудь: ведь это не касалось нас, закарпатских Русских. Ни чуть нет. Душевную пищу получали мы тогда из Галичины. Газету, книги оттуда получали. Стало быти, уничтожится кириллица в соседстве, повлекла-бы за собою пропажу ея и у нас. Ибо кто был бы нас защитил?

В то время в Пряшеве, в доме пок. батька Александра Духновича, по вечерам собиралось маленькое молодое общество, к которому надлежал и каноник Виктор Добрянский, брат Адольфа. В этом кружке обсуждались текущие дела и выжидалась судьба на смерть обреченной нашей азбуки. Ближайшие вести получались только посредством Венскаго «Вѣстника», издаваемого министерским чиновником Юлием Выслободским (псевдоним: «Василій Зборовскій»), орган, который, будучи издаваем правительством, конечно не мог писати по вкусу русской публики, ибо те времена были строго абсолютистическия. Наконец, дело обрушилось.

Тут затеялась и мысль – основати и у нас русское литературное общество, наподобие мадярскаго: «a jó és olcsó könyvkiadó társaság»⁶, (ныне «Sz. István társulat»⁷). Почин шел, как все тогдашнее, от А. Духновича. Епископ Иосиф Гаганец был русскаго духа человек, который, происходя из простаго народа, заботился умственным его преуспеванием. Он отнесся 1861. года к епископу Мукачевскому с проектом и готовым статутом задуманнаго общества, но дело тогда как-то еще не клеилось.

Только по падении октябрьскаго диплома и наступлении провизории, уже по смерти епископа В. Поповича, затеянное общество осуществилось – за викариатства Ант. Чопея 1860. г., благодаря неусыпной деятельности и хлопотам В. Кимака, Мих. Стрипскаго, В. Ляховича, И. Мондока и др. Общество развило силы свои, стало процветати, но увы! – скоро и за-костенело! Теперь и тени его нет. «Како потемнѣ злато и измѣнися сребро доброе, рассыпашася камыцы (камни) святыни» (Плач Иеремии, IV. 1.)

Из Села, 20. X.

Тридцать лет тому назад (1859.) роковое фиаско в Италии (24. VI.) дало толчек к умственному пробуждению народов в тогдашней Австрии, и то не только для мадяр, хорватов и поляков, но и для прочих народностей.

6 «A jó és olcsó könyvkiadó társaság» (мадяр.) – доброй и туней книговыдавательской дружество (зачначка вишорителя – В. П.).

7 «Sz. István társulat» (мадяр.) – Общество св. Иштвана (зачначка вишорителя – В. П.).

Для мадярских наших соотечественников время сие пришлось кстати. Это было, в первых, столетняя годовщина (1759.) рождения Ф. Казинци, а по тому – трагическая кончина (1860.) гр. Стеф. Сейченъи. Оба те события служили поводом к заявлению патриотизма, мирным демонстрациям чрез надетие⁸ мадярского костюма и других заявлений народных чувств. И не удивительно. Германизм слишком надоел! Оттоле абсолютизм стал поблекать и знаки ближайшего его падения стали очевидными.

Подобное движение того времени перепялось⁹, как некая умственная зараза, и на другия народности. Зашевелились, в свою очередь, Румыны, Сербы, Словаки да и мы, крошечные.

Покушение на истребление кириллицы в Галичине, мужественный отпор против посягательства, по тому – стяжанная победа нашими братьями внушила им сознание, что ведь и они чего-то значат между прочими народностями, только бы пробуждаться.

Акция делает реакцию.

Подобное произошло тогда и у наших мадярских протестантов, у которых покусились отнять церковную автономию, вмешиваясь в их церковныя дела, навязывая им патент. Они, разумеется, стоя на законной почве, победили. У них, как подобно у нас, церковь и народность тесно связаны. Не будь «Господи помилуй», не было бы и нас.

Первым знаком народного пробуждения у галичских Русских того времени было издание объемистой книги «Альбума»¹⁰ на 1860. год, в котором участвовали все галичские писатели, между ними и от нас.

Затем основана газета «Слово» 1861. г., выходившая дважды в неделю, под редакцией даровитого и хладнокровного Б. А. Дедицкаго. У места будет заметить, что кавцию (5 или 6000 гульд. на эту первую политическую, независимую русскую газету, прожившую 26 лет, сложил скромный чиновник-холостяк, член уездного суда в Самборе пок. Михаил

8 «Чрез надетие мадярского костюма» – сесе стилёва грішка. Автор мав на гадці стилістичний одповідник «в мадярском костюме» (зазначка вишорителя – В. П.).

9 Переп(н)яти (русин.) = переключить (рос.), преріпає (словац.) (зазначка вишорителя – В. П.).

10 Иде за львовський алманах «Зоря Галицкая яко Альбумъ на годъ 1860.» Як лем 23 марта 1860 р. на митрополита Галицького був утвержений Григорій Яхимович, такой нараз из той нагоды Богдан Дідицький у Львові видав сесь алманах. На 560 сторонах алманаха видавець умістив статі, поезію и прозу од многих (52) авторів из Галичини, Лемковины и Підкарпатської Руси (зазначка вишорителя – В. П.).

Качковский, живший крайне бережливо и копивший заслуженный грош на народные цели. Не много таких не только там, но и инде.

В «Слове», наперекор вялому, бездарному венскому «Вѣстнику», начали разбираться домашние, народные, школьские дела, а позже и церковные, так как церковь и народность у нас, Русских, по ту и по другую сторону Карпат тесно связаны с собою. Не будь церкви, пропала бы и народность... В первых, вопрос коснулся об очищении восточно-русского обряда от примесей чужих, взятых своевольно из латинского обряда после замостьского собора, к чему требовался церковно-областный синод, по смыслу 5-го правила I. всел.[енского] собора и 6-го правила II. всел. собора и правил 12. и 15. Антиохийского пом.[естного] собора, в силу которых правил церковные областные соборы должны созываться под председательством митрополитов.

Пок. митрополит Григорий Барон Яхимович обещал таковой собор, но вскоре умер, и так дело замялось.

Зато мысли об очищении обряда от латинских примесей развились широко в русской печати. Требовалось, во первых, вынести органы из русских церквей и уничтожить звонки; по тому – кассировати монстранции и ввести иконостасы, которых часто-густо не бывало. Были случаи, что литургирующий иерей пропускал проскомидию; облекшись в ризы, вырезал агнца, положил на дискос и шел к алтарю.

Против органов приводилось, что наши тропари, стихиры и ирмосы не клеятся с аккомпаниментом духового (*fúvó*) инструмента. А тем, которые в защиту органов цитировали слова псалмиста: «Хвалите Его в струнах и органе», отвечали: «Ветхий завет предписывает не только органы, но и обрезание. Что тогда?».

О излишности звонков, колокольчиков приводилось, что они мешают стройному пению; они без всякого значения у нас. Иное дело у латин; там совершается мисса на непонятном языке; переносится миссал с одного бока на другой по прочтении эпистолы, потому на другой бок для чтения евангелия, чтобы сидящие молеельщики вставали.

Слова пресуществления свят. Евхаристии, по древней *disciplina arcani*, совершаются шепотом; из-за того также¹¹ нужно обратить внимание молящихся на великое, совершающееся таинство звонком. У нас же слова: «Приймите, идите» и пр. произносятся в всеуслышание, голосно, на понятном молящимся языке.

Относительно монстранций. Они ввелись в латинской церкви во

11 В оригіналі було напечатаной так: «таже». Видав, туй проскочила хыба, котру сьме виправили (зазначка вишорителя – В. П.).

время реформации Лютера, когда сей отрицал таинство пресуществления св. тайн. Надо было против такой ереси демонстрировать и ради того установлен праздник Тела Господня (Ugnarja). У нас, Русских, такой ереси не было и нет, следовательно незачем демонстрировать.

Много еще было примечаний на счет обряда в разных его подробностях, но тесные столбцы нашего «Листка» заставляют не приводить их; но ежели потребуется, готов их сообщить.¹²

Из Села, 7. XII.

Поелику почт. редакция «Листка» (Нр 21.) просит, чтобы продолжать свои примечания на счет обрядовых подробностей, появившихся в Галичине в начале 60-х годов, то я охотно исполняю такое ее желание, тем более, что тогдашнее там умственное движение не многим у нас известно.

Тогда заявлено было, во-первых, требование отмены читаной литургии, а употребление только (и единственно) спеваной, как деется на всем Востоке. Были оппоненты, утверждавшие, что-де это, существенно, одно значит, ибо таинство и так важно. Богу якобы не надо голосных восклицаний. Но другие иначе умствовали. Вот каков был их ответ:

К церкви Христовой принадлежат не только пастыри, но и пасомые. Отцы и дети! И молятся к Отцу небесному вместе: „И даждь намъ единѣмъ усты воспѣвати пр. и вел. Имя Твое». Потому действующий иерей состоит с присутствующими в молитвенном собеседовании; увещевает их: «Станем добрѣ. Воньмимъ. Услышимъ св. евангеліе. Горѣ имѣмъ сердца. Благодаримъ Господа!» и т. д. Народ тоже отвечает священнику на его возгласы: «И духови твоему. И со духомъ твоимъ!». Таким образом тут необходимо все внимание обратить на слова священнодействующаго, а не погружаться в молитвенник, хоть бы то был и «Хлѣбъ души» Духновича, молясь шепотом; но надо петь с ликами все богослужение.

По той причине и издал О. Андрей Попович свой «Великій Сборникъ» в 60-х годах, чтобы народ мог участвовать в пении. Тут между скобками заметим, что по смерти епископа Вас. Поповича тогдашний капит.[улярный] викарий А. Чопей не хотел апробовать (не зная по какой причине) помянутый Сборник, так что составитель его принужден был

12 **Просим!** (заметка редактора «Листка» С. Фенцика).

обратиться к соседней епархии – епископу Иос. Гаганцу, который охотно подтвердил его.

Не осуждаем¹³ латинские обряды, которые происходят тоже от св. отцев западных, но наш обряд приспособлен к жизни и обычаям восточным. При читаной литургии священник молится: «Сотвори со входомъ нашимъ входу святыхъ Ангеловъ быти» и пр., а входа малаго с евангелием не творит. Не отходит к горнему месту под час трисвятаго пения. И хотя говорит: «Кадило Тебѣ приносимъ», кадильницы не употребляет.

Много было еще примечаний и к другим отраслям богослужения и требоисправления.

13 В оригіналі было напечатаной так: «не оуждаем». Видав, туй проскочила хыба, котру сьме виправили (*зазначка вишорителя* – В. П.).

ІСТОРІЯ И ПАЛЕОГРАФІЯ

ДАТА

къ исторіи Угорскихъ Русиновъ.

(По жереламъ Базидовича и Базудянскаго.)

Исторія угорскихъ Русиновъ яко униатовъ по настоящимъ достовѣрнымъ датамъ починается отъ л. 1490, тогда бо по первый разъ творится поминаніе въ декретахъ угорскихъ царей, именно въ декретѣ Владыслава царя о рускомъ епископѣ Іоаннѣ л. 1491, которымъ-то декрегомъ онъ соотвѣтно апостольскаго титула преимуществамъ сего, — якъ здается, первого угорско-рускаго епископа — защищалъ въ его церковныхъ правахъ и, по словамъ декрета, русскихъ священниковъ къ послушенству напоминалъ.

Но сіе естъ лише церковно-управительственный початокъ исторіи униі. Ибо частью большекратно доказано, что уже часомъ пришествіа Мадяровъ находились въ семъ краю восточнаго обряда епископствъ; такъ зъ другой стороны уже л. 1339 князь Литовскій Ѳеодоръ Коріатовичъ, подъ Карломъ I. царемъ угорскимъ сюда съ 40,000 народомъ рускимъ поселившись, яко униатъ (?) збудовалъ на горѣ (теперь Чернецкою нареченой) бдизъ Мукачева монастырь для Василиановъ, подаровавши имъ больше селъ, десятины и инниі доходки изъ добръ, полученныхъ разомъ съ замкомъ Мукачевскимъ. Подлинникъ диплома учредительнаго сберегається въ архивѣ капитула Пресбургскаго. Самъ той учредъ большеразы нарушанъ бывалъ, и по той причинѣ дипломами больше угорскихъ царей (изъ которыхъ нѣсколько въ оригиналѣ находятся и по днесъ, якъ дипломъ Маѳіи Корвина) на часть реченныхъ монаховъ потверждается. -- Документы сіи несомнѣннымъ творять сущность Русиновъ въ Угріи, такъ вразъ и уживанное покровительство царей угорскихъ.

Читаючи таже численныі сіи дипломы неможно невѣрити, что сіи восточнаго обряда Русины уже тогда соединены были, иначе бо тяжко бы были наслаждались защитою апостольскихъ царей. Да и по Іоаннѣ наслѣдующіи епископы по большой части для своей защиты или потвержденія вы-благали собѣ отъ царей дипломы, хотя впрочемъ избиралсь единственно клиромъ и народомъ, якъ ниже увидимъ.

ДАТА

К ІСТОРІЇ УГОРСКИХ РУСИНОВ

(По жерелам Базиловича и Балудянского)

Історія Угорских Русинів яко унітів по настоящим достовірним датам починається од л. 1490, тогда бо по первый раз творится поминаніє в декретах угорских царей, именно в декреті Владыслава царя о руском єпископі Іоанні л. 1491, которым-то декретом он соотвітно апостольского титула преимуществам сего, – як здається, первого угорско-русского єпископа – захищал в его церковных правах и, по словам декрета, русских священников к послушенству напоминал.

Но сіє єсть лише церковно-управительственный початок історії унії. Ибо частью большекратно доказано, что уже часом пришествія Мадяров находились в сем краю восточного обряда єпископства; так з другой стороны, уже л. 1339 князь Литовский Феодор Коріатович, под Карлом I. царем угорским, сюда з 40 000 народом руским поселившись, яко унит (?) збудовал на горі (теперь Чернецкою нареченой) близь Мукачева монастырь для Василианов, подаровавши їм больше сел, десятины и инный доходки из добр, полученных разом з замком Мукачевским. Подлинник диплома учредительного зберегається в архиві капитула Пресбургского. Сам той учред больше разы нарушан бывал, и по той причині дипломами больше угорских царей (из которых нісколько в оригиналі находятся и по днесь, як диплом Матфії Корвина) на часть реченных монахов потверждается. Документы сії несомнінным творят сущность Русинів в Угрії, так враз и уживанное покровительство царей угорских.

Читаючи также численній сії дипломы, неможно не вірити, что сії восточного обряда Русины уже тогда соединенны были, иначе бо тяжело бы были наслаждались защитой апостольских царей. Да и по Іоанні наслідующій єпископы, по большой части, для своей защиты или потверждения выблагали собі од царей дипломы, хотя впрочем избирались единственно клиром и народом, як ниже увидиме.

Приклонность сія угорских царей взглядом церковного стана Русинів далеко выше сягаєт над времена Іоанна єпископа и Коріатовича. Уже Бела IV. л. 1252 пишет папі Іннокентію IV: «*dignemini reducere in memoriam, qualiter nos laboravimus in plantatione et ampliacione fidei catholicae,*

sicut manifestatum est ex sollicitudine nostra – in conversione Ruthenorum ad obedientiam sedis apostolicae, quorum legati vel iam accesserunt, vel sunt in proximo ad vos recenter accessuri». Посланники истинно были у Папы и условия унії предложили, из них же одно было, чтоб властного обряда епископа иміли.

Но історія не записала послідствие сего посольства; доста на том, что уже л. 1360. при Мукачеві монастырь буювался для соединенных Русин, и л. 1491. уже под царским покровительством видиме у Мукачеві первого руского епископа.

Правдоподобіе подтверждати видится домысл, что соединенный до сего времени были подчиненны латинским епископам, насколько доказует то один документ из р. 1222. в корысть Ягерского лат. епископа.

Історія первых Мукачевских епископов в тісном союзі стоїт з історією русских монастырей. Се же одтуду походит, что по благочинію восточной церкви епископы порядочно из чина св. Василія избиралися, да если случайно избранный епископ не был член чина св. Василія, должен был пред посвященіем своим изложить обіты монашескїи. Одтуду есть, что и реченный *первый* Мукачевский епископ Іоанн частью в Мукачевском, частью же в Грушовском монастырї (у Мармароши) обитал; который послідный был архимандрією титула св. Архістр. Михайла, которое заглавіе Чин Василіанский и до днесь задержует собі, хотя тоє місто од больше десятилітїй праздное, да и сам монастырь розруйнован. Царь Владыслав р. 1498. повторительно подтвердил во владініи сей архимандрїи Іоанна епископа, который слідовательно был соединенный, яко же все священничество его и народ руско-ромунский в Мармароши.

Второй Мукачевский епископ был Василій (у мадярских писателей споминается Laszló – Ladislaus; по прїятому бо обычаю Мадяре любят называть Василія László-вомъ). Сей р. 1551. дипломом Фердинанда царя взятый под покровительство напротив нїкоторых священников, одрекших ему канонического повиновения. Обстоятельство сіе, яко же и то, что од часу Владыслава до Фердинанда теченіем 60 літ не находим сліда жадного епископа, то, видится, подтверждает, будто чрез междувременіе сіе Мукачевский монастырь, яко обиталище епископа, перенес нїкое нещастіе, что в овых бурливых часах не было рідкостью; так само не есть неправдоподобным, что нїкоторыи од соединенія одорвавшиися священники одrekli повиновения. Из дипломов Фердинанда, изданных на часть и защиту сего епископа, явствует, что в оноє время свѣтскїи паны в великой мірі мішалися в церковныи, особливо брачного союза дотычащїися річи, часто-густо дозволяючи партїям¹ без всякого церковного разрѣшенія, без

1 Иде за малженські пары (азначка вишорителя – В. П.).

всякої важної причини и противу канонів розойтися, на толико, що аж царь апостольский соотвітно апостольському уряду, принужден был церковь руску в ей правах обороняти, что доказует один диплом, данный в Пресбургу л. 1552.

Третій єпископ приходить под именем Иларіон л. 1558, которого царица Изабела, вдова Іоанна Заполя, со всім клиром увольнили од ношенія общих бремени, из чего явно, что клир Мукачевской єпархії до тїх пор з латинским клиром не стоял на одном степени, а был земскими посідателями на всякій работы и дачки принуждыван; так Изабела дипломом увольнила їх од того. На часть того же Иларіона изданный второй диплом од Іоанна II, як сам себе называет, выбранного царя мадярского, дальматского и хорватского; в сем дает свободу Иларіонові наслідника избрати. Общеизвѣстно, что в горішней части Угорщины в тоє время Іоанн Заполья, послї же его вдова и сын владїли, уживаючи разом царских прав и титулов, и одтуду походят и вышреченный два дипломы.

Имя **четвертого** єпископа неизвѣстно. Но на часть его од Максимилиана II два дипломы зберегаются, и в одном из л. 1569. «reverendus N. Episcopus» титулуется. Сими дипломами єпископ сей защищается противу тых, который его в каноническом посїщанїи и посїдлости Мукачевского монастыря обезпокоївали.

Пятый єпископ был Ладыслав II. (вїроятнїйше Василїй), о котором поминанїе творят Рудольф II. цїсарь и царь и его брат Матфія, Губернатор Угрії в дипломах под р. 1597, его в церковных правах од напастников и непокоривых защищающе.

Шестый єпископ был именем Сергїй, которого той же архикнязь Матфія дипломом з р. 1601. взял, як выражается, «под окремішную защиту Его цїс. царского величества». Року же 1606 Стефан «Hungariae Transilvaniaeque Princeps, et Siculorum comes» дипломом на мадярском языке, в Кошицах составленным, взял под опїку, в котором повелївается: «Hagyjuk azért és parancsoljuk mindeneknek serio, hogy senki ezután az felüb megh irt Sergius Püspök Clastromára hatalmasul s akaratja ellen ne szallyon, ötet az hozza tartozó Papokkal egyetemben se személyekben, se egyéb akar mi néven légyen nevezendő, Marhajókban megh ne haboritsa, se megh ne karosítsa², – secus non facturi».

Седмый єпископ был Петронїй, по доказательству диплома князя Гавріїла Бетлена, под р. 1623 составленного в Мукачевском замку и контраскрибованого Канцлером Стефаном Ковачковичем. Опрочь сего диплома

2 «Излиште ся того и наказуйте вшиткым, пане, обы надале нихто не чинив нич против єпископа Сергїуса и єго священникам, ци беспокоїв, ци вчинив шкоду» (зазначка вшорителя – В. П.).

Бетлена касательно сего епископа инныї дата не обрѣтаются; но есть од сего же князя другой диплом з р. 1627. на часть Іоанна Грегоровича, епископа Мукачевского, который тако:

Осмый епископ был под именем Gregory, или Іоанн Грегорович, о котором в наведеном дипломѣ кажется: «Ecclesiarum Religionis Grecae in de Beregh, Ungh, Zabolch nec non Zempliniensis, Maramorosiensis, et Saarosiensis Comitatibus habitarum **Episcopus**». И тут по первый раз встрѣчаем ясное наименованіе оной обширной территоріи, котора надлежала духоному владѣнію Мукачевского епископа. Сей за шесть лѣт епископствовал и по нем:

Девятый епископ был Василій Тарасович, о котором имѣем уже важнѣйшій дата, поелику судьба его з Раковцѣанскими замѣшательствами и распространеніем протестантизма тѣснѣе споена была.

Василій Тарасович, снабжен пашпортом Георгія Раковцѣя, отправился л. 1633 до Молдавїи, чтоб там од Митрополита восточного обряда прїял епископское посвященіе, одкуду возвратившись, од того же князя одним л. 1634. в Карлсбургу изданным дипломом подтвержден в сем достоинствѣ и вскорѣ на то слѣдующаго року ялся посѣщати обширну свою епархію. Сей іерарх энергично брался, посеред возбужденых реформаціе непокойств, своему званію одповѣсти, по которому вірников своих в единствѣ церкви католической подержати змагался; тым сгяг на себе гнѣв Георгія Раковцѣя, который из той причины не перестал его до самого конца найтяжше прослѣдовати. Раковцѣй про тоє пособіем Іоанна Баллинга, капитана Мукачевского замка, всякіи средства предпринял, абы сего владыку сперва од единства римской церкви одорвати; но се не удалось: хотя бо правда, что епископ сей сперву единства з католическою церковію притворно одтаїлся, но необав тым твердѣе прилїплялся уніи, за что его реченый Баллинг, капитан вооруженною силою од св. престола и литургїи насильно одорвал и в архіерейской одеждѣ по улицам Мукачева волочил; послѣ в темницу затворил р. 1640. Неволья его держала до р. 1642. Между тым Фердинанд III., царь больше раз писал Раковцѣеви, дабы епископа выпустил; что больше, и Сигисмунда Ершія, поджупана Шопронского, яко посла к нему одправил, абы сей од князя для епископа освобожденіе выробил. Поднимали слово в корысть епископа сего и Ягерский капитул, Іоанн Другет *iudex curiae regiae* и Стефан Шимандій Седмиградский, лат. епископ. Но Раковцѣй лиш так был склонный на волю пустити епископа, если одречется епископства и согласится на прилученіе добр Мукачевского монастыря к добрам его, на что епископ не пристава. Напоследок забота вышреченных переомгла и Тарасович получил свободу; но едва перенял знову престол, едва зачал монастырь свой на ново организовати,

рассіянных монахов и в унії вірно позоставших священников собирали, знову напал на него помянутый Баллинг, и л. 1642 на велініе Раковція выгнал з монастыря и позбавил всіх добр, належачих монастырю; и хотя Фердинанд III. знову вся возможная предпринял, абы епископа возвратить престолу, но сего не могучи выробити у реформатской олигархії, вызначил місто перебуванія для епископа у вел. Каллові, престольном граді Саболичанского комитата и з Кошицкой скарбони выписал ему 200 ренских рочного жалованія. О сем изданный р. 1643. царский диплом послі звичайного титула и введенія тако гласит: «*Fideli nostro Basilio Tarasovits Episcopo Munkacsiensi Graeci ritus, intuitu afflicti status sui, in quem ob Professionem Religionis Catholicae – incidisset etc.*». Се світло до-казуєт, что Тарасович преслідован и престола позбавлен был единственно за преклонность к унії.

Теченієм бурливого сего времени сталося, что, головы лишен клир и народ, гоненіями и обольщеніями протестантов обнят, подекуда, а особливо на малярских околицях, перешол на реформацію; инді же, яко же на руских и ромунских околицях, роспустивши узда унії, перешол на православіє. Из той причины Юрій Якушич, Ягерский епископ, в которого латинской епархії втіленнїи были вірники Мукачевской епархії, к собі взявши оставших при унії руских священников, весь сойтися могущий руский клир созвал до Ужгорода (Unghvár), где в замоцкой церкви дня 24. апріля 1649 р. 63. руский священники из комитатов Унг, Берег, Шариш, Земплин и пр. заключили унію з церковію римскою, что скорше обновленієм сдланной уже унії наречися повинно, только что теперь уже унія сформулована была письменно. То сталося за папства Иннокентія X.

Условія унії оригинальным начерком суть слідующий:

«*Primo: ut Ritus Graecae Ecclesiae nobis servare liceat.*».

«*Secundo : Episcopum a nobis electum, et ab Apostolica sede confirmatum habere.*».

«*Tertio: Libertatibus Ecclesiasticis liberi fungi.*».

Сей диплом соєдиненія р. 1652. дня 15 януарія послан Иннокентію X. папі для потвержденія, которое и наслідовало. То была тіснійше заокруглена засада и до днесь невозмущено существующего соєдиненія.

Вскорі затім р. 1649 по обновленіі унії, клир избрал собі епископа, который яко

Десятый Мукачевский епископ был Петр Партеній, монах Чина св. Василя, од папы и Леопольда царя потвержден; которому од предшественников забраннїи Мукачевского монастыря добра р. 1660. вспять навернены. Того ж самого року заботою Партенія всі свободимости, якими владіл латинский клир, поданнїи суть примасом Юрієм Липпаєм

и рускому клиру. Сей єпископ присутствовав также и на оном славном народно-церковном Соборі в Тирнаві, держаном л. 1661. Он часто споминається в літописях под именем «Петровичъ» и «Ротошинскій».

В се время Софія Баторій, вдова Юрія Раковція II., Іоанникія Зейкана, Мстичевского дідича виименовала на Мукачевского єпископа, который святился на єпископа в Молдавії; и он, як здається, только до заповнення єпископского престола Партенієм, которое сталося р. 1660., єпископствовавал и тую же єпархію яко

Одинадцятый єпископ Іоанникій Зейкан из Мстичева, из монастыря Василианского, который и по днесь существует, управлял. Под его правленієм збутовалася и деревляна³ церковь Мукачевского монастыря и, видится, як он даже до р. 1684 поділял з Партенієм управління єпархією.

Дванадцятый єпископ был Порфирій Ардан, о котором, кромі одного надписа на камени, ничтоже обрїтається. Так само и про

Тринадцатого єпископа Методія Раковецкого мало памятного находится. Но однако ж єсть одна хартія из р. 1689., подписана ним же на руском изыщі сїце: «Методій єпископ Мукачєскій, Маковицкій, Спишскій, Краснобродскій, Марморошскій и всей Угрії». Наслїдник его Ёсиф называет го єдинственно игуменом Мукачевского монастыря.

До тїх пор, вынявши одбывшееся в присутствїи Якушича, Ягерского єпископа, повторенное соединеніе, состояніе и управление Мукачевской єпархіи єсть історически весьма мрачное, бо и в сем времени при избранном на засаді второго пункта заключенной унії Парфенію встрїчаєм и Зейкана, виименованого Софією – ибо двох єпископов в одной єпархіи. И оттуду заключати можно, что сей принадлежал к одорвавшимся посредством реформации и ей вplyву, несоединенным.

Точно тогда, сирїчь р. 1689. под примасом Леопольдом Колоничем вымоталася Мукачевская єпархія од сущих замішательств в имінїи: ходатайством бо реченного примаса добра монастыря, Раковціанами захваченый, вспять навернулися, хотя не всі.

Четырнадцатый Мукачевский єпископ был Ёсиф Камелис, Колоничем, примасом, из Риму для того призванный, чтоб ним справа унії укрїпилася. Камелис был Итало-Грек из чина св. Василия, который спер-

3 Туй о. Анатолій Кралицький схывив. Под веденєм І. Зейкана была поставлена не деревляна, а камяна церковь – у бізантійським стилі, из банїв. Церковь простояла 160 років (1661–1821). Протоигумен І. Базилович списав из камяной плиты, котру дав покласти на будову новой церкви І. Зейкан у 1661 році и котра, правдоподобно, ищи стояла за І. Базиловича, текст на памятку, де суть такі шорикы: *Derevjana czerkov ot viku zosztala / A terazneissaho Roku 1661. kamennaja sztalala...*» (зазначка вшорителя – В. П.).

ву на єпископа Севастійського, поздніє же на Мукачевського виименован Леопольдом I, римским же папою в сем качестві яко «намістник апостольский» подтвержден остал. Єпископ сей з найбільшою апостольською ревністю явся до упорядження єпархії, которой пространство так великое было, як самой Угрії, он будучи единственный гр. католич. єпископ над всеми греко-католиками.

Первый труд его был путешествовати по єпархії, держачи при той способности Соборы, на которых обучевал клир и в унії утверждал. Записник его, который в первописі и по днесь обрїтається, все теченіє подвигов его живо доказует. Так держал Синоды в Мукачеві, Сатмарі, Гевешу, Сабољчу, Земплині, Шаришу, Унгу, Угочи и Красні – столицях. На сих мїстцях поставлял намістников, подьархидіаконов и парохов; в Ягру и Добровичі святил церкви та боролся за вольность клира з реформатскими и латинскими поміщиками. Особливо много терпїл в его время клир руский од дїдичов, который священников гнали на панщину, з ними непристойно поступовали, что больше сынов священнических по подобію рабов продавали. Про что реченый єпископ, к запрещенію подобных надъужитій, од Леопольда I. патент з р. 1692. выходатайствовал; что больше, и вірникам, под монастырем Мукачевским жиющим, увольненіє од подданчих должностей выробил.

Достославный сей єпископ до р. 1704. и так за 15 літ єпископствовал, в збуренном оном времени, посеред найбільших опасностей, что больше – на переکور сім-там приключившихся гоненій, непрерывно путешествуючи по єпархії; и коли уже и в Мукачеві не был беспечным, перенесся до Пряшева, где и помер р. 1704. Земный останки его в тамошном тогда миноритском, теперь же в катедральном руском храмі лежат, ак говорят, неприястны тлінію.

Пятнадцатый єпископ был Ёсиф Годермарский, р. 1707. Ёсифом Императором именованный; и хотяй владітель сей, як и его наслідник Карл III., в річи его вся возможна ділали, все таки подтвержденіє из Риму не обсяг. Причина была, что еще пред виименованієм на челі численных своїх вірников в войні за цїсаря участь брал, и чрез то попал в неправильность (irregularitas). Наконецъ, по истеченіи 8. літ, зложил в руки Христїана Августина, Остригомского архієпископа формально єпископское достоинство, прїял титул архимандрита Мукачевского монастыря, где и помер. Он был послїдній архимандрит угорских Василіанов, который вмїсто архимандрита иміют теперь протоигумена. Наслідник его

Шестнадцатый єпископ был Геннадій Бизанцій, на порученіє реченного архієпископа Карлом III. р. 1715. именованный, Климентом же XI. подтвержденный.

Посвященія ради одправился до Польши и, наворачнувшись, домогался потвержденія и в дійство приведенія Леопольдинского диплома – в справі свободимостей клира руского. Который диплом не лишь Карл III., но и сойм Пресбургский р. 1721 потвердил.

Сей епископ сперву был в Великом Каллові, столиці Саболчанской жупы, архидіаконом и намістником. Под ним стался в Марія-Повчи (теперішном Василианском храмі) овый чудовный случай, что р. 1715. дня 1. 2. и 5. августа икона Пр. Богородицы слезы изливала; которое событіе, тогдашним Ягерским епископом Гавріїлом графом Ердодієм чиновственно исслѣдовано и потвержденно. И од того часу чудотворна икона Пр. Богородицы обоего обряда боголольцям на 5 отпусты ежерочно одбываемый приходящим есть предметом особенного почитанія. Бизанцій еще того же року, оставши епископом, стал в Марія-Повчи для той же иконы великую церковь будовати, котора аж наслідниками его докончена была. Помер сей епископ р. 1733.

По смерти его клир, хотячи упражняти давное свое право, абіе избрал *Седмнадцатого* епископа в особі Симона Ольшавского, который и одобрен Карлом III., од Папы же в епископстві яко «намістник апостольский» потвержен. Сей епископ продолжал будованіе Марія-Повчанской церкви.

Осьмнадцатый епископ был Гавріїл Блажовский, избран клиром и папою потвержен, а хотя літами молодой, однако ж яко изрядный архіерей з пользою епископствовал. До его времени епископы Мукачевский не иміли ніякого жалованія од правительства, но жили частью из добр Мукачевского монастыря, а частью из складок клира и народа. Он первый был, который из общого фонда клира получал ежерочно тысяч ренских золотых. Епископствовал од року 1738 до 1742., и когда из сойма Пресбургского домов повертал, в Мало-Березницком монастырі помер. Один был из найревнѣйших архіереев.

Девятьнадцатый епископ был Мануїл Ольшавский, избранный клиром р. 1742., Марією Терезією одобрен и р. 1743. Венедиктом XIV. потвержен. Сей, не будучи из иноческого чина, уже яко избранный пріял иноческую одежду и зложил обіты, посвященіе же пріял в Галичині. Много старался о образованіе клира, которого конца ради заложил систематичное училище в Мукачеві, так само и в Марія-Повчи, который училища и дотычными Надзирательствами одобренны были. Во время сего епископа певный Софроній монах-сарабита народ руский в Сатмарском комитаті на православіе стал переводити, но Мануїл, явившись в комитаті, порядок наворачнул. Под сего епископством стал будоватися и Мукачевский монастырь на Горі Чернецкой.

Єпископ Мануїл виробил у Марії Терезії для свого клира 2000, а для себе и своїх наслідників 4000 золотых жалованія и пристойну резиденцію в граді Мукачеві, до сего бо часу єпископы жили в монастирі Мукачевском. Мануїл, єпископ посвятил 5 єпископов, и помер р. 1767. в 25 літо єпископства свого.

Двадцятий єпископ был Іоанн Брадач; получивши потвержде- ніє папское, посвятился на єпископа р. 1768. Под его правленієм нача- лися большой міры спори между єпископом Мукачевским и Ягерским, который послідній правовладініє своє и на греко-католиков распростра- нял, єпископа Мукачевского лишь яко свого обрядового «намістника» по- зируючи. Спор сей досить огорченый был. Брадача подозривано о шизму, которое подозриваніє он тым упрекал, что в руки седмиградского єписко- па исповіданіє католической віры торжественно изложил. Преставился р. 1772. За ним яко

Двадцать первый єпископ слідовал Андрей Бачинский. Сіє славное имя заслужит, абы при нем долшоє время застановитися. Если в історії Угорских Русинов яко унитов Камелис особный період составил, то єпис- копство Андрея Бачинского цілком нового и світлого періода было осно- вателем. Сего єпископа еще яко каноника Брадач на доконченіє найтруд- нійших діл до Відня высылал, где способность получил познакомити себе; по чому Марія Терезія з радістю согласилась избранію его чрез клир, которое избраніє єдиногласно на него выпало р. 1772. Еще того же року получил потверженіє папское, в слідствіє которого и посвящен р. 1773 в Відни в придворной часовни в присутствії цілого двора и великодушной цариці, котора его всіми церковными снарядами богато обдаровала.

Но поки продолжати будем росправу из житья сего великоименитого владыки, нужно нісколько годами назад вернутися, т. є. на существитель- ный эпизод угорско-русской церкви, так на самостоятельность, як и на ка- нонизацію єпархії Мукачевской.

В якій мірі стали єпископы Мукачевскіі домагатися рішительніше правовладінія свого, в такой мірі розбуджалася и онає єпископов Ягерских жадость, чтоб Мукачевский єпископ не иначе як «намістник апостольский» позирался, и да не будет лиш Ягерского єпископа обрядовый намістник.

Оттуду слідало в позднійшом часі, что яко же Ягерский єпископ Мукачевского лиш як свого намістника позирал, так и латинский клир русских священников лиш як своїх намістников узгляднял. Стычки сії тым большу міру брали, насколько тогдашня Ягерска єпархія занимала в собі всю руску Мукачевску єпархію. Непріятности сей должно было конец положить, и так начался в Римі процес касательно канонизації Мукачевской єпархії. Марія Терезія, цариця вставлялася сильно у престола

римського, щоб вопросу єпархію узнано самостійною. Папа тогдашній Климент XIII. просил мнініє Ягерского єпископа, графа Естергазія, который в одном адрессі з дня 31 марта р. 1767. подвизался 113 пунктами противу самостійности вопросной Мукачевской єпархії, розпространеної в 13 комитатах, числящей 858 церквей, 690 священников и больше як 145108 народа руского, доказати усиловался, будьто самостійность и канонизація єпархії нанесет вред св. унії. Папа склонялся на мнініє сіє и просил цісареву, абы залишила своє підприємнятіє. Монархия воистину завісила справу, обоім сторонам мир совітуючи, и отношеніє обоїх єпископов ніяко управильняючи. Но сраженія про тоє не переставали, что больше, жарчайше выбухли тогда, коли на одном в Ягрі державном совітованії Ягерский єпископ од Брадача, Мукачевского єпископа пожадал присягу вірности, котору сей одтаїл, ссылаючися на то, яко он под час свого посвященія зложил присягу вірности Папі, и так в сем ділі уже досыть учинил. И тако справа знову цариці представлена, котора знову подняла вопрос сей, и по другий раз просила папу канонизовати руску єпархію. Наконець, Климент XIV. р. 1771 рішил вопрос, и по желанію цариці и Русинов канонизовал Мукачевску єпархію, Ягерского єпископа тым задоволивши, что дал єму право принуждати Мукачевских єпископов на єжерочное пред ним изложеніє исповіданія віры католической «ad confirmandam unionem»; но од сего увольнил єпископов Пій VI.

И так Мукачевская єпархія была уорганізована, но Брадач, єпископ лиш за рок наслаждался плодом сим, передавши правленіє вольной єпархії – наступившою смертію – в руки наслідника Андрея Бачинского.

Сей абіє ялся уряженія єпархії. Успел за-правду обстаратися о первых т. е. вещественных потребностях: на часть себе и своїх наслідников 12 тысяч зол. грошовой платежи и аббацию Теплицкую со всіми добрами виробил. Для обитанія же и кафедрального храма обсяг по-Іезуитский монастырь и костел в Ужгороді, а для сіменища – замок Ужгородский. И яко Андрей, єпископ р. 1775. престол єпископский и капитулу перенес из града Мукачева до Ужгорода.

В теперішное время (1863) Мукачевская єпархія розпространяється по 11 комитатах, числит в собі 58 деканатов, 715 церквей, 7 монастырей з 40 иноками Чина св. Василя.

А что од времен Бачинского случилось, то принадлежит к новійшей уже історії и не єсть предметом настоящей статії, цілію бо сей было преимущественно о началі и розвої унії нікоторыї извістія подати. Лише то примітим на конці, что єпархія Мукачевска поздніє роздробилася, и повстала з ней Пряшевска руска и Самош-уйварска ромунска єпархія, а осталось Мукачевской 373 парохій.

АРСЕНІЙ КОЦАК

Доктор святого Богословія

Имя сіе на Угорской Руси, в области чина св. Василия, увінчано высокими заслугами около воспитанія иночествующего духовенства за минувших времен, но и ныні еще общеизвѣстно и почитаемо. Желая про тоє память заслуженных людей русскаго нашего народа в живой памяти поддержати, даєм здісь в коротком очерку жизнеописаніе знаменитого сего мужа.

Арсеній Коцак (в крещеніі Алексій) родился 1737¹ года, дня 14 марта, в селі Буковцу (Шаришской жупы) от містнаго приходника о. Федора и матери Анастасіі. Первоначальное воспитаніе вмісті з братом Андреем, который вступивши тоже в иночество под именем Антонія, получил он в домі родительском и у сельского дьяка. На 13 году возраста отправлен был родителем своим до Пряшева, отгуду до Блатнаго потока (Sáros-patak), Ужгорода, и опять до Пряшева, где и укончил курс гимназіальный.

1757 года отъишел до Кошиц (Kaschau) на любомудріє, но неолонга, занедужавши, возвратился домов и того же года 30 ноемврія постригся в иноки в Краснобродском монастырі. Тут и окончил 1758 года новиціат. Из Красноброду 1759 года в январі переселен был до обители Горы Чернецкія, где 14 марта, изложивши обіты монашескія, дня 7 мая пріял чин діаконскій от епископа Мануила Олшавскаго. Яко діакон прожил тут 3 годы. Послі, в 1762 году опять переселен был до Красноброду для слушанія наук философских, которыі преподавал питомцам нікій францисканскій монах по имени: Pater Primus Rapp, призван для сей цілі протоигуменом Макарієм Шугайда.

Совершивши науки философическіі разом з братом Антонієм, як еще новицієм, Арсеній наш произведен в пресвитерство года 1763 в неділю пред Покровом пр. Богородицы. Послі з братом Антонієм и Саввою Андрейковичем посланы были до Кошиц для слушанія св. Богословія, которе 1767 года на тутешной академіі укончивши, оба братья осягнули вінець докторскій из Богословія.

Возвратившись домов, Арсеній поставлен был наставником новицієв

¹ У первопечатному тексті (1866 р.) было напечатаной так: «1837». Видав, туй проскочила хыба, котру сьме виправили (зазначка вишорителя – В. П.).

в Красноброді 1708 года, в которой должности позоставал один год только, ибо на слідующем в 1769 собраніи чина, держаном на горі Чернецкой, назначен был духовником до монастыря Мало-Березницкого, где прожил три літа.

На держанном опять 1772 г. генеральном соборі поставлен вторым професором св. Богословія в домашнем сімениці, состоящем в Марія-Повчи, где разом діяствовал з ним в том же чині и брат его Антоній. Года 1775 остал намістником монастыря М. Повчанского, но вмѣстѣ преподавал и богословіе. А когда в 1778 году, под протоигуменом Мартиріем Кашпер, богословіе из М. Повчи переселено до монастыря на Горі Чернецкой, тогда и наш Арсеній перенесся з своими учениками сюда же.

Чин, полно оціняя заслуги Арсенія, оказанныя около воспитанія иночествующаго юношества чрез больше годов, на держанном 1781 года соборі избрал его игуменом для монастыря на Буковской горі, в котором достоинствѣ оставал три годы, а 1784 года переселился до Мукачева, где чрез весь 1785 год оставал недугующим. Года 1789 перешол до Красноброду за духовника, где был разом и наставником новицѣв даже до 1795 года, когда опять послан за игумена на Буковскую Гору, и там довершил будовлю церкви. Наконец 1798 г. возвратился он недужным знова до Мукачева, и тут же в наступившем году преставился о Господі.

Был человек весьма трудолюбивый, глубокой побожности и смиренія. По нем осталоя в монастырских библіотеках большего объема рукописей, преимущественно богословского и аскетического содержания на русском и латинском языкѣ.

Другое, опять Євангеліє, имієт заглавіє: «Єѡліє Оучительное на всакѡ неделю, и на гдѣскїа праздники, и нарочитыхъ стѣхъ, избранно ѡ стѣгѡ Єѡліа, стѣйшимъ Калистомъ Архієпіпомъ Константинограда. Повелѣніємъ кѹръ Гедєона Болована». Прочее выдерто. Євангеліє, впрочем, полное.

Самого же большего вниманія удостоється «Тріодъ Цвѣтнѣй», печатанный в Болгаріи 1563 года в болгарско-македонском нарѣчїи. Заглавный лист выдертый, протое навожу здѣсь самое начало книги: «**ВЪ ПѢТКѢ ВЕЧѢ С. НЕДЕЛІЕ ПОСТА** на гѣ възка, пѣ, сѣ. і. ѡпомѣ». Слѣдует указаніє, як и на колико брати стихиры. За сим слѣдует стихира 1-я. **Дѣепѡльзѣю сѡврѣшивше четворо дѣсетницѣ. ѡ стѣю неделю стрѣти твоее, прѡсимъ выдети чѣколюбче, ѡ прославити вѣніє ѡ вѣлчїа твѡа, ѡнѣзреченоє насъ рѣ сѡмотрѣніє твое, ѣдиномѣдрьнѡ поюще гѣ слава твѣѣ: кѣ**». На концѣ книги стоит напечатанно: «Сѡврѣшисє сѣа божѣствна книга ѡ рѡждѣства, хѣа, ѣфѣг (1563), мѣсца дѣцмѣра, на к.д, вѣ странахъ македонскихъ вѣ uthcсво вѣ градѣ скендѣри, маѣстро камило занѣти:» (Карат. Нр. 48.).

О здѣшной псалтыри, писанной на пергаменѣ, я уже упоминал в «Словѣ» за прошлый год.

На Горѣ Чернецкой 28 Іюліа 1865.

МУКАЧЕВСКАЯ ПСАЛТЫРЬ XV. ВЕКА

(Библиография)

Под таким заглавием появилась в марте прошл. года брошюра (в 20 страниц) в С.-Петербурге от г-на Ивана Соколова, а мною получена только теперь¹.

Я об этой псалтыри (открытой мною 1863 г. в храме монастырской библиотеки) упоминал уже перед пару годами на страницах «Карпата»², что именно представил из ней один одертый лист в С.-Петербургскую Императорскую академию, на рассмотрение ея академиком Измаилом И. Срезневским. Почему завязалась между нами переписка. Результатом ея было, что псалтырь оценена по древности не раньше XV. века.

Четыре года тому назад предпринято в России издание на французском языке «Собрание рисунковъ начальныхъ буквъ и вставокъ древнихъ рукописей и инкунабуль». Меня просили дати рисунки начальных букв к нашей Мукачевской псалтыри, что я в имени науки и сделал. Сборник с рисунками появился, а так как, по обычаю всех европейских академий, обменивающихся между собою экземпляры своих научных изданий, то в таком союзе состоит и наша Будапештская академия с С.-Петербургской: ибо дух идеже хочет дышет! Для науки не существует политико-географических пределов. Довольно того, обменный экземпляр получено в Будапеште, в котором были обмечены начальные буквы и нашей Мукачевской псалтыри.

Затем следовала прошлого года в Будапеште книжная выставка

1 Иде за статью: И. И. Соколовъ. Мукачевская псалтырь XV вѣка // Сборникъ статей по славяновѣдѣнію. Составленный и изданный учениками В. И. Ламанскаго по случаю 25-ти лѣтїя его ученой и профессорской дѣятельности / Ред. Ф. Ф. Зизель. – С.-Петербургъ, 1883. – С. 450-464.

А. Кралицький, межи тым, пише, же из С.-Петербурга му загнали тоненьку «брошюру (в 20 страниц)», бо иде за одділну одбитку статі И. Соколова из того изборника. Сяку одбитку виділи сьме почас роботы у бібліотеках Москвы и Петербурга (*зазначка вишорителя* – В. П.).

2 Тота інформація была напечатана у новинці «Карпаты» у році 1876 під назвов «Харатейная псалтырь XV. вѣка» (число 33). Ищи до того, А. Кралицький загнав у львівську новинку «Слово» (1864, № 84) кореспонденцію під назвов «От Мункача. (Славянская древность)» (*зазначка вишорителя* – В. П.).

(országos könyvkiállítás³); к участию в ней приглашение получили все заведения и корпорации, между прочими и мы; но так как она характер имела отъявленно-мадьярский, то мы общее приглашение вложили в долгий ящик. Незадолго пришло второе путём епархиального ведомства, что именно требуется означенная старославянская псалтырь на выставку. Ну, выслали и по закрытии выставки получила наша монастырская библиотека – за подписью Pulszky Ferencz и Ráth György – и изящно выставлен «díszokmány»⁴.

Пусть послужит сие как бы введением; теперь передадим слово рецензенту г-ну Соколову, приводя его суждения в сжатом объеме, как следует:

«На библиографическую выставку в Будапеште, – говорит г-н Соколов, – зимою прошлого 1882. года была доставлена в мадьярский национальный музей из мукачевского монастыря (Munkács, в Угорской Руси) пергаменная псалтырь среднеболгарска письма, принадлежащая по всем признакам началу XV. века. В бытность мою в Будапеште в феврале прошлого года я имел возможность ознакомиться с этой рукописью в помещении музея, до представления ее на выставку, устроенную в мадьярской академии наук, и составил краткое ее описание для каталога выставки по просьбе г. Чонтоши (Csontos), хранителя музея, доставившего мне возможность заняться как этою, так и некоторыми другими рукописями славянскими, присланными на библиографическую выставку. В виду малоизвестности мукачевской псалтыри, считаю не лишним представить более подробное ее описание.

Рукопись пергаменная, в 4° малаго формата, без переплета⁵ состоит из 18 тетрадей, слабо и не в порядке перешитых... Пергамен рукописи довольно грубый, местами лоснящийся, местами шероховатый и сильно потертый, так что чтение некоторых страниц становится затруднительным. Чернила бледноваты, водянисты. Обрез рукописи совсем почерневший, местами на пергамене попадают следы восковых пятен и пометки позднейшими чернилами. Поля у корешка и обреза одинаковы, а сверху и снизу не равны: сверху текст начинается очень высоко, отступя лишь одну строчку от обреза, а внизу оканчивается высоко, на вершок от обреза. Расстояния между строками одинаковы. Почерк – средний устав, в

3 **Országos könyvkiállítás** (мадьяр.) – Націонална книжна выставка (зазначка вишорителя – В. П.).

4 **Díszokmány** (мадьяр.) – диплома (зазначка вишорителя – В. П.).

5 Переплет был, но мною устранин, как невзрачен, с неуклюжими досками и не державшийся корня (зазначка А. Кралицкого).

один столбец, на странице по 20 строк, в каждой по 23-24 буквы. Надписания псалмов все сделаны красными чернилами, довольно бледными».

«Начальные буквы псалмов очень крупные, длиной в 5-7 строк, частью красные и золотые, частью разноцветные с золотом, узорчатые. Среди текста часто встречаются начальные буквы, особенно в начале стиха, писанные красными чернилами и выступающие на поле, неизменно с левой стороны, может быть потому, что справа строчки оканчиваются не ровно, а слева совершенно ровно; симметрию нарушают лишь выступающие из ряда красные инициалы. Никакого краеграничения или акростиха они из себя не составляют. На первой странице рукописи находится сургучная печать Мукачевского монастыря⁶».

«На обороте первого листа во всю страницу написано красками следующее изображение⁷. На зелено-голубом фоне, значительно вылинявшем, посредине представлен сидящим на троне Иисус Христос, держащий в левой руке книгу, а правую благословляющий подходящих к нему двух лиц: впереди кто-то коленопреклоненный в длинной одежде коричневого цвета, вроде тулупа или армяка, с меховым откинутым воротником и в темно-зеленой шапочке, наподобие чалмы, с золотыми прошивками, подносит закрытую книгу. За этой фигурой стоит царь Давид в венце, с лирою через плечо; в правой руке он держит свиток, на котором написано по-славянски начало 1-го псалма, а левою делает указательный жест, как бы препоручая коленопреклоненного подносителя книги. Над **І.Х.** и царем Давидом надписаны их имена, а над третьей фигурой нет никакой надписи. Под рисунком подпись рукою и почерком рукописи: **прїими гїи приношенїе раба твоего їѡ. логофета**». Следующая страница начинается разноцветною заставкою мелкой изящной работы с кругом посредине ее; сверху заставки крест с надписью по сторонам **тѣ. – хс ѿ. к.** Под заставкой заглавие крупной золотой вязью: **Давида пророка псалом А...**».

Объем недельной газеты не позволяет делать еще больше выписок из брошюры, но должно заметить, что автор в дальнейшем разборе приходит к заключению, что рукопись валашского (румунского) происхожде-

6 Это печать с русскими буквами, составленная 1871 года, оттесненная сургучом мною же при высылке кодекса в Будапешт, для означения собственности рукописи (*заметка А. Кралицкого*).

7 У році 1971 Мукачевська псалтыря была викрадена из Закарпатського краснотельного музею, де ся хранила по року 1945. Хотя за даякий час міліція однайшла злодіїв и вернула сесь рукопис, але од того часу хыбит му первый лист, за котрый пише И. Соколов. У році 1986–1987 Мукачевська псалтыря была реставрована у Кієві (*заметка вишорителя – В. П.*).

ния, ибо в рукописи нет-де ни решительных руссизмов, ни сербизмов; правописание – так называемое среднеболгарское, но с особенностями, характеризующими валашских писцов.

По тому следует специальный разбор:

I. Особенности письма.

II. Особенности языка.

III. Употребление юсов (Пс.)

IV. Употребление И. и Ъ.

V. Употребление Ъ.

VI. Йотация.

VII. Особенности грамматических форм.

VIII. Синтаксические и лексические особенности.

Все на 15 страницах.

ЕТНОГРАФІЯ И СТАТИСТИКА

Сѣверо-восточная Угорщина.

(топографическо-географическое описаніе).

І. Земплинскій комитатъ.

Положеніе сего комитата или столицы (жупы) есть протяжно-длинное, начинающееся съ Карпатскихъ селъ: Чертизного, Полаты и Русского и сягающее ажъ по мадярское село Гестель при рѣцѣ Гернадѣ. Отъ сѣвера граничитъ съ Галиціею, отъ востока съ Ужанскимъ комитатомъ, отъ юга съ Сабольскимъ, а отъ запада съ Аба-уйварскимъ и Шаришскимъ.

Вышняя часть его есть довольно холмистая; середина пространно ровная, а нижняя часть вдоль рѣкъ Лаборца и Бодрога — миновавъ села Кивешдъ, Талья и Медясовъ — сама сплошная уровень; что больше, самая первая равнина края починается при с. Вороновъ и Старъ. Знаменитый степь края находится между деревнями: Серенчъ, Медясовъ и рѣкою Гернадомъ; степь тотъ называется Гангодъ.

Земплинскіи горы можно подѣлити на четыре группы. а) Цѣпь горская, называемая Телки-Баня, разлагается на пространіи 12-милевой въ юго-западной сторонѣ столицы, между Земплиномъ и Талею. — б) Горы между Топлею и Ондавою, начинающіеся отъ Бескида, выше Зборовой и спускающіеся въ уровень ниже Воронова. — в) Горы Бескидскіи, выпускающіи больше отраслей на югъ, между рѣками Лаборцомъ, Ондавою, Удвою и Цирохою, изъ которыхъ длиною

СІВЕРО-ВОСТОЧНАЯ УГОРЩИНА

(Топографическо-географическое описаніє)

I.

ЗЕМПЛИНСКИЙ КОМІТАТ

Положеніє сего комітата, или столиці (жупы) есть протяжно-длинное, начинающееся з Карпатских сел: Чертизного¹, Полаты и Русского и сягающее аж по мадярское село Гестель при ріці Гернаді. Од сівера граничит з Галицією, од востока – з Ужанским комітатом, од юга – з Саболчским, а од запада – з Аба-уйварским и Шарішским.

Вышняя часть его есть довольно холмистая, середина – пространно ровная, а нижняя часть vzdolж рік Лаборца и Бодрога, миновав села Ківешд, Талья и Медясов, сама сплошная ровень²; что больше, самая первая ровнина края починается при с. Воронові и Старі. Знаменитый степ края находится между деревнями: Серенч, Медясов и рікою Гернадом; степ тот называется Гангод.

Земплинский горы можно поділити на четыре группы: а) ціп горская, называемая Телки-Баня, розлігається на пространі 12-мілевой в юго-западной стороні столиці, между Земплином и Талею; б) горы между Топлею и Ондавою, начинающийся од Бескида, выше Зборовой и спускающийся в ровень ниже Воронова; в) горы Бескидский, выпускающий больше отраслей на юг, между ріками Лаборцом, Ондавою, Удвою и Цірохою, из которых длиною наибольша есть Межилаборская и Ондавская, простирающийся на юг к селу Лазонь; г) крім помянутых, заслуживают еще на вніманіє горы при Кираль-Гелмецу и Ківешді, между

1 Многие названия варошів и других поселень, країв, адміністративных структур, што їх приводит у своїх статті А. Кралицький, на днешній день суть застарілі и на їх місті ся хоснуют нові назвы авадь старі ся выгварявут кус инач. Межитым, вшорителі не клали собі за ціль застачити каждую стару назву сочаснов (*зазначка вишорителя* – В. П.).

2 В оригіналі на дакілко місцях было напечатаной так: «уровень». Видав, туй проскочила хыба, котру сьме выправили (*зазначка вишорителя* – В. П.).

рікою Бодрогом, из которых прелестный вызор есть не токмо на всю Гедялью, но еще на Мукачевский ровнины, Доброчин (Debrecen)³ да и Карпаты.

Знаменитый РІКИ, кроме помянутых, суть еще: Тополя и Ондава, начинающийся в Шарішской жупі и при городе Земплин зливающийся в одно корыто под именем Бодрог. Кроме тех суть еще: Ровна, Такта, Шабов и Гернад.

Из взгляду на растительность Земплинский комитат принадлежит к самым плодороднейшим жупанствам Угорщины. Тут родится пшеница, рож, ячмень, гречка, просо, кукурудза, овес и все стручковый плоды; далее – лен, пеньки и табак; все огородный овощи, между которыми и бросквы, желты и зелены арбузы (sárga- es görögdinnye), разные огородный растения, даже спаргу на околиці Серенчі, а то кроме всякого пахання на полі. Кому неизвестно славное Гедялянское вино на Токайской и Керестурской гори? Касательно вина: наилучшее родится в Токаї, Тальї, Онді, Раткі, Маді, Зомборі, Тарцалі, Керестурі, Лискі, Ердобейні, Оласі, Толчві, Потоку (Блатном) и Подшатерском-Уйгелі. Но вино тое местный жители – можно сказать – дуже мало споживают, так как оно бывает вывозимое за дороги гроши за границу.

Из 816 795 моргов пахотной земли 32 528 моргов обращено на винограды: 398 405 – на збоже; 47 101 – на сінокосы; 395 501 моргов занимают лісы. Находящийся по горам, ровнинам и удолям пасовища дают изобильный корм рогатой скотині, овцам и коням, а дубовый и буковый лісы много жиру свиньям. В северных предвечных лісах сям-там встречаются медведі, волки, лисы, кабаны, олені, зайцы и разные лісний пернаты.

Комитат сей не терпит недостатка и в ископаемых. На Гедялі обрывается яспис и зеоліт; при Токаї – карніол, сафір и агат и много иных. Желізо дают Рудлевский горы; что больше, во время Карла Роберта, царя, при Аранёш-потоку процвітали золотый рудники.

ЖИТЕЛЬСТВО Земплинское есть численное. Тут на пространі 180 ²/₅ квадр. мілей живет 306 773 людей: и так на одну кв. мілю падет 1895 людей. Странно впрочем, что так великий комитат не имеет и одного вольно-королевского города, хотя есть 28. земских міст (mezőváros). Жительство в северных сторонах составляют Словаки в 185. селах, Русины в 149. селах, Мадяры живут на дольных сторонах в 124. селениях; всего меніе есть Німцев, ибо лиш в 6. селах; но зато есть довольно жидов, числом около 12 564.

3 У сёму тексті А. Кралицький доста часто знає (у скобках) подати назву тиж у мадярським (авадь німецьким) языку. Сесі мадярські назви у тексті сьме не рушали (азначка вишорителя – В. П.).

Комітат сей по адміністративной системі розділяється на 6 уїздов: 1) уїзд Гедялянський на юго-западі, 2) Междубодрогский, между Тисою и Бодрогом, 3) Уйгельский, 4) Гуменский, при стеченії рік Цірохи и Лаборца, 5) Герегеньский, 6) Стропковский.

ГОРОДЫ или менший МІСТЕЧКА суть:

Токай, при стеченії рік Тисы и Бодрога, лежит у подошвы виноградной горы того же имени з 2311. жителями. Тут шість релігій иміють свої особній храмы. Торговля здісь значно процвітає. Єсть склад мараморошской соли и отличный деревянный мост на Тисі.

Тарцал, в сосідстві Токая, здісь родится хорошее вино и суть доказательства, что уже в 5. віку тут была занесенна виноградная лоза. На Тарцалской горі держали Мадяре на самом началі своего вторженія из Азії в Паннонію «áldomás», т. є. великий пір.

Зомбор, бідная деревня, носящая впрочем имя города, но зато тут родится найсильнѣйшее вино на всей Гедяли, а почву никогда не потрібно гноїти.

Серенч, з розвалинами древней крѣпости.

Медясов. Талья. Мад.

Бодрог-Керестур, тут в XVI. столітїи была уже книгопечатня.

Оласі.

Толчва.

Блатный Поток (Sáros Patak), в котором кальвиністы иміють свою богатую колегію и библіотеку о 2800 томов.

МІСТЕЧКА между Бодрогом суть:

Земплин, з розвалинами древней крѣпости.

Кираль-Гелмец и Лелес, тут єсть Препозитура Премонстратского ордена и зберегательное місто древних грамот (Lokus credibilis).

В Уйгельском уїзді єсть столичный город комітата *Подшатерский-Уйгель (Sátor-alja-Ujhely)*, которого основаніє – по мнінію ніких – заложил Феодор Коріятович, князь Літовский⁴. Число жителей 3462, четырех віроисповіданій; имієт низшую гімназію и монастырь Піяристов.

Требішов (Terebes); тут живет русский архидіакон для всего Земплинского комітата.

Сечовци (Gálszécs), жительство которого говорит четырьми языками.

В Михайловском уїзді єсть міста: *Михайловци (Nagy Mihály)* на берегу ріки Лаборца, владітелем которого єсть сімейство графов Старай.

4 Русская церковь, князем сим построєнна, еще и поныні существует, так само и улица ей называется по мадярски «Cerkov-utcza» («Церковна улица») (зазначка А. Кралицького).

Гуменное (Нотопна), при стеченії рік Лаборца и Цірохи, гді єсть прекрасный дворець графов Чакій-Вандернатов.

Сніна (Szina), небольшой городок, но славен тым, что на прилежащей при нем горі был в старину русский монастырь в честь св. велмуч. Скатерины.

Од Гуменного, на расстоянїи 4-х мілей, єсть монастырь Краснобродский Чина св. Василия В[еликого]. Дальше суть еще містечка: *Воронов* и *Стропковы*.

В сем комітаті видно еще и по днесъ больше руїн бывших КРПОС-ТЕЙ и ЗАМКОВ, которыйи напоминают нам бурливыйи времена минувшости; таковыи суть:

– в Блатном Потоку, замок тот принадлежал графам Перейний и Раковций, а теперъ єсть власностью герцога Бреценгейм.

– замок Токайский и Серенчский, тоже Раковціанский.

ДАЛЕЄ суть: Тальянский, Уйгельский, Боршовский, Сердагельский, Земплянский, Кивешдский, Леаньварский, Гелмецкий, Батянский, Лелеский, Требішовский, Брековский, Іесеновский, Порустянский, Вороновский, Чинвянский, Строчковский и Модёровшский, из которых, по большей части, лиш розвалины видніются.

Пути общенія то дурны, то удовлетворительны; но в последнее время и на се больше вниманія обращено.

II.

УЖСКИЙ (UNGH) КОМІТАТ

Комітат сей, изъѣзвши небольшую его часть, иміет природный границы. Од с. Ростокі Бескидскіи горы спускаются длинною цѣпью под именем Остра к горі Сіняк в Берегской жупі, а одтуду к Любской горі на запад к ручью Звадлатый, потом на юг к селу Орлово, затім к ріці Лаборцу на юго-запад, так что Берегская жупа остается то на востоці, но на югу. При стеченіи ріки Лаборца з Сернею граница жупы сей соприкасается Саболчской жупі; дважды пробирается через р. Тису, дважды дотрагивается Земплинского пограничья. Од Стінской горы к селу Ростокі граница между Ужанским жупанством и лежащею на сѣверо-западѣ Галичиною составляют горы Бескидскіи.

Прочіи ГОРЫ носятъ слѣдующіи названія: Винне, Сорань, Полонина, Вышка, Яворина, Кулиця, Діл, Жорнава, Вигорля, Острый, Кіевиско, Дубовый-грун, Гиряч, Иновець, Темник, Настас и Слоїчок.

ріки. Самою большею рікою сей жупы есть Уж, или Уг, которая вырывается из сѣверо-восточных гор и течет в крутом направленіи то на запад и юг, то на юго-запад. В протягі своего теченія принимает в себе Земплинскій ріки Улицю, Ублю при селі Дубриничі, потом Люту и Турью при селі Сімері. Ниже Унгограда⁵ прибирает ріка сії весьма высокіі береги (яких в Угорщині едва ли больше есть) и течет к ріці Лаборцу, з которою при Дерегневі совокупляется.

Горная часть комітата сурова и к растительности хліба не совсім способна; но зато плодородна есть равнина. Между горами изобильно родится овес («освятив би ся», як говорят здішній жильцы), а на равнинах – пшениця, рож, ячмень и много вина; наилучшим столовым вином почитается Середнянское и Ужгородское, но они немного вапенный. Поэтому рожатся коноплі, есть изобильно сѣна и пасовиска, деревья тоже, ибо почти половина комітата поросла лісами, для чего и из оддаленных комітатов пригоняют сюда свиней на жир. Около Бескидов растут высокіі стройныйі ялиці. Из плодородной земли 212 218 моргов обертается под соху; 13 302 мор. – на винограды; 30 303 – на пасовища и сѣнокосы; 8451 – на огороды, а 202 730 моргов зароснуто лісами. Рогатой скотины есть здісь тоже удовлетворительно; при Реметах суть желізны рудокопні, а при Ужку – мінеральній воды.

НАРОДОНАСЕЛЕНІС. В сем комітаті на пространстві 59 $\frac{1}{2}$ квадр. мілей живет только 84.251 людей и так на одну мілю припадает 1412 душ.

Земских міст (mezőváros) есть 5, селений – 206, а дач – 15. В 89 горских деревнях живут Русины, на равнині в 53 деревнях живут Мадяры, а в 66 – сотацкіі Словаки. По віроисповіданію найбільше есть греко-католиков.

Почти все народонаселеніе занимается земледѣльством, скотоводством, прочіі выдѣлывают доски. Есть тут между горами и одна гута, а в селі Загоню – сахарный завод.

По адміністративному сістему розділяется жупа сія на 10 судейских уїздов, именно же на: а) Центральноужгородский; б) Ужгородский; в) Собранцский; г) Доборусский; д) Минайский; е) Виннянский; ж) Капошский; з) Середнянский; и) Безовский и і) Крайнянский.

ГОРОДЫ ЗЕМСКІІ (MEZŐVÁROSOK):

Ужгород (Unghvár) над рікою Уж; лежит в вышину 1272 стоп над морем и иміет пленительное положеніе з прелестным вызором на Гедялью.

5 **Унгоград** – неофіціална назва вароша Унгвар (мадьяр. Unghvár / Ungvár), котру русинська інтелігенція другой половкы XIX ст. хосновала нарівні из тыж неофіціалнов назвов «Ужгород» (азначка вишорителя – В. П.).

Тут обитают од 1780 года Мукачевскіі епископы в красной резиденціи, кафедральный храм обновлен в 1858 году. Между достопамятностями Ужгорода на первом місті должна упомянутися крѣпость (vár), которая уже в 9-том столѣтїю, когда її завоевал мадарский вождь Арпад, уже в цвѣтущем состоянїи была; в ней настоящею порою помѣщается русское сіменище. Есть тут далѣе высшая гѣмназія, в которой катедра русскаго языка и словесности, по тому преподается для русских учеников історія и географія по русски. Крімѣ того, есть еще 4 церкви, именно: 1 русская приходская на «Цегольні», 1 греко-восточная, 1 рим. католическая, и наконец, 1 кальвинская. Тут живет верховный управитель комітата наджупан (Supremus Comes, Obergespan), на сей час русский Єго Высокородіе г. Александр Негребецкий, з многочисленным комітатским чиновничеством⁶.

Великоє Березноє, містечко между ріками Ублею и Ужем, на сівер од Ужгорода. В прилежащем селі Малом Березном есть русский монастырь чина св. Василя В.[еликого].

Великий Капош, мадарское містечко.

Середнє, знаменитое своїм вином и розвалинами древней крѣпости.

Собраниц, иміет сірчаную купель.

Между СЕЛАМИ достопамятнїи суть:

а) *Винноє*, гдѣ родится хорошее вино и есть руїны старинной крѣпости, б) *Реметы*, гдѣ есть паперня, гамра и 9 млинов.

К розвалинам древнѣх замков причисляются еще замок Невицкий и Варальский.

III.

БЕРЕГСКИЙ КОМІТАТ

Комітат сей владіет природными границями возлі сосѣдственного, на восток лежащаго Мараморошскаго комітата; тянутся они высокими горами к югу, гдѣ ниже Боржавских и Борловских гор изворачиваются з востока к угольнику Луковскому; оттуда на запад к гор. Берегу, прикасаясь сім-там ріки Боршавы; од Берега опять на юг к Тиса-Уйлаку, а одсюда на запад к Номенью – селу, которое уже за Тисою лежит. Обошед деревню сію, идет берегами Тисы на сівер к Саловку; а оттуду – к ріцѣ Латориці, затѣм уже к Бескидам. Од сівера граничит з Галичиною.

⁶ В орігіналі было напечатаной так: «чиновническо». Видав, туй проскочила хыба, котру сьме виправили (зазначка вишорителя – В. П.).

Ведущая од Ужгорода до Мукачева сыпная дорога розділяє комітат сей на дві розличні часті. Большая, сіверная часть, сплош покрыта горами, досягающими значной высоты (выше Верецких и на 3594 стоп по-над море); южная же часть, наоборот, есть совершенно ровная. Сіверная часть опять розділяється рікою Латорицею на восточную и западную часть. На пограничії западной части начинается оная ціп горская, которая аж к Мукачеву спускается и занимает в себї ріки: Жденову, Грабовницу и Вызницу. Совершенно одділившись од прочих гор, стоїт насеред ровнины оная гора, на которой построена Мукачевская кріпость, теперь статское заведеніе поправы (Strafhaus). Прочіі горы, од Бескида начинающийся, называются: Гуся, Магура, Поляна, Кичера, Яворинцы, Ясинь и Яворник. Наибольшая ріка – Латорица, починающаяся у подошвы горы Кичера. За сею найбільша мочарь, Серньє, занимающая 2 квад. мілі, и канал Лучанский в долготу 5066 сажней.

Дольная часть комітата о много плодороднійша, чим горная; оной воздух теплый, а в сей про холмистое положеніе ощутительно суровійший, но про тоє здоровый.

Родится на ровнині все, только в небольшом количестві; между горами много овса, кукурудзы и конопель. Комітат сей иміет все то, чим другіі комітаты недостаткуют. Касательно вина, наилучшее родится в Берегсасі, Мукачеві и Мужальї. Небозрїмые лісы покрывают так горы, як и ровнину, ибо 205 489 моргов земли обращается на хлібопашество; 18 378 – на пастбища и сінокосы; нікая часть – на винограды и огороды; прочее все составляют лісы. В сих лісах много свиней на жирі питається, скота пасется и водятся звїри. Ріки дают рыбу, а около Лучок и Ракошина водятся знаменитїі раки.

Односительно ископаемых, в Берегсасі были иногда золотїі рудники, а в Шелестові и поныні есть желізніі гамры. При Добратові обрїтается соль. Мінеральніі воды находятся в слїдующих русских селах: в Буковой, Латюрке, Пасіці, Полянї, Неліпині, Плоскові, Солочині и Сваляві; на сем послїднем місті есть изящная кислая вода, повсемістно в Угрії з вином уживаємая.

НАРОДОНАСЕЛЕНІЄ живет в 9 земских городах (mezőváros), 260 селах и 7 дачах; все то составляет $67 \frac{3}{10}$ квад. міль. Число жителей: 96 563 душ, по большей части русской народности, так что Мадяры лиш $\frac{1}{3}$ жительства составляют; да суть еще Швабы-Німцы, особенно во владенїях графа Schönborn. Русскїі живут в 165 селах, Мадяры – в 67, Словаки-лютеране – в 7, а Німцы – в 10. Число Русских в сем комітаті есть 75 868 душ; кальвиністов – 23 156; лютеран – 220; прочее всё – євреї, которых

еще не почислено, так як они неустанно сыплются в Мукачев из соседней Галиции.

Занятием жительство есть преимущественно хлебопашество, скотоводство и, по малой мере, ремесла.

ГОРОДЫ:

а) *Мукачев (Munkács)*, город замечателен в истории Угорских Русин. Тут имели когда то Русский своих воевод, между которыми самый знаменитый был Феодор Кориятович, князь Литовский, носивший титул «dux de Munkács». Он пришёл в Угriu в 1358 году с 400 000 подольскими Русинами, построил при Мукачеве на горе Чернецкой русский монастырь чина св. Василия и возобновил Мукачевскую крепость. Но о сем ниже. Жительство русское града Мукачева выходит на 1890 душ, которых $\frac{1}{3}$ часть составляют еврей-талмудисты. Тут жили три русский епископы – Мануйл Олшавский, Иоанн Брадач и сначала Андрей Бачинский. На месте давней кафедры построен Вас. Довговичем великолепный русский храм, а ныне сооружается приходником Иоанном Дешковым приходский дом в этаж.

б) *Нижні-Верецьки (Алишов-Верецьке, Alsó Vereczke)*, городок на самой границе од Бескидов; обрiтається здiсь, между иными, и горский хрусталь.

в) *Косино (Kaszony)*, гдi родится изрядная рожь.

г) *Номин (Vásárosnamény)*, за Тисою на юго-запад од Косина, гдi живут самыи лиш Мадяры-кальвинисты.

д) *Берегсас (Beregszász)*, при рiцi Боршавi, с 4600 жителями. Тут резидует комитатское правление и держатся столичный соборанiя.

е) *Вары*, при рiцi Тисi; тут родится изобильно табак.

ж) *Лучки*, русское мiстечко, которого приходником знаменитый на Угорской Руси г-н Михайл Бокшай.

з) *Свалява*, русское мiстечко, имiет кислую воду.

и) *Береги (Bereg)*, мадярское село с численным жительством и руинами древней крепости, гдi odbyлась 1865 года жалкая для русских выборцев катастрофа.

Знаменитыи СЕЛА:

В *Нелiпинi* есть кислая вода и купель.

Ивановцы, тоже желiзная купель.

Мужаль, гдi производится крамская соль.

Дейда.

Грабовница.

Гатмедь.

Шелестов, гді суть желізний гамры.

Великая Тибава, місто рожденія славного Венеліна (Гуца).

КРІПОСТИ, или так называемые ЗАМКИ:

1. Кріпость Мукачевская, о которой будет говоритися в наступающем здісь прибавленіи.

ПРИБАВЛЕНІЄ:

а) *Монастырь Чина св. Василя на горі Чернецкой*

Он построен в 1360 году літовским князем Феодором Коріятовичем, а вновь одбудован дворянином Дмитрієм Рацом 1766–1798 г. Тут жили древле Мукачевскіи епископы, начав з Іоанна до Геннадія Блажовского.

Епископ Мануїл Олшавский хлопотал у правительства, чтоб оно одняло у монахов монастырь з его добрами и передало для епископа и его собора; то же хотіл он сділати и з монастырем М. Повчанским; діло тое представлено было аж на найвысшее государственное судилище, гді рішено, что так як учредители основали монастырь тот (и М. Повчанский) не для епископа, а для иноков, то послідніи и выиграли, вслідствіе чего епископ вынесся из монастыря и поселился в городі Мукачеві, як о том свидѣтельствууют акта архіва Чернецкой горы.

Монастырь тот много пострадал од пожара в 1862 году, но теперь еще красше одбудован.

б) *Мукачевская кріпость*

Кріпость сія лежит од города Мукачева на юго-запад; прежде в старину она самую большую роль играла в Угорской історіи, но высочайшим рішеніем из 1-го юля 1855, данном в Лаксенбургу, перестала быти кріпостью и преобразована в заведеніе под надзором намістничества Будинского и контролею комітатского наджупана.

В 1858 году сділано здісь много поправок, так чтобы удобно могло поміщатися, по крайней мірі, 700 преступников. Восстановлено больницу, часовню, протестантскую молитвенницу и сінагогу. Адміністрація заведенія состоїт из управителя (Verwalter), контролера, адьютанта и 2 писців.

Для духовного назиданія жиет здісь порядно для римско-католиков їх же священник, а для русских, протестантских и єврейских преступников дважды в седмицу приїзжают касательный духовники из Мукачева.

ШАРІШСКИЙ КОМІТАТ

Комітат сей распротраняється между трема столицями и Галицією. Восточная его часть идет з пограничіем Земплинской жупы даже к горі Даргов, потому од берегов Топлі к подошві горы Желізный верх («Železní Vrch»). Южнїи границы его од Даргова протягаются к западу и одним значительным изгибом к Кошицам (Kaschau) составляют остроконечный угольник; тут Аба-уйварская жупа останеся на югу. Од Гамры граница идет к Сулинским горам на сівер – всегда vzdолж границь Спішской жупы, а од Сулина к Прикрой частыми выкрутасами идет в направленью на восток, оставив Галичину на сівері.

Шарішскїи ГОРЫ можно в 5 разрядов помістити :

а) горы Кошицкїи, лежащїи на правом берегу р. Гернада в юго-западной части комітата, которїи составляют одну вітьв горской ціпи, называемой Нїтрянскою, од Királyhegy (Царская гора), и спускающїися vzdолж границь Гёмёрской, Спішской и Торнянской столиць;

б) горы между р. Тарцою и Гернадом составляют оную галузь, которая рікою Синьюю, начинающеюся од горы Брінкен, и при горі Браніско на дві части розділяється и составляет Синянскую равнину;

в) горы между ріками Тарца и Топла, между востоком и югом называющїися «Блажовскими», а недалеко одсюда Чорна Гора, гора Явор, между городами Бардіевом и Собиновом, по тому Чургов и Арас. За сими слїдует горская ціп, протягающаяся на пространі 12 міль и кончающаяся на Гедьялі при городі Токаї над р. Бодрогом. Ниже Пряшева суть так названнїи Шоварскїи (Sóvár) горы, богатїи сольными заводами, вокруг которых суть горы, дающїи опал, именно: Червеница, Симонка, Дубова, Едловец, Облік и Зеленый Верх.

г) горы Карпатскїи, начинающїися в Спішской жупі и тут называющїися Бескидами;

д) горы, занимающїи місто между р. Топлею и Ондавою. Они составляют одну часть Магуры, окружающую купель Бардіевскую.

Знаменитїи РІКИ сего комітата суть: Тарца, Топля и Ондава. О первой, называемой по словацки «Ториса», часто упоминается в шарішско-словацких народных піснях, начиняющихся обыкновенно сими словами:

Эй, шкода, Боже, Шаріша,
Же го подмыла Ториса!

Касательно почвы здішнего комітата, примітити надо, что тут не

родится ни кукурудза, ни вино, а пшениці лиш мало, чему причиною не так земля, як суровый воздух по близости Карпат. Мимо того, родятся здісь: рож, ячмень, овес, гречка, лен и понемногу конопель. Капуста и прочіі огородничіі растінія водятся изобильно, да и сіна и пастбищ есть довольно.

Почти половину комітата составляют лісы, простирающііся на 197 858 моргах. Пахотной земли есть 206 844 моргов, а лугов з пастбищами 46 418 моргов.

Преимущественно изобилует комітат сей в водах мінеральных. Кому не извѣстны купелі в Бардієві, Щавнику и Циголці?

Число жителей, живущих на пространі 65 $\frac{2}{5}$ кв. міль, выходит на 170 000 душ. Они суть народности словацкой и русской. Первыі населяют 236 деревней, а послідніі – 156. Мадыар есть весьма мало; поелику городское населеніе составляют по большей части Німцы. Мадыары суть лише поміщики. Вольных царских городов считается 3, земских – 12, а сел – 392.

Особенно развиты в сей жупі промысл и ремесла. Шарішчане производят льну в довольном количестві, изготовляют полотна и сукна, за что снискают значный бариш: ибо иначе им трудно бы и выжити, понеже земледіліе тут не зовсім процвітает.

ГОРОДЫ:

а) *Пряшев (Prešov, Eperjes)*, місто резиденціі русского єпископа, лежит при ріці Торисі (Tárcza) и числит жителей 9000. Улицы Пряшева широкиі, украшены хорошими домами; на середині площади стоіт католический костел в честь св. Ніколая изящной архітектуры. На нижнем конці города стоіт палата русского єпископа и кафедральный собор, а недалеко отсюда – воспитательное Общество св. Іонна Крестителя. В сем городі жил и помер наш батько, каноник Александр Васильев Духнович, воскреситель Угорской Руси, представившийся в 1865 году. В Пряшеві есть высшая гімназія, в которой преподают, по большей части, иноки Францисканского ордена, но для русских слушателей-гімназистов преподаются по русски граматика и всемирная історія з географіей. Город Пряшев на весьма живописном місті стоіт, окружен горами, лугами и огородами. Владіет хорошою католическою кальварією и торгует преимущественно полотном и вином. Лютераны иміют здісь свое высшее училище collegium и книгопечатню. На расстоянні одного часа од Пряшева обрѣтается в лісі купель Цемята.

б) *Шовар (Sóvár)*, недалеко од Пряшева на юго-запад, гді есть сольноварный завод. Сольная вода тут из одной, на 82 сажней глубокой

кирниці вытягується, а потім в великанському казані вариться. Таким чином получается здісь єжегодно 120 000 центнаров соли. Соляний сей завод відкрит 1572 року Вольфом Стикс, воином.

в) *Шомош*, городок од Пряшева на юг; єсть здісь хороший дворець графов Дешевфів.

г) *Нижній Шебеш*, з многу пивоварнями.

д) *Собинов* (*Cibinium, Kiss-Szeben*), містечко на березу Ториси, од Пряшева на сіверо-запад, з 2010 жителями и низшею гімназією оо. Піяристов.

е) *Великий Шаріш* (*Nagy Sáros*), містечко з руїнами древньої кріпости и 4000 жителями.

ж) *Бардієв* (*Bartfeld, Bartfa*), над рікою Топлею, имієт жителей выше 5000. Тут єсть знаменитая купель, посіщаємая преимущественно польскою шляхтою, которой кислая вода стала в новітшеє время уступати Свалявской (*Szolyva*).

Знаменитії СЕЛА:

1. *Нижній Свидник*, гді приходником єсть первый по Духновичу угро-русский поет Александр И. Павлович.

По тому суть:

2. *Габолтов*. 3. *Куріма*. 4. *Зборов*. 5. *Ганушовцы*.

Чин св. Василя имієт в сем комітаті один монастирь – на Буковой горі, недалеко од Стропкова, которого игуменом на сей час єсть В. О. Сільвестер Ружицкий.

Комітат сей изобилуєт больше кріпостями, сущими теперь в розвалинах, яковыї суть: замок Шарішский, Собиновский, Новосельский, Капушанский, Ганушовский и пр.

V.

СПІШСКИЙ КОМІТАТ

Восточная окраїна Спішского комітата починається од деревні Сули-на (над рікою Попрадом) и идет по направленію к юго-востоку з изгибом на запад к горі Брінкені (*Brinken*) выше Левочі. З юго-востока граничит з Аба-уйварскою жупою, з юга – з Торнянскою при горі «Пипитька». Одтуда крутою лінією тянется на сіверо-запад к горам Кралевским (*Király-hegy*), гді розділяєт Спішскую жупу од Гёмёрской. Од сей горы граница идет на сівер и идет мимо Ліптовской столиці к Татранской горі Криван,

а одтуда – к Галиції, гді од деревні Білої повертаєт на восток, спускаєся берегами то Дунаєца-ріки, то Попрада опять к Сулині. Лінія сія включает в себе найвысшії горы Угорщины.

Самым замічательнїйшим на Спішу суть ГОРЫ Татранскіі, преимущественно же Ломницкий утес, которого верхушка называется чудом природы и єсть единственная в Европі. Между ріками первое місто занимает Попрад, катающий свої волны в Галицію, гді около Сандеца з рікою Дунайцем, а послі з Віслою соединяется и впадает в Балтійское море. Вторая ріка єсть Гернад, начинающаяся у подножія Кралеvской горы (Königsberg, Király-hegy), плывущая по направлєнію на восток. Третья єсть Гельніц-ріка; она катается у подошвы Кралеvой горы по направлєнію к востоку и ниже города Гельніц соединяется з р. Гернадом. Ріка Бялка плывет на сівєро-западном пограничію. Озера обрїтаются лиш на Карпатах; они знаменитыі суть так своєю глубиною, разною барвою, як и красотою. Суть тут єще водопады в вышину 6-10 сяжней.

Комітат сей, правда, обладает и плодородною почвою, особенно при городі Іглові, но вообщє принадлежит к скудородным столицам. Дольный мадярский человек, который легкою работою, так сказавши, лиш пробуждает природу из єй дремоты, на Спішу бы из голоду погиб, ибо тут хлїба даєт преимущественно промысл и рудники. Тут воздух єсть суровый, не сприяющий растїніям, так что около Кешмарку сливы рїдко дозрїти могут, а овес жнут уже в кожухах. Мимо того, однако ж воздух дуже чистый и здоровый, літо прїятное. Что касается земных плодов, то тут найбільє родится ячень, ибо, зачїм здїсь вино не родится, а нїмцев живет много, то варят значным количеством пиво. Затїм родится овес и рож на равнинах Попрадских, Подградских (Szepes-vár-alja) и Ігловских, но требует сильного воздїлыванїя почвы. При Левочи (Leutschau, Lőcse) земля болїе плодородною єсть. Кукурудзы и тютюну тут и слїду нїт, но зато много гречки, гороху и бульбы. Спіш производит много изыщного льну, и он составляет самый значительный источник доходов. Пространныі лісы изобилуют деревом, особенно же ялицями и разными врачєбными травами.

Поєлику Спіш, кромї лісов, мало имїет пастбищ, то и скота здїсь мало єсть. Из 519 950 моргов земли: 236 480 моргов составляют пахотныі роли. 244 989 мор. – ліса и лиш 20 374 мор. – пастбища. Скотина здїсь дробна; пасется на Карпатах и в лісах. Всего найбільше єсть овец. В нїдрї земли Спіш имїет великїі богатства в своїх рудниках. Вообщє полагают, что послі Америки и Сибирі найбільше находится мїдї в Словенках, Іглові, Гельніці, Порачу, Гелцмановцях, Завадкі, Шведлярї и Ваген-дрїсселї. Послї Гемьерской жупы тут найбільє желїза производится во всей Угорщинї.

Спішская жупа владіт 2 вольнокоролевскімі горадамі, 16 прывілежаванымі і 20 руднічымі і земскімі містечкамі, нарэшце – 175 сёламі і 21 дачамі. Жыхельства, па прэимуществу, складаюць Словакі і Русскія. Словакі жывуць у 184 сёлах; Русскія ў 16 сёлах, а ў другіх смішана. Чыста німецкіх сёл ёсць толькі 27, а мадзярскага ніт і аднаго. Занятцям жыхельства ёсць: земледэліе, вінокурны прамысел, рудакопанне, ремесла і купецтва, асабліва з полатном, прыносящее дахода ў год каля 600 000 гул. Ёсць здысь 6 бумажных заводаў.

ГОРОДЫ:

1. *Левоча (Leutschau, Lőcse)*, вольны каралевскі горад з 4536 жыхелямі, ляжыць на круглым холмі, імя прэвасходны выгляд. Левоча ёсць столичным горадам (székváros) Спішскага камітату, асноваў каралём Белым IV. у час выдалення татар з Угоршчыны. Мяду знакамітасцямі яго лічыцца дрэўны каталіцкі костёл готыцкага стыля і гарадскі прысутствены дом. Потым ёсць здысь сярэдняя гімназія каталіцкая, мяду прафесарамі якой сучасна і Русскія; так, наоўнаваны Пряшэвскі канонік ВПр. Н. Мігаліч быў надаўно ёй дырэктарам. Затім імаеці тыпаграфію, а горад владіт 6 сёламі і лісам ў 10 566 моргов.

2. *Кейшмарк (Käsmark, Késmárk)*, вольны каралевскі горад, служачы гніздом лютэран, імаючых здысь і свой ліцей ў цвітуцым састаянні, жыхель лічыцца каля 5000.

Прывілежаваныя горады:

1. *Новавесь (Neudorf, Igló)* з 4700 жыхелямі, па большай частцы лютэран.

2. *Подградье (Szepes-vár-alja)* з катэдраю Спішскага лат. епіскапа і капітула. Ёсць здысь манастыр міласерднай братшчыны (misericordiani), а жыхельства выходзіць на 3000 душ.

3. *Влашка ці Валендорф (Olasz-falu)*, ад Подградья на юго-восток.

4. *Страже ці Міхелсдорф (Mihály-falva)*.

5. *Попрад, ці Дэйчэндорф*.

6. *Велка (Völky)*.

7. *Спішская Собота (Georgenberg, Szombatfalva)*⁷.

8. *Матэсэцы (Metzdorf)*.

Затім слідуюць: 9. *Вербова (Menhardsdorf)*. 10. *Тварожна (Durlsdorf)*.

⁷ Выдаў, аўтар схыбў, бо мадзярскым адпавіднікам той назвы ё «Szepesszombat» (ззначка вшорителя – В. П.).

11. Рускиновцы (*Rüssdorf*). 12. Любичи (*Leibitz*). 13. Тарод (*Tarodfalva*). 14. Подолинець (*Pudlein*). 15. Кнежно (*Kniesen, Gnezda*). 16. Любовня (*Lublau, Lubló*).

МІНЕРАЛЬНІ ВОДИ и купелі:

а) Шмекс (*Tátrafüred*) купель, стоящая у подошвы Карпат в 3014 стоп по над море, знаменитая своєю кислотою водою, лучшею од Бардіевской; б) Щавник, гдѣ имѣет добра Спішский лат. єпископ; в) Нижній Русбах; г) Гандедорф и пр.

Древніи ЗАМКИ и КРѢПОСТИ:

а) Спішский замокъ (*Zipserhaus*) в руїнах; б) Дунаец, крѣпость в полуразрушенном состояніи; в) Кейшмаркский и Гнилицкий замки, которых можно бы еще исправить; наконец, г) руины замка Подолинского (*Pudlein*).

VI.

МАРАМОРОШСКИЙ КОМІТАТ

Комітат сей лежит между Галицією, Буковиною, Трансильванією и Сатмарским, Угочанским и Берегским жупанствами. Всіми тыми областями Мараморош уже од природы непрерывною цѣпью высоких гор так огражден, что лиш двѣ тѣснины в него вводят, будто ворота, которыми истекают ріки Тиса и Бережава (*Borsova*); прочее сообщеніе бывает через горы. Мараморош по своему природному мѣстоположенію совершенно походит на Седмиградшину. Он разлѣгается на 178 кв. мѣлях между горами, лѣсами и полонинами, так что здѣсь, кромѣ Сиготско-Густянской, ровнины нѣтъ больше. Но горы сїи изобилуют богатствами царства ископаемых. Между горами знаменитыи суть: Петроса, Черно-Гора, Поп-Иван, Березна и Медведжа; тут начинается и знаменитая угорская ріка Тиса двумя раменами – Білою и Черною Тисою.

РѢКИ сего комітата приходят под именем: Тиса, Сопурка, Иза, Великий Аг, или Нодь-Аг и пр.

Касательно почвы, то здѣсь болѣе родятся картофлі, чим хлѣб. Воздух чистый и здоровый, но клімат суровый; літо едва держит через м. юлій и август, а в нѣкоторых мѣстностях весну только по имени знают. Во всей Угорщинѣ здѣсь всего болѣе есть полонин, а мѣстами даже вѣчный снѣг лежит.

ЖИТЕЛИ Марамороша преимущественно суть Русины и Румыны; число первых выходит на 122 511 душ. Жители, по большей части, занимаются скотоводством; земледелие на слабой нозі стоїт; боліе всего родится кукурудза, овес и лен, древесных овощей очень мало находится. З недавнего времени начали плодити виноградную лозу в Кобыла-поляні и Густі, но она не удається про суровость клімата.

Комітат сей преимущественно изобилует лісами, которіи занимают почти 833 304 моргов; 308 423 моргов предоставлено паханію, 43 310 м. — на сінокосы, а прочее составляют пастбища. Главным произведеніем Мармаціи (Марамороша) есть соль, которая в неистощимых копальных в таком количестві обрѣтается, что цілого края потребам бы удовлестворила. Копальні сїи находятся в Ровнасейку, Слатині, Шугатагі. Около селеній Бычкова, Данилова и на берегах ріки Нодь-Аг обрѣтается горский хрусталь, или так званый драгоніт. Мінеральных вод в сем комітаті есть множество; так кислая вода находится в селеніях Боркуті, Вышкові, Шуглигулі, Саплунці и Данилові.

Земских городов (*mezővárosok*) считается 5, сел — 136. Русскіи живут в 88 селах (изъѣвше городов), Румыны — в 58, Німцы — в 9, а Мадяры — в 6 деревнях. Между жителями сими много есть рудокопников, гаморников и сольнокопников. По адміністративному роспределенію разделяется комітат сей на 5 уѣздов, которыми суть: а) уѣзд Верховинский, б) Косовский, в) Сиготский, г) Нижнянский и д) Вышній.

ГОРОДЫ:

1. *Сигот* (*Sziget*), земский город, наибольший в цілом комітаті; жители которого суть Русскіи, Румыны, Німцы, Армяне, Евреї и Мадяры. Здісь есть адміністрація сольных заводов, комітатское правленіе, дві гімназіи — католическая оо. Піяристов и протестантская. Так Русины, як Волохи принадлежат к епархіи Мукачевской.

2. *Густ* (*Huszt*) лежит на красной ровнині под розвалинами старинной крѣпости. В городі есть прекрасная русская церковь з двумя куполами; кромі ней есть еще римско-католическая и кальвинская.

3. *Вышково*, или *Вишук* на берегу р. Тисы; кромі Русинов, наибольшее жиет тут Мадяр-кальвинов.

4. *Тячево* (*Técső*), коронный городок.

СЕЛА:

а) *Боронява* (*Huszt-Baranya*), лежит в глубокой долині недалеко од Густа. Тут существует монастырь чина св. Василия В.[еликого], основан 1716 года містным священником Иоанном Козаком. Монастырь тот был

истертый императором Иосифом II в 1788 году, но на просьбу сельчан опять восстановлен тем же государем. До 1851 года монастырь сей был владінієм Мистичевского монастыря, в котором году знова возведено єго на степень дїйствительного монастыря. Церковь и обитель иноків суть из дерева, а живут в нем в сію пору 3 іеремонахи и 1 братчик. б) *Иза (Iza)*, селеніє обширное, приходником которого єсть настоящий вторый председатель новоучрежденного Общества св. Василя В. ВПр. о. Іоанн И. Раковский, бывший редактор «Церковной газеты», издававшейся в Будині. в) *Долга*, г) *Дубова*. В обоих сих селеніях єсть желізный заводы (гамры). д) Боркут, иміющее хорошую мінеральную купель и гуту.

VII.

УГОЧАНСКИЙ КОМІТАТ

Комітат сей з верхней части граничит з Мараморошем, з юга – з Сатмарским, а з сівера – з Берегским комітатами. Вздож комітата сего течет р. Тиса к западу и розділяет єго на дві части, так что меньшая часть лежит на правой, а большая – на лівой стороні берегов її.

По восточной и сіверной стороні сего комітата тянется нїсколько коротких горских вітвей Мараморошских и Сатмарских гор, коїх одна называется Гаркгедь, отраслю єй суть холмы: Фарад, Уйфалу и Севлюшка Черна гора. По лівой стороні р. Тисы лежат горы Велятска, Таркянска, Комловска и Патарчска; а наконец – виноградный горы Тур-Требішовска и Дюлайска. Южна сторона Угочской жупы єсть ровниною, почему р. Тиса тут течет уже повольнїе и кривулями, образуя много островов и мочарей. В неї впадают ріки Бережава, Туряница и Батар. Ниже р. Батара славное багно «Lár». Частый наводненіє весьма вредно дїствуют на земледіліє столиці сей, для того во время засухи здісь больше родится, чим в мокрый год; гористая часть комітата меніє плодородна, воздух здоровый. Родится здісь всякий хлїб, кукурудза, стручковый плоды, табак, потому виноград, в лісах – жолудь, а в ріках превосходный рыбы и раки. Єсть и огородного овощу довольно, но пастбища мало. Из 165 384 моргов земли половину занимают лісы, 60 800 моргов обращается на земледіліє, 1318 – на винограды, немного – на пастбища, а прочее все – лісы. В лісах встрічаются медведі, олені, серны и зайцы. На 22 $\frac{6}{10}$ квадр. мілях живет около 50 000 людей. Малярская нация составляет почти $\frac{2}{5}$ народонаселенія, прочий – Русский и немного Румун. Земских городов єсть 6, селеній – 65, хуторов – 3. Русины жиют в 41 селах, которых число выходит

на 66 639 душ, Маляры – в 33 селах, а Румуны – в 7 селеніях. Занятієм жителів єсть земледіліє, скотоводство и плотничество на р. Тисі. Комітат розділяється на 4 уїзды, 2 по сей, а 2 по той стороні ріки Тисы.

ГОРОДЫ:

1. *Севлюш (Nagyszőlős)*, столичный город комітата, гді держатся комітатскіі засіданія, лежит близ р. Тисы и имієт кляштор оо. францишканов.

2. *Тиса-Уйлак*, з сольным магазином.

3. *Галми*, з знаменитыми ярмарками.

4. *Тур-Теребеш*, над рікою Турицею.

Древніх крѣпостей лиш розвалины уже суть; таковыі Угочский, Канковский, Нялабский и пр.

В селеніі *Felső-Jakó-Bik* чин св. Василія держит одного ієромонаха як сельскаго учителя и завідателя філіяльной церкви, принадлежащей к Великой Копані. В Великой Копані (*Veresmart*) єсть приходником знаменитый літератор Андрей Попович, издатель «Великаго Сборника», а образцовая школа єго прихода єсть первою во всей Мукачевской єпархіі. Єсть доказательство, что тот приход существовал уже в 13 столітіі.

РУСИНЫ ЛАБОРСКИЙ В УГОРЩИНІ¹

Наміряя подати короткое извѣстіе о Русинах Лаборских, їх нравах, звичаях, свойствах, способі житья и бесѣды, я должен прежде всего заявити, что, не спускаясь вздолж всей ріки Лаборца и на инѣй дольний околиці, мені не много извѣстнѣй, ограничуся только на сам так званный «округ Лаборский Пряшевской епархіи» – околицю, розложившуюся у самой подошвы Бескидов, місто моего рожденія, где первый раз я узрѣл свѣт Божий!

I.

Округ Лаборский, прозванный так од зді починающейся ріки того же имени, числит в собі 32 сел, 22 церквей, 1 монастырь, 15 мирских священников, 4 монахов и 9370 душ русскаго народа. Он граничит од сѣвера з Галицією, од юга – з округом Гуменским, од востока – з Гостовицким, а од запада – з Стропковским. Містоположеніе его, як звичайно под Бескидом, есть холмистое и лісами поросшее. Лісы преимущественно бука и березу дают, а рѣдко где дуба, но игло-лиственных, кромѣ кустов яловечных, вовсе нѣт.

Земля ни то зовсім худа, ни надто плодovitа; кромѣ кукурузы (тендерія) родит начавши од пшениці все аж до овса, только требует сильного гноенія. Народ занимается земледѣльством и скотоводством вообще, однако ж сим еще не удовлетворяется², ибо должен припасы свої умножати жатвою на дольных мадярских сторонах и вымолотом збожа. В селі Рокитові и Волиці уміют селяне изготовляти вкусный сыр (округляки) из овечего молока, который не только что превышает лѣптовский, но даже ровняется швейцарскому.

1 Попри сесь текст, в архівах однайшли сьме ищи єден варіант той статі, што під назвов «Русскіе на Лаборцѣ» обстав у рукописній збірці «Народное чтеніе», котру А. Кралицький вишорив, видав, у промежці між 1865 и 1867 роками. Сесь выпуск «Народного чтенія» нигда не був напечатаный. Од напечатаного текста він ся одличає лем дакілько лексичными одмінами. Курту порівняльну характеристику обох текстів *позирай* у Додатках (зазначка вишорителя – В. П.).

2 В оригіналі было напечатаной так: «удовляется». Видав, туй проскочила хыба, котру сьме виправили (зазначка вишорителя – В. П.).

А что касается происхождения так Лаборских, як и прочих по-под Бескид живущих Русинов, то нікії утверждают, что они суть потомками Білых Хорватов, обитавших тут в горах Карпатских в VI столітїи и послї, в VII столітїи, поселившихся в Далмаціи и одтуду распространившихся на всі стороны, як утверждает то Константин Порфірогеніт³. Но якого-будь происхождения суть тутейшіи Русины, они все-таки теперь слынут под именем «Лемков», од слова «лем» ними вмїсто «лише» (tantum, csak) в собесїдованїи употребляемого. Кажется, частиця «лем» заимствована од сосїдних Сотаков «льем» или Словаков, кажущих «len». Она, віроятно, одсюду перенесена и за Бескид до смежных Русинов-Лемков, так як и прочїи и злемченнїи слова малярскїи и словацкїи, о чем обширнїе говорит г-н Торонскїи в Альбумі⁴ на г. 1860, стр. 389. Частиця сія майже всіми Угорскими Русинами, будучими в сосїдствї з Словаками, употребляется, кромї одной части, Бережских и Мараморошских, імїющих сосїдами Волохов (Ромунов) и Маляров.

II.

Житїе Лаборского Русина єсть глубоко релїгіозное: неподдїльная привязанность к восточному обряду, чему доказом єсть, что на всем Лаборцу не найдеш ни одной церкви деревяной, а всі суть мурованы, вкусно и стройно внутрь украшены, хотя народ сельскїи не уплывает в роскоши избылія. Особливо любитесь тутешнїи Русин краснозвучными, гармонїйными звонами. Жаль только, что постройка церквей не по стилю и вкусу восточному, а просто по западному. В двох только селах, Сукові и Рошковцах, видїл я церкви з трїма банями, но однако ж внутренность повсюду соотвїтствует требованїям восточного обряда. Всюды найдеш порядочнїи иконостасы новїйшей живописи, престолы греческїи, а в церкви Чабинской – даже одособеннїи женскїи оддїл, или бабинець.

Не менїе привержен єсть здїшнїи селянин и богомольным хожденїям на так званнїи одпусты, и то без разбора всякого, будет ли то церковь латинская или русская. Міста тіи суть: Букова Гора (монастырь Василї-

3 **Константин Порфірогеніт** (905–959) – візантїйскїи імператор Константин VII Порфіророднїи, ци Порфірогенет. А. Кралицкїи пригадає єго історично-географїчний трактат «За управлїня імперїев», написаннїи у промежці межи 948 и 952 роками и котрїи пригадає за карпатську домовину Білых Хорватів (зазначка вишорителя – В. П.).

4 Иде за публикацію лемківського літератора Алексїя Торонського «Русины-Лемки (на с. 389–428) у львовському альманаху «Зоря Галицкая яко Альбумъ на годъ 1860.» (зазначка вишорителя – В. П.).

анский), Пряшев, Рафасвцы, Луцина и Старавесь (кляштор Іезуитский) в Галиції. Дома имієт он свой монастырь Краснобродский, где ежегодно на праздники Сошествія св. Духа, Воздвиженія, Покрова и Вел. Пятницу численно собирается.

Монастырь сей, стоя на одособенном, возвышенном місті близь села Краснобрoда, естѣ по нѣкоєй части центром и огнищем всего Лаборского округа.

Он заступаєт місто провінціального города, якого тут нѣт, ибо Гуменно лежит в оддаленіи четырех миль, а то между Сотаками⁵. За тыждень пред Сошествієм св. Духа держится под монастырем на луках торг, так на скотину, як и прочіи предметы; тут также и из Галиції много народа собирается. В недавное время посіщали торг сей соплеменныи наши родимци из Баната од Дуная и даже Мадяре из Гевешу и Боршода, особливо для покуплєнія галицких свиней.

Живое релігійное чувство здішних жителей имієт благоносное вліяніє и на жизнь нравственную, так что рѣдко встрѣчаєм здѣсь большіи пороки: о убійствѣ, поджигательствѣ вовсе не чувати, если же что пригодится, то тоє не инно естѣ, як дробныи воровства и общій недуг русскаго селянства – наклонность к горілці, но се при взмагающемъ образованіи посредством заводимых школ помалу искореняется. Даже и сей послѣдній недостаток по нѣкоєй части дасть оправдатися тим, коли розважим, якими лестными махінаціями уміють сынове Ісраїля заманяти наш сельскій народ в свої сіті. Где пять-шесть Русинов поселится, там, конечно, семый должен быти жид.

Як всякій, так и тутешній Русин од роду уже любит жизнь семейственную, патріархальную, и для того не див, что супружества так завчасу завязовалися прежде, хотя в новѣйшее время и сему границі положены; однако ж, зная сего народа чистоту нравов, нияк допустити не можем, что кажет Мейсарош в своей исторіи «*A magyar oroszok története*»⁶, будьто в старину, еще до уніи, в Краснобродѣ одбывался ярмарок на дѣвиці, где всякій женитися хотящій юноша являлся и без всякой церемоніи взял

5 Сотацкий народ естѣ р.[имо] к.[атолицкого] віроисповѣданія и говорит весьма искаженным словацким поднарічієм; так «со» вмѣсто «чо»: «Чуїця, а зкадзі сця! Со там чуваць?» (зазначка А. Кралицького).

6 Туй А. Кралицькій, видав, допустив ся хыбы у назві твора. Иде за книжку ужгородського историка, новинаря и літератора мадярської народности Кароя Мейсарoшa (1821–1890) «*A magyarországi oroszok története*» (Pest, 1850). Повторно текст той книжки напечатали тыж новинкы «*Magyar Hírlap*» («Мадярскі новины») у році 1850 и «*Religio*» («Релігія») у році 1851 (зазначка вшорителя – В. П.).

избранную за руку з словами: «Пойди до попа, коли ти треба хлопа» и вдруг одправился з нею к чернцу, который сей час и повінчал їх. Кто ж сему увірит, зная в якій силі был закон церковный у предков наших, где даже и обрученіе совершал власный священник пред вінчанієм?!

III.

Од года 1850 только стали заводитися здісь порядочный сельский школы: пред сим учились сім-там од дяка читати из букваря и псалтыри и немного церковного пінія. Теперь есть почти в каждом селі своя школа, но жаль, что про скудость отповідных учебников элементарное обученіе не может успівати так, як бы того пожадати можно.

Учащейся молодежи обоого пола на Лаборці считается всего около 800 душ. Большой села иміют для сей цілі особые домы; но в меньших учатся діти в собственном домі дяка. Но ученіе, по большей части, бывает только в зимное время, зачім літом діти помогают родичам в господарстві и пасут скотину.

Стан учителя споен вмісті з званієм дяка, за что побирает он од народа приходского певное количество збожа, гді-там гроши, владіет грунтом и получает за служеніе при строеніи обрядов соотвітную надгороду, так званную «штолу». Крім сего, за ученіе получает особную надгороду в грошах – на больших містах только по 40 крайцаров од головы и топливо достатком.

Подрасшая молодеж обоого пола ходит зимою, по большей части, в вечер, на так званный «Оче-наш», т. є. на катехетическое обученіе, где дяк учит їх молитвам, церковному пінію и началам віры св. из катехиза. В літнее же время ученіе тоє одбывается на нікоторых містах в церкви, а то пред св. літургією по первом благовісті, не дальше як за 3/4 часа.

Из сего проистікает потому тая польза, что поет не сам лиш дяк, а разом з ним весь народ, од дітинства привыкший уже к тому.

Желательно было бы, чтобы в Пряшеві или где-будь в сей єпархіи отворилася школа препарандіальная для півцеучителей, так як то в Мукачевской єпархіи уже есть.

IV.

Зимою, когда настанут долгиі вечера, обоого пола молодеж собирается на так званный «вечурки», или прядки, где дівиці прядут, а легині (паробки) казки и небылиці рассказуют. Собранія таковыє преимущественно в домах старых вдовиць одбываются, а для общего освіщенія всякая

участница приносить з собою постановленую міру олію до «каганця». Трижды в седмицу, т.е. пятю, суботу и неділю, так и на день мучениці Варвары и преподобного Саввы, вечурки не бывають; в суботу и неділю для того, что не годится, но в пятю и на день помянутых святых уже потому, что так велит суевірний звичай. Оригінально тут то, что и св. Савву держат за женщину, подобно Варварі.

Другий род сходбищ єсть «ходити світити» над «выстертым» мертвецём. Як смеркнется, приходит дяк читати над покойником псалтырю, а за ним згорнется вся молодеж. Тут между временем, когда для оддыха прерывается чтение, поют жалостный піснї: о судьбі души по смерти, о Лазарі и проч., послі чего родственники посылають присутствующих за каждым разом горілкою. Около полунощи забирается дяк до дому, а молодеж, віроятно, щоб опечалену родину развлечи, принимается за игры, так званый «лопатки» и «дїда».

На воскресеніє Христово – в послідующій три дни, кромі обычного на Руси поливанія водою и дарствованія крашеными яйцами, одбываются хороводы (гаївки) исключительно дівчатами. Из пісней, которыі поют, на-вожу здісь для показанія начальную строфу одной:

Гей, на роваш, мамічко, на роваш,
Кому того дівчатко виховаш?
Ей, тобі то, Янічку, тобі то,
Кедь нам дасть Пан Бог здравічко, на літо!

В день Рождества св. Іоанна Крестителя, в час рано, расходятся дівчата по лугам збирати зілье, которое, звязавши в снопки, приносят з собою в церков. По окончаній св. літургії священник благословит зілья, а дівчата берут всякая свое и одправляются домов. Тут одкладают «святе зіля» на повалу, для ужитку в злочлюченіях, н. пр. в недугу скотины; а тамторочное, если что осталось, зносят в избу и з нетерпінієм ожидають вечера. Як скоро закотится сонце за гору, берет каждая дівчина свое зілье и одходит на тот конец села, которым того літа повертають коровы домов. Когда уже всі собралися, расстеляют сухое зіля долгим рядом попереk дороги, и когда череда зближилася, зажигають з двох концов зілье и з криком и піснями перегоняють коровы через поломень, надіяся на изобіліє молока; а на конец скачут и сами через огонь.

V.

В навечеріє Рождества Христоваго, прежде чим взойдет звїзда и посідають за стол, господарь вносит в избу солому и сноп – первую постиляєт

по землі в знак, що Христос на соломі уродився, а сноп кладет в кут за столом. Як уже час приближається вечеряти, берет господарь всю фамілію з собою на ріку Лаборець, и там всі мыються в прорубі ледовою водою, чтоб в весь год были черствы и здоровы. Одтуда возвратившись, сідають за стол, но прежде кушанія клякають на коліна и моляться за господарем три разы «Отче наш» и три разы «Богородице Діво». Тогда садятся за стол.

Кушаніє звичло быти слідующее: меджена горілка, часнок з хлібом, потому капуста, фасоль, грибы, бобальки – все тоє з олієм по уставу.

По вечері починаються колядки; мальчики – окромі, а дорослїй колядуют знова окромі. Ряд єсть слідующий: колядники, встановившись под окном, один из них вопрошає: «Чи кажетеся веселити?». Єжели из внутрь одповідят: «Весельтеся», то они начнут піти: «Бог предвѣчный» или «Дивная новина», а на конєць:

Святый вечур,
Добрый вечур,
А вы, люде, знайте,
Бога споминайте,
А нам колач дайте!

Кедь не дасте колача,
Выведемє вам рогача,
Рогом, рогом трубити,
На колачи робити,
А нам колач дайте!

Послі сей пісні виходит господыня з колачами для колядников и, роздавши їх, принимаєт од одного из парней вербовый прут, которым пошвидавши дателя, приговариваєт: «Жебы ся коровы телили». В наступающую нош спит уже вся семья не на постелях, но серед хижи на соломі, на которой, як кажут, и Христос спал діятком. Солому тую выносят аж четвертого дня до саду и рострясуют тую под деревьями, а часом и обвивают нею дерева, чтоб лучше родили. В рождественнїй свята ходит дяк зо своїми півчиками по коляді, но только днем по св. літургії, за который труд собираєт прядиво и збоже.

В недавнєє время в звичаї было у Лаборских Русинов на «другий святыи вечер» (Богоявленіє) изготавляти восковую свіщу од власных пчел и, тую ж запаливши при водосвятїї, приходити з зажженою домов; дома же загасити тую, в пшеницу вмочивши ю. Но когда одного разу якийсь газда, обряд сей прадідный кончити наміривший, поднял покрывку од сусіка пшениці разом з горящею свіщею аж ко соломяной крыші, а тая ж ялася, и хата згоріла – од того времені обычай сей перестал.

VI.

Так лаборчане, як вообще вся Русь, есть народ півучий. Пісню о-
ложает труды житейскіі, нею выражает печаль и радость. Жаль только,
что кромі свадебных, колыбельных, всі прочіі помішаны так по формі, як
по содержанию словячиною, а даже многіі чисто словацкіі пісні чуєш
співати на полі при роботі. Причину сему искати надобно преимуще-
ственно в частых сношеніях з Словаками в прежнее время – так на за-
робках между Словаками, як при общей работе на дорогах. Но за тоє в
семейной жизни, посеред домовых обрядов не поддалась еще лаборская
пісня постороннему влиянію.

Свадебніі обряды сопровождаются множеством пісней, так
названных ладканіі. Но о сем другой раз обширнійше спомянем. Теперь
приводим только для показа начальній строки пісні, поемой, когда одби-
раются к вінчанію:

Пѣдемe, пѣдемe,
 Де дві свѣчки горят;
Ачей нам там, ачей
 Дверечка отворят.

Что касается бесѣды, то сія также имѣет свѣй провинціалізм: рус-
скій испорченый. По сущему общенію з Мадярами и Словаками вкра-
лось в русскую річ множество слов и выраженій сих народов; однако ж
надыбаем в ней особенности, вказующіі на річ малорусскую и галиц-
кую. Такое єсть «і» вмѣсто «о»; «ы» послѣ гортанных «г», «х», «к». ... (і)
значную роль играет в бесѣді лаборчан, н. пр. кінь (конь), вѣл (вол), стѣл
(стол), ківко (колько), тівко (только).

Односительно одежды ничѣм не рознятся лаборчане од сотаков. Во-
обще носят мужчины узкіі білыі ногавки (шаровары), ширококрисый
калап (капелюх), бочкоры (кербци) и губаню (гуню); при сем длинній
волосы и бритая борода. Женщины носят сірыі кабаты (сподниці), білый,
червоными лентами украшеный чепецъ, порток, чорный или червоный
чоботы, а в работі – бочкоры.

Хаты строятся из букового дерева, білятся синею глиною, вмѣсто вап-
на, и покрываются соломою, а раздѣляются на избу, сіни и комору. Комин,
или труба дымная єсть вездѣ в употребленіі, по чему жители чистотнѣе
держатся од прочих горян.

СВАДЕБНЫІ ОБРЯДЫ У ЛАБОРСКИХ РУСИНОВ

Юноша, желая браком сочетатися з избранною собі красавицею, чрез все літо бывает веселый и, укладывая разный планы, едва ожидает мясницъ (фашенг)¹. З наступлєнієм Пилиповки стаєт наш парєнь роздумовати над тым, яким бы чином объявити волю свою родителям; но нияк не может рїшиться, бо відь стыдно то приходит сказать: «А вот, я бы ся женил». Для того уживает иной тактики: станет сумити, не їсть, не пїєт, а лиш непрестанно вздыхает. Мати-старуха, увидя сіє, вдруг одгадает, сколько часов было; з таинственным видом приближается к старому и говорит: «Ци знаєш, старый, чому Иван так посумил? Он бы ся женил. Уже минувшего года, бывало, пригадывал он женитбу, только на мої представлєнія, что збоже и паленка (горїлка) подорожали, лишил діло на сей год».

Тогда старый, оставшись наєдині, призывает к себї Ивана и говорит: «Ну, ну, не журись, сыне, а скажи, до которой идти по ручки». Молодець отвїтует, что он не знает. Затым отець стаєт єму исчисляти всі сельскїї дївиці поименно: «Может до сей? Или той?». Иван на все молчит и аж когда отець намекнет на єго избранную, тогда отвїтит: «Я не знаю», т. є. сію хочу.

А так як всякого важнїйшого діла на селі зачинщицами суть бабы, то и тут ініціативу берет старуха-мати. Она вскорі послї совїщанія отця з сыном удаєтся до своей кумы, прося ю, чтоб приняла на себе во вопросном ділі роль соглядатаїці. И кума необинуясь идет к родителям дївиці, з видом будто только для посїщенія. Набесїдовавшись довольно, кума одбираєтся домов, а мати дївиці, по принятому обычаю, выпровождает² ю на двор. Тут начинается уже серїозный розговор. Кума зачинаєт го з

1 У сєму тексті акурат про російськоязычного читателя А. Кралицький знає (обы выяснити значєня даякого мїстного слова) подати у скобках єго російськый ци украинськый одповїдник, примїром: калап (шляпа), нянѣ (отець), бокрейта (букет), просотары (сваты), оле (ану). Авадь він подає у скобках слово-сїнонім, примїром: мясницї (фашенги), паленка (горїлка), шувна (красна), заць (заяць), калап (крисаня). У російськых одповїдниках пропустили сьме літеру «ъ» и намісто буквы «ять» поклали сьме букву «е» (*зазначка вишорителя* – В. П.).

2 В оригіналі было напечатаной так: «выпрождает». Видав, туй проскочила хыба, котру сьме виправили (*зазначка вишорителя* – В. П.).

далека: «А як, кумице, чи не приходили еще просотары (сваты)». – «Та ніт». – «Чи наміряєте свадьбовати?» – «Чи я знаю...» – відітует мати дівиці. «А кедьбы Иван Н. просив, чи дали бысте за него вашу Марьку?» – «Чи я знаю; еще ся поради́ме з старым», – відічаєт мати. – «А так, моя любезна сосідко, тепер говорю вам одкровенно: мене ту послала Иванова мати – перевідатися, чи не дали бы есте за него вашу Марю. Он – челядина, невроком, усиловный, трудолюбивый, добрый. Не маєте чому доганяти. Волов єсть шесть, овса двадцят коблы, ячменю пятнадцать, жита – пшениці довольно. Не оддыхайте од себе людей, коли ся человек трафляєт. Тогда ягоды збирают, коли пристигают; дайте дівку, я вам кажу». – На все тоє мати дівиці хладнокровно відітует, что она еще не знаєт, а будут совітоватися з старым.

Послі совіщанія з старым мати одказует своєй сосіди, что «сіно», т. є. что сміло можно прийти просити. Розумієтся само-собою, что молодій, на счет которых все тоє дієтся, давно уже между собою согласилися.

Єще того дня в вечер приходит отець Ивана з своїм другом-сосідом уже *ex officio* в дом своєй будущей невісты просити тую же за Ивана. А Маря, увидівши «просотарей», сей час біжит и крыєтся у сосіды.

– Дай Боже добрый вечур! – говорят приходящій.

– Дай Боже, вітайте! Сядьте собі у нас. Чи добрі есте днёвали³, сами ци здравы?

– Добрі, хвала Богу.

Послі сего поздравленія починаєтся формальная бесіда односительно цілі їх посіщенія, на что родители відічают, что они тому не противны, лиш бы Маря согласилася. Посылают по Марю. З великим стыдом приходит она и, закрываючи очи припаскою, відітует, что она не знаєт – як няньо (батько) и мама хотят. На тоє забираєт домашній господарь слово и говорит:

– Мої добры люде, се річ важна; kota у міху не можно продавати. Для той [річі – В. П.] Иван най бы изъявился, най ся діти увидят и собі руки подадут.

Тогда сосід Иванового отця одходит и призывает самого же Ивана, который нарочно здерживаєтся дома. Во время отсутствия сосіда установаєт, когда иміють прийти «углины» посмотри́ти.

Приходит молодой, поздравляєт домашніх и сідаєт на указанное місце за столом. Начинаєтся гостина; самую первую роль играєт преимущественно «паленка» (горілка). Стакан идет з рук до рук; а когда придет очередь на молодого, то велят єму поздоровкати наливою чаркою свою

3 В оригіналі было напечатаной так: «дновали». Видав, туй проскочила хыба, котру сьме виправили (зазначка вишорителя – В. П.).

невісту. Он здоровкає ю словами «Марё, дай Боже здоровья!», на что она відповідає: «Дай Боже!», – и испивають обое чарку. Послі розходяться.

Вслід за тым изберут собі родители досужное время для осмотра – «углин» в домі юноши. Состоїт той осмотр в том, что стары подробно обозрівають хозяйство будущего своего зятя: идут в стайню – сколько есть скота; выходят на повалу – сколько збожья? А все тоє называется «углины». Современно назначают время odbyтися имущего обручения. Между тым для дівиці приготавливают приборы – «крашеный сподниці, фателики (платки), ленты и т. п. З другой стороны подружки-ровесниці стараются о білоє пірьє из гуси на «бокрейту» (букет) и барвінок на вінці. Для упоминаемой «бокрейты» всеконечно нужна тривітвистая «голузка» из солодкой яблоні, на которую дівчата правішають «білоє пірьє»; и так устроєну бокрейту сама молодица устремляет во время обручения молодому за «калап» (шляпу). Приготовивши все, ожидают дня обручения.

I. ОБРУЧЕНІЄ, или ЗАРУЧИНЫ

Первою старанностію отца жениться имущего юноши есть позыскати собі многорічивого человека для «старосты». Староста тот бывает человек пожилой, искусный в ораторстві, а особенно в цитатах из священного писанія. Он – душа и строитель всего свадебного веселія.

Когда уже староста есть, тогда отец юноши берет его з собою, да еще и нисколько из сродных мужеского пола, и одходят вмісті з юношею на заручины.

В домі дівиці уже все приуготовано. Есть опять со стороны дівиці «выдавця», который есть тым, чим для юноши – староста. Он неминуемо должен всіми тыми свойствами владіти, якими и сей послідній. Заручины обыкновенно діются в субботу вечер – так, чтобы в неділю под час літургії odbyлося первое оглашеніє.

Як скоро станет смеркати, удаются наши гости разом з молодым до дому дівиці.

– Дай Боже шестья (счатья)!

– Дай Боже! Вітайте! Оле (ану) собі дагде сядьте!

Прибывшиі посідають, а староста, розходяся по хижи, стает зачіпати «выдацю», который, утративши терпініє, дає слідующій вопрос: «А одки же вы, добрый люде, и што глядаете у нас?».

На тоє відповідає староста: «Мы есме од выхода сонца, и идеме так, як тоты тріє царі, которы ишли глядати новорожденного царя, та и мы

прийшли дашто глядати». – Исповівши сей пролог, стоїт з ожиданієм отвїта на сред хижи, держа крисаню у руках.

Выдавця возражаєт ему: «Та што же вы глядаєте, ачей вы не царі, и тут не єсть новорожденного».

Тогда староста начинаєт свою бесїду од створенїя мира: «Коли Бог тот світ створив⁴, и вшитко, што єсть на світі, вшелеяки (разные) звірі што и теперька суть, а также сотворив и рай. Прохожовався он раз по раї и каже: не добрі-то єдному чоловікови быти на землі! А то было полудне. И видів пан-Бог свою тїнь на землі, и мав (имел) палицю у руках, што из нїв розказовав своему створїню, и утяв по тїні своєї: Адаме, встань! и дораз Адам устав, и уж став ся з него чєловік. И повїдаєт далєй пан-Бог: не добрі єдному быти чєловіку на землі; сотворю єму жену помочницю-пѣдбочницю. И узав Бог єдно ребро из боку Адамового и сотворив жену, котра была названа од Адама «Єва». Так и я єм зазванный од моего приятеля, што як Бог нас так научив, так и мы хочеме зробити. И мы маєме одного чєловіка, котрый бы ся хотїв женити; а овѣн (он) нас просит, жебы мы єму жену виробили, бо єден вѣв (вол) не наробит хлїба, по два упрягавут до ярма. Так и мы бы хотїли двоє злучити. Подь-ле (прийди-но) ты гев (сюда) Марько, и повїдж (скажи), ци маєш ты дяку (волю) на того Ивана?» – На тоє молода приходит к столу и отвїтуєт: «Маву (имею)». – «А теперь, – продолжает староста, – дайте собі руки, переминьте хустки (платки) т. є. контракты и обернїйтеся трираз пѣд крижом».

Молодий берет за руку свою невісту и обертаются три разы под крестом, т. є. переложеными на крест грядами на повалї.

Между тым «выдавця» одходит до коморы и выносит «покрейту» из білого пірья на блюді и, положивши на стол, замечает, что єще бесїдою старосты не доволен, так як упоминано про «малженство» токмо в раї.

Староста продолжает далїє:

«Наставниче сѣго дому! Быв єден патріарха Авраам, и мав овѣн (он) єдного сына, звався Исаак, и хотїв овѣн женити єго. Раз закличе (призывает) своего слугу и повїдаєт єму: Ты, мѣй рабе, я заклинаю тебе живым Богом, кедь ты не выпросиш моему сынови од тамаде жену, где я тебе пошлю; кедь выповниш мѣй розказ (велеиє), будєш чистый од мого заклинїя. Возь (возми) собі 10 слугѣв из мого двору и 10 коней и гроши на драгу (дорогу) та пѣдєш у Месопотамїю. Из великим старунком овѣн ся посберав и иде, иде и приїде до того валалу (сєла), а у нѣм была студня, и собі постававут; а найстарший ся старат и старат. Боже мѣй милый, каже, не знам ся ту из никим, где од кого просити жену за Исаака, але буду

4 Мы приводим здїсь бесїду Старосты дословно, чтоб почт.[енный] читателї познакомилися из выговором Лаборских Русинов (зазначка А. Кралицького).

ту стояти поля (при) студни та будут ити жены и дівки на воду, та ачей ми ся даєдна (некотора) полюбить, и тоту буду просити. Иде єдна шувна (красна) дівка и набере воды, та гварить їй тот найстарший: «Чуєш дівко! оле (ану) ты мене напои и мої ослы». «Нате, пийте, – каже она, – и ваши осли напою». – Як напоїла и хлопів (людей) и сомарів (ослов), тогда овѣн єй обдаровав. Иде она, иде из радостѣв домів и повідать своїй матери и своєму брату, же там такий пан єсть, што єм напоїла єго сомарята и єго самого, та дав ми того (вот сіе) и просив ся мене, ци не могли бы у нас переночевати тай ци маме половы? Але я єму одповіла, же є вшитко (все). И приходить дівка назад гу панови, издалека кричить: «Подьте до нас, у нас переночуете». Так они пришли до того газды, и там їх вдячно пріяли на нѣч. И почнєся тот пан звідати: из якого овѣн поколінья походить! Тот єй брат повідать: из того и из того. Пан собі подумав: то ту, где я посланный од мого патріархи, и почне овѣн тоту дівку просити за Исаака; але то быв Божий промысел! Они не одтого были повіли, же дадутъ. Почне дівиці гварити, она повіла же пѣде за Исаака; и дораз зробили таке гы (будьто) руковины (обрученіе). А пак (и после) ся гостили, и єй из собов узяли. Так и я ту на то закликанный, жебы єм тоты двоє чада случив; уж є выпрошена, але ищи (ещѣ) обоє неповідали, же мавуть на себе дяку. Най же она єму дасть знак».

Вдруг на тоє забираєт голос «выдавця» или «наставник», к которому и была наведена помянутая річ: «Але, мої возлюбленый! Так є у святім письмі, же гледаючому – найдеся; просящому – дасться и колатающому – отворится. Мир сѣму честному дому! Христос посереді нас! Єсть и буде, аж во віки віков, аминь! Быв Ное-патріарха у старѣм законі, Бог ся прогнівав на народ и повів (сказал) єму: Зроб ты себѣ кораб, бо на народ допущу потопу. Ты меж (между) нима найправеднійший, та жебысь ся не утопив. И так Ное правив кораб за 100 років. Все го правив, а на другий день выйде – уж кораб розметанный; бо му все чорт, пропав бы од нас кщєных (крещєных), розметав, а овѣн не знав, хто то там ходит. Узяв овѣн попелу и посыпав коло корабу, же послідит, хто там ходит. Ное иде коло воды и видит сатану, што ся у воді у піні топит и кричит: «Пойдь-ле мя выратуй! И овѣн го одтамале выратовав. И гварит сатана: «Што же я тобі за то дам, што єсь мя выратовав? Адде (вот) мав (имею) кус (троха) палєнки, што єм напалив у кѣньскѣй голові, на, напийся!» Ное ся напив, аж ся упив и заспав, а так не знав, хто му кораб розмітує, и зато го так довго правив. Ное ся вытверєзвив и почав и овѣн палєнку палити у кѣньскѣй голові, так, як сатана навчив. Як уж готовый быв кораб, узяв Ное свою жену и трѣх сынох и три невісты, и из вшиткого створінья парку, як и вы хочете случити; и почав дощ падати за штерєдцєть (сорок) днів. А так

була уже потопа. По потопі по́слав Ное гаврана (ворона) білого, але ов́н нашов мерлого чёловіка, из нёго їв и зато почорнів; бо знайте же до того часу гавраны были білы. Пак по́слав голубичку, а она принесла масличну голузку ёму и барвінковый листочок. Так адде и я вам приніс так же, як и она. Гледалисте та нашлисте; просилисте – далося вам; ковталисте и отворилося вам. Христос посереді нас. Єсть, а и буде!» – и з тым кладет блюдо з покрейтою на стол.

Тогда староста призывает молодую: «Подь-ле ты гев, Марё! возь покрейту, а ты, Иване, полож калап (крисаню) на стол». – Маря повинуется, берет покрейту и затыкает ю за калап своего жениха. – «Полож му калап на голову», – говорит староста. И Маря кладет калап юноші на голову, он же снимает его до трех раз, а Маря опять возлагает. «Так жебы ты, Марё, знала, – говорит староста, – же муж глава жені. А теперь повіч ты, Иване: «Што люди просят, и я прошу». Молодец говорит.

«Ты, Иване, и ты, Марё, – продолжает староста, – подьте ту серед хижи, дайте собі руки и переми́ньте хустки и три разы ся оберні́йте». – Иван держит в руці платок, в котором завязано «тринадцник» (серебряная монета 1/3 зр. а. в.), а Маря также держит свой платок, в котором опять гроши и орішки. На слова старосты переми́няють собі платки. Мати (или в недостатку сей инная сродни́ця) одв́язуєт з перед себе припаску (шурц, хусту) и простираєт на землю. Обрученики ступають на припаску и трижды обертаються, взявши себе за руки. Под тым временем староста лієт на їх головы воду из скляниці и, произнося шептом якії-то таї́нственны́ слова, благословляєт їх. По скончані́и той церемоні́и мати здв́игаєт припаску и жартобливо бієт нею обрученны́х, которы́і сідають собі за стол.

«Мой любый наставни́че! – говорит даліє староста, – мы ищи (ещё) не контентны цалком (не довольны совсем), же тоты двое уж ся возрадовали, так як Ное-патріарха, же му голубичка принесла масличну голузку, же уж може выйти из корабу, уж ся вода одступила из земли. И тогды ов́н вышов из корабу и насадив собі винницю (виноград), и дораз ся му грозно зродило. И зробив собі из грозна вино и ся напив, так же аж уснув. Так и тота дівка (Реввека), котру просив Авраамов слуга за Исаака, та напоїла не лем (лишь) ёго, але и ёго сомарята. Так ищи:

Ходив Томаш,
Давав одомаш⁵.
Ов́н давав дванадцятый,
Вы нам дайте хоць лем тринадцятый.

5 «Одомаш» єсть мадярское слово = *áldomás*; столько знаменуєт як угощеніє, послідовати обыкшеє за всяким событієм, иміющим далекосягающее значеніє (азначка А. Кралицького).

Так и ты, наша молоденька! Оле ты нам принеся одомах, як тота, за котров пришли из Межіпотамії, та їх напоїла; бо мы уж барз засохли».

Таким образом, молодой вынимает гроши и дает своей невісті, абы тая же сама принесла «паленки» и напоїла сватов, так як сділала то иногда Ребека, только что сія не паленкою, а водою наповала. Впрочем, в домі уже водка приготована, но церемонія заручин того требует, дабы їх прежде напоїла молодая.

Поки она вернется з паленкою, староста ведет річ свою даліє: «Возлюбленный наставниче! Я ищи собі не сяду, бо молоденька украсила молодого голову, а нас дахто бы ся позвідав: где вы ходили, люде, та бы собі из нас посмішковав. То уж тому велё (много) рокѡв, коли святыи Андрій видів Пречисту Діву на воздусі, як она своїх апостолѡв прикрывала хусточками; а мы, худобны люде, та вы нас прикройте, хочь лем рушничками».

Выдавця идет до коморы вмісті з домашнею хозяйкою и выносит для каждого гостя по одному ручнику, приговоривая: «Христос посреди нас! Єсть и буде! Мир сѣму честному дому! Дай Боже добрый вечер!».

И з тым кладет найкрасший ручник на плечи отця молодого, другой – на ёго родственника, а третій – на старосту и т. д. – Затым надходит и молодая з паленкою и, усівши за стол, угощаются всі разом. Як скоро придет очередь пить на старосту, тогда он встает и поздравляет молодых словами: «Дай Боже здравля! Дай нам Боже любовь! А тоты контракты, што сте собі перечеряли (заменяли), то у них стоїт, же маєте жити до сто рокѡв одно и друге».

Когда хміль уже начнет дієвувати, бесіда становится боліє шумною и староста, который за наймудрішого любит уходити, стает закидовати выдавцєви разный загадки, чтобы в случае нерозвязки мог его завстыдати. «Наставниче! – говорит, – кедь єсь такой мудрый, то одгадай ми сесе: Водяна колодка, а деревяный кліч (ключ)». – «Водяна колодка, – отвітуєт выдавця, – є море; а деревяный кліч є Мойсеєва палиця».

«Ишов заць (заяць) через воду та переплавав; а стрілець ишов та ся утопив». Выдавця отвічаєт: «Заць, то суть жидове и Мойсей; а стрілець, то Фарагон. Жидове, коли ишли через море, та перешли; а Фарагонина ся утопила».

«Є такой квіток, што из нѣго не годна ани єдна дівка вінець вывити?» – «Квіток тот єсть цвіт на житі або на пшениці».

«Котре є найліпше (наилучшее) набожество?» – «Отповім ти, – каже выдавця. – Єден чоловік ишов до Ієріхона, и в разбойники упаде, и там остав пораненый; иде пѡп та го обышов; иде другой левит – и тот го обышов; иде третій самарянин – та ся над ним розмилосердовав и узяв го на свого сомарика (бо знайте, добры люде, же жида давно не любили

ходити на конях, бо конина чоловіка истрясе з себе, а сомаря, каліка, понесе), а так, коли го взяв на свого сомара и му раны позавивав, прнніс го до гостинця и там му выслуговав, а пак дав качмарёви пінязі, жебы му раны гоїв и давав їсти, а як ся назад верне, та му заплатить».

«Ищи єдно: «Мене створив Бог, а я собі створив жену, а мене створила жена». – «Мене створив Бог – першого чоловіка, Адама, створив, и вы знаєте, же Бог. Я собі створив жену – Єва створена из мого, т. є. Адамового ребра. А мене створила жена, т. є. же я, выдавця, народився од моєй мамы, котра была не инше як жена».

«Кѡвко (скільки) мала Пречиста Діва рокѡв, коли ей Іоаким и Анна дали до закону? – «То уже не знау», – отвітуєт выдавця. – «Та видиш, же ищи ты вшытко не знаєш. Мала сім рокѡв, а коли породила Христа, то тогды мала пятьнацять рокѡв».

«А што робив Бог, коли ходив из святым Петром по земли?» Выдавця отвічаєт: «Раз они прийшли ку єдній воді, и там ишли двоми люде из возами до ліса на дрова. Христос и Петро просилися, жебы їх через воду перевезли; богатый не хотів, же му ся утраплят волы; а сегинь (бедак) худобный взяв та и перевіз. Як перешли, гварит Петро Богови: та што тому даме, же нас перевіз? Е, та нич, гварит Бог, та ищи тоты бычата поздыхавут му. Петро ся зачудовав, та гварит далей: та тому што буде, што нас не хотів перевезти? Христос каже: достане ищи два таки сейкы (волы)».

Тым подобный річи снуют ся даліє. Всякий присутствующий, желая показати свою мудрость, собственно же свою «збіглость» в св. писанії, предлагает разный вопросы, и так кончится обряд обрученія. На одході подвигает чарку староста и говорит: «Дякуєме Богу небесному за его дар, а вам за честь, за гостину; бывайте здоровы!». И так одходят в свояси; молодой просит од своєй невісты орішков, она єму даєт, а он за то цілуєт ю в лице и одходят.

II. СВАДЬБА, или ВЕСІЛЯ

З приближенієм брачного днє первою старанностію молодого єсть «няти гудакѡв» (музыкантов-циган), за 3 или 4 просты златы (40 кр.) на два или три дни. З другой стороны, посылает просотаря по селі призывати гостей на свадьбу. Всякий, кого звут на свадьбу в гости, должностью считает себї послати призывавшим який подарок, состоящий в зыїстных припасах. Просотарь произносит свою річ тако: «Повів вам Н. Н. службу и добрый день, жебы сте поїшли за пана свата, и за паню свашку; а то и я вас прошу».

В неділю вечер починається свадьба и держит по большей части до вторника вечера. З заходом сонця в неділю приходят музыканты до дому юноши и начиняют гудьбу. Ряд плясанія починає дружба молодого, но прежде испрошаєт благословеніє од домашнєго господаря и господині словами: «Няню свадьбяный и мамо! Дай нам Боже счастливо зачати, в шестью (щастью), в здравью, в Боским святім пожегнанью!». И таким чином свадьба началась.

Сідая за стол вечеряти, староста произносит слідующую річ: «Мої собраны гости! Теперь на самый перед треба ся помолити, бо так чуєме из письма святого, же до каждой работы треба ся брати во имя Боже!». И тогда молятся всі в голос, по скончанію молитвы сідають, а староста продолжает бесіду даліє: «Єден пан дав єдну гостину, и дав скликати гости, але они не хотіли прийти, же негодны: же єден купив валал (село), та пòде го посмотри́ти; а другый, же купив пару волòв, та пòде їх посмотри́ти; а третій, же собі узяв жену, та єй не годен охабити (лишити). И так пан ся погнівав и пòслав на драги (дороги) слугòв, где кого найдуть, жебы го ту привели; и они пошли и назбєрали вшєляких цундравых жебракòв, жебы ся наполнив дом; але єден пришов, што не мав гостинску шмату. Так адде (вот) и наш добрый пріятель мать (имеет) одного сына, та го хоче ожени-ти, и из того ся утішать, же му Бог дав го выгодовати, и зато давать (даєт) гостину, и, вмісто себе, мене ту поставив, жебы я вам дашто приповів, бо овòн не мать коли. Е, та слухайте же теперь далее! Коли Іисус Христос ходив по земли и научовав народ, а раз учив у пустыни, и повідають му ученици єго, же народ зголоднів, та жебы го одпустив їсти. Але Христос повів ученикам: та вы не мате дашто їсти? Одповідають му они, же маме 5 пòдпалкòв (хлебов) и 2 рыбы. И узяв Христос тоты пòдпалки и из нима насытив пять тісяч народа. Но наш пріятель як худобный чєловік адде просить на худобну вечерю, котру нам дав, жебы сме пожили». И так ся гостят; по вечери опять молятся и послі, удавшись до плясанія, плясають чрез всю ноч, и только над раном засыпляють немного.

Староста, рано пробудившись, велит циганам, щоб музику начали: «Грай домашнім на добрый день!» И скрипаки тнут «аж хижа брымит». Теперь тут чужих людей єще нїт, и так лиш сами домашніі плясають. По сніданью (фрыштыку) идет дружба и зовет всіх сродных и кумов «за пана свата, и за паню свашку», которій неодкладно и собираются, числом 15-20.

Первою теперь задачею «свашок» єсть ушити заставу, или свадебную хоруговь из разноцвітных платков и лент. Затім слідуєт декорація сватов. Приносят из пелевни один сноп овса и полагають єго на стол, староста сідаєт за стол и говорит до сватов тако: «Но, мої любы сватове! Теперь бы нам ся брати до світа, та нам треба на кельчик (иждивеніє) дудкòв, треба

нам кочишôв (кучеров) и чиканёшôв (род полицейных сторожей), жебы потримали, где буде зле, бо нас свадьбяный нянё (отець) выправлять до далекой драги, так як Товія выпраляв свого сына до драги за пінязьми и дав му Бог за путника ангела, жебы щестливо сходил. А теперь, ци пріймаєте мене хлопці за старосту?» – «Пріимаєме, пріимаєме!», – кричат всі діти, которых тут купа назбиралася. И староста берет стебло овса и встромляєт єго за шляпу – в знаменіє свого уряда.

«Ци пріимаєте Федора, – говорит даліє, – за маршалку (хоругвоно-шеца)? Ци може носити заставу?» – «Пріимаєме, пріимаєме!», – кричат всі. И так идет по ряду приукрашеніє всіх сватов овсом, который они теченієм всей свадьбы носят за красанею.

По скончанії той церемонії свашки стають прибирати заставу разными украшениями, при чим приспівують:

Зыйди Господи з неба,
Зыйди Господи з неба,
 Бо нам тя ту треба.
Заставу вышивати⁶,
 Шестічком (счастьєм) докладати.
Коли заставу шили,
 Всі сваты ся тішили.
Тот ся найбаржей тішив,
 Што єй у руках носив.
Красна застava красна,
 Як зоренька ясна.
Суть по ней пантлички (ленты),
 Як на небі звіздочки.

Затым сідають за стол и гостятся паленкою, сыром или инным чим-нибудь.

Но посмотрим теперь, что ділають в домі молодиці. Тутъ гульбы ніт, гостей тоже ніт, а лиш присутствует «выдавця», которого тут роль та же, котора «старосты» в домі юноши. Около осьмого часа собираются дівиці, подруги молодой, приносят з собою зелений барвінок и стають вити вінки, при чим приспівують:

Зыйди, Господи, з неба,
Зыйди, Господи, з неба,
 Бо нам тя ту треба.

6 Первая строка за каждым разом повторяется (зазначка А. Кралицького).

Віночки вышивати,
Из щестём докладати.

У понеділок рано,
Соненько ся купало.
Соненько ся купало,
Вон море выливало.

Вон море выливало,
Зільєчко покропляло.
Зільєчко, барвиночик,
Марьці на віночок.

Ходить Марька, ходить,
Тай по хижі тапшать.
Аж їй од серденька
Червена кров цяпкать.

Ходит Маря ходит
По хижі плачучи,
По хижі плачучи,
Нянька глядаючи.

Хоць бы ты обышла
Хижечку до кола,
Вера, ты не найдеш
Нянечка-сокола.

Ей, Боже! Божичку,
Пусть мя на земличку,
Нягай я увиджу
Дівчину свадьбичку.

Посмотри ты, Марічко
На мештерну⁷ гряду,
Не маш ты нянечка,
Не маш та и ряду.

Дай мамочко
Иголку, нитку и шовку,

7 Словац. и польск. *misterny*, чешск. *místrny* – искусный, изящный (зазначка А. Кралицького).

Пришивати віночок
На червений квіточок.

Мать Марічка братчика, 2.
Молодшого од себе.
Молодшого од себе, 2.
Кличе го перед себе.

Маленько послужити, 2.
Вінок положити.

Ей, Марько, Марічко
Камяного сердца,
Як же тобі не жаль
Зеленого вінця?

Ба як ми го не жаль,
Аж ми сердце болитъ,
Бо то все ся стало
Не по моєй воли.

Не по моєй воли,
Але по братовой;
По братовой и сестриной
Тай по материной.

Когда вінець дівушки увили, призывают наймолодшого брата молодой, щоб возложил вінець сестрі на голову. Молодиця стає на коліна пред столом, а мальчик с плачем вінчає сестру свіжовивитим вінком. Послі вьєт вінці дружка для себе и для дружбы. Когда вінці уже готовы, тогда выдавця угощає дівки.

Теперь обратимся опять в дом юноши. Староста, скончивши обряд декораційний посредством овсяного стебла, поднимает голос и говорит: «Няню свадьбяный и мамо свадьбяна! Подьте вы ген (сюда) та благословьте сына так, як благословив Исаак Іакова». Молодый преклоняет коліна на среди хижи, а родители, возложив руки на его голову, благословляют его словами: «Жебы тя Бог благословив так, як благословить землю о святім Яні (около Рождества св. Іоанна) и о святім Петрі, и жебы ті (тебе) Бог дав любовь из своєв женов, жебы тя Бог заваровав од вшиткого (всякого) злого, од панской карности, од людской ненависти». Молодый, пріяв бла-

гословеніє, лобзаєт родителям коліна и лице; и одходят по молодежию.

Исходя из дому, дружба назнаменуєт чеканом крестное знаменіє на дверях, держа чекан над дверями дотолі, донеліже всі не изыдут.

Прибыв в дом молодежи выдавця затворяєт пред ними двері и не хочет їх впустити в хижу. Между тым свашки ладкают:

Идеме, идеме,
Где же мы станеме?
У Шковрана на двѣр,
Под зеленый явѣр.

Пустьте вы нас днука (внутрь),
Бо нам одмерзнут уха,
Руки ноги гріти,
Паленки ся напیتی.

Вступьтєся нам з кута,
Та вам даме дукат,
Дуката червеного,
Од краля молодого.

Но дівчата, стоя на лаві за столом, отвітуют їм приспівуючи:

Не каже ся Маря
Из кута вступити,
Докля нам не дасте
Дукатик убитый.

Чом свашки не ладкавуть
Бо рідки зубы мавуть,
Треба глину місити
Свашкам зубы оліпити».

Свашки отвітуют їм на тоє:

Не прийшли ми ту
Ни їсти, ни пити,
Лем мы ту прийшли
Молоду видіти.

—

Камяна камяница
Замкнена мододиця,
Камняницу розбуряти,
Молоду нам вказати.

Ей свашки мы, свашки
Из потічка чорного,
Треба бы нам треба
Рушничка білого.

За тым староста стукает в затворенній двері, приговоривая: «Мир сему честному дому! Христос посереді нас!» Выдавця отворяет двери и говорит: «Єсть и будет! Одки же вы добры люде, што гдедате и из чим идете?». Староста снимает крисаню, украшенную стеблом овса, и говорит: «Прийдіте, поклонімся Цареві и Богу нашому. Прийдіте, поклонімся Христу, Цареві и Богу нашому. Прийдіте, поклонімся и припадем самому Господу, Цареві и Богу нашому! Мы, видите, идеме, так, як ишли трёми царіе; їх провадила звізда, а нас провадит застава (хоругов)».

«Из чим идете?» – возражает выдавця и вдруг затворяет двері, ибо староста не уміет отвітити.

Староста опять толкает в двері з словами: «Христос посереді нас!» Выдавця одчиняет дверь отвітую: «Єсть и будет! Из крестом, из крестом». И тут уже впускает їх в избу. Но дівки не хотят одступитися їм из кута, пока не получают своего «дуката». Староста бросает їм жменю мідных грошей и они передают місто своє прибившим свашкам.

Теперь застава поставляется до кута за стол. Староста выходит на середину хаты, знимает крисаню и произносит: «Наставниче сёго дому! Мы ту уж давно путуеме за тым білым чадом; та мы го хочеме видіти». Выдавця на тоє одражает: «Инак (иначе) бесідійте, бо я го хоць-як вам не видам».

«Але, мой возлюбленный! Коли пречистій Діві было сім рокѡв, та ей дали до закону, до церкви Іерусалимской, отець и мати, жебы Богу служила. Так и мы ту охабили нашу молоду до часу; але теперь ей одбираме од вас так, як одобрав святой Захарій Пречисту Діву до закону».

На тоє выдавця идет в комору, выводит дружку за руку и оддает їм. Они кричат, что не тот, и оддают дружку дружбі. Выдавця опять идет в комору, выводит уже молодицю и передает ю молодому. За тым цигане-музыканты стают «густи», молодой з молодою начинаст танець, в которому участвуют всі сватове и свашки. Наплясавшись довольно, сідают за стол, пьют паленку и їдят хліб да соль.

Таким образом настает пора идти к вінчанію. Но прежде молодая идет в комору, там находит уже якую старуху, и стают ворожити. Послі сей ворожбы, которая впрочем єсть тайною для мужчин, молодиця опять выходит к гостям.

Общее движеніе настает в комнаті. Всі стают збиратися. И тогда староста, приняв многоважный вид, стает посереді хаты и говорит: «Няню

свадьбяный и мамо свадьбяна, и вся родино, просимо на словічко на дві, подьте вы к нам та благословьте Ивана та Марьку!». Отець и мати приходят, а староста стаєт прашатися в имени молодых насамперед од родителей, послі од крестного отця и матери, од сельской бабы (акушерки), од дівиц-ровесниць и од всіх гостей. Плач тогда немалый!

«Коли Авраамов слуга, – говорит староста, – выпросив Исакови жену, овѣн ей одобрав од матери и брата и вів (вел) Авраамови за невістку. Так и я ей прошу сынови мого сосіда за жену, але наперед благословьте їх».

На тоє молодая чета преклоняєт коліна насред хижи, отець, мати благословляют їх и они, пріяв благословеніє, лобзают їм колена и лице. Дружба творит знаменіє креста на дверях, ударяя чаканом о чєтыри столпы, и одходят всі к вінчанію, а свашки ладкают:

Идеме, идеме,
До храму Божого,
Ачей достанеме
Ставу малженьского.

Идеме, идеме,
Где дві свічки горят,
Ачей нам там, ачей,
Дверечка отворят.

Посмотри ты, Марічко
На Чабинскій костіл,
Где ти ся переминить
Твоѣй сріберный перстінъ.

Присягала Маря
Пред Діву Марію,
Же достала Ивана,
Як білу лелію.

Исходя из церкви, свашки продолжают даліє:

До костела – єдно,
А з костела – двоє,
Радуйся, мамичко!
Твоѣй обыдвоє.

Чабинский пан-отець
Ходить яко німець,
Не єдноѣй дівочці
Зронить з главы вінець.

Чабинский пан-отець
Не платить аренду,
Може си купити
Шувну (красну) реверенду.

Приближаясь вспять к дому родителей молодой, свадебный обрѣтают выдавця, стоящего уж на дверех, который вопрошает їх: «А где вы ходили, добры люде?».

«Мы ходили, – отвітуєт староста, – к самому Іисусу Христу, талант одобрати, так як тоты трѣми, што єдному дав пять таланты, та из нима пріобрѣв других пять; а другому дав три, та зась пріобрѣв три; а третѣму дав єден, а тот шельма, не знав, што з ним робити, та го закопав у землю. Так и вы нам дали єдно, а мы вам привели двое».

А так вступають ввнутрь, сѣдають за стол и гостятся. Самую первую роль играєт «паленка», за нею слѣдует капуста з бараниною, потому каша, фасоль, куриці, варены в молоці и т. п.

Наконець приходит время одбиратися, сани или возы приготовлены, дружба идет в комору, берет перину, заголовки и скриню, и выносит на санки. Староста в имени всѣх благодарит домашнім «за честь, за гостину» и, взявши з собою молодицю, одходят домов. А свашки співають:

Сідай Марѣ з нами,
Маме вѣз кованый,
И четверо коней
Кочиш (возниця) малѣваный.

Выходит зорничка,
З-за ліса темного,
Выбераться Марька
До краю чужого.

Оставляйте здравы,
Мої пайташочки (подружки),
Што м з вами ходила
В зимі на прядочки.

В зимі на прядочки,
В літі на орѣшки,
Оставляйте здравы,
Мої пайташечки!

Пайташочки мої,
Красно вам дякую,

Свôй зелений вінок
Я вам подарую.

Свôй зелений вінок,
И свою персону,
И свою персону,
И дівоцку корону.

Дівчата отвітують на тоє свашкам в слідуючий способ:

Выходит, выходит
З-за горы зорничка,
Уж вам ся выберать,
З хижи робôтничка.

Верни съ Марё з дверій,
Подякуй матери!
За постель писану,
Скриню малёвану.

Пôде Маря, пôде,
Где ся хлѣб не родить,
Лем дрôбны бандурки (бульба),
Што їх їдят курки.

Пôде Маря, пôде,
Где ся чикы⁸ родят,
Кедь вода выліє,
Та по смітью ходят.

Пôде Маря, пôде,
На другу дъєдіну (село),
Дай ей Пане-Боже,
До рока дітину!

К вечеру естъ уже, когда привезут молодежи в дом молодого. Тут старуха-мати, услышав прибытіє свадебных, надѣвает кожух «на-рубы» и выходит своей невістці на встрѣчу. Она останавливается на дверях и держит в руках пôдпалок (плоский хлеб). Молодица подходит к своей свекрі, которая вопрошает ю: «Из чим есь ту пришла?» – Она же отвічает: «Из щесьтѣм (счастьем), здравѣм, милым Боским пожегнанѣм». Тогда возла-

8 Чик, *словацк.* čik, из «мадярского csik – род рыбы вьюн, der Schlammbeiser, Wetterfisch, cobitis fossilis (зазначка А. Кралицького).

гаєт єй «пôдпалок» на голову и вводит до хижи. Между тым свашки при-співують:

Выйди мамо губата, 2.
Где невіста богата.
Штири волоньки жене, 2.
И пятого коня веде.
Хоць бы гнала, не гнила, 2.
Лем бы щестічко мала.

Выйди мамко, вийди
Невісту витати,
Бо єй ту не пришов
Ни отець, ни мати.

Прилетів соколонько,
Сів собі за стolonько,
Почав щебетати,
Як має привыкати.

Сидит кот на полиці,
У червеной ногавиці;
Вывалив оченята,
Ци шувни молодята.

Перешагнувши порог, молодиця прямо ступаєт к столу и лобзаєт чєтыри углы єго, а так сідает на самое первое місто, вокруг неї свашки, предлагають вечерю и гостятся.

По вечері берет дружба постелю молодиці, несєт ю на пôд и там росстеляєт; неодолга выводят свашки молодую на повалу, там посадят ю мужєви на коліна и розплетают єй дівическую косу. Под тым временем музыканты гудут в сінях, а свашки поють:

Иде Марька, иде,
Горі драбиночков,
Горі драбиночков,
З своєв дружиночков.

Зоставай ты здрава,
Моя стара мати!
Бо я уже иду
Инде обитати.

Ей, стельте ми, ей, стельте
Тоту білу ложу,
Бо я тоту ложу
Нигда не одложу.

Тремтить косонька, тремтить,
Чого-сь она ся боїт,
Чого-сь она ся боїт,
Свашка-сь на ню строїт.

Будеме варити
Горох и капусту,
Будеме правити
Из Марьки невісту.

Росплетши молодиці дівочую косу, свашки повязують голову ей на подобіє замужных женщин и удаются на ріку всі умыватися. Тут одрізують вінок из крисані молодому и его дружбі и полагают на верх воды. Дружба придержует вінки чаканом, чтоб вода не понесла, и из середины вінков берут новобрачній воду в горсть и умываются; а староста благословляет їх словами: «Отець, Сын и Дух святой най же вас благословит, а и Пресвятая Діва Марія». Между тым свашки припівують:

Несе Марічка воды
Для доброй злагоды,
Буде злагода, буде
Кедь Марька добра буде.

Из річної воды черяет молодой до збанка и, принесши до хижи, там окропляет нею весь дом и гостей. Послі починається танець молодиці, который в том состоїт, что каждый из гостей плясает из молодою и складает на часть ей до блюда нісколько мідняков, як обыкли говорити, «на чепець». Затим еще угощаются, плясают – и тым свадьба кончиться.

СВАДЄБНЬІ ЗВЫЧАЇ У ШАРИШСКИХ СЛОВАКОВ

Як скоро станеться извістним, что молодец избрал собі будущую «сожительницу» и затім согласился просити ю, одной суботы вечером берут юношу один мужчина и женщина (не сродники) за руки и уводят к назначенному дому, где уже сваха (т. є. мати дівиці) и староста (мужчина) ожидают їх. Прибывшиї произносят звичайное: «Похвалени будз пан Ієзус Кристус!», – на что домашніі отвѣчают: «Аж на веки амен. Витайце у нас! Скадзи ходзице? Яку новину доношице?». Прибывшиї одповидают: «Далеко сме ходзили, цесту (дорогу) сме заблудзили». – Домашніі: «Седайце!» – Прибывшиї говорят, что не иміют времени, звїзды ишут для своего «кравевича».

Между тым молодая в прибочной коморі подслухует, выходит с заплаканными очима в избу, что-то глядаєт, не находит и знова одходит в комору.

Староста из стороны юноши говорит: «Звїзда, котору мы искаєме, єсть сія; радуємєся, что знашли ю у вас, позвольте осмотріти ю в сокровенном убіжищи». (Одходит з запаленною свѣчкою, приводит дівицу за руку в комнату и поставляет на середині).

Тогда начинаєт староста долгую свою річ, начавши з Адама и Євы, продолжает Ноем, Мойсеем, а кончит Товією и кана-галилейским браком. Под тым часом дівки приносят цвіты, роздают между гостьми так, что найкрасшій букет достанетєся юноші; староста же заключает свою річ желанієм одступити звїзду яснєму сонцу-королевичу.

Родителі говорят, что тоє зависит од їх дєчери. Доч: «Єсли так угоднє Богу, то и я не противлюсь»¹. – Староста: «Будьтє одно цілє». – З тым звязываєт десницы молодых білым платком, держит опятъ бесїду, за чим слїдуєт вечеря з неизбїжными пєстрыми тоастами.

На другий дєнь (в недїлю) два дружбы верхом обходят хаты, призывают заученными рифмами гостей на заручины, даже и из другого села. Обі стороны своїх гостей приводят в костел, гдї должно происходить обручєніє. Заключают даже и договор на счѣт приданого. Сєго днє с

¹ В орігіналі было напечатаной так: «... я не противна». Видав, туй проскочила стилістична хыба, котру сьме виправили (*зазначка вишоритєля* – В. П.).

полудня зажиточній ріжут вола и выкачают цілу бочку паленки (горілки) на двор, гостят почти ціле село.

Послі уже слідуєт приготування к свадьбі.

По скончанні вінчання в костелі, на возі или и піхотою², но в торжественной тишині свадебный люд одправляется в дом молодицы; там остановится в кругу пред домом, по середині круга стоїт староста, держит бесіду о супружестві, о сожитії новобрачных, а докончивши бесіду, весело скочит на его місто «старший дружба» и тоже о Мафузалемі, Ної и прочей археології держит річ; наконец, умоляет, чтоб свадебный гости вступили внутрь – тут возьмет в руки палку, на конці которой привязан есть ручник, а в лівую блюдо з водою, з большим патосом говорит об крещенії Іоанна на Іордані, а когда скончит, тогда присутствующіі подходят и умывают руки в воді, утирая в ручнику.

По скончанні сего умовенія воду выливают, а в порожнюю миску бросают мідный гроши. За сим слідуєт вечера, но прежде чим умістятся за стол, гости одмовляют «Отче наш» и «Здрава'с Марія».

Угощеніє порядочно продолжается два дни: первый день в домі молодой, а второй – в домі юноши.

Во время пира дружба, поднося блюда, деклямуєт стихи, направляя свої воззванія к старості. Между яствіями самое первое місто занимает каша, вареная в молоку. Под час угощенія звучит музыка, а паробки пляшут соло. Вставши од стола, місто старших занимают молодці; в тот час музыка утихаєт, так як и в циганских (музыкантских) руках теперь не смычок, а ложка и боклаг з вином. На конці обіда опяті озвется музыка, тогда староста роздаєт дівчата молодцам до танцю.

Один дружба пляшет з молодицею, послі знімаєт з нея вінец (парту), ленты и цвіты из головы. Затім юноша берєт свою невісту и одходит з нею на под (повалу), гді спят тую нощ, аж когда рано розбудят їх музыкаю.

Вечером одна часть гостей расходится, а другая гуляєт аж до білого дня. Утром внові збираються гости. Староста или один из дружбов подаєт молодой, теперь уже новобрачной, чепчик, котора возлагаєт его на свою голову, затім одпроважають ю к ріці или потоку – для умовенія.

Спустя три дни гости посылають подарки новобрачным, которіі состоят по большой части из жизненных припасов.

2 Піхотою (*застаріле*) – пішо (*зазначка вшорителя* – В. П.).

ПУБЛИЦІСТИКА

О СОВРЕМЕННОМЪ ПОЛОЖЕНІИ РУССКИХЪ ВЪ УГРИИ.

Желая кое-что сообщить Русскому читающему міру объ настоящемъ положеніи народно-культурнаго дѣла въ Угорской Руси,—этой крошечной (въ сравненіи съ другими не-Мадьярскими народностями въ Угріи)—Словено-Русской семьѣ, мы прежде всего должны коснуться церковной ея стороны. Наши благоразумные люди давно уже убѣдились, что не будь мы чада восточной церкви и не питайся мы млекоу ея Славянскаго—нашему вароду понятнаго богослуженія, столь тѣсно связаннаго съ нашею народностью, мы давно ужъ потонули бы въ Латино-Мадьярскомъ морѣ, тѣмъ болѣе, что мы отрѣзаны отъ прочей Руси сплошною цѣпью Карпатскихъ горъ, а число наше едва доходитъ до 500,000 душъ. Всепоглощающій мадьяризмъ самымъ большимъ преступленіемъ считаетъ ту нашу дерзость, что мы въ виду великой Гунгаріи осмѣливаемся присвоивать себѣ эпитетъ «Руси», и при томъ еще Угорской.

Церковь Угро-Русская, — принявшая унію съ Римскою еклезією въ 1649 году, подчинившаяся при этомъ догматическому признанію видимаго главенства папы въ церкви и происхожденія Духа св. «и отъ Сына», но вмѣстѣ съ тѣмъ обезпечившая за собою условнымъ письменнымъ актомъ право избиранія епископа и свободу сохраненія обычаевъ и дисциплины, свойственныхъ восточной церкви,—состоитъ изъ двухъ епархій: Мукачевской (Munkács) и Пряшевской (Eperjes).

АЛЕКСАНДЕР ДУХНОВИЧ

крылошанин Пряшевский¹

Духнович!.. Кому из русских сынов неизвестным [есть]² имя сіе? Вот черты мужа того, который из вікового сна возбудил закарпатскую братію к діланію на родимой ниві русской словесности. Имя же тоє не эпоху ділаєт в литературі Угорских Русинов, но – правду сказати – естѣ основателем всей молодой ещє словесности русской за Карпатами.

Батько Духнович родился под Бескидом в Угорщині, комитаті³, или столиці Землинской, в селі Тополі 1803-го года дня 24 Цвітня от родителей Василия Димитрієвича Духновича, священника в то время приходского Тополянського и Маріи Іоановны Герберовой. По преданію, сохраняемом во всі времена в крузі фамилійном, походит родина Духновичей из Москвы от князей Черкайских. Преданіє тоє весьма замечательное. Хотя оно хранилось до сих пор яко тайна фамилійная, то мы однакож отважаемся ныні при обстоятельстве, что родина Духновичей з нашим Батьком Александром⁴ выгасает, уже для самой исторической цінности оноє здісь обнародовити. Повіріє тоє передаєм тими же словами, которыми передал его послідный раз дідо внуку. Один день по похороні Отца своего (г. 1816.) призван был 12-літный тогда Александер дідом своїм, чтобы узнал о тайні происхождения своего: «Сын мой, – проговорил торжественно сідый

1 Сея статья («Александръ Духновичъ, крылошанинъ Пряшевскій») вказала ся у часопису «Золотая грамота» (1865, ч. 7) – літературнім додатку до віденського часописа «Страхопудъ», редактором котрого був Ёсиф Ливчак (1839–1914), и была подписана криптонімом «К. і Л.», што ся прочитует як „Кралицкій и Ливчакъ”. Криптонім вказує на соавторство тых двох особ. Фактично, иде за оригінальний текст Кралицького, до котрого Ё. Ливчак додав деякі курті зазначкы (*зазначка вишорителя* – В. П.).

2 Видав, у печатні пролишили єдною слово; додаєме го подля контекста (*зазначка вишорителя* – В. П.).

3 В оригіналі было напечатаной так: «комитетъ». Видав, туй проскочила хыба, котру сьме виправили (*зазначка вишорителя* – В. П.).

4 В оригіналі было напечатаной так: «Александримъ». Видав, туй проскочила хыба, котру сьме виправили (*зазначка вишорителя* – В. П.).

старець, – отець твой помер, а я, 70-літний старець, не знаю – Бог відаєт – увижу ли тебе, когда повернеш из училища; так я должен тебѣ сказати про исход нашей фамилії, ибо батюшка и дядя мой мнѣ сказал, да и повелѣл под анафемою передати своїм наслідникам все, что касается нашего рода; нынѣ слыши и храни мої слова: предок наш походил из Москвы, и он не назывался Духновичем, но был из великой фамилії нынѣшних князей Черкайских. Царствующему імператору Петру Великому настал против нему – в отсутствію – бунт и мятеж, которому предводила его сестра Софія. Стрѣльцы были первыи бунтовщики, а тых капитаном был предок наш Черкайский. Но нещастно кончилась мятеж. Царь Петр побѣдил всѣх бунтовников и похищенных наказывал смертію; предок, чтоб спасти жизнь, бігством укрылся и з многими, между которыми особенно был Гербер и Брыла и прочіи, через Польшу удался и достиг до Угорщины, поселяясь на Бескиді в селѣ зовимом Тополі, принявши имя Духновича. Он, чтоб житися, искал собі средств и принял при бывшей там деревяной церковці чин дячка, ибо о учителях тогда еще и слова не было слышати. Не по многом времени розошлася слава имени Тополянского дяка: он стяжался с священниками, которыи тогда мало учены были, так что всѣ удивлялись его учености и знанію; наконец же всѣ священники з протопопом совѣтовали ему, чтоб, женившись, дал ся посвятити в попа. Так и сталось; он женился з дочерью одного священника, пойшол до Мукачева к Владиці и без всякой перепоны посвящен в ерея и сей час назначен на попа Тополянського, гдѣ под именем Духновича поповал ревностно, родил чад, которыи наслідовали ему в поповствѣ, даже до послѣднего Василя Духновича, переселившогося в Стасчин⁵».

Так сказал Димитрій Духнович своему внуку Александру, додаючи еще тії слова: «Что я тебѣ, сын мой, говорил, то само передай и ты своїм потомкам, ибо то мнѣ – мой, а ему его батюшка повелѣл; да так преданіе оно останется в нашем родѣ во віки».

Дальше прослезился старець, поблагословил внука и сказал: «Сын мой! Не забывай на Бога, молися ему и люби род свой руский; а хотя небогатый, то шастлив будеши, ибо будет тебе Бог благословити, а люди – любити...».

Видно, благословеніє старця почило на молодом внуку и засіяноє зерно в невинном сердци вкоренилось глубоко, когда его истребити не удалось всѣм пристрастным истребителям чувств славянских и русских, в которых то истребителей руки попал тогда Духнович, будучи посланым для образованья в училища руско-мадярскіи. Истинно бо удивлятись тре-

5 Иде за село Стасчин, в окрузі Снина (зазначка вишорителя – В. П.).

ба, як могла дитина руская, котра яко така уже при вступленію в пороги училища за происхождение своє поруганою была и в началах національной філософії мадярской, як «Tót nem ember» (славянин не чоловік), «czudar Orosz, czudar Tót»⁶ или «Extra Hungariam non est vita»⁷ и пр., упражнятися должна была! Кто послі такого воститанія школьного буде еще Русином, у того, в самом ділі, заключати треба на особеннїи свойства души и сердца. Слава одже нашому Батьку Духновичу, слава всім руским патріотам закарпатским, честь и слава всей возбудившейся братії руской за Карпатами, ибо они заявляют свое нравственное превосходство образом несомнительным.

Свою науку розпочал Духнович на букварі в 7-ом годі жизни; изучивши послі по староруской системі еще и псалтиру и часословець, был послан на 9-м году в Ужгород, где постоянно аж до 1822. г. оставал. 1822. и 1823. кончил філософію в Кошицах, а укончивши тот курс, вступил в семинарію духовную в Ужгороді. Изучивши богословіе 1827., был сей час позван єпископом Тарковичом в канцелярію єпархіальну, где при боці Василя Поповича (того времени тайника єпископа и консисторіального нотарія) трудился. Работаючи днем и ночью и не получаючи жадного жалования, терпѣл он много од чудной натуры єпископа, так что, наконец, нужно было єму удалитися от архіерея и глядати за кусником хлѣба для пропитанія, кое и нашол у старосты ужгородской столицы Стефана Петрова яко домовый учитель, где пробывши два годы, вернул на возваніе єпископа назад до катедры владичой. 1833. был выслан на приход Комлошский, а 1834. – на парафію до Біловежи. В ту пору начал Духнович заниматься литературою рускою, собирал пісні, студіюя языкословіе из псалтира, трифолая и других книг церковных.

1838. г., позван єпископом Васи́лієм Поповичем, переселился в Ужгород и поставлен нотарієм консисторіи; 1843. г. же именован был Духнович крылошанином собора Пряшевского, в котором то именно чині он и поныні в Пряшеві з неутомимым трудолюбієм для блага церкви и народа яко світлый референт консисторский и знаменитый литерат трудится. Но, увы, теперь прикован он тяжким недугом к одру, з которого уже полгода як не встает. Мы просим Всемогущего, чтоб нам удержал еще при здо-

6 **Czudar Orosz, czudar Tót** (мадярськ.) – Чудный русин, чудный словак. Якостик «czudar» у даякім контексті міг мати иншакою (переносной) значенія – «єзотичный» (зазначка вишорителя – В. П.).

7 Перва часть мадярського латиноязычного присловка «Extra Hungariam non est vita, aut si est vita – non est ita» (латин.) – За границями Мадярщини житя нїт, але кедь бы и было, то се не житя (зазначка вишорителя – В. П.).

ровью того Батька нашего, чтоб сохранил нам тоє чрезвычайно милое и приятное лице, на котром одбиваєсь одкровенность, кротость, спокойность и щирость благородной души русской.

Сочиненія и другіи плоды діятельности литературной Александра Духновича печатаны, по большой части, в поодиноких зборниках. Другіи же рукописы и собранный ним пісни народныи (з нотами) еще не печатаны и сохраняются в руках его друзей.

ИЗ-НАД ЛАТЮРКИ

Корреспонденция

Общества литературныя обыкновенно течением осеннаго сезона (idény) отбывати обыкли свои общия собрания. Так, читали мы в газетах про собрания Словацкой Матицы в Турчанском св. Мартине и румынского лит. общества в Колюшваре (26-го августа). Месяц октябрь тоже, в свою очередь, произведет два таких собрания, именно 1-го числа будет наше общество св. Василия, а 10-го – мадьярское св. Стефана держати генеральныя собрания.

Не могучи по причинам, не от нас зависящим, присутствовати [на] собранию нашего русского общества, мы, по крайней мере, объявим наши мысли и суждения по поводу предстоящаго собрания.

Хотя, правда, формальное его созвание из стороны председательства еще не последовало и соответственно § 15. предметы совещания пока еще не вызначены, но, полагаясь на извещение газеты нашей «Свѣтъ», крепко веруем, что срок его не изменится, так как 1-ое октября есть для этого найудобнейшим временем. Желательным было бы, чтобы этою приликою в Ужгороде, как «в время оно», даваны были диллетантския театральныя представления в пользу общества а в увеселение и поучение публики; или хоть вечера декламаторски-музыкальные. Но обратимся к предмету.

Одною из задачей сего собрания будет избирание предстоятелей и чиновников общества. Прошлаго года весьма хорошо удалось это избрание, хотя только *en bloc*, но, по моему суждению, лучше перевести избрание и нельзя! Общество получило таких вождей, какими славилась бы и всякая другая нация. Но на счет членов выбора или управляющаго комитета мы обращаем предварительно внимание общаго собрания, чтобы, кроме 10-и членов выбора, пребывающих в Ужгороде (по § 14-му неотменно нужных для узаконения и важности решений), в члены комитета из провинции избирались преимущественно лица, труждающиеся на поприще литературном, так одной, как другой епархий, в силу того, что общество это есть чисто-литературное. Далее, чтоб общество, пользуясь своим правом согласно с § 6., избрало в почетные члены лиц, заслуженных для литературы вообще, а для общества – в частности. Иным, более

осязательным знаком оно не в состоянии еще вознаграждать труды; пусть хоть этим объявит свою признательность.

Мы думаем, что благодарность требовала бы такого признания и для упокоившихся, не могучих уже избранными быть в почетные члены – пусть увековечится и их память да заслуга неким видимым знаком. Кто станет оспаривать заслугу покойного нашего батька Александра В. Духновича? А однакож ничего еще не сделано, чтобы достойное внимание оказать тени этого великого покойника.

Не менее потребным было бы, чтоб общество имело собственную библиотеку, какую, да еще и дом, имеет и общество св. Стефана; так само и у Галичан, кроме Матицы, есть «народный дом» и библиотека. Она бы составила из частных пожертвований частью книгами, а, частью, деньгами.

Свѣтъ, 1867.

О СОВРЕМЕННОМ ПОЛОЖЕНИИ РУССКИХ В УГРИИ

Желая кое-что сообщить Русскому читающему миру об настоящем положении народно-культурного дела в Угорской Руси – этой крошечной (в сравнении с другими не-Мадьярскими народностями в Угрии) Словено-Русской семье, мы прежде всего должны коснуться церковной ее стороны. Наши благоразумные люди давно уже убедились, что не будь мы чада восточной церкви и не питайся мы млеком ее Славянского, нашему народу понятного богослужения, столь тесно связанного с нашею народностью, мы давно уж потонули бы в Латино-Мадьярском море, тем более, что мы отрезаны от прочей Руси сплошною цепью Карпатских гор, а число наше едва доходит до 500 000 душ. Всепоглощающий мадьяризм самым большим преступлением считает ту нашу дерзость, что мы в виду великой Гунгрии осмеливаемся присвоивать себе эпитет «Руси», и при том еще Угорской.

Церковь Угро-Русская, принявшая унию с Римскою зклезиєю в 1649 году, подчинившаяся при этом догматическому признанию видимого главенства папы в церкви и происхождения Духа св. «и от Сына», но вместе с тем обеспечившая за собою условным письменным актом право избирания епископа и свободу сохранения обычаев и дисциплины, свойственных восточной церкви, состоит из двух епархий: Мукачевской (Munkács) и Пряшевской (Eperjes).

Первая – самая древняя, а вторая выделена из нея и учреждена только в 1816-м году императором Францом I. Хотя на основании акта унии епископ наш должен бы был избираться свободно подачею голосов клира и народа, но это избирательное право, с течением времени, когда императрица Мария Терезия в 1770 году «облагодетельствовала епископство Мукачевское недвижимым имением и возвела его на степень самостоятельного независимаго епископства», утрачено. Здесь надобно заметить, что когда предки наши приняли унию, то избираемые ими епископы с их старинною епархией потеряли свою автономию и были подчинены, как обрядовые «викарии», Ягерскому (Erlau) Латинскому епископу. Освободились же от этого гнета только в упомянутом выше 1770 году. В настоящее время мы епископов получаем, в силу королевской номинации, в особе таких лиц, которых для этого места

считает удобными Угорский министр вероисповеданий и народного просвещения, без контр-ассигнации которого, по смыслу Угорских законов 1848 г., самое назначение государя считается неважным. Известно по опыту, что при избрании лица на этот столь важный и в политическом отношении пост, больше веса придается его политическим убеждениям, согласным с интересами мадьяризации, чем его церковным заслугам и пастырским качествам. Жалованье обоих Угро-Русских епископов выручается из поместий, пожалованных их епископиям. Оно доходит до 12 000 австрийских гульденов; но, кроме того, они иногда получают по обстоятельствам денежное пособие и из духовного Фонда. Епископы наши до 1772 года выбирались из среды иночествующаго духовенства, но начиная с сего времени, они уж выбираются королем исключительно из мирскаго клира – и потому пользуются саном вельмож страны, употребляют титул *Illustrissimi*, а если вместе с тем бывают имперскими тайными советниками, то *Excellentissimi*.

По законам государства все католические, а следовательно и униатские епископы входят в состав членов палаты господ Угорскаго сейма. Что касается внешней их обстановки, то будучи мирскими иерархами, они живут не в монастырях, а в своих особых городских резиденциях, бреют бороду и стригут волосы, носят красного цвета рясу папистскаго покроя, но сохранили и монашескую камилавку. В ряду наших Угро-Русских епископов были иногда и очень почтенные мужи, любившие от всей души свой обряд и народность. Таковые были из монахов: Василий Тарасович, Петр Парфений, Иоанн Брадач, и др., а из мирян – Андрей Бачинский и недавно (1864 г.) скончавшийся Василий Попович.

По обыкновению латынян и при наших униатских епископах находятся так называемые «капитулы», или соборы крылошан, нечто вроде совета пресвитеров. Члены их называются «канониками». Число их в Ужгороде при Мукачевском епископе 7, а в Пряшеве 6. Они относительно прочаго епархиальнаго клира, их же братии приходских пресвитеров, составляют, по вкравшемуся злоупотреблению, отдельный аристократический класс; в промежуточное время, когда владычня кафедра бывает вакантна, они заводят большия интриги и добиваются митры, отчего часто происходят большия скандалы. Костюм их, на латинский манер, пестроват, красно-чернаго цвета, с металлическими нагрудными украшениями. Они любят присвоивать себе титул «*Magnifici*» вместо следующего им «*Reverendissimi*». Жалованье каноника, смотря по градации – от 800 до 2000 гульденов. Доселе из наших каноников отличились усердием к народному делу только покойный Андрей Балудянский в Ужгороде

(† 1809 г.)¹, и Александр Духнович Пряшевский († 1865 г.)². Первый, будучи глубоко ученым мужем, сделался жертвою своего неусыпного трудолюбия. Он издал Историю Церковную на трех языках: Русском, Латинском и Мадьярском, в коей, насколько возможно униату, защищает права восточной церкви и неприкосновенность, святость обряда ея; о втором же, т. е. А. Духновиче, поговорим ниже пространнее.

В состав аристократической касты нашего униатского духовенства входят еще каноники гонорарные. Прежде в нашей стране этого титула были удостоиваемы престарелые мужи, оказавшие заслуги на поприще душепастырства. Ныне, чтобы стать у нас гонорарным каноником, за исключением Пряшевской епархии, довольно обнаружить потворство антинациональным и противоцерковным тенденциям мадьяризирующего владыки. Таких лиц в Мукачевской епархии в настоящее время 6, а в Пряшевской – 5. Затем, на 3-ей степени епархиальной аристократии, стоят уж так называемые архидиаконы, нечто вроде обер-благочинных, в противоположность окружным благочинным, или вице-архидиаконам. Архидиаконы носят такую же одежду, как и гонорарные каноники, и, подобно им, имеют притязание на титул «*magnifici*». В Мукачевской епархии, соответственно числу комитатов, в коих расположены приходы епархий, таковых архидиаконов считается 6 (изъятие в сем отношении составляет Берегский архидиакон о. Иоанн Дешко); в Пряшевской епархии сан архидиакона соединен с степенью действительного каноничества.

Затем уже следуют окружные благочинные, или как у нас называют «вице-архидиаконы». Это уже не аристократы духовные, а труженики первого разряда в вертограде Христовом, правая рука епископа. Правда, есть между ними и дурные; но так как нет правила без исключения, то, хотя некоторые из них и увлеклись приманчивыми, соблазнительными матерьяльными расчетами на «великия и богатия милости», все таки большая часть их осталась верною церкви и народности. Число всех благочинных в Мукачевской епархии доходит до 44, а в Пряшевской до 18.

Затем уж следует приходское духовенство, разделяющееся на три разряда: парохов, администраторов и капелланов (сотрудников). Здесь различие только то, что парох – постоянный пастырь известного прихода, администратор – временный, а сотрудник – без всякого служебного

1 В оригіналі было напечатаной так: «1853». Видав, иде за печатну хыбу, котру сьме виправили (зазначка вишорителя – В. П.).

2 В оригіналі было напечатаной так: «1856». Видав, иде за печатну хыбу, котру сьме виправили (зазначка вишорителя – В. П.).

срока. У нас нет так называемого причта церковного, как в России, о положении которого мы тут почти ничего не знаем. В нашей стране при сельском священнике состоит дьячек-мирянин, по большей части исполняющий и должность сельского учителя, а потом крестьянин пономарь. Наши священники по большей части прежде своего рукоположения вступают в брак, кроме тех немногих честолюбцев, которые заранее уж имея виды на канонию, остаются холостяками. Но таковых теперь очень мало. Число мирских священников в Мукачевской епархии доходит до 400, а в Пряшевской до 200. Священникам нашим назначено жалованье, дополнительное, до 300 гульденов в тех приходах, в которых не выручалось этой суммы с доходов прихода.

Питомцы обеих наших епархий, как будущие душепастыри, получают богословское образование на латинском языке, по учебникам иезуито-папистским в Ужгородской семинарии, а отчасти – в Пештской центральной и Остригомской (Gran) примициальной семинарии. Из Венской семинарии наши Угро-Русские питомцы в нынешнем году удалены благодаря епископу С. Панковичу, из опасения, что они омоскалятся под влиянием о. Раевского.

Несколько лет тому назад дело с нашею молодежью не так стояло. Так как она, по восприимчивости своей природы, легко усваивает себе новые идеи, то и наша учащаяся молодежь стала мало-помалу одушевляться чувством народности. С 1857 года в Ужгородской семинарии начал водворяться Русский дух. Все лучшие воспитанники были на стороне Русской народности и с большим усердием предавались изучению русского языка, по немецко-русским пособиям Шмита и Павловскаго. Воспитанники даже хотели между собою учредить общество, с целью образования себя в русской письменности. Но все их усилия, за недостатком поддержки со стороны наставников и настоятелей заведения, и даже по противодействию их (особенно профессора Антония Чопея), были, к несчастью, уничтожены.

В епархии Мукачевской, вследствие принятия лишних воспитанников, число духовенства так размножилось, что окончившие курс богословия и рукоположенные молодые священники только по истечении 5-6 лет после рукоположения могли получить приходы. Причиною этого ненормального положения был покойный епископ Василий Попович, который, видя, что множество Русских гимназистов совращается в папизм и поступает в Латинский клир епархий Кошицкой и Сатмарской, придумал как предохранительное средство – принимать на одну стипендию трех питомцев, чтоб по причине только непринятия не совращались в папизм. Это мнимое, впрочем, зло послужило к добру нашему народу. Ужгород-

скою консисториею в 1861 году установлено нормальное число духовных воспитанников и стипендии, употребляемая на содержание их, розданы светским юношам Русской народности, окончившим курс гимназии и отправляющимся в университеты или в академии для слушания законоведения или медицины. Этою мудрою мерою многие из наших учащихся частью принуждены были идти в светское звание, частью же, получив денежное пособие, могли и беднейшие продолжать свое научное образование. Но здесь пришлось нам разочароваться, так как почти все эти облагодетельствованные юноши, выйдя в люди и получив чины, забыли свою народность, примкнули к Мадьярскому элементу и пополнили собою число мадяронов. У этих людей Русская народность и принадлежность к ней всегда тогда только обнаруживается, когда они выступают кандидатами на какую-нибудь должность и нуждаются в голосах своей Русской покинутой братии.

За мирским духовенством следует монашество. В двух наших епархиях Русских монастырей 7, а в Румынской Самош-Уйварской 1. Все эти 8 монастырей состоят под управлением верховного иноческого начальника, у наших чернецов называемого «протоигуменом». На челе каждого монастыря стоит игумен, избираемый на генеральном ежегодичном соборе большинством голосов, но только на 3 года. Протоигумен избирается тоже лишь на 3 года. Когда минет этот срок, он, а также и игумены, могут вновь быть избраны в другой, в третий и в десятый раз, но всегда только на 3 года. Иноческие соборы отбываются поочередно в монастырях Мукачевском, Мария-Повчанском (в Мукачевской епархии) и Краснобродском (Пряшевской епархии). Место, где должен держаться иноческий собор, назначает протоигумен по решению решительского корпуса и уведомляет о том епископа той епархии, в которой имеет держаться собор. Епископ или сам лично, или через своего наместника, обыкновенно каноника, является и занимает председательскую должность. Членами же собора состоят: протоигумен, все 8 игуменов, решители (*definitores*), которых 4, и от каждого монастыря по одному депутату, избранному братиею. По опыту известно, что такое конституционное устройство очень вредно в дисциплинарном отношении для целого состава Угросскаго иночества, о чем здесь не станем распространяться, а только укажем как на факт.

В похвалу нашему монашеству нужно сказать, что члены его пока еще соблюдают наш восточный обряд в некоторой чистоте и не чужды даже и народных стремлений, так как в разговоре, по преимуществу, употребляют Русский язык, хотя в литературных предприятиях, за малым исключением, не очень ревностно участвуют. В недавнюю пору они утратили, вследствие интриг «вичпурщины» (еписк. Панковича), очень даровитаго

члена в лице о. Владимира Терлецкого, обитающего ныне в Златоверхом Михайловском монастыре города Киева. Упокоившийся в 1821 году протоигумен Иоанникий Базилевич был, после епископа Андрея Бачинского и каноника Иоанна Кутка, не только первым из знаменитых монахов прошлого времени нашей страны, но и историком Угрорусской церкви. Он написал на латинском языке прекрасное сочинение под заглавием *Brevis notitia Th. Koriathovics³, ducis de Munkács*. Кориатович был Русский князь из Подолья, жил некоторое время на Угорской Руси и основал монастырь Мукачевский.

После пробуждения Русской народности под Карпатами в 1850 году душою движения были Адольф Иванович Добрянский и упомянутый выше каноник Александр Духнович; первый – как правительственный муж и надворный советник (Hofrath) – отстаивал интересы народности (пока Магьяры еще не взяли верх) перед высшим правительством, а второй своею популярностью и неутомимым рвением пробуждал своих соплеменников из летаргического сна к деятельности на поприще словесности и элементарного образования посредством сельских школ. Духнович не был гений, поэт высоких дарований или литератор Европейской славы; он был только скромный «будильник», так называемый *totumfac⁴*. Нужен был календарь – Духнович составил и издал календарь. Оказалась потребность в школьных учебниках – Духнович написал и издал на собственные издержки: букварь, грамматику, землепись, народную педагогию и проч., не упоминая уже о том, что он принимал самое живое участие в тогдашних Галицко-Русских повременных изданиях как сотрудник и корреспондент очень прилежный. Его заботою основалось «Литературное заведение Пряшевское», издавшее в 1851, 1852 и 1853 годах три крошечные альманаха под заглавием «Поздравленіе Русиновъ на годъ» такой-то; но не его вина, что это общество после 3-х-летней жизни распалось. Духнович был неутомим в деятельности до самой своей смерти. Ему надо приписать и мысль основания нынешняго нашего общества св. Василия В. По его настоянию преосв. Иосиф Гаганец, епископ Пряшевский, обратился к покойному епископу Мукачевскому Василию Поповичу, чтоб совокупными силами основать такое общество. Общество основалось в 1866 году, но увы! Духновичу не было суждено дожидаться его нарождения: он умер за год до этого, т. е. в 1865 г.

3 В оригіналі было напечатаной так: «I. Koriatovich». Видав, иде за печатну хыбу, котру сьме виправили (зазначка вишорителя – В. П.).

4 **Totumfac** (латин.) – тот, што ушитко робит; вшитечна особа (зазначка вишорителя – В. П.).

Такие труды и предприятия передовых наших людей 60-тых годов хотя относительно и способствовали первоначальному народному движению, но все таки не могли всецело рассеять мертвящего равнодушия и нередко – противодействия большей части нашего духовенства, с каким оно относилось к народному делу. За изъятием нескольких передовых людей, всецело пожертвовавших себя народному делу, до 1866 года мало было таких, которые проникнуты были Русским духом; большая же часть священников и немногих светских образованных людей были ослеплены блеском мадьяризма и от Мадьяр ожидали лучших времен. Семейства наших священников и по сию пору еще до того мадьяризованы, что русский язык совсем изгнан из их круга. Особенно женский пол наших священников настолько чужд нашей церкви и народности, что даже и молитвы свои не совершает на языке своей церкви. Наши священники, как прежде, так и теперь, не покупая редко являющуюся у нас русскую книгу, в то же время ревностно покровительствуют деньгами, добытыми трудом и потом Русских сельчан, мадьярской литературе, так что Мадьяры стали величать наших священников отличными сынами Мадьярской отчизны и апостолами мадьярской письменности. Загляните в избу священника самой бедной деревушки карпатских трущоб. У него непременно найдете на стене гравюру Сечени, Телекия, Петёфи, Араня и проч., а Добрянского, Балудянского, Духновича редко-редко встретите. Бывало епископ В. Попович, пока еще был в живых, хотя любил свою народность и в частных случаях возбуждал свое духовенство к любви к народности, но не смел показаться открытым поборником Русской народности, боясь потерять свою репутацию перед Мадьярами.

При начале тех же 60-х годов поднят был у нас и вопрос народного образования; издано много распоряжений светской власти – еще во времена более благоприятствовавшего нам абсолютизма и провизории – о заведении сельских школ. Но частью по нерадению управляющих, частью же по слабому содействию должностных лиц народное образование очень мало у нас подвинулось. И в тех школах, которые были уже устроены, учение шло неудовлетворительно, бессмысленно. Обыкновенно чтением, изучением истин веры и затверживанием молитв ограничивалось все школьное образование нашего народа. По выходе из школы учившиеся скоро позабывали и читать, так что и ныне немного таких поселян, кои бы знали читать, а еще меньше умеющих писать. Причины такого дурного состояния наших народных школ – неудовлетворительная педагогическая подготовка наших дьячков, исполняющих в многих селах должность учителей, скудное жалованье их, нерасположение простолюдинов к грамотности и непосылание детей в школу зимою, за неимением обуви

и теплой одежды, а летом – по причине употребления детей в полевых работах, неимение учебников и проч. Высших училищ, например реальных школ, гимназий, у нас нет, так как они все мадьярския.

Весь почти народ наш, заселяющий трущобы Карпатских гор (за исключением проживающего на низовьях) живет в бедности, часто голодает от нередко случающихся неурожаев зернового хлеба. На верховинах, составляющих северо-восточную часть комитатов Ужанскаго (Ungh), Берегскаго и Марамарошскаго, не родится, кроме овса, ячменя, капусты и картофеля, почти ничего. Об озимом зерновом хлебе даже и помину нет. Поэтому бедный народ принужден прибегать к иному способу пропитания. Мараморошанин напр. сплавляет бревенчатые паромы по р. Тисе до Сегедина и Солнока, или казенную соль; Спишский поселянин шляется по миру с дротом (проволокой), дротуя горшки; Землинский, Шаришский и Ужанский ходит ежегодно в дальния страны к Мадырам на жнива или вымолот зерна. Без этого ему бы пришлось умирать с голоду. Во времена крепостного права, до 1848 года, как-то лучше жилось нашим поселянам; в материальном отношении они стояли тогда лучше, чем теперь.

СЛОВАКИ И РУССКИЕ В СТАТИСТИКЕ ВЕНГРИИ

В столице Венгрии, Пеште, в наступившем 1875 году соберется, по заявлению газет, международный статистический конгресс. Считаю не лишним, чтобы открыть глаза тем ученым, которые будут присутствовать на этом конгрессе, сообщить данные о том, как делается в Венгрии статистика. Начнем с начальных школ.

Статистический указатель министерства духовных дел и народного просвещения представляет нам следующие данные; в 1871 году из 100 детей, законом обязанных к начальному учению, посещали школу в комитатах: Мошонь 99, Белград 98, Весприм 97, Шомодь 95, Шопронь 94, Гемер 89, Железна 78, Нитра 74, Темеш 73, Раб 71, Баранья 70, Липтов 70, Абай 69, Новград 69, в шестнадцати Спишских городах 68, Пожонь 67, Бачка 67, Острохолм 67, Пешт, Пилиш, Жолт 65, Толна 65, Спиш 63, Зволен 63, Коморн 61, Шариш 58, Гонт 56, Боршод 55, Торна 54, Тренчин 54, Зала 54, Будин-Пешт 50, Берег 50, Орава 48, Чанад 48, Гевеш 48, Сатмар 47, Торонтал 46, Турц 46, Саболч 45, Чонград 44, Бейкеш 44, Унг 43, Угоча 41, округ Языгов и Куманов 41, Мармарош 40, Бихар 38, Земплин 38, окрестность Кикинда 36, Крашов 35, Арад 33.

Эти цифры, показанные на основании сведений, собранных инспекторами народных вероисповедных и общинных школ, кажутся нам значительно преувеличенными. Нам очень хорошо известно, что первоначальное обучение в Венгрии не так распространено, как может казаться по этим сведениям. Инспекторы собирали статистические данные в декабре и январе месяцах, когда крестьяне, не нуждаясь в детях по хозяйству, посылают их в школы, в которых учение прекращается обыкновенно в феврале и марте месяцах. Наибольшая цифра учащихся в школе продолжается не более 3-6 недель, и это бывает именно в декабре и январе месяцах, а затем дети круглый год помогают родителям по хозяйству: пасут скот и гусей, нянчат грудных детей и проч. Словом, истинная картина начального обучения в Венгрии далеко не та, которая выставлена на показ просветителями Угрии.

Переходя к статистике средних учебных заведений, заметим, что в отношении распределения учащихся по народностям, она еще менее внушает доверия. Министр духовных дел и народного просвещения г. Трефорт сказал как-то в клубе Деака, на интерпеляцию словенского депутата г. Каюха, что в гимназиях, расположенных в словенских комитатах Венгрии, преподается словенский язык, и что на нем также преподаются другие научные предметы: история, география и проч. Само собою разумеется, что министр отвечал депутату по донесениям, какая получал от начальств гимназий; следовательно, сказал то, что следует; но нам известно совершенно противное, именно, что в словенских и русских комитатах Венгрии не употребляется словенский и русский язык в преподавании научных предметов, следовательно, закон об употреблении родного языка не исполняется. Познакомимся теперь с числом словенских и русских учеников гимназий, начиная с 1866/7 года по 1870/1 учебный год.

Из этой статистической таблицы мы можем заключить:

а) что число словенских и русских учеников уменьшается, число же учеников Магьяр прибавляется. В 1866/67 учебном году было учеников Словаков 1039, а Русских 286. А в 1870/71 учебн. году всех Словаков 585, а Русских 131; таким образом, потеряли Словаки 454, а Русские 155 гимназистов. Мало того, Русские в Пряшевской гимназии, по этой таблице, потеряли всех своих, до последнего. Заметим еще, что Русские в Пряшове имеют воспитательное заведение под названием *Alumneum*, которое содержит ежегодно до 40 гимназистов; где же причина такой значительной убыли учеников? Мы не ошибемся, если скажем, что эти показания далеко выходят за пределы вероятности.

б) Главная причина уменьшения славянских учеников в гимназиях состоит в том, что родной язык не употребляется в школах для преподавания, как этого требует закон; самая грамматика родного языка проходится кое-как, и такое неуважение к закону огорчает родителей и учеников.

с) Можем засвидетельствовать, что в начале учебного года, когда записываются ученики в гимназию, им приходится слышать следующие вопросы: Как вас звать? Какого вероисповедания? Вы – панслав? – Ответ обыкновенно бывает: «Нет». К Русским же обращаются: *On Muszka?* (Вы Москаль?). Мальчик отвечает: нет; его и записывают в число Магьяр; когда же раз записан в Магьяры, очень трудно на следующий год перебраться к своим. Случается таким образом попасть в Магьяры мальчику, не умеющему даже попросить хлеба на магьярском языке.

d) Школьное начальство записывает Евреев в мадьярских гимназиях в Мадьяры, а в словенских гимназиях в Немцы, чтоб только уменьшить число словенских учеников.

Приведем здесь еще число учеников в юридических академиях. В 1870/71 учебном году состояло всех учеников в юридических академиях: Мадьяр 1830 человек, Немцев 90, Словаков 38, Русских 7, Румын 98, Сербов 11. Но если мы посмотрим на разделение тех же слушателей по вероисповеданиям, из которого можно заключить отчасти и о народности, дело выходит совершенно другое. Мы там встретим значительное число евангеликов и униатов, принадлежащих к Словенскому и Русскому народу. Отсюда можно видеть, что и эти статистические сведения не вернее других.

Наконец, бросается в глаза еще одно обстоятельство: слушатели университетов не вписаны и не разделены по народностям, к которым они причисляют себя; это делается, быть может, по той причине, что иногo юношу, с полным сознанием своей национальности, нельзя пугнуть стереотипным вопросом: Вы – панслав? Вы – Москаль?

Названия гимназий в словенских и русских комитатах Венгрии	1866/67 учебный год					ВСЕГО	1867/68 учебный год					ВСЕГО	1868/69 учебный год					ВСЕГО
	Мадьяры	Немцы	Словаки	Русские	Румыны и Сербь		Мадьяры	Немцы	Словаки	Русские	Румыны и Сербь		Мадьяры	Немцы	Словаки	Русские	Румыны и Сербь	
Банская Бистрица	26	58	217	—	—	301	99	36	130	—	—	265	132	33	109	—	—	274
Пряшев (Eperies)	145	43	46	67	—	301	137	55	72	—	—	264	194	31	50	—	—	275
Левоча	39	122	168	21	1	351	61	111	134	22	2	330	82	148	111	6	7	354
Пожонь	223	197	58	—	—	478	231	200	62	—	—	493	251	178	64	—	1	494
Ужгород (Ungvar)	238	57	31	193	—	519	223	42	32	183	—	480	233	42	23	149	1	448
Скалица (Szakolcza)	9	15	63	—	—	87	20	14	48	—	—	82	32	17	32	—	—	81
Жилин	6	20	97	—	—	123	7	47	91	—	—	145	12	55	91	—	—	158
Нитра	270	24	97	—	—	391	245	39	114	—	—	398	285	16	92	—	—	393
Рожнава (Rosnjó)	211	28	20	—	—	259	223	22	15	—	—	260	220	—	—	—	—	220
Щавница (католическая)	75	41	35	—	—	151	80	35	39	—	—	154	68	34	51	—	—	153
Тренчин	18	66	56	—	—	140	32	64	64	—	—	160	46	65	63	—	—	174
Кошицы	473	27	14	—	—	514	489	30	21	—	—	540	488	28	23	—	1	450
Тернава	271	59	54	—	—	384	207	136	45	—	—	388	180	14	55	—	—	249
Подолин	4	21	8	5	—	38	5	17	19	5	—	56	4	40	23	3	—	70
Щавница (евангелическая)	180	20	62	—	—	262	171	25	76	—	—	272	170	22	64	—	—	256
Фейледьгаза	82	—	13	—	—	95	94	—	14	—	1	109	130	—	6	—	2	111
Терстена	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Превизда	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Итого:	2270	798	1039	286	1	4394	2324	883	976	210	3	4396	2500	723	857	158	12	4250

1869/70 учебный год					ВСЕГО	1870/71 учебный год					ВСЕГО	Примечание
Мадьяры	Немцы	Словаки	Русские	Румыны и Сербы		Мадьяры	Немцы	Словаки	Русские	Румыны и Сербы		
143	35	120	—	—	298	140	38	93	—	—	271	Из 217 Словаков осталось 93.
173	35	42	—	—	250	188	33	56	—	—	277	Русские пропали все в один год с 1867 на 1868 г.
61	118	107	10	—	296	114	118	74	6	4	316	Мадьяры возрасли с 39 на 114.
262	162	55	—	1	480	251	138	35	—	—	424	
218	34	22	141	—	415	240	31	13	122	—	406	Словаки потеряли 48 учен., Русские же 71 учен.
45	12	19	—	—	76	46	13	15	—	—	74	Из 63 Словаков уцелело 15; Мадьяры возрасли с 9 на 46.
13	44	77	—	—	134	11	48	45	—	—	104	Изъ Словаков пропало 52 человека.
341	19	31	—	—	391	312	15	34	—	—	361	Изъ 97 Словаков осталось 34.
188	—	—	—	—	188	166	7	5	—	—	178	По части мадьяризации подвизаются монахи (Praemontarensis Ordinis).
77	24	34	—	—	135	69	21	35	—	—	125	Чудо! Словаки остались, пропали одни Немцы.
75	51	55	—	1	182	80	42	55	—	1	178	
425	19	23	—	—	467	342	16	10	—	—	368	Пишущий эти строки учился в 50-х годах в Кошицкой гимназии; тогда было Русских 70 чел. и они пели хором в Русской церкви.
165	100	49	—	—	314	176	48	35	—	—	259	
3	40	19	—	—	67	6	33	17	—	—	56	
138	22	51	—	—	211	120	23	41	—	—	184	
102	—	6	—	—	108	106	—	7	—	—	113	
43	—	—	—	—	43	53	11	11	—	—	75	
—	—	—	—	—	—	5	9	4	—	—	18	
2472	715	710	156*	2	4055	2425	644	585	131	5	3790	

* У сёму стовпчику таблички штось не штімує. Десь ся стратили 5 ошколашів-«русских». Видав, иде за печатну хыбу (зазначка вишорителя – В. П.).

ЯЗЫК И СЛОВЕСНОСТЬ

Внашей старинной литературе вместо слова «народ» употребительно было слово «язык», т. е. народ и язык значили одно и то же. Оттуду в богослужебных книгах поётся: С нами Бог, разумеете языцы (народы языч.) и пр. И действительно, значение этих слов тесно связывает их между собою. Все люди, от природы говорящие одним языком, составляют один народ, как все, одаренные даром слова, составляют один род человеческий. Без дара слова человек не был бы человеком.

Главное в человеке составляет то, что он есть существо (*l'ény*) мыслящее: а мыслить без слов не можно. Мы говорим не только тогда, когда слова наши звучат, обращаемся к другому лицу; мы внутренне говорим и тогда, когда думаем в себе, про самих себя. Каждая мысль есть уже неизбежно и сочетание слов; но, однако, говорить в полном смысле этого слова значит – сообщить слова, т. е. мысли другому.

Но люди, живя в различных странах, климатах, а потому и испытывая особые впечатления, стали выражать мысль свою, говорить различно, в каждой стране – по своему. Тот особый способ сочетания слов составил его язык.

В языке выразилась вся особенность мысли народа, всё, что стало его отличать от людей других местностей, сделало его как бы особым лицом – народом.

Пока народ сохраняет свой язык, он еще продолжает жить своею индивидуальною жизнью, хотя бы его покорил другой народ; но если народу-победителю удастся отучить его от употребления народного его языка, он должен будет окончательно умереть как народ. Народ и язык нераздельны (*J. Grimm. d. Deutsche Sprache, I. B.*)

Когда древние наши предки с предками других европейских народов жили еще в средней Азии, то говорили одним языком (санскритским) и составляли один народ; но когда одна часть осталась в Азии, а другая выселилась в Европу, то распалась сия на больше народов, говорящих на разных языках, происходящих от языка индоевропейского.

Те из Славян, которые поселились на родной нам равнине восточной Европы, стали говорить языком русским, т. е. составили народ русский.

Но обширна страна, занятая народом русским, много в ней разных

местностей, а по различию местностей появились и различия в языке, которым говорили Русские той или другой местности.

Впрочем, эти различия не были уже особенно резки, а потому русский язык и распался не на особые языки, а только на особые виды (*idioma*) одного и того же языка, или, как называют, наречия (диалекты, *tájszó*). Их у нас (не взирая на географ. границы) три: велико-, бело- и мало-русское; к последнему принадлежим и мы, Угро-россы. На обособление наречий, кроме местности, имеет влияние также и соседний с тою местностью язык.

Каждое из русских наречий, в свою очередь, распалось на еще менее рознящиеся (но все-таки рознящиеся) между собою виды наречий, или говоры. Люди, соединенные между собою одним говором, еще не **составляют** одного народа, еще не составляют его и люди, соединенные между собою особым наречием. Только люди, резко отличающиеся от других своим языком, составляют особый народ с свойственным ему характером.

Только народы, или языки в состоянии жити, изменяясь и совершенствуясь; а так как ряд изменений и усовершенствований составляет историю, то только народы, или языки могут имети историю. Говоры и наречия особой истории не имеют.

Но если, не имея особаго языка, не можно имети особой истории, то имети только язык еще не значит имети историю. Нет народа без особаго языка, но есть народы, не имеющие истории, или народы не-исторические.

Народ имеющий историю, народ исторический, имеет не только язык, но умеет сделать из него высокое употребление, которое производит сперва словесность, а потом и литературу.

Чем выше стоит народ в истории человечества, тем замечательнее и его литература. И наоборот, если литература народа еще бедна, то он мало еще сделал для истории.

Но что же такое она, эта великая сила – литература?

При известном развитии языка, письменности, словесности мысль человеческая поднимается несколько выше: человек заботится не только о своем существовании, о своих материяльных удобствах (*kényelem*), он старается так же оградить себя от всякой обиды, упрочить и обеспечить свое положение законами. Эти законы сперва существуют в виде устных изречений, сохраняемых памятью, потом они записываются, из них мало-помалу составляются целые своды (*codex*), которые могут разрастаться в большее количество книг, но это все еще не литература.

Мысль человеческая умеет подняться выше: она работает не только над тем, из чего извлекается материальная польза, чтобы уметь сделать практическое употребление из предмета, но и к тому, чтобы просто узнать его, как он есть и почему в нем то и другое так, а не иначе. Уже у ребенка (*kisded*), едва начинают раскрываться его умственные способности, пытливость (*tudásvágy*) является на каждом шагу вопросом: для чего это? что это? и отчего это? И в этом пытливом вопросе дитяти уже сказывается жажда знания – ради самого знания, без всякой дальнейшей цели. Стремление это – узнать истину – усиливается с возрастом дитяти, если только не подавят его неблагоприятные обстоятельства. Точно так же пробуждается стремление и усиливается к истинному в целых народах. И вот язык выполняет высшее свое назначение и вступает уже в круг словесности, ко которой относится все то, что выражается языком для удовлетворения высшим стремлениям человека: стремлению а) к истинному, б) к прекрасному и в) к идеалу. Вот зачатки словесности и литературы.

Листок, 1888.

ВИБРАНА КОРЕСПОНДЕНЦІЯ

Мукачевъ, Из Венгрии 8(20) Января 876.

Ваше Превосходительство!

Вчера получилъ я братайшее письмо отъ 2го Января и съ пишу отбѣтитъ Вамъ на него по нѣкоторымъ вопросамъ.

РН. Псалмовъ написаны на 144 листахъ пергамена одной и тойже руки поперка. Изъ псалмъ Моисеевичъ не остались только тѣ 4 листа, которые здѣсь прилагаю, остальное кажется вытѣрано. Пергаментъ по виду и цвѣту желтъ. Ватомъ одинаковъ, но перебивая листы теми пальцами можно замѣтить что одинъ тонше, другіи потонше. Поперка одинаковъ въ всей тетради, такъ какъ и подлинъ подъ Карпинского одной руки.

Псалмы несутъ подписи на Раздѣлахъ, а только на 75^{омъ} листу, предъ 83 псалмомъ есть слѣдующая надпись

КААІ. РАЗУМЫСАФѢВ • 83

ПИСЬМО
Франтішку Яну ЄЗБЕРІ¹

1864

Anatolius K.²

Его Благородию Ф. И. Езбере,
редактору «Словѣнина» в Праге

Ваше Благородие!

Львовское «Слово» в числе 34. радостную весть сообщило, что Ваше Благородие предприяло издавание журнала «Словѣнинъ» на всех славянских наречиях одним только письмом, и то кириллицею. Я полно оцению благородное Ваше стремление и пересылая зде 2 fl. 50 хг. ав. яко подписку за первое полроchie «Словѣнина» прошу появившиися уже числа от новаго года переслати ми под адресом:

«R. P. Anatolio Kraliczky
Ordinis S. Basilii M.
per Munkács.

In Monte Csernek,
Hungaria»

Предплату на П^{ое} полроchie пошлю на конце юния. С почтением остаюсь на Горе Чернек при Мункачеве 3/15. мая 1864.

Анатолий Кралицкий,
Иеромонах Чина св. Василия.

1 **Єзбера Франтішек Ян** (1829–1901); *чеськ.* Jezbera František Jan; *російськ.* Иезбера (сочасный варіант: 281) Фёдор Иванович – чеський діятель пан-славянської орієнтації, славіст, філолог, етнограф, поет. Скончив у Празі класичну гімназію и філософський факультет Празького університета. Под впливом Вацлава Ганки штудовав історію славянських земель и языків. У році 1861 був именованый на доцента (екстраордінарного професора) славянських языків Політехнічного інститута у Празі. Емігровав до Росії, де од року 1869 був доцентом славянських языків наново отвореного Варшавського університета; там робив аж до своєї смерті. Пропаговав ідею славянського изъєдиненя на закладі еднакого про славян письма – кирилкы, а дале и єдиного про вшиткых славян общеславянського языка. Выдтак у Празі выдавав у 1862–1864 роках кирилков журнал «Словѣнинъ» як первый часопис про ушиткых славян (*зазначка вишорителя* – В. П.).

2 Сесь надпис – «Anatolius K.» – спричинений методом безфарєбного тискнення и є елементом дізайна поштового папіря, котрый А. Кралицкий дав собі справити у даяків печатні (*зазначка вишорителя* – В. П.).

ПИСЬМА
Михайлу Федоровичу РАЄВСЬКОМУ³
1865–1866

1.

*18/30 сентября 1865 г.,
Мукачеве*

Ваше Высокопреподобие, Милостивый Государь мой!

Я слышал от Андрея Дешкова⁴, профессора в Пскове, здешного уроженца, что Высокопреподобие Ваше повременно получает из России от больше учебных заведений литературные плоды с тем именно поручением, чтобы те же милостиво раздали между нуждающимися Австрийскими славянами, желающими ближе познакомиться с русским языком и его словесностью.

3 **Расвський М. Ф.** (1811–1884) – священник, поважна постава в історії російської дипломатії. У роках 1842–1884 був настоятелем російської посольської церкви у Відні. Общественный діятель славянофільського направлення. В Австрійській державі сповняв функції заграничного контрагента російських Славянських комітетів. Виступав, посередствовав між Славянськими комітетами у Росії і культурними діятелями славянських земель: спомігав фінансами а також російським поліграфієм общественні організації, редакції часописів, національну молодіжну і студентів, способив ширення ідей славянофільства, агітував новинарів-русофілів заганяти свої кореспонденції у славянські відділи російських новин «Русская беседа», «День» і др. Інформовав російські державні інституції за славянське рухання в Австрійській державі (*зазначка вишорителя* – В. П.).

4 **Дешко Андрій** (1821–1874) народився у с. Дешковиця Берегського комітату на Підкарпатській Русі (днесь Иршавський район Закарпатської області України). У 1845 році, коли студіював на Будапештському університеті, там ся зознавив із М. Балудянським, даколишнім першим ректором Петербургського університета, що лем на курій час приходив навщивити свою історичну отчужнину і котрий нарадив Дешкові йти жити і робити у Росію. Скончив університетські студії на Київському університеті. Робив і жив у Кам'янець-Подільську, Сімбірську, Пскові. Написав і видав першу у Росії граматику мадярського мови, що має титул: «Венгерская грамматика с русским текстом и в сравнении с чувашским и черемисским языками» (1856). У році 1863 А. Дешко як еден із кандидатів на місце російського консула у Пешті приходив навщивити свою отчужнину Підкарпатську Русь і так ся зознавив туй із культурно-національними інтелігенціями краю (*зазначка вишорителя* – В. П.).

И для того я с полным доверием прибегаю к В.[ысоко]Преподобию Вашему вследствие воззвания несколько моих друзей-литераторов, покорно прося, милостиво послати нам какии-то русские сочинения или журналы для большого воздвизания себе⁵ в русской словесности. Госп. Ливчак⁶ будет столь благосклонен отобрать великодушен этот дар и нам почтою пошлет.

Повторяя свое прошение, пишу с глубоким почитанием
Высокоблагородия Вашего

покорный слуга

Анатолий Кралицкий,

Иеромонах Чина св. Василия.

2.

3 июня 1866 г.,
Мукачев

Высокопреподобный Отец Протоиерей, Милостивый Государь!

Получив достоуважаемое Ваше письмо из дня 31-го мая т.[екущего] г.[года] касательно Этнографической выставки⁷, я буду стараться по

5 Себе – русинизм; видав, автор мав на гадці семантичний відповідник – слово из російського языка «себя» (*зазначка вишорителя* – В. П.).

6 Ливчак Ёсиф Миколаєвич (1839–1914) – галицький общественный діятель панславянської орієнтації, публіциста и видавець. У році 1863 пішов жити до Відня, де видавав русофільський сатиричний часопис «Страхопудь» (1863–1868), а त्यж був соиздателём віденських часописів «Золотая грамота» (1864–1868) и «Славянская заря» (1867 – 1868). У році 1869 Ливчак емігрував у Росію. Ищи до того написав письмо (1867) до Москвы руководителю (секретарю) Славянських комітетів у Росії Нілу Попову, через котрого, фактично, закликавав Росію анектовати піддавстрійську Галичину: «Если Россия думает вообще взять когда-нибудь Галицию, то должна непременно пользоваться настоящей порою, потому что удобнейшей поры никогда не будет. Положа руку на сердце могу уверить Вас, что у нас теперь-то всё подготовлено, и народ словно выжидает дня, когда придут русские войска...» (*зазначка вишорителя* – В. П.).

7 Ищи до письма М. Раєвського (од 31 мая 1866 р.) А. Кралицкий дістав письмо (од 16 мая 1866 р.) од Головы распорядительного комитета из організації Всеросійської Етнографічної выставки у Москві В. Дашкова (ДАЗО, ф. 64, Оп. 3, од. зб. 99) и त्यж из просьбов помочи придобити експонаты на выставку – народні крої од чим веце етнографічних груп підкарпатських русинів Підкарпатської Руси, выдтак ай фотографічні изнимки окремых особ ци цілых

возможности довлесотворить Вашему и Общества любителей естествознания требованию. Но однако ж тут предстоят мне затруднения в а) что моя камера обскура очень мала, так что на ней нельзя делать снимки в большем размере, как визит-карта; в) строй народный на нашей околице есть слишком мадьярского кроя; особенно характеристичного нет. Впрочем, я сделаю снимки: мужчины, женщины и девицы – и пошлю Вашему Высокопреподобию. Оригинальный угро-русский народный костюм получить можно только в Марамороши и на нашей Верховине. О последнем я постараюсь на всякий случай, но всего труднее получить строй народный из Марамороша: для того желательно было б, чтобы Ваше Высокопреподобие отнесли по сему предмету к Пр.[еподобному] О.[тцу] Иоанну Раковскому⁸, приходнику в Изе (Iza), последняя почта: Huszt в Марамороши. Этот муж, бывший редактор «Церковной газеты», вероятно, и лично знаком с Вашим Высокопреподобию, поэтому советно⁹ будет отнестись прямо к нему. Он, надеюсь, охотно довлесотворит желанию Этнографического общества. Я тоже сделаю снимки с нашей околицы, да еще постараюсь получить рисунки и из Пряшевской Эпархии. О том мне писал уже и г-н Яков Ф. Головацкий¹⁰.

Касательно приобещанных книг Вашим Высокопреподобию, я держу обновить свою просьбу, так как пищи духовной на общерусском языке у нас вовсе нет. Библиотека у нас есть монастырская, изобилующая

родин. В. Дашков тыж запросив А. Кралицького на другый рік до Москвы на открыта Всеросійської Етнографічної выставки. Сесю можность, межы тым, Кралицький не выхосновав – видав, завадили тому монаші обязанности. Так М. Раєвський, як В. Дашков на Кралицького ся убернули зато, бо як еден из немногих на Підкарпатськів Руси він знав фотографовати и мав, хотяй лем про изнимки малого розміра, але свою «*camera obscura*» (зазначка вишорителя – В. П.).

- 8 **Раковский Иоан (1815–1885)** – священник, підкарпатський будитель, публіциста и выдавец (зазначка вишорителя – В. П.).
- 9 **Советно** – сякого слова у російському языку не є; видав, автор мав на гадці семантичний одповідник – слово из російського языка «советую» авадь «логично» (зазначка вишорителя – В. П.).
- 10 **Головацкий Яков Федорович (1814–1888)** – священник, галицький общественный діятель, будитель, еден из закладателів національно-культурно-патріотичного обеднания «Руська трійця», літератор, лінгвіст, фолклорист, етнограф. У роках 1848–1867 професор кафедры «руської мови и словестности» Львовського університета. У 1850-х роках перейшов на позиції старорусинства и русофілства. Выдтак у році 1867 став участником Всеросійської Етнографічної выставки у Москві, а у році 1868 емігровав до Росії. Є автором тритомника «Народные песни Галицкой и Угорской Руси» (зазначка вишорителя – В. П.).

преимущественно латинскими и мадьярскими творениями, которыми пользуются наши соседские священники, но если Ваше Высокопреподобие милостивы будут прислать нам русския книги, то это будет общим наследием нашим для поддерживания пробужденного народного духа. Мы охотно будем платить почту и охотно будем давать читать всякому, кто лишь захочет, только бы скоро получить.

Мой адрес есть:

An Hw. H.

Anatol Kralickij

Basilianer Ordens priester in Munkács

Под этим адресом может высылать Ваше Преподобие нам книги русския.

Касательно одежд, я сужу прежде послать Вам рисунки, и потому уже, если Вам будет угодно, можем постараться и об одеждах. Спустя несколько дней я буду Вам опять писать.

Поручаяся Вашей памяти остаюсь с глубоким почитанием Вашего Высокопреподобия

покорный в Христе брат

Анатолий Кралицкий,

Иеромонах.

3.

26 июня 1866 г.,

Мукачев

Ваше Высокопреподобие, Милостивейший Государь!

Имею честь послать Вашему Высокопреподобию для Этнографической выставки фотографию русского мужика из Марамороша¹¹,

¹¹ Тота фотографія, а тыж далші изнимки А. Кралицького, зроблені про Всеросійську етнографічну выставку у Москві 1867 рока, были не аж так доброй якости. За сесе ся дознаєме из письма Я. Головацького А. Кралицькому од 10/22 септембра 1866 рока (ДАЗО, ф. 64, Оп. 5, од. зб. 320, а. 8), де ся пише так: «Отец Михаил Федорович Раевский писал мне из Вены, что Вы прислали ему фотографическое изображение людей из народа в народных костюмах, но он не совсем доволен ими, ибо они слишком в малом формате сделаны и по этой причине не изображают точно типических чертов лица, ни мелких подробностей убранства...» (зазначка вишорителя – В. П.).

мною самим сфотографированного. Из нашей околицы пошло позднее.

На днях я говорил с Отцем Андреем Поповичем¹², приходником Вел.[ико] Копанским, которого просил о прислание Вашему Преподобию фот.[ографических] снимков. Он тоже получил воззвание¹³ и старается приобрести.

Впрочем, прошу принять уверение в глубоком моем почитании, с которым остаюсь в Мукачеве

покорный слуга

Анатолий Кралицкий.

4.

16/28 июля 1866 г.,

Мукачев

Извещаю Вашему Высокопреподобию, что из Пряшевской Епархии мы получим фотографические снимки для Этнографической выставки¹⁴.

С почетом А. Кралицкий.

12 **Попович А. (1809–1898)** – священник, педагог, автор учебників про народні школи на Підкарпатські Русі. Служив у с. Велика Копаня (*зазначка вишорителя* – В. П.).

13 Годно быти, же распорядительный комитет из організації Всеросійської етнографічної выставки у Москві убернув ся из просьбов помочи придобыти експонаты на выставку тыж до А. Поповича (*зазначка вишорителя* – В. П.).

14 «...из Пряшевской Епархии мы получим фотографические снимки». Иде за ініціативу А. Кралицького, котрый, обы придобыти далші експонаты на московську выставку, яв ся убертати на своїх пряшівських колєг. Єден из них, Михайло Бєсکید, приобіцяв ся помочи у сѣму ділі. У свому куртому письмі (од 25 юлія 1866 р.) він інформує А. Кралицького, же ведно из ним тыж будут ся старати помочи из експонатами «Молчан и Рубій». Видав, у письмі иде за нотаря пряшівського єпископа Михайла В. Молчана и урядника міністерства внуторных діл у Буді Антонія М. Рубія (1828–1909). Сєсє письмо М. Бєскида А. Кралицький (на потверженя своїх слів) загнав М. Расвському, прикапчавши го до своего письма (од 16/28 юлія 1866 р.). Нижє подаємє текст письма М. Бєскида:

«С нами Бог! Пряшев, дня 25 июля 1866. Любезный друг! Вследствие письма твоего, которое я сообщил с Господами Молчаном и Рубием, се сим уведомляю тебя, что мы о всех нужных вещей постараемся, сколько можно будет. Прощай и не забывай на друга твоего Михаила М. Бєскида» (*зазначка вишорителя* – В. П.).

19 ноября 1866 г.,
Мукачев

Ваше Высокопреподобие, Милостивейший Государь!

Простите мне, Милостивый Государь, что так давно я не писал Вам касательно возложенного на мя препоручения. Мне очень совестно пред Вами, что не могу похвалиться исполнением своея должности. Вы препоручили мне постараться о костюмах и фотографиях для Этнографической выставки, и я – говоря кроме хвастовства – рад был обстараться, но как-то не совсем удается, в а) что я, по известным Вашему Высокопреподобию причинам, не могу сам отфотографировать требуемых сельчан за неимением здобной «самера obscura»; одежд тоже не мог я покупить за неимением денег. К тому, народный строй нашей околицы не придался бы¹⁵ на выставку, так как он мадьярского покроя. Идти же на другие околицы мне не можно, понеже я занят моими многосторонними занятиями.

По б) я писал моим пряшевским друзьям, чтобы они приобрели костюмы и фотографии и прислали ми¹⁶, а я их препощлю Вашему Высокопреподобию, но они отвечали, что они обстаются и сами пошлют; так не знаю, послали ли или нет?

Кроме того, я слышу, что два костюмы из Угорщины уже наверно суть. Так, с Впр. Г. Иваном Раковским, нашим председателем Общества св. Василия, я на общем Собрании в Ужгороде говорил, и он [с]казал, что у него уже есть мараморошский костюм; а Г-н Евгений Бачинский¹⁷ тоже

15 **Придался** (русинізм); видав, автор мав на гадці семантичний відповідник – слово из російського языка «подошёл» (зазначка вишорителя – В. П.).

16 **Ми** (русинізм); видав, автор мав на гадці семантичний відповідник – слово из російського языка «мне» (зазначка вишорителя – В. П.).

17 **Бачинський Є. (1845–1903)** – педагог, талантована особа. Народився у с. Голубині (днесь Свалявський раён Закарпатської області на Україні). Скончив теологічний и юридичний факультети Віденського університета. Член Общества св. Василя Великого на Підкарпатській Русі. У році 1871 у Німеччині він ся испознав из грофом Д. Мілютіным – російським державним сановником. За даякий час пішов жити до Росії, де став домашнім учителем у родині Мілютіна, дале – у родині князя М. П. Мещерського – куратора Московської учебной округи. Писатель Лев Толстой тыж ся обертав на Бачинського односно виховы своїх дітей. На Підкарпатську Русь ся вернув у році 1895. Похований у с. Середнє (днесь Ужгородський раён Закарпатської області на Україні) (зазначка вишорителя – В. П.).

купил и уже, вероятно, послал Вашему Высокопреподобию, о чем он мне и отказовал¹⁸, чтобы я ему дал знать, сколько собрал?

И так, из Угрии будет два костюма, а может быть еще и третий из Пряшева, чего, мыслю, будет довольно. Рад бы был я тоже нечто сделать, но когда обстоятельства как-то не допускали, о чем прошу извинения у Вашего Высокопреподобия.

Однакож мимо всей моей неудачи, я, уповаю на великодушие Вашего Высокопреподобия, надеюсь на прощение. Касательно же книг, приобещанных мне Вашим Высокопреподобием, я имею полное уверение, что Ваше Высокопреподобие не забудете послать нам их, о чем я повторно прошу Вас.

Между тем, повторяя свое смиренное прошение, остаюсь с глубочайшим почитанием Вашего Высокопреподобия

покорный в Христе брат

Анатолий Кралицкий,

Иеромонах.

18 **Отказовати / одказовати** (*русинізм*); видав, автор мав на гадці семантичний відповідник – слово из російського языка «передавать», «сообщать» (*зазначка вшорителя* – В. П.).

ПИСЬМО
Володимиру ШАШКЕВИЧУ¹⁹

1866

*16/28 января 1866 г.,
на горе Чернецкой*

Ваше Благородие, Милостивый Государь!

Не владея знанием грамматических засад²⁰ Вашей впрочем хорошей газеты²¹ для народа, я не в состоянии исполнить данного мною приобещания, которое сделал я прежде, чем видел 1-ое № [число – В. П.] Вашей газеты. О чем уведомить Вас считаю себе долгом совести, чтобы Вы, присылая мне почетный экземпляр, не обременяли себя излишними издержками. Впрочем, примите выраз²² особенного моего почитания.

Ваш покорный слуга

Ан. Кралицкий.

19 **Шашкевич Володимир** (1839–1885) – галицький поет, новинарь и выдавець народовецького направеня. Сын Маркіяна Шашкевича – соиздателя первого у Галичині алманаха «Русалка Днѣстровая» (1836). Штудовав у Львовському и Віденському університетах. Свої поетичні твори зачинав печатати у tych самых львовських и віденських русофілських часописах и у тому самому часі, што и А. Кралицкий. Суть то: «Слово» (1858), «Зоря Галицкая Яко Альбумъ на годъ 1860», «Вѣстникъ для Русиновъ Австрійской державы» (1865). Пак ся печатав у виданях народовецького направеня – «Правда» и «Основа». Спровбовав себе тыж як выдавець – став редактором часописа «Вечерниці» (1863). У році 1866 куртый час (1 януара – 2 апріля) выдавав літературно-умелецький тыжденник «Русалка». Выйшло лем 12 чисел. Межи тым, сесь часопис став єдным из жерел украинського національного новинарства.

20 **Засада (українізм)**; видав, автор мав на гадці семантичний одповідник – слово из російського языка «основы», авадь «принципы» (зазначка вишорителя – В. П.).

21 Иде за часопис «Русалка». В. Шашкевич спровбовав в особі А. Кралицького найти на Підкарпатськів Руси екстерного сотрудника про свій часопис (зазначка вишорителя – В. П.).

22 **Выраз (українізм)**; видав, автор мав на гадці семантичний одповідник – слово из російського языка «выражение» (зазначка вишорителя – В. П.).

ПИСЬМО
Нілу Александровичу ПОПОВУ²³

1866

4(16) декабря 1866 г.

Мукачев (Munkats) в Венгрии

Ваше Высокоблагородие, Милостивый Государь!

Великое благодеяние сделали Вы с нами, Милостивый Государь, присылая нам свою драгоценную газету «Московскія вѣдомости» бесплатно. Она шла с рук в руки по всей почти Венгрии между русскими ее сыновьями, возбуждая всюду руссконародный дух между заунылыми²⁴ сердцами притесненных венгерских руссов. Мы надеемся, что великодушные Вашего Высокоблагородия распространятся для нас и на будущий год, и что мы тоже и впредь будем наслаждаться чтением «Московских вѣдомостей», о чем сердечно просим Вашего Высокоблагородия. Бог за это вознаградит Вам, Милостивый Государь, сторицею.

Повторяя свое покорное прошение, остаюсь с глубочайшим почтением Вашего Высокоблагородия

покорный слуга

Анатолий Кралицкий,

Иеромонах.

Число экземпляра моего за настоящий год было: № LX.

23 **Попов Н. А.** (1833–1891/1892) – російський історик, славіст. У 1864 році став єдиним из лідерів (секретарь) общественной організації «Московський славянський комітет», што ся брала матеріално и морално спомогати славянське движання в європейських державах. Из рока 1869 – професор Московського університета, из рока 1883 – член-кореспондент Санкт-Петербургської академії наук. У роках 1863 – 1864, обы ся ліпше приправити до габілітації на професора, учинив научной вандрованя до Німещины и Австрії, де ся інтересовав главно історієв и культуров западных и южных славян. Годно быти, же навчивив тыж території бываня карпатських русинів; у році 1867 вийшла му у Москві брошура «Русское население по восточному склону Карпатъ (Гуцулы – Бойки – Лемки)» (зазначка вишорителя – В. П.).

24 **Заунылый** – видав, автор мав на гадці семантичний відповідник – слово из російського языка «заунывный» (зазначка вишорителя – В. П.).

ПИСЬМО
Миколаю Миколаєвичу СТРАХОВУ²⁵
1874

19 февраля 1874 г.
Мукачев (Munkács) в Венгрии

Ваше Превосходительство, Милостивый Государь!²⁶

Вследствие приглашения проф. Антона Будиловича²⁷, чтоб взять посильное участие в издаться имеющем через С. Петербургское отделение славянского благотворительного Комитета «Славянском сборнике»²⁸, мы вместе с Ив. Сильваем составили для этого Сл.[авянского] сборника статью под загл.[авием] «О нынешнем положении русских в Венгрии»²⁹ и тут же с концем января послали в С. Петербург на Ваше имя.

25 **Страхов М. М.** (1828–1896) – російський публіцист, літературний критик, філософ. Скончив Главный педагогичный институт у С.-Петербургу (1851), по тому даякий час робив учителем 2-ой гимназии в Одесі и др. містах, дале – у С.-Петербургу. Од рока 1873 – бібліотекар юридичного одділа Публічної бібліотеки у С.-Петербургу. Од рока 1889 – член-кореспондент Петербургської академії наук (зазначка вишорителя – В. П.).

26 Не є стопроцентной увірени, же Кралицький тото письмо написав акурат М. Страхову. Копертка ся не всокотила, иншакых формалных доказів тыж не є. Пристаєме на то, же иде за Страхова, лем зато, бо: а) письмо однойшли сьме помежи папіря М. Страхова в одділі рукописів Національной бібліотеки В. Вернадського НАН України у Києві; б) в інвентарнів книзі одділа рукописів тыж є позначка, же адресат письма М. Страхов. Позирай: Інвентарна книга III (№№ 11130–28202); № 17378 (зазначка вишорителя – В. П.).

27 **Будилович Антон Семенович** (1846–1908) – російський філолог, славіст, публіцист славянофілського направеня. Од рока 1870 був преподавателем Петербургського історично-філологічного інститута. Од рока 1881 – професор и ректор (1890–1892) Варшавського університета. Од рока 1892 – ректор Юрьевського університета (днесь – Тартуський університет, Естонія). Активный член петербургського одділа Славянських комітетів у Росії. Зять Адолфа Добрянського (зазначка вишорителя – В. П.).

28 Иде за выданы: Славянской сборникъ. Том первый. – С.-Петербургъ: Издание Петербургскаго отдѣла Славянскаго комитета, 1875 (зазначка вишорителя – В. П.).

29 Статя была напечатана у первому томі выданы «Славянской сборникъ» під назвов: «О современномъ положеніи Русскихъ въ Угріи» (с. 44-54) и підписана кріптонімом: «NN». Довгий час изглядоватили приставали на то, же автором статі є И. Сілвай. Письмо доказує, же тоту статью писали у соавторстві Сілвай и Кралицький. У сёму изборнику напечатана ищи една обща статья Кралицького и Сілвая (тыж під псевдонімом «NN») – «Словаки и Русские въ статистикѣ Венгрии» (с. 621-625), а тыж статья И. Сілвая «Положеніе Угорскихъ под управленіемъ С. Панковича» (зазначка вишорителя – В. П.).

Ныне я написал другую статейку для того же сборника – «О мадьярской литературе» и тоже на Ваше имя посылаю ее³⁰. В России мало еще ведают о мадьярской словесности, за изъятием книги, переведенной из немецкого, Нила А.[лександровича] Попова: «Владислав Салай и история Венгрии»³¹. Если статья моя удостоится принятия и гонорара, то прошу прислать мне этот прямо по почте в австрийских банкнотах.

При сем остаюсь с глубочайшим почитанием Вашего Превосходительства

покорным слугой

Анатолий Кралицкий,

Игумен.

30 Публикація «О мадьярской литературе» из даякой причины у «Славянскій сбрникъ» не потрафила. За далшу долю той статі А. Кралицького нич не знати (зазначка вишорителя – В. П.).

31 Иде за выдана: Мадьярскій историкъ Владиславъ Салай и исторія Венгріи: отъ Арпада до Прагматической санкціи. Составиль Ниль Поповъ (Санкт-Петербург, 1868). Ніл Попов вчинив переклад «Історії Мадярщины» Салаї (Szalay László. «Magyarország története») не из мадьярського оригінала, а хоснувучи її німецькый переклад: Szalay Ladislaus. Geschichte Ungarns. Deutsch von H. Wögerer (Pest, 1866) (зазначка вишорителя – В. П.).

ПИСЬМА
Измаилу Ивановичу СРЕЗНЕВСЬКОМУ³²
1876–1877

1.

23 мая 1876 г.
Мункач в Венгрии

Милостивый Государь!

Хотя я не имею чести знать Вас лично, не имею Вашего адреса, пишу же на авось – достанется ли Вам настоящее мое письмо либо нет? А вот в чем дело.

В нашей монастырской библиотеке находится старинный харатейный псалтырь³³, писан свободною рукою четко. Начальные буквы псалмов изящно разрисованы синелью и позолотою, вместо буквы *ѡ* или *Ѹ* стоит *ѡ*, значки препинания . и :. На заглавии есть картина, изображающая сидящего Спасителя, которому вручает сверток какое-то лицо в шапке, на заднем плане стоит св. пр.[орок] Давид. На сподѣ³⁴ картины есть следующая подпись: «Прійми Гди приношеніе раба твоего Іо Логофета».

Проезжающие русские, осматривая эту древнюю рукопись, говорят, что она родной брат Туровского евангелия XI столетия. Мы в этом толку не знаем, и потому нам советовали обратиться к Вам, Милостивейший

32 **Срезневський І. І.** (1812–1880) – поважна постава в історії російської славистичної науки, філолог, палеограф, етнограф. Из 1854 рока – академік Петербургської академії наук. У роках 1855–1880 був деканом історично-філологічного факультета Петербургського університета. У рамках свого велѣрочного вандрованія по славянських землях (1839–1842) прийшов тиж на Підкарпаття (Угорську Русь), видтак написав статтю «Русь Угорская» (1852). Письма (ответы) И. Срезневского А. Кралицькому однайти в архівах изгладователям до днесь ся не подарило (*азначка вишорителя* – В. П.).

33 Псалтырь днесь ся находит у фондах Закарпатського краєписного музея (ЗКМ, *укр.*: Закарпатський краєзнавчий музей) в Ужгороді на Україні (*азначка вишорителя* – В. П.).

34 «На сподѣ» (картины) – русинізм; російський відповідник: «внизу под картиной» (*азначка вишорителя* – В. П.).

Государь. Если это письмо мое найдет³⁵ Вас и Вы сообщите мне свой адрес, я готов переслать Вам из этой пергаменной рукописи 4 листа Мойсеевых песней, которые как знаток разобрав, можно что нечто откроется важного для науки археологической. В заключение примечаю, что из песней Мойсеевых только 4 листа сохранилось, прочее выдерто, псалмы все налицо.

При сем примите мое глубочайшее уважение, с которым остаюсь

Ваш покорный слуга

Анатолий Кралицкий,

игумен монаст. Мукачевского³⁶,

P. S. На днях был у нас Киевский профессор Александр Александрович Русов³⁷, он тоже осматривал эту рукопись и может больше сказать Вам об ней.

35 В оригіналі письма напечатаной так: «дойдетъ». Видав, туй проскочила хыба, котру сьме выправили (*зазначка вишорителя* – В. П.).

36 На обороті того письма усокотив ся автограф И. Срезневського. Се наскоро и курто начерканий ёго отвѣт на первой письмо А. Кралицького. (Оригінал-чистопис в архівах до днесь ся не подарило однайти). Начерк тяжко дає ся прочитати, айбо по урывках речень мож выяснити обшой направеня думкы російського палеографа. Туй ниже подаєме дакілко урывків речень из письма (фрагенты речень, котрі ся не подарило розлушити, означуєме триточков у скобках (<...>):

«Сколько листов осталось? Не уцелел ли только конец? Или что-нибудь и еще? Все ли псалмы на одинаковом пергаменте и одинаков ли? Одинаковы ли подписи <...>, изображающей Спасителя и прочей <...> Ио. Логофета? Псалмы про <...> или нет? Нельзя ли временно выслать мне <...> сообщить еще какую-нибудь <...> отсутствует? <...> <...> <...> псалтырь <...> интересно псалтырь М. Греч <...>. Адресуйте <...> Вашу так: в Петербург в Правление Академии наук <...> его Превосходительству г. члену Академии наук, Тай. Сов. Изв. Срезневскому. Многим меня обяжете сообщениями одних и других <...>» (*зазначка вишорителя* – В. П.).

37 **Русов А. А.** (1847–1915) – український и російський научник и общественный діятель, спеціаліст из проблем статистики, етнографії и фолклора. Муж Софії Русовой. У 1868 році скончив Київський університет, був професором на гімназії у Києві. У роках 1875–1876 перебував у Празі, де напечатав перше повніше видання «Кобзаря» Т. Шевченка (у двох томах), из которого лем первый том дозволила у Росії цензура (*зазначка вишорителя* – В. П.).

Вчера получил я дражайшее письмо от 2-го июня и спешу отвечать Вам на него по некоторым вопросам.

ῥη [150] псалмов написаны на 144 листах пергамента одной и той же руки почерка. Из песней Мойсеевых не остались; только те 4 листа, которые здесь прилагаю, остальное, кажется, вырезано. Пергамен по виду и цвету желтоватом одинаков, но перебирая листы меж пальцами, можно заметить, что один тонше, другой потолще. Почерк одинаков по всей тетради, так также и подпись под картиною одной руки.

Псалмы не суть поделены на кафизмы, а только на 75-ом листу перед **ⲟⲕ** [77] псалмом есть следующая надпись:

का. पाठ्यमाला. ०३

Над псалмами суть толкования, н.[а] пр.[имер]:

Псал. ѿ. [псалом 3]: Егда убѣже онъ лица Авесалома сына своего.

Ψал. л҃г. [псалом 33]: егда измѣни лице свое прѣдъ авителехомъ
и отпусти его и отиде.

Начальные буквы псалмов трояко раскрашены, один синими, другие красными чернилами, а некоторые цел[и]ком вызолочены.

Псалом 90-ый **Живый въ помощи вышняго** подписан буквою не **Ѣ**, а **Ѣ**; так дальше псал.[ом] **Благо есть исповедатися – Ѣа**, даже до 99-го **Въскаикните – ѢѢ**.

Внутри некоторых строк, кажется на трех местах, следна вычитка ножом, потому что одно дважды писано, н.[а]пр.[имер] «сѣврши стопи
моя ... въ стѣа^х твоихъ»

В псалме 104 на сподє подписано, что выше оставлено: и поадошж
вѣсѣж трѣвж въ земли нх.

Вот сколько могу сообщить Вашему Превосходительству насчет рукописи.

При сем остаюсь с глубочайшим почитанием

Вашим покорным слугой

Анатолий Кралицкий,
Игумен.

3.

30 июня (12 июля) 1876 г.

Мункач в Венгрии

Ваше Превосходительство!

8 (20) июня имел я честь препроводить к Вам часть харатейной известной рукописи (4 листа Мойсеевых песней) для пересмотра и обсуждения древности ея, — да не знаю, получили ли ее Ваше Превосходительство либо нет. Я послал рекомендацией (застраховано). С посылками всяко случается — для того прошу уведомить меня о получении или неполучении, так как в последнем случае я буду посылку рекламировать.

Если бы эта посылка понадобилась Академии наук, я не прочь бы уступить ее Академии за вознаграждение книгами, изданными Академией, для нашей библиотеки.

Остаюсь с глубочайшим почитанием Вашего Превосходительства

покорный слуга

Анатолий Кралицкий,
Игумен.

4.

27 декабря 1876 г. / 8 января 1877 г.

Мункач в Венгрии

Ваше Превосходительство!

В № 334 «С.-Петербургских вѣдомостей»³⁸ я читал о заседаниях отделения русского языка и словесности И.[мператорской] Академии Наук за месяцы апрель-октябрь, в котором собрании решено было, приняв посланную мною харатейную рукопись (четыре листа Мойсеевых песней³⁹), выслать в виду вознаграждения за неё издания Имп. Академии.

Извещаю Ваше Превосходительство, а также через Вас и Имп. Академию, что означенную посылку помянутых книг Имп. Академии я доселе еще не получил⁴⁰.

Касательно других рукописей, я еще пороюсь в нашем архиве и, если чего открою – не промедлю уведомить Вас.

Остаюсь с глуб.[оким] почт.[ением]

покорный слуга

Анатолий Кралицкий,

Игумен.

38 Помежи іншакі російські титули А. Кралицький мав можливість читати тиж новинку «С.-Петербургскія вѣдомости». Число 334 той новинки (од 3 децембра 1876 р.) уміщує курті інформації із академії наук. Там ся пише: «Нам доставлены сведения о заседаниях отделения русского языка и словесности Академии наук в апреле – октябре... Доложено, что игумен А. Кралицкий, посылая часть харатейной рукописи (четыре листа Моисеевых песней), предлагает уступить ее академии за вознаграждение академическими изданиями. Положено, приняв рукопись, выслать игумену Кралицкому издания отделения» (зазначка вишорителя – В. П.).

39 За далшу долю тых матеріалів ніч не знати (зазначка вишорителя – В. П.).

40 Годно быти, же означені книги із Росії Кралицький дістав лем у році 1878. У бібліотеці А. Кралицького были «Известия Императорской Академии наук по отделению русского языка и словесности» (СПб, 1854–1861, т. 3-9), на титулах котрых обстав ёго автограф «А. Кралицкій, 1878» (зазначка вишорителя – В. П.).

ПИСЬМА
Тимофію Дмитровичу ФЛОРИНСЬКОМУ⁴¹
1883–1884

1.

*1 декабля 1883 г.,
Мукачево (Munkács) в Угрии*

Милостивый Господин Доцент!

За посредством Ант.[она] Будиловича⁴² получил я от пок.[ойного] Н. П. Задерацкого⁴³ 2 выпуска «Славянского ежегодника», издаваемого Киевским Славянским обществом. На днях читал я в «Известиях С.[анкт]

41 **Флоринський Т. Д.** (1854–1919) – російський філолог, славіст. Скончив історично-філологічний факультет Петербурського університету (1876). По зашиті магістерської дисертації (1881) прийшов робити до Києва; у 1882 р. научна рада Університету св. Володимира у Києві виволила го своїм доцентом кафедри славянської філології; дале став туй професором (1888). Активний член Славянських комітетів у Києві, редактор журналу «Славянській ежегодникъ». У 1882–1883 роках двичи ся выбрав у научне вандрованя – перейшов землі Болгарії, Хорватії, Моравії, Галичини, а тыж сіверной Угорщини, и туй, годно быти, міг ся стрічати из карпаторусинськов інтелігенцієв. Придержовав ся антиукраїнської позиції. У році 1919 білшовики, што заяли Київ, росстріляли го як члена Київського клубу російських націоналістів (*зазначка вишорителя* – В. П.).

42 **Будилович Антон Семенович** (1846–1908) – російський філолог, славіст, публіциста славянофілського направеня. Од рока 1870 був преподавателем Петербурського історично-філологічного інститута. Од рока 1881 – професор и ректор (1890–1892) Варшавського університету. Од рока 1892 – ректор Юрьєвського університету (днесь – Тартуський університет, Естонія). Активний член петербурського одділа Славянських комітетів у Росії. Зять Адолфа Добрянського (*зазначка вишорителя* – В. П.).

43 **Задерацький Микола Петрович** (1845–1880) – славіст. Скончив Київський університет, робив учителем. Активний член Славянських комітетів у Києві. Закладатель и редактор журналу «Славянській ежегодникъ» (1876), што выходив у Києві; до своєї смерти редактор встиг выдати четири рочники. Автор біографічних начерків «Иосиф Юнгман» (Київ, 1874), «П. И. Шафарик» (Київ, 1875), потовмачив «Очерк истории чешского народа» Фр. Палацького (Київ, 1874), «Древнейшую бытовую историю славян вообще и чехов в особенности» Воцеля (Київ, 1875) и «Косово Поле» П. Хохолушка (2 вид., Київ, 1874) – історичну повість из doby покореня Сербії турками (*зазначка вишорителя* – В. П.).

П.[етербургскаго] Сл.[авянскаго] Бл.[аготворительнаго] общества, что «Ежегодник» и 1882 года появился 5-м выпуском, 6-ый же выпуск издан и нынешняго года под Вашею, Милостивый Государь, редакцией, и что цена 1 выпуска 1 рубль.

Прилагая здесь 2 гульдена вместо 2-х рублей, каковых у меня нет, смиренно прошу Вас, Милостивый Государь, выслать мне почтою, если не оба два последние выпуски (5-ый и 6-ый), то по крайней мере, последний.

Здесь прилагаю адрес⁴⁴, под которым получаю «Ниву» из России. Повторяя свое прошение, остаюсь с глубочайшим почитанием.

Ваш, Милостивый Государь,

покорный слуга

Анатолий Кралицкий,

игумен монастыря Мукачевского.

2.

12 ноября 1884 г.

Мукачево (Munkács) в Венгрии

Милостивейший Государь!⁴⁵

«Ежегодник» на тек.[ущий] год я получил в свое время. Благодарю Вас! Теперь я написал для «Ежегодника» на будущий год статью: «Из воспоминаний 50-х годов угрорусса»⁴⁶, если Вам понадобится. Еще сей

44 Иде за гейбы візитну картку в німецькім языку, напечатану тіпографським способом. Редакція новинки «Нива» усе знала наліпити її на егземпляр А. Кралицького, коли заганяла го поштов (зазначка вишорителя – В. П.).

45 На коперті того письма руков А. Кралицького означений адрес: «Въ Россію, городъ Кіевъ / T. D. Florinski / Господину Т. Д. Флоринскому, Доценту Импер. университета Св. Владимира в Кіевѣ / Kiew, Russland (зазначка вишорителя – В. П.).

46 Сесю статью (рукопис) А. Кралицький тыж поклав до копертки, де вна ся всокотила до наших днів. Видав, у журнал «Славянскій ежегодникъ» редактор из даякой неизвѣстной нам причины не дав її напечатати. За даякий час А. Кралицький сесю статью понукнув редактору журнала «Листокъ» Є. Фенцику. Автор поправив текст, дашто додав, дашто покуртав – и так ся появила нова верзія тых мемоарів, што під титулом «Воспоминание» была напечатана у «Листку» у році 1888 (Ч. 14). Обидві сесі статі даєме до нашого видання выбранных творів А. Кралицького (зазначка вишорителя – В. П.).

зимы я напишу «Воспоминанія из 60-годов»⁴⁷. Есть у меня еще брошюра на лат.[инском] языке, недавно изданная под загл.[авием] «Brevis historica notitia dioecesis Munkacsiensis»⁴⁸, обнимающая около 55 страниц. Можно бы ее перевести на русский язык и напечатать в «Ежегоднике», а я готов ее послать Вам.

Ввиду вознаграждения за мою статью прошу выписать для меня на будущий год на счет Киевского Славянского Общества «Киевлянин»⁴⁹, а также прислать и «Ежегодник» под адресом:

Anatolius Kraliczky

Klostervorstand in Munkács (Ungarn).

Остаюсь с глубочайшим почитанием!

Ваш покорный слуга

Анатолий Кралицкий,

игумен Мукачевский.

P.S. Прошу исправить ошибки в рукописи⁵⁰.

47 Не знати, чи написав А. Кралицький ту ту статтю. Ніякої інформації за статтю не маємо (зазначка вишорителя – В. П.).

48 «**Brevis historica notitia dioecesis Munkacsiensis**» (латин.). Видав, иде за видання: Mondok J. Brevis historica notitia dioecesis Munkácsiensis, excerpta ex «Schematismus», Ungvarini, 1878. (зазначка вишорителя – В. П.).

49 Иде за новинку «Кіевлянинъ», што виходила у роках 1864–1919 (зазначка вишорителя – В. П.).

50 Має ся на гадці рукопис мемоарів «Изъ воспоминаній 50-хъ годовъ угрорусса» (зазначка вишорителя – В. П.).

ПИСЬМО
Ивану СІЛВАЮ⁵¹

1883

*18 (30) июня 1883,
Бобовицы*

Любезный Друг Уриил!

Вот откуда отвечаю я на твое письмо. Видишь, из села, из глуши. Да, эта глушь мне очень приятна. Здесь, вдали от шума, обзавев себя разною «московщиною», провожу я уж вторую неделю, надзираю за экономией и составляя «писколовдашы»⁵² для нашего Календаря на будущий год, если он только появится. Очень доволен я здесь. Здешний эконом о. Антоний Гойдич выслан в чиновственном деле в Земплинский комитат и возвратится только около следующего четверга. До того времени заступаю его я. Теперь тут много дела: копание кукурузы и уборка сена; погода спрียет⁵³ и работа идет как нельзя лучше.

Встаю утром 4^м часа, затем ежедневно служу литургию в часовни с бирешом, пью каву и убираюсь в ближайший лесок, в гушаву для «писколовдашей». Около 10^м часа возвращаюсь. После обеда до вечера читаю разныя «Эсларщины»⁵⁴, для чего выписал себе на один месяц «Egyetértés» и «B[uda]pesti hírlap». Из русских газет получаю сего года «Ниву» и львовский «Проломъ», «Науку», а больше ничего.

Ты пишешь мне, чтоб послал тебе резные инструмента; но у меня таковых не было и нет. Это дал принести себе оныя наш старик Протоигумен (который теперь в Синяке) пред **І-Ѳ**.⁵⁵ кажется летами, а не я, как нелюбящий стружки; и имеются ли еще у него и доселе, не знаю.

51 **Сілвай Иван** (1938–1904) – священник, підкарпаторусинський писатель, поет, етнограф, культурный діятель русофілського направеня (зазначка вишорителя – В. П.).

52 **Писколовдаш** – неологізм, што ся вытворив из лексем «píszkálódás» (шпілька, піддюг) и «píszkozat» (начерк, мазанина, дачим мастити папірь), котрі автор письма узяв из мадярського языка (зазначка вишорителя – В. П.).

53 **Спрйет** – видав, автор мав на гадці семантичний одповідник – слово из російського языка «способствует» (зазначка вишорителя – В. П.).

54 **«Эсларщина»** – антисемітський судовый процес (зазначка вишорителя – В. П.).

55 Иде за церковнославянську традицію означеня цифр буквами: **І-Ѳ** = 19. (зазначка вишорителя – В. П.).

Весьма бы рад сойтись⁵⁶ с тобой, так с Богом приезжайте чрез горы с Фенциком⁵⁷, но не верю, чтоб пехотой в эту жару, а так на шкапах, как «зыды»⁵⁸ – дрын-дрын.

Прощай, брат!

К ближайшему, обещанному свиданию

Твой старый друг

А. Кралицкий.

56 В оригіналі письма напечатаной так: «сойдтись». Видав, туй проскочила хыба, котру сьме виправили (*зазначка вишорителя – В. П.*).

57 **Фенцик Євгеній** (1844–1903) – священник, підкарпатурсинський писатель, новинарь, публіциста русофілського направеня, видавець часописа «Листоць» (1885–1903) (*зазначка вишорителя – В. П.*).

58 «**Зыды**» – годно быти, же є то уничижительное слово «жыды» (*зазначка вишорителя – В. П.*).

ІЛУСТРАЦІЇ

На памятку

Мой отецъ рускій Дакъ
и дядя мои были
въ бышнихъ Табинахъ
Хреїтнѣ вели
Тамъ бо суть тученіи люде
Рускы-Україны
Котри въ трий чесности мене
На далѣше учили.

Доставъ мене Александеръ
третій емъ быкъ въ радѣ:
Незак. Дуанітесерь
шестѣиат трихаличи
Перша юла друг, Тирка
третій емъ быкъ а самъ
Антін, маѣ, нишо, Зузка
Стефанъ аъ Анна

Се де вать велике число
въ худобной родинѣ
о'й вера. насъ трѣхъ было
въ нашѣй фамили

Якся робити згомото до фотографіи?

Друкатьє порошкѣ на порошѣ.

До киданки кладѣся згомото,
до того $\frac{1}{2}$ l. saly-seure.

потому: $\frac{3}{4}$ l. salpeter-seure.

До 55. грани иде мое.

Якся згнѣшати, нас етодому, етодѣе розумѣе
Кладѣся до порцелановой (Hollam schale) насти,
на сподѣ пѣсокъ, и винягусѣя.

~~Дѣлае винягусѣя, до того гусѣе 2. етодѣе
вѣдѣе дѣстѣе и етодѣе винягусѣе.~~

Потому дѣлае 50. грани соде винягусѣе
но, соде розумѣе и 2. етодѣе вѣдѣе
дѣстѣе лѣванѣе винягусѣе винягусѣе
насти до того вѣдѣе, заде потѣе до
таку винягусѣе, и винягусѣе винягусѣе до
малки вѣдѣе, но етодѣе на етодѣе
фалди, и винягусѣе винягусѣе винягусѣе
хнѣе (воду).

Фрагмент фотографічного poradnika, котрый про себе исклав А. Кралицький. Монах добрі ся розумів на фотографії и мав camera obscura (прототіп фотографічної камери).

Анатолий Кралицкій
СЕМЕЙНАЯ
БИБЛИОТЕКА.

ЕЖЕМЪСЯЧНОЕ СОЧИНЕНІЕ

посвященное

ИСТОРИИ, ЛИТЕРАТУРѢ, ОБЩЕПОЛЕЗ-
НЫМЪ СВѢДѢНІЯМЪ И ДѢЛАМЪ
НАРОДНЫМЪ,

издаваемое

СЕВЕРНИНОМЪ ГАВР. ШЕХОВИЧЕМЪ.

ГОДЪ 1. **1855** КНИЖКА 1.

За Мартъ, Апрель, Май мѣсяцы

ЛЪВОВЪ.

Типомъ Михаила Ф. Порембы,
вздвигеніемъ Издателя.

1855.

НАУКОВЫЙ СБОРНИКЪ

издаваемый

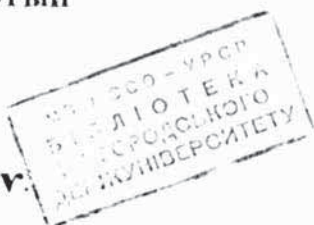
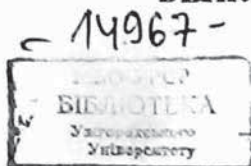
ЛИТЕРАТУРНЫМЪ ОБЩЕСТВОМЪ

ГАЛИЦКО-РУССКОЙ МАТИЦЫ.

ГОДЪ ИЗДАНИЯ ВТОРЫЙ

1866.

ВЫПУСКИ I—IV.

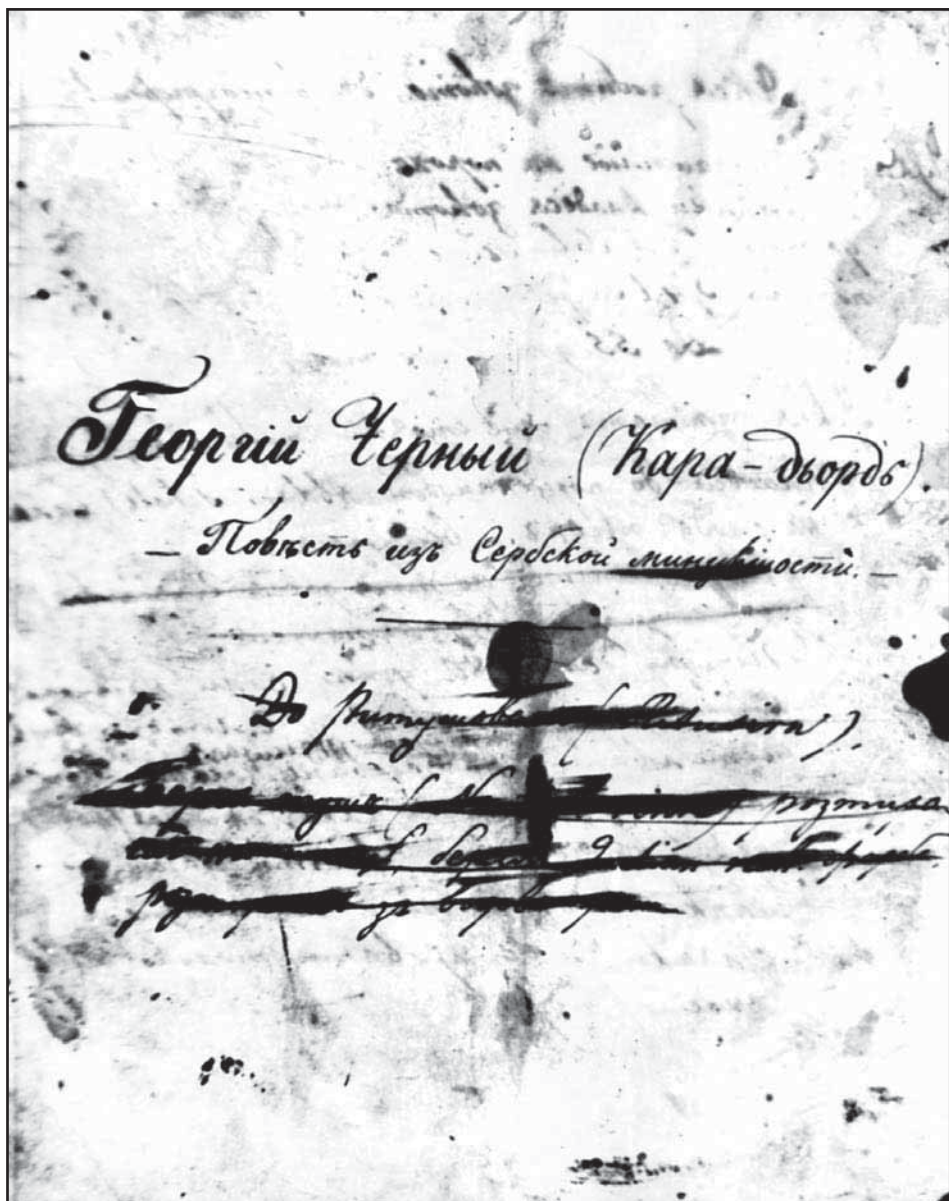

Анатолій Кралицькій

ВО ЛЬВОВѢ,

въ книгопечатнѣ Ставропигійскаго Института 1866 года.

Степанъ Гуцковскій, управитель печатни.

Титулна сторонка повісті «Георгій Черный (Кара-дъордь): Повѣсть изъ Сербской минувшости». Рукопис ся стратив. Не знати, ци тота повість была даколи публікована...

Три лѣта минуло отъ того часа, о ласкавое нѣко одарило новоженцѣвъ нашихъ здоровыми дѣточками, — полнымъ счастьемъ семейственной жизни.

Одного вѣчера такийсь чужій вѣзъ станбѣ на дворѣ Савы и Пдама, а пзъ него сѣмѣ поковзникъ-сѣланннхъ одного недѣжного челоѣкка, въ которомъ Пелагіа на первый поглядъ пѣзнала злославаго колѣсьто, а тепѣрь нѣжданного Фѣдора Пѣтрюка.

„Прости менѣ добрая Пелагіе! тажнѣ мою провиннѣ;“ — почалъ онѣ трасѣвнимъ голосомъ перепрашати — „во зри, ш оумираю, а оумираю шко скитальцѣ отъ всѣхъ поверженъ! всѣмъ виною была несчастна Франка. — Но призви менѣ скоро любезнѣ мою дочь Ирину, — най оузнѣть остатнѣй разъ недостойного Отца ского.“ —

— „Что слышѣ, — вы батько Ирины?“ — возгласила оудивительнымъ голосомъ Пелагіа.

— „Такъ есть, ш Отицъ ви; и оужи два лѣта шкъ нишѣ ю, которѣ емѣ прѣдъ часомъ нагналъ съ Матерью; — и недавно за марнѣ корысть доставлялъ до рѣкѣ татарамъ. — Но таки ш отицъ ви, хочѣ ю видѣти еще разъ прѣдъ смѣртію. —“

Нѣмъ надвѣгла Ирина, Пѣтрюкъ помирѣ.

п, к,

ВСЯЧИНА ДЛЯ СТАРЫХЪ И МОЛОДЫХЪ.

* „Такъ, милый прѣштелю,“ казалъ врачъ до нѣдужного, „не оунывайте; разъ прѣцѣ мѣсимо всѣ оумирти!“ „Сѣе власнѣ минѣ нѣпоконѣ,“ отѣктилъ той же, „сли-высмо хотѣ съ дѣсать разъ могли оумирати, тогда-выма советъ ницѣ изъ того не рокилъ.“ —

+ а протѣмъ ш принудѣнно неужива-
ти. Авторъ повѣстки сѣе. — А. К.

На полях віденського часописа «Отечественный сборникъ», де была напечатана повість А. Кралицького «Федор Петрюк», автор зробив зазначку... Позирай с. 403.

Народное Уменіе.

составилъ:

Анатолій Кралицкій.

(1888)

Голосъ Русскаго.

Года народовъ, Года свободы,
Узы рабства сокрушилъ;
Всѣ племена, всѣ народы,
Къ новой жизни воскресилъ!

Люди братья, къ одной цѣли
Идёмъ, благо будетъ намъ;
Будетъ сосредоточити силы,
Слѣшимъ въ общій любви хвалъ.

Уходятъ праки ноги,
Всходитъ намъ солнышко ясно,
Грядётъ весело русскія очи
На милое нбѣ, прекрасно!

НАРОДНОЕ
Ч Т Е Н І Е

Выпускъ II.

И В А Н Ъ.

Повѣсть изъ народной жизни.

Издаетъ :

КИРИЛЪ А. СЛБОВЪ.

У ж г о р о д ъ 1869.

⇒ Титулна сторонка изберькы «Народное чтение», котру вшорив, годно быти, у 1865–1866 роках А. Кралицький. Отваряє изберьку стих «Голос Русскаго», правдоподобно, од Александра Духновича. Хотяй изберька обстала у рукопису, ідею видавати твори просвітенської літературы А. Кралицький изреалізовав (вєдно из К. Сабовым) у 1869 році, коли в Ужгороді вийшли нараз два выпуски серії «Народное чтение».

Въ записникъ Чеха Б. Н.

Уже печались чуждины,
И не вкисали твоихъ пунды,
Утѣшился гордо Славой,
Славы сынъ въ миръ негунды; —
Но лютъ судьба и жестока,
Тамъ грозитъ и зрелищій гротъ,
Наша участь все вѣсело,
И все міръ нашъ водной доль.
Но гдѣ земля и славянъ тамъ,
Ему не есть чужбина,
Всѣмъ отъ братства, нѣмъ не самъ,
Во лютъ любви родина.

Во домъ спрыска насъ Счастье,
Милъ Боевъ *) а зъ Русинъ,
Одна наша родина тамъ,
И зъ, и ты Славы сынъ.

А ты люблю, ты мѣ люби,
Споилъ сердца въ союзъ дружъ,
Святейшій друндо, лиселъ и груди,
Да будетъ нашъ одинъ духъ.

*) Боевъ = Бохемскъ: чехъ.

Словацкая народная пѣсня.

(въ русскомъ переводѣ.)

У Нѣтра, мила Нѣтра,
Мѣнъ височная Нѣтра,

Е'сть сума мѣ бѣлава
Кода то тѣ цвѣла?

У Нѣтра, мила Нѣтра,
Мѣнъ словенская Нѣтра:

Помянувъ на мѣде
Дѣлѣнъ заплаката.

Кода-то была тѣ
Е'хилъсѣнъ Свѣдомѣлка;
Кода зѣсѣ бѣлава
Е'го пощная, зѣка.

Вѣсѣ тѣ была свѣто-
Мѣнъ Неводѣва,
Кода наши мѣ отца мѣ
Говорилъ Бѣтое слово.

Укода была тѣ
Забавѣ Вѣсѣ Зосударѣмъ глава,
Куда мѣху мѣ, отку: Дунай.
Висла, Корава и Дунай.

Словацкая народная спѣванка «Нѣтра, мила Нѣтра» в «русскомъ переводѣ», котору А. Кралицкій дав до изберьки «Народное чтеніе» (обстала у рукопису).

Богъ спитъ, проснитъ о любящая до тѣхъ поръ,
Видишь тебѣ тамъ, иде будетъ обиди бора;
Увидитъ на Исавратъ долинъ.
Правдай, правдай, не забываетъ о сѣнѣ.

Мойсей.

(Библическое повествование.)

Солнце клонилось къ западу, когда надъ
Хоривъ горю стали собираться тучи, ко-
няци въ своихъ ндрахъ грозы и молнии...
Врѣвѣ и огнѣ бушевати, грозы трѣска,
и вся природа приходила въ ужасъ.

На горѣ стояла туча, который ка-
зался бѣга равнодушна въ виду борьбы
стихий. Въ стояла задумчиво, уносилъ
глубокии мысли въ далекой дали.
Вокругъ него туманился дробни ягнелъ,
ки, скрывался предъ дождемъ подъ гли-
нѣ его свиту.

Его не пугали ужасы воздушного крахотлив
облаков, но жалко стало позирати на дробное
стадо, трывающееся отъ дождя и стужи. —
Музикиа этотъ, видя недалеко отъ себе пе-
щеру въ скалѣ, полезли въ нее и спрятались
въ ней съ своимъ стадомъ. Они шли впе-
редѣ, а стадо слѣдовало за ними въ темную
глубь пещеры. Путь вслѣдившись, свѣтъ
онъ на устье пещеры и глядѣлъ на трескъ
полный.

Музикиа былъ красавецъ собою, хотя
годовъ считался у него почти восточе-
ный; длинная борода, свѣта эта какава
стѣны застилали собою всю широкую
глубь.

Понуро глядѣлъ на вѣнчикъ
и нечувствуя даже что на него
его стужа и балитъ вода отъ изсѣк-
шаго гонскаго ручья. Душа его зашла
была въ это вѣнчикъ возвышеннаго
моря. Его занимало страданіе влас-
наго народа, поживавшаго тысячами въ
кирпичныхъ заводахъ Египта, отъ
неповѣрнаго усиленія работныхъ
подвиговъ. Въ душѣ его раздавался
звукъ рабскихъ оковъ египетской

Это был подобен священник О. Ясмин Раковичин, бывший прежде вице-ректором духовной семинарии Уггродской. Мисской интеллигенции, кроме двух известных, А. Досрянского и Ант. Рудий, как и тогда не было, так и теперь нет. — Раковичин правительство поставило переводчиком государственных законов с немецкого языка на русский, и переселило в Будинь. Тут он познакомился с. О. протоиерея Вонтовичина, состоявшего священником при часовне вел. кн. С. П. Александры Павловны в "Уггрод" в, близ Будина. Знакомство это ему много помогло, так как получил способ усовершенствоваться в русской словесности.

О. Я. Раковичин издавал, при помощи прот. Вонтовичина, известную "Церковную газету" 1854-1855 гг., на русском языке. Вскоре по просьбам наших недоброжелателей газета прекратилась и О. Раковичин удалился в Мараморосские горы, на приюток в Изу (Жа), где и теперь пребывает.

Немного обойти молчаньем и про О. Андрея Радлинского. Это был латинский священник, служивший Оутригской архиепархией, издавший в начале 50-х годов на русском языке в Будинь: "Церковная проповедь,"

с необходимыми русско-латинско-италиянскими словами.
Въ ту пору занимались у нас еще русскою словесностью.
Кромѣ выше наведенныхъ, Андрей Валудянскій, Николанъ Нодь, Петръ Яновскій и Александръ Зотурковъ,
и др.

Милѣйшая ответственность на принятую словесность
продвигалась у насъ между 1863-1873 годами. -
Насколько повѣдалъ духъ народной мысли подѣ нашими
Карпатами, явствуетъ и изъ того, что тогдашній епископъ
Мукачевскій Василій Потоцкій (+ 1864), вѣстро вѣт
бogosловскія студию, въ своемъ учаварочномъ лицейѣ, пре-
подавалъ, вѣстро латинскаго, на русскомо языкѣ. -
Это дѣлалось чрезъ 2 года, пока негъ претимъ препода-
ваніе примасъ Венгрии, какъ митрополитъ епис-
копа Мукачевскаго, пугаясь московскомо шизмы.
Вѣстро вѣт бogosловскіе предметъ были переве-
дены на русскій языкъ, которые и понынѣ находятъ
еще въ рукописи.

Бодовици, ноябр. 884.

А. Кралицкинъ.

Первый лист Мукачевської псалтырі XV ст.
Позирай тыж с. 285, 375.

ДОДАТКЫ

І. ЗАЗНАЧКЫ

ПРОЗОВІ ТВОРЫ 1860-х років

ПАСТЫРЬ В ПОЛОНІНАХ Повістка из сторон под-Карпатских

Первонапублікація: Пастырь в полонинах : Повѣстка изъ сторонъ под-Карпатскихъ. In: *Зоря Галицкая яко Альбумъ на годъ 1860.* / Издатель: Богданъ А. Дѣдицкій. — Львовъ: Типомъ Института Ставропигійского, 1860, с. 528-540.

Підпис: Анатолій Кралицкій.
Подаєме подля первонапублікації.

ФЕДОР ПЕТРЮК Повість из Мармарошских гор

Первонапублікація: Федоръ Петрюкъ : Повѣсть изъ Мармарошскихъ горъ. In: *Отечественный сборникъ* : Додаток до 14. рочника выдаваемого въ Вѣднѣ «Вѣстника», часописи урядової для Русиновъ Австрійской державы / Издатель и редак. Василій Зборовскій. Рочникъ IX. 1862. Ч. 7, с. 49-56; Ч. 8, с. 57-64; Ч. 9, с. 65-72; Ч. 10, с. 73-78.— Вѣдень: Типомъ Валлинсгаузера.

Підпис: А. К.
Подаєме подля первонапублікації.

У научнів бібліотеці Ужгородського університета, де по війні нова влада передала даяку часть Мукачевской монастирської бібліотеки, и днись ся сохрانية (позирай: Відділ рукописів, стародруків та рідкісних книг, № 14867) сшиток чисел «Отечественного сборника» за 1862 рр. из приватной колекції А. Кралицького. На 78-79 с. руков А. Кралицького изроблена зазначка:

«Редакторъ Вѣстника Юлій Выслободскій издатель Сборника сего при Вѣстнику искажилъ съ всѣмъ мою правопись на ладъ Галицко-польскій, и отобралъ даже и имя, удоволивши меня буквами А. К. и прото я принудень неузнаватися Авторомъ повѣстки сей. — Анатолій».

КНЯЗЬ ЛАБОРЕЦЬ
Історическая повість из IX. віка

Первонпублікація: Князь Лаборець : Історическая повѣсть изъ IX. Вѣка.
Іп: *Галичанинъ* : Литературный сборникъ / издаваемый Богданомъ
Андрѣвичемъ Дѣдицкимъ. Книга I. Вып. III и IV. – Львовъ: Типомъ
Института Ставропигійского, 1863, с. 73-85.

Підпис: Марія-Повчъ, 10 марта. 1863. Анатолій Кралицкій.

Подаємо подля первонпублікації.

Сужет оповідання «Князь Лаборець» навіяний мадярськов хроніков
Аноніма «Діяння мадярів» (Anonimus. «Gesta Hungarorum»), де ся пише за
завоєвання Вышнёго Потися мадярськыма кочовниками и убивство князя
Лаборця у 896 році на березі Свіржавы. Подаємо фрагмент из мадярської
хронікы: «У тот час, коли вни поклали таборище доврола стін, жупан града
на имня Лаборець (місні быванці называли го Дуков) явся тікати до замку
Земплін. Воякы вождя зачали го преслідовати; близь єдної річки вхопили и
на тому місті го повісили. Зачинавучи од того дня, тоту річку ёго имням на-
звали – Лаборцем».

КАЗНЬ НЕБА
Оповіданіє

Первонпублікація: Казнь неба : Оповѣданіє... Іп: *Литературный сборникъ* /
издаваемый Богданомъ Андрѣвичемъ Дѣдицкимъ. Книга I. Вып. II. –
Львовъ: Типомъ Института Ставропигійского, 1863, с. 57-60.

Підпис: ... Анатолія Кралицкого.

Подаємо подля первонпублікації.

НЕ ХОДИ, ГРИЦЮ, НА ВЕЧЕРНИЦІ!
Подкарпатская повість

Первонпублікація: Не ходи Грицю на вечерницѣ! : Подкарпатская повѣсть...
Іп: *Слово*. – Львовъ. – Рочникъ V, 1865, Ч. 23, с. 1-3; Ч. 24, с. 1-3.

Підпис: ... Анатолія Кралицкого.

Подаємо подля первонпублікації.

МОЙСЕЙ
Бібліческоє повіствованіє

Первонпублікація: А) Кралицкій А. Мойсей : Библическое повествова-
ние / Публікатори: Я. Штернберг, В. Падык. Іп: *Карпатський край*. –

Ужгород. – Річник 4-й, 1994, № 3-4 [двойный], с. 46. Б) Мойсей : Библическое повествование. In: Кралицький Анатолій. «Кому мила есть отчина...» : Оповідання / Упорядник текстів, автор вступної статті та приміток Валерій Падык. – Ужгород, 1998, с. 99-103.

Подаємо подля рукописа.

Сохранив ся рукопис того оповідання під назвов: «Мойсей: Библическое повѣствованіе». Оповідання не підписане, авторство А. Кралицького визначено нами подля лексико-стилістичных характеристик языка, а тыж ідейного наповнення твора.

Правдоподобно, акурат на межи 1865 и 1866 років А. Кралицький вшорив изберьку під назвов «Народное чтение» (177 сторонок). Оповідання «Мойсей» є частёв той изберькы (с. 111-119). Из даякой причины, за котру не знати нич, изберька обстала у рукопису, хотяй ідею выдавати книжки по учительного характера А. Кралицький изреалізовав (ведно из тогочасным діректором Общества св. Василия Великого и редактором ужгородської новинкы «Свѣтъ» Кирилом Сабовым) о три роки пізнійше. Выйшли два выпускы книжной серії «Народное чтение» (обадва у 1869 році).

Названный рукопис довгі роки був в архіві грекокатолицької парохії Шаторальяуйгей (днесь жупанія Боршод-Абауй-Земплин у Мадярщині). Однайшла го там у 1880-х роках мадярська славістка Естер Ойтозі, котра передала го до грекокатолицької богословської академії у вароші Ніредьгаза; копію того рукописа (мікрофілм) п. Е. Ойтозі передала нам.

ПРОЗОВІ ТВОРЫ 1890-х років

ЭКЗЕКУТОР

Рассказ из угрорусской народной жизни

Первопублікація: ЭКЗЕКУТОРЪ : Разсказь изъ угрорусской народной жизни. In: *Бесѣда : Литературное приложение къ «Страхопуду»* / Редакторъ-издатель О. А. Мончаловскій. – Львовъ. – Годъ VI, 1892, № 3, с. 32-33; № 4-5 [двойный], с. 48-49.

Підпис: Написаль Иванъ Нодь.

Подаємо подля первопублікації.

ФОН МИНКАЧ

Рассказ из угро-жидовской жизни

Первопубликація: Фонъ Минкачъ : Разскажь изъ угро-жидовской жизни.

Іп: *Бесѣда : Литературное приложение къ «Страхопуду»* / Редакторъ-издатель О. А. Мончаловскій. – Львовъ. – Годъ VI, 1892, № 7, с. 76-77; № 8, с. 85-86.

Підпис: Написаль И. Нодъ.

Подаѣме подля первопубликації.

ЖИТЕЙСКІЯ ДРЯЗГИ

I. Возня с запрещенным табакомъ : Рассказ из угро-русской народной жизни.

Первопубликація: Житейскія дразги : I. Возня съ запрещеннымъ табакомъ :

Разскажь изъ угро-русской народной жизни. Іп: *Бесѣда : Литературное приложение къ «Страхопуду»* / Редакторъ-издатель О. А. Мончаловскій. – Львовъ. – Годъ VII, 1893, № 1, с. 3, 6.

Підпис: Написаль Ив. Нодъ.

Подаѣме подля первопубликації.

II. На мукачевской ярмарке : Очерк из угро-русской народной жизни.

Первопубликація: Житейскія дразги : На мукачевской ярмаркѣ : Очеркъ изъ угро-русской народной жизни. Іп: *Бесѣда : Литературное приложение къ «Страхопуду»* / Редакторъ-издатель О. А. Мончаловскій. – Львовъ. – Годъ VII, 1893, № 3, с. 27-29.

Підпис: Написаль Ив. Нодъ.

Подаѣме подля первопубликації.

III. На берегсаской ярмарке : Рассказ из угро-русской народной жизни.

Первопубликація: Житейскія дразги : III. На берегсаской ярмаркѣ : Разскажь изъ угро-русской народной жизни. Іп: *Бесѣда : Литературное приложение къ «Страхопуду»* / Редакторъ-издатель О. А. Мончаловскій. – Львовъ. – Годъ VII, 1893, № 9, с. 95; № 10, с. 108-110.

Підпис: Бобовищи, въ февралѣ 1893 г. Написаль Иван Нодъ.

Подаѣме подля первопубликації.

ПЕРЕКЛАДЫ И АДАПТАЦІЯ

Мор Ёкаї. ПУГАЧОВ

Повість

Первopублiкацiя: Пугачевъ : Повѣсть... In: *Золотая Грамота : Иллюстрированное письмо для поученія и забавы* : Прилога до «Страхопуда» / Издатель и отвѣтательный редакторъ Іосифъ Ливчакъ. – Вѣдень: Типомъ Л. Соммера, 1865, Ч. 9 (Прилога до Ч. 19. «Страхопуда»), с. 69-70; Ч. 10 (Прилога до Ч. 21. И 22. «Страхопуда»), с. 77-79.

Підпис: ... на рускій языкъ переведена А. Кралицкимъ

Подаєме подля первopублiкацiї.

У тексті сѣй публiкацiї ани товмач (А. Кралицький), ани редактор «Страхопуда» и «Золотой грамоты» (Ёсиф Ливчак) не лишили iнформацiї за автора оповiдання – мадярського писателя Мора Ёкаї. Выдтак изглядователі довгий час тримали за автора російського писателя А. Пушкіна. (Позирай хоть бы монографію: Е. Недзѣльскій. Очеркъ карпаторусской литературы; Ужгородъ, 1932, с. 201). Вни приставали на то, же А. Кралицький потовмачив и переробив повість А. Пушкіна за Пугачова «Капитанская дочка» и «Историю пугачѣвского бунта».

Нам ся подарило вирішити тоту загадку и доказати, же оповiдання «Пугачов» є перекладом из мадярської літературы. Иде за товмаченя повісті «Дерзостный» Мора Ёкаї. Оригінал той повісті мадярський прозаик опубліковав на продовження у столичній пештянській новинці «Vasárnap Ujság» («Неділні новини») у 37-44 числах за 1864 рік. Анатолій Кралицький, котрый усе читав много свіжой мадярської преси, у бібліотеці котрого было много мадярських книжок и котрый слiдив за новинками мадярської літературы и політики, правдоподобно, виписовав собі новинку «Vasárnap Ujság», а російська історична тематика у творчості мадярського прозаика заiнтересовала го як перекладача. Веце iнформацiї позирай у наших статях: Я. Штернберг, В. Падык. Пушкін або Йокаї? (з приводу «Пугачова» А. Кралицького). In: Дукля, 1985, № 5, с. 53-56; J. Várad-Sternberg, V. Padják. Egy ismeretlen fordítás margójára. In: Kárpáti Igaz Szó, 1985, Febr. 19.

Ієремія Готтгельф. ИВАН

Повість из народной жизни (послі «Uli der Knecht» Готтгельфа).

Первopублiкацiя:

а) Иванъ : Повѣсть изъ народной жизни (послѣ «Uli der Knecht» Готтгельфа).

In: *Свѣтъ: Литературная газета, издаваемая Обществом св. Василия Великаго*. – Унгваръ, 1869, № 14, 16-17, 20, 22, 27-30, 32, 34-37, 39, 43, 45-50, додаток до ч. 50.

Підпис: А. Кралицкій.

б) Иванъ : Повѣсть изъ народной жизни (послѣ «Uli der Knecht» Готтгельфа). In: *Народное чтение* / Издасть Кирилъ А. Сабовъ. Выпускъ II. – Ужгородъ: Печатня Вдовы Карла Іегера, 1869, 191 с.

Підпис: Составиль А. Кралицкій.

Подаєме подля первопубликації: Народное чтение. Выпускъ II. – Ужгородъ: Печатня Вдовы Карла Іегера, 1869, 191 с.

Антон Бъелек. СЛОВЕНСКАЯ СИРОТА
(Из словенского Hlasnik-a)

Первopубликація: Словенская сирота (Изъ словенского Hlasnik-a). In: *Бесѣда : Литературное приложение къ «Страхопуду»* / Редакторъ-издатель О. А. Мончаловскій. – Львовъ. – Годъ VII, 1893, № 24, с. 263-265.

Підпис: И. Нодь

Подаєме подля первопубликації.

У тексті публікації ані товмач (А. Кралицький), ані редактор «Бесѣды» (О. Мончаловський) не лишили інформації за словацького автора того оповідання. Видав, А. Кралицький не знав його истинное имя и прозвище, бо текст потовмачив подля журналу «Národný hlásnik: Noviny pre slovenský ľud», де оповідання ся провказало у числі од 15 марта 1893 р. (с. 53-60) під псевдонімом «Вк». Иде за куртой и вольной товмаченя А. Кралицькым оповідання словацького писателя Антона Бъелека (Anton Bielek: 1857–1911).

МЕМОАРЫ

ИЗ ВПЕЧАТЛЕНИЙ, ВЫНЕСЕННЫХ СЛУЧАЕМ ДВУХНЕДЕЛЬНОГО
ПОБЫТИЯ МЕЖДУ УГОРСКИМИ СЛОВАКАМИ 1863-го года

Первopубликація: Изъ впечатлѣній, вынесенныхъ случаемъ двухнедѣльнаго побытія между Угорскими Словаками 1863-го года. In: *Свѣтъ: Литературная газета, издаваемая Обществом св. Василия Великаго.* – Унгваръ, 1869, № 1, с. 2-3; № 2, с. 2-3; № 3, с. 3.

Підпис: А. Кралицкій.

Подаєме подля первопубликації.

ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ 50-х ГОДОВ УГРОРУССА

Первопубликація: Из воспоминаний 50-х годов Угрюрусса In: *Тиса : Літературно-мистецький, громадсько-політичний журнал*. – Ужгород. – 1995, № 1-2 [двойный], с. 133-135.

Підпис: Бобовищи, ноябрь 1884. А. Кралицкий.

Подаємо подля рукописа.

Рукопис тых мемоарів під назвов: «Изъ воспоминаний 50-хъ годовъ Угрюрусса» однайшли сьме у Централнів научнів бібліотеці Національной академії наук України (ЦНБ НАН України) у Києві як додаток до письма А. Кралицького Т. Д. Флоринському од 12 новембра 1884 рока. Позирай: ЦНБ НАН України, ВР, III, додаток до № 19433.

На коперті того письма руков А. Кралицького означений адрес: «Въ Россію, городъ Кіевъ / Т. D. Florinski / Господину Т. Д. Флоринскому, Доценту Импер. университета Св. Владимира в Кіевѣ / Kiew, Russland.

Флоринський Т. Д. (1854–1919) – російський філолог, славіст. Скончив історично-філологічний факультет Петербургського університета (1876). По зашиті магістерської дисертації (1881) прийшов робити до Києва; у 1882 р. научна рада Університета св. Володимира у Києві виволила го своїм доцентом кафедри славянської філології; далє став туй професором (1888). Активный член Славянських комітетів у Києві, редактор журналу «Славянскій ежегодникъ». У 1882–1883 роках двичи ся выбрав у научне вандрованя – перейшов землі Болгарії, Хорватії, Моравії, Галичини, а тыж сіверной Угорщины, и туй, годно быти, міг ся стрічати из карпаторусинськов інтелігенцієв. Придержовав ся антиукраїнської позиції. У році 1919 білшовики, што заяли Кієв, росстріляли го як члена Кієвського клубу російських націоналістів.

Далші інформації односно рукописа «Изъ воспоминаний 50-хъ годовъ Угрюрусса» суть у названім письмі. А. Кралицький мав інтерес опубліковати мемоары у журналі «Славянскій ежегодникъ». Редактор из даякой неизвѣстной причины не дав рукопис у печать. Выдтак, А. Кралицький статью понукнув редактору ужгородського журналу «Листокъ» Є. Фенцику. Автор поправив текст, дашто додав, дашто покуртав – и так ся появила нова верзія тых мемоарів, што під титулом «Воспоминаніє» была напечатана у «Листку» у році 1888 (Ч. 14).

ВОСПОМИНАНИЕ

Первопубликація: Воспоминаніє. In: *Листокъ : Духовно-литературный журналъ* Отвѣтственный редакторъ Евгеній Фенцикъ. – Унгварь. – 1888, Нрѣ. 14 (Изъ Села, 10.VII.), с. 209-212; – 1889, Нрѣ. 18 (Изъ Села, 30.VIII.) с. 211-212; Нрѣ. 21 (Изъ Села, 20.X.), с. 244-246; Нрѣ. 24 (Изъ Села, 7.XII.), с. 278-279.

Підписи: а) И. В.; б) И. В.; в) И. В. ъ; г) И. Васильевичъ.

Подаємо подля первопубликації.

ІСТОРІЯ И ПАЛЕОГРАФІЯ

ДАТА К ІСТОРІЇ УГОРСКИХ РУСИНОВ

Первонубликація: Дата кь исторіи Угорскихъ Русиновъ (По жереламъ Базилевича и Балудянскаго). In: *Галичанинъ : Литературный сборникъ / издаваемый Богданомъ Андрѣвичемъ Дѣдицкимъ*. Книга I. Вып. III и IV. – Львовъ: Типомъ Института Ставропигійскаго, 1863, с. 181-190.

Підпис: Сообщае Анатолій Кралицкій.

Подаєме подля первонубликації.

АРСЕНІЙ КОЦАК

Докторъ святого Богословія

Первонубликація: Арсеній Коцакъ : Докторъ святого Богословія. In: *Науковий сборникъ, издаваемый Литературнымъ обществомъ Галицко-русской Матицы*. – Годъ изданія второй. 1866, Вып. I., Львовъ: Въ книгопечатнѣ Ставропигійскаго Института, с. 66-67.

Підпис: А. Кралицкій.

Подаєме подля первонубликації.

О ДРЕВНІХЪ ЄВАНГЕЛІЯХЪ

Первонубликація: О древнихъ Евангеліяхъ. In: *Науковий сборникъ, издаваемый Литературнымъ обществомъ Галицко-русской Матицы*. – Годъ изданія второй, 1866, Вып. I., Львовъ: Въ книгопечатнѣ Ставропигійскаго Института, с. 68-69.

Підпис: А. Кралицкій

Подаєме подля первонубликації.

МУКАЧЕВСКАЯ ПСАЛТЫРЬ XV. ВЕКА

(Библиография)

Первонубликація: Мукачевская псалтырь XV. вѣка (Библиография). In: *Карпатъ*. – Унгваръ, 1884, № 4, с. 2-3.

Підпис: А. Кралицкій.

Подаєме подля первонубликації.

ЕТНОГРАФІЯ И СТАТИСТИКА

СІВЕРО-ВОСТОЧНАЯ УГОРЩИНА (Топографическо-географическое описание)

Первопубликація: Сѣверо-восточная Угорщина (топографическо-географическое описание). In: *Науковый сборникъ, издаваемый Литературнымъ обществомъ Галицко-русской Матицы*. – Годъ изданія второй. 1866, Вып. II, с. 151-155; Вып. III-IV, с. 299-318. – Львовъ: Въ книгопечатнѣ Ставропигійского Института.

Підпис: А. Кралицкій.

Подаєме подля первопубликації.

РУСИНЫ ЛАБОРСКИЙ В УГОРЩИНѢ

Первопубликація: Русины Лаборскіи въ Угорщинѣ In: *Науковый сборникъ, издаваемый Литературнымъ обществомъ Галицко-русской Матицы*. – Годъ изданія первый. 1865, Вып. II., Львовъ : Въ книгопечатнѣ Ставропигійского Института, с. 103-111.

Підпис: Анатолій Кралицкій

Подаєме подля первопубликації.

Правдоподобно, сесь начерк А. Кралицький написав ищи у 1864 році; сесе дає ся уточнити из кореспонденцій Б. Дідицького як редактора «Наукового сборника».

Помежи папіря А. Кралицького сохранив ся ищи єден варіант той статі – під назвов «Русскіе на Лаборцѣ». Начерк не підписаний; авторство А. Кралицького легко ся визначає, кидь порівнати обадва тексти.

Правдоподобно, акурат на межи 1865 и 1866 років А. Кралицький вшорив изберьку під назвов «Народное чтеніе» (177 сторонок). Начерк «Русскіе на Лаборцѣ» є частѣв той изберькы (с. 5-21). Из даякой причины, за котру не знати нич, изберька обстала у рукопису, хотяй ідею видавати книжки поучительного характера А. Кралицький изреалізовав (ведно из тогочасным діректором Общества св. Василия Великого и редактором ужгородської новинки «Свѣтъ» Кирилом Сабовым) о три роки пізнійше. Выйшли два выпуски книжной серії «Народное чтеніе» (обадва у 1869 році).

Рукопис «Народного чтенія» довгі роки був в архіві грекокатолицької парохії Шаторальяуйгей (днесь жупанія Боршод-Абауй-Земплин у Мадярщині). Однайшла го там у 1880-х роках мадярська славістка Естер Ойтозі, котра передала го до грекокатолицької богословської академії у вароші Ніредьгаза; копію того рукописа (мікрофілм) п. Е. Ойтозі передала нам.

Рукопис «Русскіе на Лаборцѣ», што ся одличає од первопечатного варіанта «Русины Лаборскіи въ Угорщинѣ» лем гев-там малыма лексичними

одмінами, автор А. Кралицький ладив до «Народного чтенія» уж по тому, як у Львові му вийшов названий етнографічний начерк «Русины Лаборскіи въ Угорщинѣ». Порівняльний аналіз дає можливість про изгорнення: автор виміняв деякі слова на інші, майпорозумительні містному читателю, и сократив число співанок. Намісто етноніма «Русин» поклав етнонім «Русскій» а т. д.

СВАДЄБНІЙ ОБРЯДИ У ЛАБОРСКИХ РУСИНОВ

Первопублікація: Свадебный обряды у Лаборскихъ Русиновъ Іп: *Науковий сборникъ, издаваемый Литературнымъ обществомъ Галицко-русской Матицы*. – Годъ изданія первый. 1865, Вып. III., Львовъ: Въ книгопечатнѣ Ставропигійского Института, с. 137-160.

Підпис: Анатолій Кралицький.

Подаємо подля первопублікації.

СВАДЄБНІЙ ЗВЫЧАЇ У ШАРИШСКИХ СЛОВАКОВ

Первопублікація: Свадебный обычаи у Шаришскихъ Словаковъ. Іп: *Галичанинъ : Науково-белетристичная прилога до «Слова»*. – Львовъ, Рочник II, 1868, Ч. 18 (13. Юлія).

Підпис: А. Кралицький.

Подаємо подля первопублікації.

ПУБЛИЦІСТИКА

АЛЕКСАНДЕР ДУХНОВИЧ
крылошанин Пряшевский

Первопублікація: Александръ Духновичъ, крылошанинъ Пряшевскій. Іп: *Золотая Грамота : Иллюстрированное письмо для поученія и забавы : Прилога до «Страхопуда»* / Издатель и отвѣтательный редакторъ Іосифъ Ливчакъ. – Вѣдень: Типомъ Л. Соммера, 1865, Ч. 7, с. 55-56.

Підпис: сост: К. и Л.

Подаємо подля первопублікації.

Статья «Александръ Духновичъ, крылошанинъ Пряшевскій» была написана криптонімом «К. і Л.», што ся прочитує як „Кралицький и Ливчакъ”. Криптонім вказує на соавторство тых двох особ. Фактично, иде за оригінальний текст Кралицького, до котрого редактор «Золотой грамоты» Ёсиф Ливчак додав деякі зазначки.

ИЗ-НАД ЛАТЮРКИ

Корреспонденция

Первопубликація: Изъ-надъ Латюрки. Корреспонденція. In: *Свѣтъ: Литературная газета, издаваемая Обществом св. Василия Великаго.* – Унгарь. – 1867, Ч. 10, 2 (14) сентября, с. 3.

Підпис: ~~Ф~~ома ~~Ф~~омычъ.

Подаєме подля первопубликації.

О СОВРЕМЕННОМ ПОЛОЖЕНИИ РУССКИХ В УГРИИ

Первопубликація: О современномъ положеніи Русскихъ въ Угріи. In: *Славянский сборникъ.* Томъ первый. – С.-Петербургъ: Изданіе Петербургскаго отдѣла Славянскаго комитета, 1875, с. 44-54.

Підпис: N. N.

А. Кралицький и И. Сілвай написали дакілко статей у соавторстві під кріптонімом «NN» про петербургський «Славянскій сборник».

Подаєме подля первопубликації.

СЛОВАКИ И РУССКИЕ В СТАТИСТИКЕ ВЕНГРИИ

Первопубликація: Словаки и Русскіе въ статистикѣ Венгріи. In: *Славянский сборникъ.* Томъ первый. – С.-Петербургъ: Изданіе Петербургскаго отдѣла Славянскаго комитета, 1875, с. 621-625.

Підпис: N. N.

А. Кралицький и И. Сілвай написали дакілко статей у соавторстві під кріптонімом «NN» про петербургський «Славянскій сборник».

Подаєме подля первопубликації.

ЯЗЫК И СЛОВЕСНОСТЬ

Первопубликація: **Языкъ и словесность.** In: *Листокъ : Духовно-литературный журналъ* Отвѣтственный редакторъ Евгеній Фенцикъ. – Унгарь. – 1888, Нрѣ. 19, с. 289-292.

Підпис: И. В.

Подаєме подля первопубликації.

ВИБРАНА КОРЕСПОНДЕНЦІЯ

ПИСЬМО

Франтішку Яну ЄЗБЕРІ

1864

Публікує ся по первый раз.

Подаєме подля авторгафа: Literární archiv Památníku národního písemnictví (Praha).

Єзбера Франтішек Ян (1829–1901); *чеськ.* Jezbera František Jan; *російськ.* Иезбера (*сочасный варіант*: Езбера) Фёдор Иванович – чеський діятель панславянської орієнтації, славіст, філолог, етнограф, поет. Скончив у Празі класичну гімназію и філософський факультет Празького університета. Под впливом Вацлава Ганки штудовав історію славянських земель и языків. У році 1861 був именованый на доцента (екстраординарного професора) славянських языків Політехнічного інститута у Празі. Емігровав до Росії, де од року 1869 був доцентом славянських языків наново отвореного Варшавського університета; там робив аж до своєї смерті. Пропаговав ідею славянського изъєдинення на закладі єднакого про славян письма – кирилкы, а дале и єдиного про ушиткых славян общеславянського языка. Выдтак у Празі выдавав у 1862–1864 роках кирилков журнал «Словенин» як первый часопис про ушиткых славян.

ПИСЬМА

Михайлу Федоровичу РАЄВСЬКОМУ

1865–1866

По первый раз были публіковані: ПАДЯК, В. З історії діяльності Слов'янських комітетів поміж русинів: невідоме листування А. Кралицького з М. Раєвським 1865–1866-го років. In: *Ідеї слов'янської єдності та суспільна думка на Закарпатті в XIX–XX століттях*. – Ужгород, 1999, с. 62–78.

Подаєме подля авторгафа: Государственный исторический музей (Москва). – ОПИ, Ф. 347, Ед. хр. 42, Л. 1–7.

Раєвський М. Ф. (1811–1884) – священник, поважна постава в історії російської дипломатії. У роках 1842–1884 був настоятелём російської посольської церкви у Відні. Общественный діятель славянофілського направеня. В Австрійській державі сповняв функції заграничного контрагента російських Славянських комітетів. Выдтак, посередствовав межи Славянськыма комітетами у Росії и культурныма діятелями славянських земель: спомагав фінансами а тыж російськов поліграфієв общественні організації, редакції часописів, націоналну моложаву и студентів, способив ширеня ідей славянофілства,

агітовав новинарів-русофілів заганяти свої кореспонденції у славянські одділы російських новинок «Русская беседа», «День» и др. Інформовав російські державні інституції за славянське двигання в Австрійській державі

ПИСЬМО

Володимиру ШАШКЕВИЧУ
1866

По первый раз письмо было опубликовано у вѣстнику: Жите и слово. – Львів, 1895, Т. 3, Кн. 2, с. 181.

Подаєме подля первоупубликації.

Шашкевич Володимир (1839–1885) – галицький поет, новинарь и выдавець народовецького направеня. Сын Маркіяна Шашкевича – соиздателя первого у Галичині алманаха «Русалка Днѣстровая» (1836). Штудовав у Львовському и Віденському універзітетах. Свої поетичні твори зачинав печатати у тых самых львовських и віденських русофілських часописах и у тому самому часі, што и А. Кралицький. Суть то: «Слово» (1858), «Зоря Галицкая Яко Альбумъ на годъ 1860», «Вѣстникъ для Русиновъ Австрійской державы» (1865). Пак ся печатав у виданях народовецького направеня – «Правда» и «Основа». Спровбовав себе тыж як выдавець – став редактором часописа «Вечерниці» (1863). У році 1866 куртый час (1 януара – 2 апріля) выдавав літературно-умелецький тыжденник «Русалка». Выйшло лем 12 чисел. Межи тым, сесь часопис став єдным из жерел українського національного новинарства.

ПИСЬМО

Нілу Александровичу ПОПОВУ
1866

Публикує ся по первый раз.

Подаєме подля автографа: Российская государственная библиотека (Москва). – ОР, Ф. 239, К. 11, Ед. хр. 28, Л. 1.

Попов Н. А. (1833–1891/1892) – російський історик, славіст. У 1864 році став єдным из лідерів (секретарь) общественной організації «Московский славянський комітет», што ся брала матеріално и морално спомогати славянське двигання в державах Европы. Из рока 1869 – професор Московського універзітета, из рока 1883 – член-кореспондент Санкт-Петербургської академії наук. У роках 1863 – 1864, обы ся ліпше приправити до габілітації на професора, учинив научной вандрованя до Німещины и Австрії, де ся інтересовав главно історієв и культуров западных и южных славян. Годно быти, же навщивив тыж теріторії бываня карпатських русинів; у році 1867 вийшла

му у Москві брошура «Русское население по восточному склону Карпатъ (Гуцулы – Бойки – Лемки)».

ПИСЬМО
Миколаю Миколаєвичу СТРАХОВУ
1874

Публикує ся по первый раз.

Подаєме подля автографа: ЦНБ НАН України (Київ), ВР, III, 17278.

Страхов М. М. (1828–1896) – російський публіциста, літературний критик, філософ. Скончив Главный педагогичный інститут у С.-Петербургу (1851), по тому деякий час робив учителем 2-ой гімназії в Одесі и др. містах, далє – у С.-Петербургу. Од рока 1873 – бібліотекарь юридичного одділа Публічної бібліотеки у С.-Петербургу. Од рока 1889 – член-кореспондент Петербургської академії наук.

ПИСЬМА
Измаилу Ивановичу СРЕЗНЕВСЬКОМУ
1876–1877

По первый раз были опубликовані (курта верзія): ПАДЯК, В. Слідом загубленого листування. In: *Закарпатська правда*. – Ужгород. – 1988, 25 груд.

Подаєме подля автографа: Центральный государственный архив литературы и искусства (Москва). – Ф. 436. Оп. 1. Ед. хр. 1480. Л. 1-6.

Срезневський И. И. (1812–1880) – поважна постава в історії російської славистичної науки, філолог, палеограф, етнограф. Из 1854 рока – академік Петербургської академії наук. У роках 1855–1880 був деканом історично-філологічного факультета Петербургського університета. У рамках свого велєрочного вандрованя по славянських землях (1839–1842) прийшов тыж на Підкарпатя (Угорську Русь), выдтак написав статю «Русь Угорская» (1852). Письма (отвіты) И. Срезневського А. Кралицькому однойти в архівах изгладователям до днесь ся не подарило.

ПИСЬМА
Тимофію Дмитровичу ФЛОРИНСЬКОМУ
1883–1884

По первый раз было опубликованой: ПАДЯК В. «Дух народной жизни». In : *Тиса : Літературно-мистецький, громадсько-політичний журнал*. – Ужгород. – 1995, № 1-2 [двойный], с. 133.

Подаєме подля автографа: ЦНБ НАН України (Київ), ВР, III, № 19432; № 19433.

Флоринський Т. Д. (1854–1919) – російський філолог, славіст. Скончив історично-філологічний факультет Петербургського університету (1876). По захисті магістерської дисертації (1881) прийшов робити до Києва; у 1882 р. научна рада Університету св. Володимира у Києві виволила го своїм доцентом кафедри славянської філології; далі став туй професором (1888). Активний член Славянських комітетів у Києві, редактор журналу «Славянській ежегодник». У 1882–1883 роках двичи ся выбрав у научне вандрованя – перейшов землі Болгарії, Хорватії, Моравії, Галичини, а тиж сіверной Угорщини, и туй, годно быти, міг ся стрічати из карпаторусинськов інтелігенцієв. Придержовав ся антиукраїнської позиції. У році 1919 білшовики, што заяли Київ, росстріляли го як члена Київського клубу російських націоналістів.

ПИСЬМО
Ивану СІЛВАЮ
1883

По первый раз было опубликованой: ЛЯВИНЕЦ М. А. Какие загадки таят письма... Письмо А. Кралицкого И. Сильваю (У. Метеору). In: <https://docplayer.ru/61578371-Marianna-a-lyavinec-kakie-zagadki-tayat-pismo-a-kralickogo-i-silvayu-u-meteoru.html>

Подаєме подля автографа: Державний архів Закарпатської області (Ужгород – Берегово). – Ф. 64. Опис. 5. Од. зб. 339.

Сілвай Иван (1938–1904) – священник, підкарпаторусинський писатель, поет, етнограф, культурний діятель русофілського направеня.

II. ОСНОВЫ ТРАНСЛІТЕРАЦІЇ ТВОРІВ А. КРАЛИЦЬКОГО

По смерті Кралицького мало что из ёго рукописного наслідства об-стало в архівах ци на руках научників. Єдиним жерелом, подля котрого мож днись аналізувати язык творів писателя, суть перві ёго публікації у тогочасных новинках и часописах Львова, Відня ци Ужгорода. Поправді, А. Кралицький не усе був спокійный поправеням своїх творів галицькыма редакторами. Зато, коли днись аналізуєме язык первopублікацій писателя, усе мусай изробити попуст на сесе обстояня.

Вшиткі тексты у сёму выданю подаєме в авторськів редакції подля первopублікацій авадь, кидь текст обстав у рукопису, подля рукописа.

Межи тым, сочасному укладачу мусай ся приспособити до вимог публікованя текстів старшой doby, коли лем ся зачинала світська традиція письма (по року 1849), а тогдышні авторы слабо ся додержовали нормы орфографії и пунктуації, бо и правила тоты ищи не мали силу кодифікованой нормы. До кінця, авторів тых не было аж так много. Выдтак, нормованя письма одтягло ся на веце десятилітій.

Коли кажеме «*приспособити ся до сочасных вимог*», то не значит, же хочеме (ци мусиме!) текст докус переробити, жебы мав вшиткі знаки сочасного письма. Нарубы, маєме дяку присокотити авторський стіл письма, дати читателю можность увидіти и вчути языкову стіхію той doby – несистематизованость письма, індивідуальность у наборі лексичных форм и др.

Межи тым, за послідні півдругастолітя наш язык перетерпів дакілко реформ, ініціаторами котрых были искраві граматикарі нашого языка, як то А. Духнович, И. Раковський, Є. Фенцик, В. Чопей, А. Волошин, И. Гарайда и многі другі, а карпаторусинське общество пережило дакілко ідеёво-політичных направень, як то австрославізм, русофілство, народництво, назад – русофілство, украинофілство, русинофілство – аж наконець пережило вно и заказаня русинського языка советськов тоталітарнов системов. Нормы сочасного карпаторусинського языка не в ушиткых державах, де на своїх історичных теріторіях бывавут русины, на днешній день суть кодифіковані.

Днешній нашій розумення унормованя русинського языка далеко одстоїт од представ за норму наших передходників. Зато до языка текстів пережых епох мусай вносити даякі зміны. Иде за корекцію застарілых орфографічных, пуктуаційных, фонетичных, морфологічных и сінтаксичных норм.

Односно творів А. Кралицького, языкова експертіза позволяє выокремити чєтыри тіпа текстів. Се такі тіпы:

1. Народный писемный стандарт (близький до народной бесіды);
2. Літературно-умелецький стандарт де домінує народна бесіда;
3. Літературный стандарт новинкы «Свѣтъ» (текст мож читати дво-яко);
4. Писемный стандарт, близький до російського літературного языка.

Нижє подаєме вшиткі чєтыри образчики письма:

1.

Народный писемный стандарт (близький до народной бесіды) (образчик текста)

«Якся робить пальная баволна до коллодіона? Берся $\frac{1}{4}$ лота чистой простой баволны, кладєся до парцеллановой округлой шалки, и берся 4 лоты Етеру и лѣся на тую баволну и мѣшается скляною паличкою – такъ, чтобы ся вся баволна замочила. Якъ познати, что Етеръ прошолъ всю баволну, держати еще за минуту; по минутѣ взяти и вытиснути у бибулѣ; потому налѣяти до чарки дестилованой воды и вымити баволну добрѣ въ колькохъ водахъ дестилованыхъ. Потому вытиснути добрѣ баволну, розкубсти и на солнці добрѣ высушити...».

(рукопис «Фотографія», 1860-ті рр.).

2.

Літературно-умелецький стандарт, де домінує народна бесіда (образчик текста)

«Сталосє, якъ и звычайно звыкло ставатися: Властичъ взялъ Олену за жену. Та и не окламался. Супруга зъ ней, яку глядати: любяща, скромна, а къ тому доглядлива господиня. Властичъ не стєналъ подъ черевиковымъ правлєніємъ. И свѣтъ имъ былъ

такъ переживати минуты житъя, которыи бѣгли, будто мысли. На лонѣ всеоживляющей и увеселяющей природы, подѣ тѣнью розложистыхъ деревъ, въ опрятномъ и вкусу отповѣдномъ домѣ прожили уже три лѣта, будто три години. А Богъ мирное ихъ супружество пожегналъ двома дѣточками: здоровыи были, якъ жолудь, а красныи, якъ макъ...».

(оповідання «Казнь неба»,
Галичанинъ: Литературный сборникъ,
издаваемый Б. А. Дѣдицкимъ,
Львов, 1863 р.)

3.

Літературный стандарт новинки «Свѣтъ» (мож читати двояко)

(образчик текста)

«Между тѣмъ сталъ голодъ. Кромѣ одного коньского мяса, упеченого при стеблахъ тростины и посыпаного, вмѣсто соли, попелом, не было чого вложить въ ротъ.

Одного вечера правѣ коло огня сидѣлъ, коли одинъ изъ оставшихся при немъ трехъ козаковъ промовилъ до него тако:

— Пугачѣвъ! Уже довольно давно строишь ты комедію...»

(«Пугачѣвъ», 1865)

4.

Писемный стандарт, близкій до російського літературного языка

(образчик текста)

«По случаю петропавловской ярмарки в Берегсасѣ мясники из окрестности, торгующіе издѣліями из свиного мяса, заблаговременно собрались со своими припасами: ветчиною (ужениною), колбасами, окороками (шинками) и прочим лакомством и размѣстились в шатрах на рынкѣ возлѣ католическаго костела. Но Андрей Чайкош, мѣстный богатый мясник, не уступил им, приходяжим, первенства. Так водится это сыздавна, что богатые занимают первыя мѣста.

Была пора жнив. Толпа верховинцев (карпатских горцев) от Верецких гор пробиралась чрез город в затисскія стороны к мадьярам, на заработки, чтобы зимой было чем прокормиться в жалких лачугах, спрятанных в суровых ущельях Карпат, гдѣ бѣдное русское населеніе напрасно борется с климатическими условіями,

гдѣ колос никогда не созревает. Нужно спускаться в долину рѣки Тисы и там на плодородных полях мадьяр прижать для себя 15–16 долю копны».

(«Житейския дразги»,
«Беседа», редактор О. Мончаловскій, 1893)

Односно легко транслітерувати тексти А. Кралицького, котрі односимо до первого и четвертого тіпа письма. Транслітерація, ци пак приведения текстів до сочасных русинської (про первый тіп) и російської (про четвертый тіп) азбук перебігає без даяких явних проблем.

У текстах **первого тіпа**, што суть наближені до народной бесіди, буква «ѣ» («ять») повсягды перейде на букву «і» / «ї»; буква «е» має позначати звук [e]; буквов «є» традиційно про сочасну русинську азбуку позначає ся сполука звуків [йе]: лѣся – лієся; еще – єще; мѣшається – мішається.

Про **четвертый тіп** текстів актуалнов є норма транслітерації, коли, обы ся додержувати сочасной російської азбуки, буква «і», котру пролишили почас реформи 1917 рока, міняє ся на «букву «и», а буква «ѣ» («ять») повсягды перейде на російську букву «е»: возлѣ – возле; свѣтъ – свет; бѣдное – бедное; житейскія – житейския.

Межи тым, не кывали сьме (як одзнаку стіла А. Кралицького) даякі форми російської орфографії сперед реформи. Иде, главно, за написаня адъективных форм єднини (*Р. п.* и *В. п.*: всякаго, содеяннаго, перваго), а тыж множины (*И. п.*: ночныя, своевольныя, какия, следующие).

Ясною діло, про вшиткі тексти (первого, другого, третьего и четвертого тіпів) платным є норма транслітерації, подля котрой повсемістно ся пролишає при кінци слів буква «ъ»: изъ – из; ротъ – рот; дестилованыхъ – дестилованных.

До **другого тіпа** («Літературно-умелецький стандарт, де домінує народна бесіда») односимо твори «маріяповчанского» періода житя А. Кралицького (1858–1863) авадь далші тексти, напечатані у Львові (окрем сотрудиництва из редактором «Бесѣды» Осипом Мончаловським, котрый перейшов на літературный російський язык).

Зачим у підкарпатських русинів своєю поліграфії (до 1867 рока) не было, А. Кралицький заганяв твори до Львова (редактору Б. Дідицькому) авадь до Відня (редакторам из Галичины) Юлію Высlobодскому (мав псевдонім: «Зборовскій») и Ёсифу Ливчаку. Галицькі редакторы, котрі

поширѣвали тіраж помежи містну інтелігенцію, приспособлѣвали підкарпатські тексти про свого читателя. Видав, русофілські тенденції у языку творів А. Кралицького вни кус мінімізовали, даючи го у русло живої народної традиції.

Приспособеня текстів другого тіпа про сочасного читателя, котрый не дуже ся розуміє на періпетіях еволюції графічної системи, але має дяку читати твори карпаторусинської літератури, яло бы изробити так, як были транслітеровані тексти первого тіпа: буква «ѣ» («ять») повсягды перейде на букву «і» / «ї»; буква «е» має позначати звук [е], а буква «є» має позначати сполуку звуків [йе]: разлучаеть – разлучает; дѣся – дієся; свое – своє; прощаніє – прощаніє.

Ясної діло, зазначили сьме туй лем главні прінципи транслітерації текстів другого тіпа. Межи тым, суть далші правила приспособеня текстів, и за того поговориме мало ниже.

Май комплікованов видит ся нам транслітерація текстів **третього тіпа**. Се тексти, котрі автор А. Кралицький заганяв до ужгородських новинок ци популярного видання «Мѣсяцословъ». У тых редакціях гет переважала русофілська тенденція; редакторы нияк не поправляли тексти А. Кралицького. Писані в языцію, тоты тексти не дає ся приспособити днись під російську азбуку, бо слабой знатя автором російського языка робит сякі трансформації бессмыслыма. Зато єдиноможным, видав, є приведеня текстів до сочасной русинської азбуки. То значит: буква «ѣ» («ять») повсягды перейде на букву «і» / «ї»; буква «е» має позначати звук [е], а буква «є» має позначати сполуку звуків [йе].

Далші майважні правила транслітерації текстів первого, другого и третього тіпів:

— хотяй автор (подля тогочасной орфографічної традиції) не хосновав літеру «г», у тів позиції, де ї треба подля днешнѣй нормы, кладеме ї повсягды: граніт, трагікомічний, гулден, газдовати, легіон, а́га;

— у чужій лексиці не хоснуєме **подвоєня** согласных: каса, комерція, аппетит, інтелігентный, професія, субота;

— частка **–ся; –сь** усе ся пише ведно из глаголом: зближатися, одважитися, розойшлись.

— у глаголах теперішнього часу (другой лице єднини) законченя ся пише **без -ь** (мнягкого знака): любиш, прирекаєш, можеш, дивуєшся;

— у глаголах теперішнього часу (третьє лице єднини) присокотили саме характерное про язычіє закончення на -т: читаєт, пишет, показуєт, течет, поглядаєт;

— у глаголах минушого часу єднини присокотили саме закончення -л: впал, вызирал, висіл, затовкал, скричал;

— у називниках женського рода на -ч пролиши саме «ь»: ноч (не ночь), помоч, доч, гореч;

— по фонемах [г], [к], [х] и [ж], [ч], [ш] у злуках -ги-, -ки-, -хи-, -жи-, -чи-, -ши- лишили саме традиційне (про карпаторусинську норму ХІХ століття) написання букви «и»: другим, береги, луги, услуги, Кралицкий, румунки, великий, яких, верхи, тихий, глухий, ужити, служити, тужити, межи, убіжище, обачити, очи, лучи, зачим, чистый, нехотячи, причина, самчик, наших, инший, вашим, умершим, сушити;

— ігноруєме написання -і- сперед гласной авадь -й-, характерной про стару російську орфографічну норму, котру прияли также русинські писателі-русофілы, котрі клали там «ї». На тому місті кладеме -и-: Кралицкий (не Кралицкій), який (не якій), вступивший (не вступившій), маленький (не маленькій), другий (не другій), глухий (не глухій), числячий (не числячий), такіі (не такіи), долгиі (не долгїи), солодкіі (не солодкіи), якіі (не якіи);

— намісто букви «и» на зачатку склада авадь слова, котра скриває звукосполуку [йі], кладеме (подля сочасной норми) букву «ї»: твоїх (не твоих), мої (не мои), свої (не свои), своїма (не своима), їх (не их), стоїт (не стоит), воїн (не воин);

— у приназивнику «од» усе ся пише буква «д»: од уст, од вигляда, од хмар, од жалю, од бурі;

— у приназивнику з/из усе ся пише буква «з»: з Уграми, з соловієм, з настроєнієм, з Єленою, з смертію, з одного, з груди, з ланцухом, з Богом, з плачем, з глубини, з тым, из небосклона;

— приназивник «без» усе ся пише из букв «з»: без тебе, без чувств, без сердця;

— у префіксах од- (одо-) чередованя д/т не одбыває ся. На кінці префікса усе ся пише буква «д»: одбивался, одважитися, оддам, одкрыєся, одлучился, одмстилась, одняти, одповісти, одпустити, одпретити, одразити, одходити, одойти, одвага, одчаяніє;

— кидь сполука **от-** є частёв кореня, пишеме, подля звучаня, букву «т»: отчина, отчим, отровити, отваряти, отворити, отвореня, отвічати, отвіт;

— префіксы **з- (с-), из- (ис-), без- (бес-) и роз- (рос-)** пишеме подля нормы сочасного русинського языка:

з- (с-): зближитися, позбавити, зложити, зорвати, знова, співати;

из- (ис-): избігнути, исчезнути;

без- (бес-): бездонной, безодлучный, бесчувственный, забезпечивши, безперывно, бесчеловічно.

роз- (рос-): розвязал, розносився, розрывной, роздирали, росстрой, розказовал, росширное, росстелилося, россмілился, ростворились, росходились, росцвілась.

— сочетаня **-сч-** у коренях слів передаєме як **ш**: щастя (не счастья), щастлившое; щадница, але лишаєме сочетаня **-сч-** на межи префікса и кореня: счислити, считати, счёт;

— сочетаня **-лнц-** передаєме як **-нц-**: сонце (не солнце);

— сочетаня **-стн-, -рдц-, -здн-** не спрощуєме: прелестный, несчастною, честный, властный, неизвестный, подлестный слова, жалостный, сердце; праздновати, наїздник.

— хотяй як бы ся писали у тестах назвы місяців, уніфіковано подаєме їх написаня из малой буквы: июнь, август, ноябрь, июньский день.

— присокотили сьме написаня етнонімів из великой буквы: Русины, Словаки, Англичане, Половці, Руссы, Мадяре.

Сякі суть главні правидла транслітерації языка текстів А. Кралицького.

ІІІ. УКАЗОВАЧ ІМЕН І ПРОЗВИЩ

А

Августин Христіан, архієпископ 277
Александра Павловна, княжна 258,
259
Алексевичевна К. позирай Алексович
Клавдія
Алексович Клавдія 34
Андрейкович Савва 281
Анонім 95, 404
Арань 351
Арва Петр 249
Ардан Порфирій, єпископ 276
Арістов Федор (Аристовъ) 28, 38
Арпад 29, 33, 53, 95, 296, 374

Б

Бабота Л. 25
Багош Василь (Багоші Ласло) 65
Базилевич Іоанникій (Базилевич
Іоанникій), протоигумен 37, 44,
45, 271, 276, 350, 410
Баллинг Іоанн, капітан 274, 275
Балудянський Андрей 37, 44, 260, 262,
271, 346, 351, 410
Балудянський М. 364
Баторій Софія 276
Бача Ю. А. 11, 25
Бачинський Андрей (Бачинский),
єпископ 279, 280, 298, 346, 350
Бачинський Є. (Бачинский Евгений)
369
Бела IV 271
Бескид Михайло 368
Бетлен Гаврііл, князь 273, 274
Бизанцій Геннадій, єпископ 31, 277,
278
Бібіков, генерал 152
Бігнер 283

Білов 143
Бірчак В. (Бирчак) 14
Блажовський Гаврііл, єпископ 278
Блажовський Геннадій 299
Бокшай Михайл 298
Бородин Л. П. 15
Босняк Софія 250
Брадач Іоанн, єпископ 279, 280, 298,
346
Бреценгейм, герцог 294
Брыла 340
Будилович Антон Семенович 28, 373,
380
Бьєлек Антон 40, 47, 238, 408

В

Василій (Ladislaus, László), єпископ
позерай тыж Ладыслав II 272, 273
Венедикт XIV 278
Венелін-Гуца Юрій (Венелін (Гуца))
38, 299
Верешмарті Мігай 218
Вешшелейньи Франц (Vesselényi Fe-
rencz), угорський палатин 250
Владыслав, цар 271, 272
о. Войтковський Василій Миронович
(Войтковский), протоієрей 259
Волошин Августин 14, 418
Вольтер 145
Воцель 380
Высlobодский Юлій (Висlobодский
Юлий, Высlobодский Юлій)
псевдонім: Зборовський Василь
38, 257, 262, 264, 403, 421
Вышневецка Михайлова, княгиня 283

Г

Гавула Юрій 22

Гаганец Іосиф (Гаганец Іосиф,
Гаганец Іосифъ), єпископ 12, 39,
253, 255, 264, 268, 350
Ганка Вацлав 363, 414
Гарайда І. 418
Гербер 340
Герберій Марія Іоановна 339
Глад 84
Глібовицький Іоан 34
Гоголь М. (Гоголь Н.) 245, 262
Годермарский Ёсиф, єпископ 277
о. Гойдич Антоній 383
Голенда Ёлана (Голенда Й.) 11, 25, 26
Голицын, князь 263
Головацький Іван (Головацкий
Іван Ф.) 34, 262
Головацький Яков Федорович
(Головацький, Головацкий) 25, 34,
262, 263, 366, 367
Голуховский Агенор 263
Гомичков Александр 260, 262
Гомічков Ніколай 43
Готтгельф Ієремія позерай тыж
Готтгельф Ієремія 407, 408
Грегорович Іоанн, єпископ 274
Гушалевиц Іоан 33

Г

Гаганец Ёсиф, єпископ позирай тыж
Гаганец Іосиф 32
Галіцин, князь 152
Готтгельф Ієремія 40, 41, 46, 154, 407

Д

Даль Владімір 40
о. Дарчинский Іоанн 283
Дашков В. 365, 366
Дашкова, княгиня 149
Деак 354
Декамельіс Ёсиф позирай тыж
Камеліс Ёсиф, єпископ 45
Дешко Андрій (Дешко Андрей,
Дешков Андрей) 30, 364
о. Дешко Іоанн, архидиакон 347

Дешков Андрей позирай Дешко
Андрій 364
Дешков Іоанн 298
Дідицький Богдан (Дедицкий А. Б.,
Дідицький, Дідицький, Дѣдицкий
Богданъ Андрѣевичъ, Дѣдицкий)
25, 33, 34, 37, 44, 265, 403, 404,
410, 411, 420, 421
Добош Степан 14
Добрянский Виктор 264
Добрянський Адолф 28, 257, 259,
264, 351, 373
Довгович Вас. 298
Довид, цар 287, 375
Другет Іоанн 274
Духнович Александер (Духнович
Александр, Духновичъ Алексан-
деръ, Духнович Александр
Васильевич, Духнович Олександр)
26, 30, 32-34, 38, 39, 45, 46, 198,
245, 246, 251, 253, 255, 256-259,
261, 262, 264, 301, 339-342, 344,
347, 350, 351, 393, 394, 412, 418
Духнович Василій Димитрієвич 339
Духнович Димитрій 340
Духновичі, родина 339
Душанек І. 65

Е

Езбера Ф. І. позирай тыж Єзбера
Франтішек Ян 363, 413
Ердодій Гавріїл, єпископ 278
Ершій Сигисмунд, поджупан 274
Естергазій, єпископ 280

Є

Єзбера Франтішек Ян (Иезбера Фёдор
Иванович) 363, 414
Єкатерина ІІ, цариця 145, 146, 149,
150, 152
Єлагін 143, 144, 149

Ё

Ёкаї Мор 39, 40, 143, 149, 151-153, 407

Єсиф, імператор 64, 277

Єсиф, палатин 258

З

Задерацький Микола Петрович
(Задерацький Н. П.) 380

Запольї Іоанн 273

Зборовський Василь (Зборовский
Василий, Зборовський Василій),
псевдонім; позирай тыж
Выслободский Юлій 38, 257, 262,
264, 403

Зейкан Іоаннікій, єпископ 276

Зизель Ф. Ф. 285

Золан 285

И

Иезбера Фёдор Иванович позирай
Єзбера Франтішек Ян 363

Изабела, цариця 273

Иларіон, єпископ 273

Иларіонов, полковник 152

Иннокентій Х, папа 275

Иннокентій IV, папа 271

Иосиф II, імператор 37, 45, 307

І

Іржечек 263

Ільченко Л. 10

Іоанн, єпископ 271, 272, 299

Іоанн II 273

Іоанна Неаполитанска 56

Й

Йокаї 40

К

Кав Глен 26, 32

Казинци Ф. 265

Камелис Єсиф, єпископ (Камелис
Іосиф, де) позирай тыж Декамеліс
Єсиф 45, 276, 279

Каратаев И. 283, 284

Карл I 271

Карл III 64, 277, 278

Карл VI Єсиф Франц 64

Карр, генерал 149, 150-152

Качковский Михаил 266

Кашпер Мартирій, протоигумен 282

Каюх 354

Квітка-Основьяненко Г. 262

Кимак Віктор 39, 264

Кинах Г. 34

Кирилл, св. 246

Кирилов позирай тыж Сабов К. 41, 42

Кізак Михайл 17, 18

Клемент Александрійский 114

Климент XI, папа 277

Климент XIII, папа 280

Климент XIV, папа 280

Ковачкович Стефан, канцлер 273

Козак Іоанн 306

Колар Ян 40

Колонич Леопольд, примас 276

Константин Порфірогеніт
позирай тыж Константин VII
Порфірородный 310

Константин VII Порфірородный 310

Конч Анна 15, 17, 19

Корвин Матвей (Матфій), цар 249,
271

Коріатович Феодор (Кориатович,
Коріятович), князь 271, 298, 299,
350

Коцак Анастасія 281

о. Коцак Антоній (Андрей) 281, 282

Коцак Арсеній (Алексій) (Коцакъ) 37,
281, 410

о. Коцак Федор 281

Кошут 254

Кралицька Анна 17, 19

Кралицька Зузка 17, 19

Кралицька Маня 17, 19

Кралицька Терка 17, 19

Кралицька Юля 17, 19

Кралицькі, родина 16

Кралицький Антон (Антін) 17, 19, 20

о. Кралицький Мефодій 13, 16

Кралицький Мишо (Мішко) 17, 19
Кралицький Стефан (Стефанъ) 17, 19
Кралицький Федор 15, 17, 19
Куземский 263
Кустодієв Константин, протоієрей
258, 259
Кутка Иоанн, каноник 350

Л

Лаборець (Лаборец, Лаборецъ), князь
11, 14, 34, 35, 83-95, 404
Ладигинский, каноник 192
Ладыслав II, єпископ 273
Лалаватка позирай тыж Салават
(Юлаєв) 151
Лам Шандора 432
Ламанский В. И. 285
Леонтович Павло 34
Леопольд, цар 275
Леопольд I 277
Ливчак Ёсиф Миколаєвич (Ливчакъ
Іосифъ) 38, 39, 143, 339, 365, 407,
412, 421
Липпай Юрій, примас 275
Лихварчик Михайло 262
Логофет 287, 375
Лодій Петро 38
Луговой А. Е. 15
Лучкай М. 256
Людовик Великий 33
Лютер 267
Лявинец М. А. 471
Ляхович В. 264

М

Максиміліан II 273
Марія Терезія (Мария Терезия) 64,
278, 279, 345
Мартынов 263
Матфія, губернатор 273
Мейсарош Карой 311
Мелцер Василь (Мелцеръ) 21
Мефодий, св. 246
Мещерський М. П., князь 369
Мигалич Н., каноник 304

Микита Матфей, протоигумен 45
Микитась В. 25, 33
Митрак А. 36
Мілютін Д., граф 369
Міхелсон 152
Мойсей 35, 47, 113-116, 396, 404, 405
Молчан Михайло В., нотар 368
Мондок И. 264
Мончаловський О. (Мончалов-
ський О. А.) 238, 405, 406, 408, 421
Мушинка М. 26, 32

Н

Наумович Иван 33
Негребецкий Александр 296
Недзельський Євгеній (Недзель-
ський Е., Недзельський Е.) 14, 27,
28, 39, 143, 407
Нестор 85
Нодь Николай 260, 262
Носек Богдан 394

О

Огоновський Еміліан 34
Озаркевич Іоан (отець) 34
Озаркевич Іоан (сын) 34
Ойтозі Естер 405, 411
Олег Кієвський 85
Ольшавский Мануїл (Олшавский
Мануил), єпископ 278, 279, 281,
298, 299
Ольшавский Симон, єпископ 278
Орлов, князь 149, 150

П

Павліч Міхал 7, 8
Павлович Александр (Павлович О.)
25, 34, 256, 392
Павловский 348
Падяк Валерій 7, 8, 10, 15, 21, 40, 48,
404, 405, 407
Палацький Фр. 380
Панкович С., єпископ 29, 263, 348, 349
Партеній Петр (Парфеній), єпископ
275, 276, 346

о. Пекарь Атанасій 25, 26, 32
 Переній, фамилія 294
 Перфецький Євгеній (Перфецький,
 Перфецький Е. Ю.) 13, 16
 Петёфи 351
 Петро [І] Великий, імператор 340
 Петро ІІІ, імператор 148, 151, 152
 Петровай Стефан, староста 341
 Петровичъ позирай тыж Партеній
 Петр 276
 Петроній, єпископ 273
 Петрушевич А. 283
 Пій VI, папа 280
 Попов Ніл Александрович (Попов
 Нил Александрович, Поповъ
 Ниль) 29, 365, 372, 374, 415
 о. Попович Андрей В. 34, 267, 308,
 368
 Попович Василій (Попович Василий),
 єпископ 37, 41, 45, 192, 260, 264,
 267, 341, 346, 348, 350, 351
 Попович Тібор 35
 Пугачов Ємельян (Пугачёв, Пугачов,
 Ємельянка) 39, 40, 143-153, 407,
 420
 Пугачова Маріянка 153
 Пушкін А. 39, 40, 143, 407

Р

о. Радлинский Андрей 252, 260
 Раєвський Михайло Федорович
 (Раевский Михаил Федорович,
 Раєвський Михайло Федорович)
 258, 259, 307, 348, 364, 365-368, 414
 Раковецкий Методій, єпископ 276
 Раковський Іоан (Раковский Иоанн,
 Раковский Иван, Раковський И.,
 Раковский) 36, 259, 260, 262, 263,
 283, 366, 369, 418
 Раковцій, фамилія 294
 Раковцій Георгій 64, 274, 275
 Раковцій ІІ Юрій 276
 Ракоці Ференц ІІ 40
 Рац Дмитрій 38
 Ротошинський позирай тыж Партеній

Петр, єпископ 276
 Рошкович Ігнац 432
 Рубій Антоній М. (Рубий Ант.) 259,
 368
 Рудловчак О. М. 11, 25, 33, 39
 Рудольф ІІ, цар 273
 Ружицкий Сільвестер 302
 Русов Александр Александрович 376
 Русова Софья 376

С

Сабов Євменій (Сабовъ Е.) 13
 Сабов Кирил (Сабов Кирило, Сабовъ
 Кириль Ант.) 41, 42, 46, 393, 405,
 408, 411
 Салават (Лалаватка, Юлаєв) 151
 Салаї (Салай Владислав, Салай
 Владиславъ) 29, 374
 Сатмарі Адам (Сатмари Адам) 40
 Святополк 84
 Сейченъ Стефан 265
 Сергій (Сергіус), єпископ 273
 Сечени 351
 Сільвай Иван (Сильвай Иван Анто-
 нович, Сілвай Иван) псевдонім
 Уриил Метеор 27, 28, 29, 30, 36,
 43, 373, 383, 413, 417
 Скакандій Василь 437
 Соколов Иван (Соколовъ) 285-287
 Сополига М. 21
 Софія [сестра Петра І] 340
 Софроній, монах-сарабита 278
 Срезневський Измаил Иванович 285,
 375-379, 416
 Ставровський Ю. 25
 Стефан, цар 273
 Стікс Вольф 302
 Страхов Миколай Миколаєвич
 (Страхов Ніколай) 28, 373, 416
 Стрипский Мих. 264
 Суворов, генерал 153

Т

Тарасович Василій, єпископ 274, 275,
 346

Таркович, єпископ 341
Телекий 351
о. Терлецький Володимир 350
Тімкович Їзафат В. 30, 31
Тіхі Франтішек 5, 9, 14, 16-20, 26, 28
Толстой Лев 369
Торонський Алексій (Торонський,
Торонський) 24, 25, 34, 310
Траубенберг, генерал 147
Трефорт 354

У

Уриил Метеор, псевдонім позирай
Силвай Иван Антонович
Устиянович Ніколай 33

Ф

Федор П. 14
Феєрчак П. (Феєрчак) 26
Фенич Володимир 8
Фенцик Євгеній (Фенцик Євгеній) 4,
10, 12, 15, 36, 381, 384, 409, 413, 418
Фердинанд III, імператор 272, 274,
275
Флоринський Тимофій Дмитрович
(Флоринський Т. Д., Флоринський
Тимофій Дмитрович) 380-382,
409, 416, 417
Франц I, імператор 345

Х

Хохолушко П. 380

Ц

Цітрякова Зденка 8
Ціцерон 107
Цшокке Генріх 40, 41, 46

Ч

Чакій-Вандернат, фамілія 294
Чарториский Ю. 283
Чепа Стівен 437
Черкайський, капітан 340
Черкайські (Черкайские), князі 339,
340
Черничев 150, 151
Чика 148, 151, 152
Чонтоши 286
Чопей Антоній, вікарій 264, 267, 348
Чопей В. 418

Ш

Шафарик П. И. 380
Шашкевич Володимир 34, 371, 415
Шашкевич Маркіян 371, 415
Шевченко Т. 376
Шимандій Стефан, єпископ 274
Шлепецький А. 25
Шмит 348
Штернберг Я. 40, 404, 407
Шугайда Макарій, протоигумен 45,
281

Ю

Юлаєв позирай тыж Салават 151
Юнгман Йосиф 380

Я

Якович Анна 15
Якович Михаїл, парох 15
Якушич Юрій, єпископ 275, 276
Янович Петр 260
Яхимович Григорій (Яхимович Барон
Григорій), митрополит 33, 263,
265, 266

A

Anonimus 404

B

Bielek Anton 238, 408

C

Chepa Steven 437

Chotek K. 14, 16, 26, 28

Citriaková Zdenka 438

Csontosí позирай тыж Чонтоши 286

Cyrrill позирай тыж Кирил, св. 251

D

Darczynskij Jan позирай тыж
о. Дарчинский Иоанн 283

F

Fenyč Vladimír 438

Florinski T. D. 381, 409

Franz Josef 246

G

Gottself 40

Gregory позирай тыж Грегорович
Иоанн, епископ 274

Grimm J. 358

J

Jezbera František Jan позирай тыж
Єзбера Франтішек Ян 363

Jirzecsek позирай тыж Ііржечек 263

Jopek K. 15

K

Koncs Anna 15

Koriatovich I. позирай тыж Коріатович
Феодор 350

Kralicky Theod. 15

L

Ladislau (László) позирай тыж
Василій, епископ 272

László (Ladislau, Lasló) позирай тыж
Василій, епископ 272

Lemess Ondrej, каноник 251

M

Method позирай тыж Мефодий, св.
251

Mondok J. 382

N

Nogy Miklós позирай тыж Нодь
Николай 262

P

Pad'ak Larysa 439

Pad'ak Milan 439

Pad'ak Valerij (Padiak W., Padják V.)
15, 40, 407, 438, 439

Papp Pater Primus 281

Pavlič Michal 438, 439

Pulszky Ferencz 286

R

Rakoci 283

Ráth György 286

S

Sergius 273

Skakandij Vasil' 437

Szalay László (Ladiszlau) позирай
тыж Салаї

T

Tarasovits Basilio позирай тыж
Тарасович Василій, епископ 275

Tichý František 5, 9, 14, 16-20, 26, 28

Timkovič J. 31

V

Váradi-Sternberg J. 40, 407

Vesselényi Ferencz позирай тыж
Вешшелейньи Франц 250

W

Wögerer H. 29, 374

Z

Zschokke 40

IV. ПІДПИСИ ДО ІЛУСТРАЦІЙ

- С. 49; 385. Фотограф-любитель А. Кралицький ся исфоткав на свою *camera obscura*. 1860-ті роки.
- С. 51. Василіанський монастирь близь села Красный Брод. Гравюра XIX ст.
- С. 117. Ужгород. Акварел Шандора Лама, 1862.
- С. 141. Позір на грекокатолицький кафедральный собор и резиденцію єпископа Мукачевської єпархії в Ужгороді (до реконструкції 1877 рока).
- С. 243. Середновічний замок в Ужгороді, де ся розміщовала Ужгородська духовна семінарія (фрагмент гравюри Ігнаца Рошковича, кінець XIX ст.).
- С. 269. Позір на кафедральный храм и резиденцію єпископа Пряшівської грекокатолицької єпархії у Пряшові. XIX ст.
- С. 289. Василіанський монастирь у Марія Повчи (сочасне фото).
- С. 337. Василіанський монастирь на Чернечій горі близь Мукачева.
- С. 361. Мукачево. Акварел Шандора Лама, 1862.

ОБСЯГ

Анатолій Кралицький: Життя – література – народ. *В. Падяк* 9

ТВОРЫ

ПРОЗОВІ ТВОРЫ 1860-х років

ПАСТЫРЬ В ПОЛОНИНАХ	
Повістка из сторон под-Карпатских	53
ФЕДОР ПЕТРЮК	
Повість из Мармарошских гор	64
КНЯЗЬ ЛАБОРЕЦЬ	
Історическая повість из IX. віка	83
КАЗНЬ НЕБА	
Оповіданіє	96
НЕ ХОДИ, ГРИЦЮ, НА ВЕЧЕРНИЦІ!	
Подкарпатская повість	101
МОЙСЕЙ	
Бібліческоє повіствованіє	113

ПРОЗОВІ ТВОРЫ 1890-х років

ЭКЗЕКУТОР	
Рассказ из угрорусской народной жизни	119
ФОН МИНКАЧ	
Рассказ из угро-жидовской жизни	123
ЖИТЕЙСКИЯ ДРЯЗГИ	
I. Возня с запрещенным табаком	128
II. На мукачевской ярмарке	131
III. На берегсаской ярмарке	134

ПЕРЕКЛАДЫ и АДАПТАЦІЯ

Мор Ёкаї. ПУГАЧОВ	
Повість	143
ИВАН	
Повість из народной жизни (послі «Uli der Knecht» Готтгельфа)	154
Антон Бьелек. СЛОВЕНСКАЯ СИРОТА	
(Из словенского Hlasnik-a)	238

МЕМОАРЫ

ИЗ ВПЕЧАТЛЕНИЙ, вынесенных случаем двухнедельного	
побытия между Угорскими Словаками 1863-го года	245
ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ 50-Х ГОДОВ УГРОРУССА	253
ВОСПОМИНАНИЕ	261

ІСТОРІЯ и ПАЛЕОГРАФІЯ

ДАТА К ІСТОРІЇ УГОРСКИХ РУСИНОВ	
(По жерелам Базиловича и Балудянского)	271
АРСЕНІЙ КОЦАК	
Доктор святого Богословія	281
О ДРЕВНІХ ЄВАНГЕЛІЯХ	283
МУКАЧЕВСКАЯ ПСАЛТЫРЬ XV. ВЕКА	
(Библиография)	285

ЕТНОГРАФІЯ и СТАТИСТИКА

СІВЕРО-ВОСТОЧНАЯ УГОРЩИНА	
(Топографическо-географическое описаніє)	291
РУСИНЫ ЛАБОРСКИЙ В УГОРЩИНІ	309
СВАДЄБНЬІ ОБРЯДЫ У ЛАБОРСКИХ РУСИНОВ	316
СВАДЄБНЬІ ЗВЫЧАЇ У ШАРИШСКИХ СЛОВАКОВ	335

ПУБЛИЦІСТИКА

АЛЕКСАНДЕР ДУХНОВИЧ крылошанин Пряшевский	339
ИЗ-НАД ЛАТЮРКИ Корреспонденция	343
О СОВРЕМЕННОМ ПОЛОЖЕНИИ РУССКИХ В УГРИИ	345
СЛОВАКИ И РУССКИЕ В СТАТИСТИКЕ ВЕНГРИИ	353
ЯЗЫК И СЛОВЕСНОСТЬ	358

ВИБРАНА КОРЕСПОНДЕНЦІЯ

Письмо Франтішку Яну ЄЗБЕРІ. 1864	363
Письма Михайлу Федоровичу РАЄВСЬКОМУ. 1865–1866	364
Письмо Володимиру ШАШКЕВИЧУ. 1866	371
Письмо Нілу Александровичу ПОПОВУ. 1866	372
Письмо Миколаю Миколаєвичу СТРАХОВУ. 1874	373
Письма Измаилу Ивановичу СРЕЗНЕВСЬКОМУ. 1876–1877	375
Письма Тимофію Дмитровичу ФЛОРИНСЬКОМУ. 1883–1884	380
Письмо Ивану СІЛВАЮ. 1883	383

ІЛУСТРАЦІЇ	385

ДОДАТКИ

I. Зазначки	403
II. Основы транслітерації творів А. Кралицького	418
III. Указовач имен и прозвищ	425
IV. Підписи до ілюстрацій	432

Портрет А. Кралицького на обкладинці книжки
од сочасного маляря, народного умільця України

Василя Скакандія

быв намалёваный у рамках проєкта
"Вызначні паставы карпаторусинського світа"
за підпоры русинсько-канадського філантропа
Стівена Чепы

Portrét A. Kralického na obálke knihy
od súčasného výtvarníka, národného umelca Ukrajiny,

Vasiľ'a Skakandija,

bol namaľovaný v rámci projektu
"Významné osobnosti karpatorusínskeho sveta"
za podpory rusínsko-kanadského filantropa
Stevena Chepu

Anatolij Kralický (1835–1894) – spisovateľ, publicista, historik, etnograf, mních gréckokatolíckeho Rádu sv. Bazila Veľkého, igumen Mukačevského kláštora. Zanechal po sebe viac ako 400 diel. Svojou nekonečnou tvorivou energiou, talentom spisovateľa-romantika a usilovnosťou letopisca sa zaradil k najlepším predstaviteľom karpatorusínskej literatúry obdobia národného obrozenia.

Kniha vybraných diel je v súčasnosti najkompletnejšou zbierkou jeho tvorivého dedičstva – najmä umeleckej prózy, ale tiež prekladov, memoárov, publicistiky a etnografických výskumov.

Recenzenti:

Doc. PhDr. **Vladimír Fenyč**, (Užhorodská univerzita)

Mgr. **Zdenka Citriaková**, PhD. (Prešovská univerzita v Prešove)

Zostavovatelia:

Mgr. **Valerij Pad'ak**, CSc.

Mgr. **Michal Pavlič**, PhD.

Predslov, prílohy, textové poznámky
a jazyková úprava (transliterácia)

Mgr. **Valerij Pad'ak**, CSc.

Realizované s finančnou podporou Fondu na podporu kultúry národnostných menšín.

ISBN 978-80-555-2344-6

Anatolij Kralický
Tvorba

Editori:

Mgr. **Valerij Pad'ak**, CSc.

Mgr. **Michal Pavlič**, PhD.

Menný register:

Larysa Pad'ak

Sadzba:

Vydavateľstvo Pad'ak s.r.o.

Dizajn a obálka:

Milan Pad'ak

Larysa Pad'ak

Jazyková úprava

Valerij Pad'ak

Vydanie:

1.

Počet strán:

440

Autorské hárky:

23,25

Náklad:

300

Vydal:

Vydavateľstvo Prešovskej univerzity

ISBN 978-80-555-2344-6

